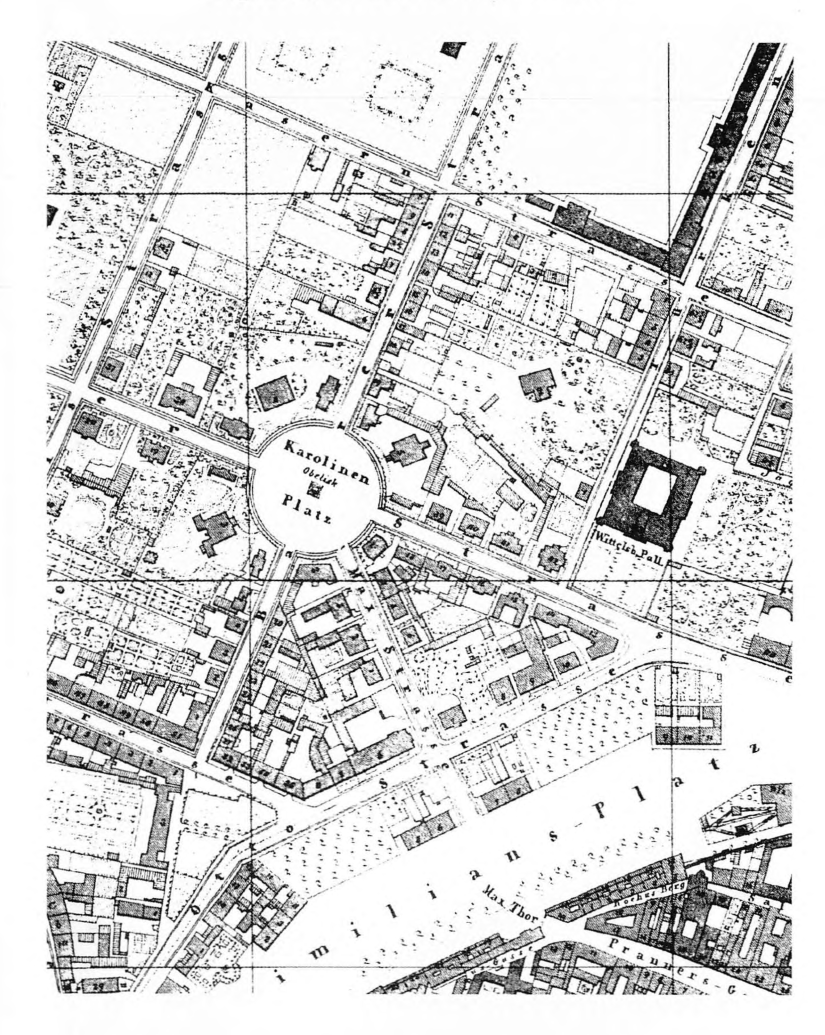
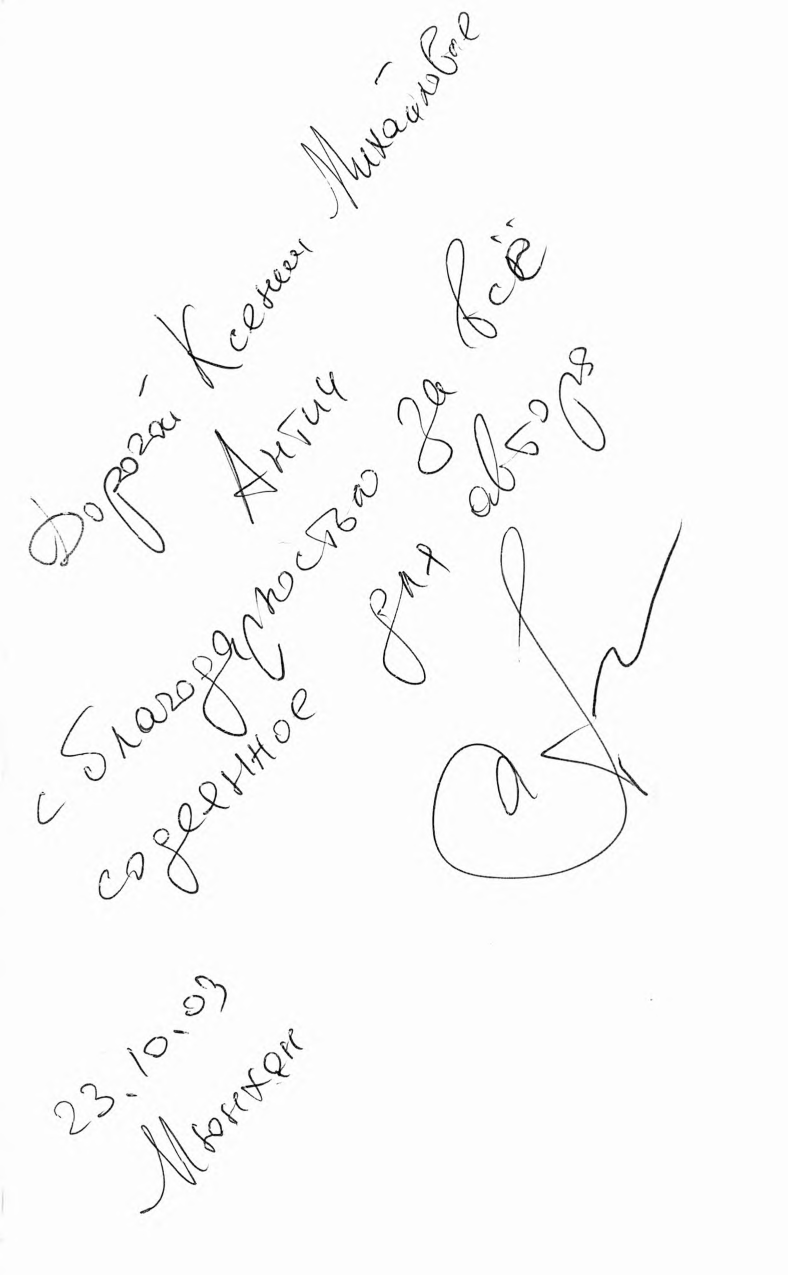
Аркадий ПОЛОНСКИЙ „ЗДЕСЬ ТЮТЧЕВ ЖИЛ...”

Аркадий ПОЛОНСКИЙ

„ЗДЕСЬ ТЮТЧЕВ ЖИЛ...”. РУССКИЙ ПОЭТ В МЮНХЕНЕ

Дорогой Ксении Михайловне
Антич
с благодарностью за всё
содеянное вами автора
23.10.03

К 200-летию со дня рождения
Фёдора Ивановича Тютчева

Аркадий ПОЛОНСКИЙ,
лауреат Всероссийской премии имени Ф. И. Тютчева

„Я более всего любил в мире:
отечество и поэзию“.

Ф. Тютчев

Российским музеям им. Ф. И. Тютчева
в Мураново и Овстуге,
главным хранителям памяти о великом поэте,
с глубоким уважением.

„ЗДЕСЬ ТЮТЧЕВ ЖИЛ...“.
РУССКИЙ ПОЭТ В МЮНХЕНЕ

Издание четвертое, дополненное, исправленное

КИЕВ
КМЦ «ПОЭЗИЯ»
2003

ББК 83.34 РОС1
П 52

Спонсором настоящего издания является туристское бюро «ГЛОБУС», организатор путешествий по тютчевским местам в Европе, руководитель – Тамара РАЙХ. Мюнхен, тел.: (+49 89) 523 89 442

Самое активное время жизни, с 18 лет до 41 года, (1822-1844), Фёдор Иванович Тютчев провёл за рубежом, из них 20 лет - в Мюнхене, куда он приехал на службу в российскую дипломатическую миссию при баварском королевстве. Здесь им были написаны почти 100 стихотворений о любви, философии бытия, баварской природе. Значительная часть биографических сведений, сообщенных в книге, обнаружены в немецких архивах, музейных, библиотечных фондах, частных собраниях.
Публикация ориентирована на широкий круг читателей.

Аркадий ПОЛОНСКИЙ, лауреат Всероссийской премии имени Ф. И. Тютчева
П 52 „*Здесь Тютчев жил...*“. Русский поэт в Мюнхене.
— К.: КМЦ “Поэзия”, 2003 — 352 с. 79 ил.

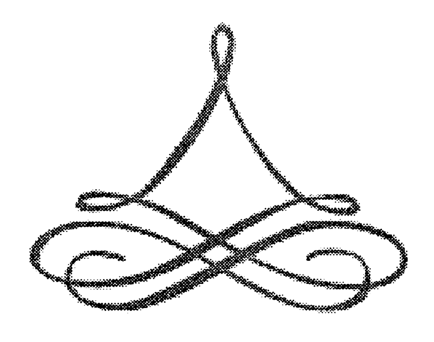
ISBN 966-7116-70-0

На обложке: фрагмент плана Мюнхена середины XIX столетия. На площади Каролины - Karolinen Platz - различим обелиск памяти тридцати тысяч баварцев, павших в России в 1812 году. В юго-восточной части площади находится восьмигранный дом Кирхмайера, в котором в 1832-37 гг. жил Ф. И. Тютчев.

ББК 83.34 РОС1

ISBN 966-7116-70-0

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Перед автором, жителем Мюнхена, стоит трудная задача сохранения беспристрастности исследователя в изучении мюнхенского периода жизни Федора Ивановича Тютчева. Постоянно ощущая незримое присутствие великого поэта России, автор находится во власти очищающего воздействия его поэзии и надеется на понимание читателями его субъективных, подчас эмоциональных оценок и суждений.

Автором опубликованы о Ф. И. Тютчеве три книги и десятки статей в Германии, России, СНГ.

В поисках сведений о русском поэте автору оказали содействие работники фондов Баварской государственной библиотеки, петербургской библиотеки РАН, музея «Новая Пинакотека», городских музеев Мюнхена и Фюрта, архивов Мюнхена (государственного, городского, литературного, военного, архитектурного, церковного, архива Виттельсбахов, пива), Регенсбурга, Дармшадта и других государственных, научных, учебных, общественных и религиозных учреждений, а также частные лица Германии, России, Англии, Италии, Швейцарии, которые поименно с благодарностью упомянуты в предыдущих изданиях.

При подготовке настоящего труда, дополненного результатами новых исследований, были бесценны консультации российских филологов-тютчевоведов: Татьяны Динесман, заведующей отделом «Литературного наследства» Института мировой литературы (Москва) и Светланы Долгополовой, Главного хранителя музея «Мураново» (Москва). Автор чрезвычайно обязан названным замечательным энтузиастам, которые многие годы посвятили исследованию и пропаганде творчества Фёдора Ивановича Тютчева.

Автор признателен кандидату филол. наук доценту Маргарите Жердиновской, переводчику французских и итальянских первоисточников (Мюнхен), и поэту-переводчику немецких стихотворных текстов Эрнсту Левину (Мюнхен).

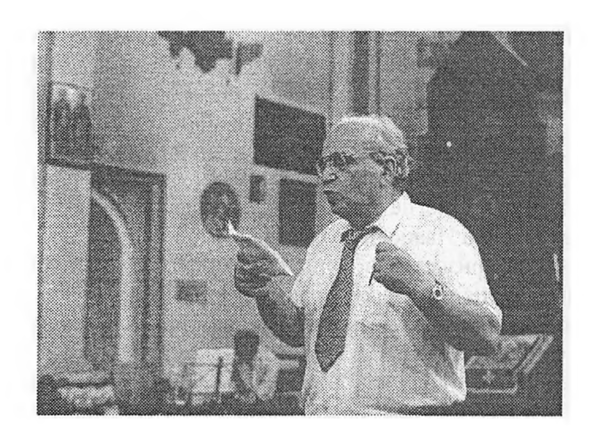
Особая благодарность землякам Фёдора Ивановича Тютчева, обаятельным овстужанам: В. Д. Гамолину и Б. М. Копырнову, гостившим в столице Баварии в октябре 1998 года и в июле 2001 года. Поэт и писатель В. Д. Гамолин поэтически откликнулся на яркие впечатления о тютчевских местах в столице Баварии. Первой строкой его стихотворения „*Здесь Тютчев жил...*“ названа одна из глав, которая озаглавила и всю книгу. Благодаря его неутомимой настойчивости, подвижнической деятельности, Россия обогатилась сокровищницей национальной культуры, музеем Ф. И. Тютчева на родине поэта в селе Овстуг (Брянщина), бессменным директором которого он является со дня основания в 1957 году. Борис Моисеевич Копырнов - вице-губернатор Брянской

области, хороший знаток и тонкий ценитель тютчевской и античной поэзии. Зажигательный добрый энтузиазм овстужан энергетически воодушевляет многих людей (в числе которых является и автор) к благородному деянию увековечения памяти Фёдора Ивановича Тютчева.

Десятки почитателей тютчевского творчества, проживающие в странах ближнего и дальнего зарубежья, установили с автором живительные для него связи. Трогательные письма корреспондентов с ценными пожеланиями и замечаниями придавали силы для завершения данного труда и оказали большую духовную поддержку, столь необходимую автору.

Усилия автора, поддержанные генеральным консульством РФ, правительством Москвы, русскоязычной диаспорой Германии, обществом русской культуры «MIR», увенчались установлением в Мюнхене двух мемориальных досок с именем великого поэта России.

Продолжая традицию немецкого переводчика поэзии Ф. И. Тютчева Генриха Ноэ (1835-1896), автор желает данному труду „*вставить еще одно, новое, крохотное колечко в большой цепи, соединяющей души, вопреки разделяющим их оболочкам*“ и содействовать дальнейшему укреплению дружеских связей между народами России и Германии.

Автор: Аркадий Эмильевич ПОЛОНСКИЙ, лауреат Всероссийской премии имени Федора Ивановича Тютчева, кандидат технических наук, кибернетик, родился в Киеве в 1930 году, живет в Мюнхене, журналист русско-немецкой прессы, исследователь биографии и творчества Ф. И. Тютчева. На фото Веры Беккер: выступление А. Э. Полонского 22 июля 1998 года в Сальваторкирхе по случаю открытия мемориальной доски с именем Ф. И. Тютчева.

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ НА ПРЕДЫДУЩИЕ ИЗДАНИЯ КНИГИ

ПОСТОЯННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГЕРМАНИИ: *„Многоуважаемый государь, ...Можно Вас поблагодарить за огромную работу, которую Вы проводите для русской культуры тут, в Германии. Кто хранит прошлое, у того и будущее. Ваш интерес к жизни и деятельности Фёдора Ивановича доказывает, какие тесные отношения имели Россия и Германия. Однако, к сожалению, для многих это остается неизвестным, а многие даже не хотят этого знать. ...Желаю благословения и мира душевного. Архиепископ Лонгин. Дюссельдорф. 04.01.2000".*

ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЮНХЕНЕ: *„Дорогой Аркадий Эмильевич! ...В Ваших трудах проявилось не только глубокое знание творчества выдающегося российского поэта и дипломата Ф. И. Тютчева, но и огромная любовь к нашему великому соотечественнику. Вам удалось объяснить чувства русского поэта к Баварии, их истоки, а также влияние этой прекрасной земли на его творчество. Ваши книги с особой индивидуальностью передают понимание творчества Ф. И. Тютчева, красоты его произведений. Читая их, лишний раз убеждаешься, насколько глубока и многогранна русская литература, насколько открыта окружающему миру русская поэзия. С искренним уважением, Генеральный консул России в Мюнхене М. А. Логвинов. Мюнхен. 29 июля 2000 года".*

МЕМОРИАЛЬНАЯ УСАДЬБА Ф. И. ТЮТЧЕВА: *„Дорогой Аркадий Эмильевич! Вчера получил бесценный дар: компакт-диск с записанной Вашей книгой о Тютчеве, мне посвященной и названной моей строкой «Здесь Тютчев жил...». Тронут до слёз. И откуда? Из тютчевского Мюнхена! Какой подарок к моему юбилею! Благодарю Вас сердечно. ... Душевно всегда с Вами. В. Гамолин, с. Овстуг. 28.12.99".* (Владимир Данилович Гамолин, директор-основатель музея в Овстуге, родился 21 января 1930 года, за заслуги перед Россией к 70-летию со дня рождения награждён «Орденом Знак Почёта».)

МУЗЕЙ-УСАДЬБА «МУРАНОВО» ИМЕНИ Ф. И. ТЮТЧЕВА: *„Дорогой Аркадий Эмильевич! Сердечно благодарю Вас за бесценный дар – Вашу книжечку о «мюнхенском» Тютчеве. Несомненно, что все Ваши архивные находки будут включены в «Летопись жизни и творчества Тютчева», над которой работает группа сотрудников музея, под руководством Т. Г. Динесман. Кроме исследователей, Вашими читателями будут все сотрудники музея и много других ценителей тютчевской поэзии. Главный хранитель музея, Светлана Долгополова. Мураново. 26.07.98".*

БАВАРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ (на нем. яз.): *„Многоуважаемый господин Полонский, в рамках «Московских дней в Баварии» 3-го июля в 17.45 на здании бывшего российского посольства в Мюнхене, Герцогшпитальштрассе 12, премьер-министр д-р Эдмунд Штойбер и бургомистр Москвы господин Юрий Лужков откроют в память о Фёдоре Тютчеве мемориальную доску, которая была изготовлена в Москве. Я с удовольствием могу сделать Вам это сообщение, потому что Вы его особенно заслужили благодаря Вашим открытиям в деятельности Тютчева и в области его работ. ...С дружеским приветом, Бертольд Флирл, советник министерства. Мюнхен. 14.06.1999"*.

МАРТИН-ЛЮТЕР-УНИВЕРСИТЕТ ГОРОДОВ ГАЛЛЕ И ВИТТЕНБЕРГА (на русс. яз.): *„Дорогой Аркадий Эмильевич! ...Книгу Вашу прочел с большим удовольствием. Более всего меня поразила Ваша любовь к фактам: действительно, гадать и фантазировать можно много и «плодотворно» на самые разные исторические и историко-литературные темы, но разве в этом призвание науки? Я думаю, что Ваша подвижническая преданность тютчевской тематике обязательно найдет признание в России. ...С искренним уважением, Ваш Владимир Янцен, доктор философии. Галле (Зале). 18.09.2000"*.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «PHILIPP RECLAM JUN.» (на русс. яз.): *„Дорогой господин Полонский, во время зимнего отпуска я с наибольшим интересом и наслаждением полностью прочитал Вашу книгу о мюнхенских годах Тютчева. Много занимательного, да и трогательного я из этого узнал. Сколько интересных исторических событий, человеческого счастья и горя. А сколько исследовательской работы Вы приложили (местами почти даже следовательской...), чтобы проникнуть и выяснить все биографические детали и тайны. К тому же обладаете тонким вкусом на поэзию – даже когда речь идет о немецких стихах! ...Шлю Вам сердечный привет и пожелание здоровья. Ваш Рихард Мюллер-Шмитт, поэт-переводчик, редактор издательства* «Philipp Reclam jun.». *Людвигсбург. 18.06.2002"*.

ЧИТАТЕЛЬНИЦА ИЗ РОССИИ: *„Многоуважаемый Аркадий Эмильевич! Я прочла Вашу книгу, не отрываясь. Дочери и зятю (он тоже литературовед, профессор университета) это еще предстоит. ...от имени нашей семьи выражаю Вам глубокую благодарность и пожелание дальнейших успехов. Лаура Виролайнен, литературовед. Петербург. 24.02.2001"*.

«РОДНАЯ РЕЧЬ», ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ГЕРМАНИИ: *„Глубокоуважаемый господин Полонский! Огромное спасибо за бесценные материалы о Тютчеве. Вообще с такой культурой работы, с такой обдуманностью публикаций мне, как редактору, почти не приходится сталкиваться. ...Успехов Вам в Вашей кропотливой и талантливой деятельности. С уважением, Ольга Бешенковская, главный редактор. Штутгарт. Январь 1999 года"*.

ВВЕДЕНИЕ

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече -
Душа моя! о, не вини меня!..
Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный...
Наступит ночь - и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

И. Ф. Тютчев

Фёдор Иванович Тютчев (23 ноября/5 декабря 1803 года, село Овстуг, Орловская губерния Брянского уезда - 15/27 июля 1873 года, Петербург), окончил в 1821 году Московский университет со степенью кандидата словесных наук. С 1822 года по 1837 год служил в российском дипломатическом представительстве при Баварском королевстве в Мюнхене, позже - два года при Сардинском королевстве в Турине. С 1839 года жил в Мюнхене в качестве частного лица. В 1844 году вернулся в Россию. Состоял на государственной службе, в основном, в штате Министерства иностранных дел. Сохранилось около четырехсот стихотворений, цикл публицистических статей и более тысячи писем. В брак вступал дважды: в 1829 году и 1839.

„*Странная вещь - судьба человеческая! Надобно же было моей судьбе вооружиться уцелевшей Остермановской рукой, чтобы закинуть меня так далеко от вас!*" - восклицал Тютчев в письме к родителям из Мюнхена. Он расстался с кругом друзей, многие из которых были начинающими литераторами.

Граф Александр Остерман-Толстой (1770-1857), родственник матери, Екатерины Львовны (урожд. Толстой), протежировал Фёдору Ивановичу на дипломатическом поприще на службу его в Мюнхене. Из Москвы граф в середине июля 1822 года сопровождал Фёдора Ивановича в столицу Баварии. Здесь сверхштатно, т. е. без оклада, Тютчев был определён чиновником с обязанностями атташе в российское представительство. С Тютчевым приехал слуга-дядька Николай Афанасьевич Хлопов.

Во время Отечественной войны граф в чине генерал-лейтенанта командовал 4-м пехотным корпусом. В битве под Кульм-Ноллендорфом 30 августа 1813 года в результате тяжелого ранения граф лишился руки. За участие в этом сражении он и все остальные 11200 участников битвы получили особые награды прусского короля Фридриха Вильгельма III, Кульмские кресты, приравненные в Пруссии к Железному офицерскому кресту.

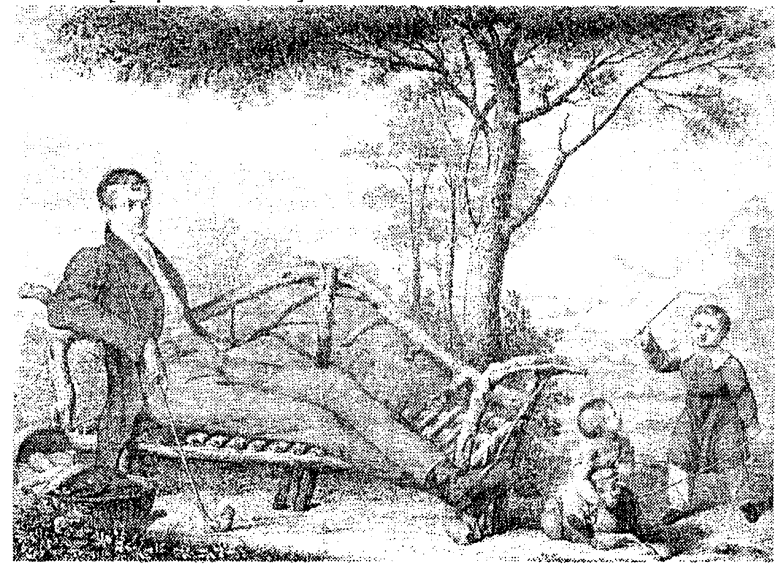
Граф Андрей Иванович (Генрих-Иоганн-Фридрих) Остерман (30.05.1686 - 20.05.1747).

Родоначальником Остерманов считается пастор Johann-Konrad Ostermann из города Бохум в Вестфалии, сыновья которого Иоганн-Христофор-Дитрих и Генрих-Иоганн-Фридрих в начале XVIII века прибыли в Россию. Иоганн принят был преподавателем немецкого языка к дочерям царя Ивана Алексеевича: Екатерине, Анне (будущей императрице) и Прасковье. Обучил языку он хорошо. Во всяком случае, Анна вполне смогла объясниться с герцогом Карлом-Леопольдом Мекленбургским. Герцог был очень доволен, охотно женился на российской царевне, возвёл воспитателя в баронское достоинство (в 1821 году) и забрал его в Мекленбург.

Некоторое время Иоганн представлял интересы мекленбургского двора в России. С воцарением Елизаветы Петровны, которая враждебно относилась к Остерманам, Иоганн вернулся навсегда в Германию.

Линия жизни его младшего брата, Генриха, сложилась иначе. Генрих в 1704 году поступил на службу в русский флот, отличился в кампании на Пруте, завоевал доверие Петра I, по приказу которого участвовал в мирных переговорах в Нойштадте. 30 августа 1721 года Пётр I пожаловал Генриху (в России - Андрею Ивановичу) Остерману баронское достоинство и чин тайного советника. При Екатерине I Остерман был награждён Андреевской лентой, стал действительным тайным советником, вице-канцлером, членом верховного тайного совета. 28 апреля 1730 года императрица Анна Иоановна возвела Остермана в графское достоинство и пожаловала кабинет-министром, при Иоанне Антоновиче - генерал-адмиралом. Остерман стал главным идеологом внешней политики России.

Граф Андрей Иванович и его потомки „*прославили имя свое службой и трудами, подъятыми на пользу Российского Престола*". [Бобринский, 462] «Родословная книга князя Долгорукова» добавляет: „*Муж истинно-гениальный, первый дипломат своего века, граф Остерман, был в эту эпоху для России на поприще дипломатическом тем самым, чем был Миних на поприще военном и государственном: проницательный и дальновидный в изумительной степени, министр глубокомысленный, сановник бескорыстный, истинно преданный своему новому отечеству, граф Остерман обессмертил имя свое в летописях России*". [Бобринский, 463]

Александр Иванович Остерман-Толстой. 1827. [ТА, 104]

Не будем оспаривать сей панегирик, но в связи с упоминанием имени фельдмаршала Миниха, предка одной из ветвей клана баронов Крюденеров, дополним, что Остерман и Миних были не только коллегами на государственном поприще, но и соперниками. Это обстоятельство, в конце концов, их едва обоих не привело на плаху, но завершилось Сибирью, где Остерман на берегу Оби завершил свои дни. Младший сын его, Иван Андреевич (1725-1811), стал вице-канцлером и президентом коллегии иностранных дел. Граф Александр Иванович Остерман-Толстой приходился родственником Ивану Андреевичу. Этим давним семейным связям по материнской линии Фёдор Иванович Тютчев обязан своей жизненной карьерой, которая началась прибытием в Мюнхен 11/23 июля 1822 года в представительство, возглавляемое графом Иваном Воронцовым-Дашковым. [Летопись 1999, 57]

Первый биограф Тютчева, Иван Аксаков (Иван Сергеевич был женат на старшей дочери Тютчева, Анне), сообщает, что семейное предание выводит родоначальника Тютчевых по отцовской линии из Флоренции. [Аксаков 1884] В российском «Родословном сборнике» впервые упоминается Захарий Тютчев в 1380 году в качестве посланца князя Дмитрия к хану Мамаю. Всего в родословной более 250 Тютчевых-мужчин, Фёдор Иванович - 152-й представитель своей фамилии. Тютчевы жили в европейской России и на Украине. Были среди них военные, стряпчие, помещики и просто жильцы в *начальных людях.*[1] По более подробной родословной, учитывающей лиц обоего пола, Фёдор Иванович потомок Захария в XVII колене, 175-й представитель Тютчевых. [Алексеев, 176]

Иван Аксаков (1823-1886), известный литератор и издатель, пытался понять жизнь молодого Фёдора Ивановича на чужбине: „*Представим себе его одного, брошенного чуть не мальчиком в водоворот высшего иностранного общества, окруженного всеми соблазнами большого света, искушаемого собственными дарованиями, .., - наконец, любимого женщинами, с сердцем падким на увлечения... Как, казалось бы, этой 18-летней юности не поддаться обольщениям тщеславия, даже гордости?*". Эти строки были написаны в 1884 году, через 13 лет после смерти Тютчева. Иван Сергеевич один из немногих, кто при жизни Фёдора Ивановича высоко оценил феномен его выдающейся поэзии, хорошо понимал величие таланта Тютчева, оценивал по достоинству его место в русской культуре. И. Аксаков тщательно и долго вынашивал образ ушедшего поэта, формировал для потомков свое понимание его личности. Жизненный путь поэта не был прямым: зигзаги и проселки, тропы и тропинки, то исчезали, то возникали вновь в неожиданном месте. Иван Аксаков, способный литератор, многолетний помощник и коллега Федора Ивановича, член семьи Тютчевых, более других из тютчевского окружения подходил для создания биографии поэта. Уже через два месяца после смерти Тютчева Иван Сергеевич писал Екатерине Фёдоровне, дочери Федора Ивановича: „*...Теперь требуется более подробная оценка его поэзии и его философско-политических убеждений, - нужен биографический очерк, но его биография - трудное дело; она богата не столько внешним, сколько внутренним содержанием, а в этом содержании главное место принадлежит той стороне его жизни, которая менее всего может быть раскрываема публике. „L'abus des affections humaines"*[2] *- выражение или, вернее, определение самого себя, так часто им повторяемое в письмах, - это характеристическая черта его жизни и нравст-*

[1] Более подробно см. исследование [Чагин 1998].

[2] „*Чрезмерная склонность к сердечным привязанностям*" фр.

венной физиономии, объясняющая столь многое в его стихах, в его бытии, - обо всем этом должно быть умолчано". [ЛН2, 429 (Пигарев, Динесман)]

С этим завещанием в 1903 году выразил несогласие большой почитатель тютчевского творчества поэт Валерий Брюсов: „*Мы привыкли к созданному Аксаковым образу; он сроднился с именем Тютчева; мы просто не можем себе представить его иным. Между тем «Биография» Аксакова - не более как „легенда о Тютчеве", красивая, увлекательная, но недостоверная*".

Сын Фёдора Ивановича и Елены Александровны Денисьевой, писатель Фёдор Фёдорович Тютчев (1860-1916), придерживался аналогичной точки зрения в оценке работы Аксакова: „*Вскоре после смерти Ф. И. Тютчева известный славянофил Иван Сергеевич Аксаков написал замечательную книгу под названием «Биография Ф. И. Тютчева» ...книга эта, как биография, страдает одним существенным недостатком: она далеко не выясняет нам характера Ф. И. Тютчева во всей его полноте<...> Причина, о которой я заговорил и которая, как тормоз, задержала Фёдора Ивановича на его блестящем поприще, было его какое-то особенное, даже редко встречающееся в такой степени, обожание женщин и преклонение перед ними...*". Эти мнения ныне принадлежат истории литературы.

Немногие литературоведческие исследования и отдельные воспоминания относятся к зарубежному периоду жизни поэта. Аксаков прямо указывает, что особенно мало сведений „*о первых десяти годах его заграничного существования*". Далее биограф замечает, „*что вообще его частная жизнь была не бедна личными романтическими драмами, не представляющими, впрочем, никакого интереса для наших читателей*". Верный сформулированному им принципу умолчания Аксаков не пишет, что рождением многих шедевров любовной лирики потомки обязаны именно *личным романтическим драмам* поэта. Уточним, что почти все романы и увлечения Тютчева завершались личными драмами и подчас трагедиями.

Понять молодого Тютчева через его семейные отношения, через образы его самоотверженных спутниц - первой жены Элеоноры (по-домашнему Нелли), второй жены Эрнестины (Нести), красавицы Амалии, свояченицы Клотильды (сестры Элеоноры) - помогают те немногие письменные свидетельства, которые уже увидели свет.

В книге уделено много места тютчевской поэзии, рождённой в Баварии. Читатель совершит прогулки по баварской столице, в которой Фёдором Ивановичем прожиты лучшие годы. Не забыты немецкие родственники, друзья, а также почитатели творчества.

ЖЁНЫ

- НЕЛЛИ

„...эта слабая женщина обладает силой духа, соизмеримой разве только с нежностью, заключённой в её сердце...".

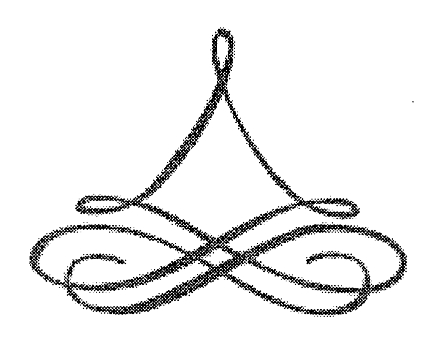
Ф. И. Тютчев

Графиня Элеонора-София-Луиза-Христина фон Ботмер (7/19 октября 1800, Кассель – 28 августа/9 сентября 1838, Турин) выросла в аристократической семье. Её отец – граф Карл фон Ботмер (1770-1845), в 1804-1808 гг. Вюрттембергский посланник в Мюнхене. Мать Антуанетта (1777-1826), – из рода баронов Ганштейнов. В семье Ботмеров Элеонора была старшей из 12 детей.

Первым её мужем стал российский дипломат Александр Йоханн Петерсон. Венчание состоялось в Мюнхене 15 декабря 1817 года, по лютеранскому обряду, в Сальваторкирхе. В этом браке было рождено четверо сыновей: Карл (1818-1875), Оттон (1820-1883), Александр (1823-?) и Альфред (1825-1860). [Летопись 1999, 80]

6 октября 1825 года Александр Йоханн Петерсон скончался в Нюрнберге. [BayHSA Grafen, M7]

Элеонора обвенчалась с Фёдором Ивановичем Тютчевым в начале 1829 года. У них родились три дочери: Анна (1829-1889), Дарья (1834-1903) и Екатерина (1835-1882).

--- ВЕНЧАНИЕ

„Я считал её настолько необходимой
для моего существования, что жить без нее
мне казалось невозможным,
все равно как жить без головы на плечах...".

Ф. И. Тютчев дочери Анне 4/16 мая 1846 года.

...5/17 февраля 1826 года после длительного отпуска Тютчев возвращается из России в Мюнхен. Ему едва минуло 22 года. За время отсутствия Фёдора Ивановича его романтическая любовь, красавица Амалия, стала баронессой Крюденер.[1]

Элеонора Петерсон (1800-1838), урожденная графиня фон Ботмер, во втором браке Тютчева. Миниатюра Й. Шелера, 1827?

Тютчев - светский остряк и любимец салонов, изведал пустоту, одиночество и неустроенность холостяцкой жизни. История отношений между Фёдором Тютчевым и его будущей женой, Элеонорой Петерсон, которая была старше его на три года и имела уже четверых детей, полна неясностей и домыслов. Свою немалую лепту запутанности внёс зять Фёдора Ивановича, Иван Сергеевич Аксаков. Его свидетельства всегда воспринимались с полным доверием. Между тем, описывая первые годы жизни Тютчева в Баварии, Иван Сергеевич располагал весьма скудными семейными воспоминаниями, приблизительной датировкой событий и письменными свидетельствами, допускающими вольное их понимание. Основательный литературный труд Аксакова был все-таки недостаточно полным из-за отсутствия многих документов, обнаруженных позже.

Для Аксакова главными источниками сведений о молодом Тютчеве были семейные воспоминания, немногие документы, в т. ч. очень важные письменные свидетельства, сделанные *дядькой* Никола-

[1] См. статью «Амалия».

ем Афанасьевичем Хлоповым на обратной стороне иконы Феодоровской Божьей Матери «Взыскание погибших». По версии Аксакова все эти записи слуга-воспитатель Тютчева сделал в Мюнхене.

О роли Николая Афанасьевича в жизни юного Тютчева часто вспоминал Фёдор Иванович и члены его семьи. Биограф сравнивал Николая Хлопова с пушкинской няней: „*Этим няням и дядькам должно быть отведено почетное место в истории русской словесности. В их нравственном воздействии на своих питомцев следует, по крайней мере отчасти, искать объяснение: каким образом в конце прошлого и в первой половине нынешнего* (т. е. XIX - А. П.) *столетия в наше оторванное от народа общество - в эту среду, хвастливо отрекавшуюся от русских исторических и духовных преданий, пробирались иногда, неслышно и незаметно, струи чистейшего и народного духа!*".

Дядька-воспитатель вёл на упомянутой иконе свой памятный реестр значительных событий в мюнхенской жизни Тютчева. Трогательна последняя надпись: „*В память моей искренней любви и усердия к моему другу Фёдору Ивановичу Тютчеву. Сей образ по смерти моей принадлежит Ему. Подписано 1826 марта 5-го. Николай Хлопов*". Эту надпись Аксаков истолковал как прощальную, полагая, что она сделана перед отъездом Хлопова в Петербург якобы в связи с женитьбой Тютчева в названную дату 5-го марта.

В «Комментарии» к современному репринтному переизданию аксаковской «Биографии Ф. И. Тютчева» цитируется запись из «Метрической книги» московской церкви Николая Чудотворца от 16 мая 1826 года: „*В доме г. Надворного советника Ивана Николаевича Тютчева умре вольноотпущенный дворовый человек Николай Афанасьев, 56 лет, от расслабления желудка...*“. [Аксаков 1997, 58] Николай Афанасьевич Хлопов был похоронен на Калитниковском кладбище в Москве. Болезнь была очень тяжёлой (возможно, рак) и скончался воспитатель Фёдора Ивановича не внезапно, не в одночасье. С большой долей уверенности можно утверждать, что больной Хлопов весной 1826 года по состоянию здоровья не мог сопровождать Фёдора Ивановича из Петербурга в Мюнхен с тем, чтобы самому через месяц отправиться в нелёгкую обратную дорогу. Если данное соображение справедливо, то 5-го марта Хлопова не было в Мюнхене. Следовательно, дарственная надпись на иконе сделана им в России, в отсутствии там Тютчева и поэтому не может являться датой их расставания в Баварии и, соответственно, датой соединения Фёдора Ивановича и Элеоноры. Но необходимо объяснение полного совпадения почерка, чернил и пера на **всех** иконных надписях, часть из которых, согласно Аксакову, была выполнена Хлоповым заведомо в баварской столице.

Разгадка противоречий аксаковской версии возможна при одном условии: икону из Петербурга в Мюнхен **никогда** не перевозили, **все** без исключения тексты на ней составлены Хлоповым в одном го-

роде, в Петербурге, в один день, 5 марта 1826 года. Это не дневниковые описания события в день его свершения, а краткие тексты-воспоминания в прошедшем времени. Читаем: например, надпись в верхнем левом углу о ссоре предположительно из-за Амалии: „*Генваря 19, 1825 г. Федор Иванович должен помнить, что случилось в Мюнхене от его нескромности, и какая грозила опасность*". В нижнем левом углу: „*20 Генваря, то есть на другой же день кончилось благополучно*". Но ведь совершенно очевидно, что эти тексты не написаны 19-го и 20-го января 1825 года. Умирающий воспитатель оставил своему питомцу назидание-напоминание на иконе, которую завещал, и которая должна была оставаться в семье навсегда. На пяти листках шесть надписей. На всех памятные даты, но только одна надпись безусловно соответствует дате её составления: это завещательная надпись „*...подписано 1826 Марта 5-го*". Остальные составлены одновременно с завещательной „в один присест", сделаны одним пером и чернилами, единообразно оформлены на одинаковых листках бумаги, в одном положении руки. То есть 5/17 марта, всего через месяц после приезда Тютчева в Мюнхен из отпуска, фактически ещё чужие друг другу Фёдор Иванович и Элеонора Петерсон не соединяли свои судьбы. С этой точки зрения особо чувствуется неправдоподобность версии Аксакова о значительности названной даты в биографии Тютчева.

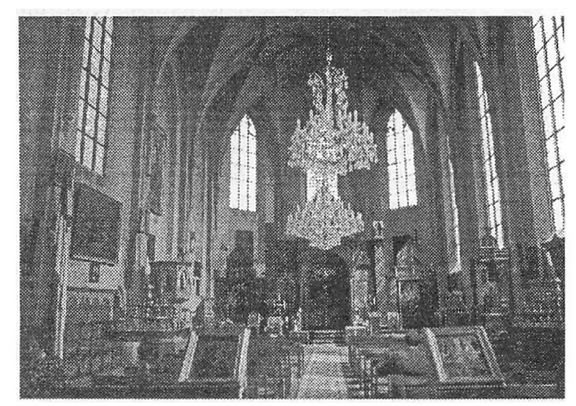
Но когда всё-таки Фёдор и Элеонора сблизились? Противоречивых сведений по этому поводу сколько угодно.

Сам Тютчев вёл отсчёт семейного стажа приближенно от 1826 года. Точнее, до месяца или времени года, это событие датировать трудно. В апрельском письме 1837 года он пишет родителям: „*...за **одиннадцать лет*** (здесь и ниже выделено мной. А. П.) *не было ни одного дня в её жизни...*". Как округлял Тютчев время в данном случае, неясно. Из текста письма Жуковскому в октябре 1838 года следует, что начало семейной жизни также относится к 1826 году: „*Пережить все, чем мы жили - жили в протяжении целых **двенадцати лет**...*". Слово *целых*, эмоционально окрашивая личную драму, которой посвящено письмо, может содержать и подсознательный подтекст, из которого следует более точный срок. Дело в том, что 13 октября 1826 года скончалась мать Элеоноры, Антуанетта. Её длительная болезнь с трагическим завершением, несомненно, повлияла на начало союза Тютчева и Элеоноры, отодвинув его ближе к концу года.

В сборнике стихов Тютчева на немецком языке, который был издан в Мюнхене в конце 1861 года, переводчик Генрих Ноэ в «Предисловии» сообщает: „*В Мюнхене в 1827 году он* (Тютчев) *сочетался браком с вдовствующей госпожой фон Петерсон*". [Noe 1861, 2] Стиль текста «Предисловия» даёт основание полагать, что действительным его автором являлся не 24-летний библиотекарь Ноэ, который Тютчева фактически не знал, а барон Карл Пфеффель, брат второй жены Тют-

чева, Эрнестины. Он был знаком с Фёдором Ивановичем с 1830 года, близок с ним все последующие годы и о жизни молодого Тютчева был осведомлён, во всяком случае, не менее Аксакова. Пфеффель по памяти - вероятно, со слов Эрнестины или Тютчева - сообщал Генриху Ноэ биографические сведения о Фёдоре Ивановиче.

Вышеизложенное позволяет предположить, что соединение судеб Тютчева и Элеоноры относится, вероятнее всего, к периоду конца 1826 года, но не позднее начала 1827. Однако граф Карл Ботмер в биографии, написанной для детей в 1827 году, имя Тютчева не упоминает. [Bothmer]

Внутреннее пространство Сальваторкирхи. Здесь 27 января/8 февраля 1829 года венчались Фёдор Иванович Тютчев и Элеонора Петерсон. Иконостас изготовлен по проекту зодчего Лео Кленце.

1 апреля 1828 года Генрих Гейне писал из Мюнхена в Берлин литератору Варнгагену фон Энзе: *„Kennen Sie die Tochter des Grafen Bodmer in Stuttgart, wo Sie doch oft gewesen sind? Eine derselben, schon nicht mehr ganz jung, aber unendlich reizend und heimlich vermählt mit meinem liebsten Freunde hier, einem jungen russischen Diplomaten namens Tutscheff...“*. (*„Знаете ли Вы дочерей графа Бодмера в Штутгарте, где Вы часто бывали? Одна уже не очень молодая, но бесконечно очаровательная, негласно замужняя за моим лучшим другом, молодым русским дипломатом Тютчевым, и её очень юная красавица-сестра, вот две дамы, с которыми я нахожусь в самых лучших и приятных отношениях*"). *Юная красавица-сестра* - это 19-летняя Клотильда, *лучшие отношения* с которой завершились для Гейне и немецкой поэзии стихотворениями, включенными в цикл «Новая весна».[1] Клотильда, восьмой ребёнок в семье графа Ботмера, была на 9 лет младше Элеоноры. Судьбы двух сестёр будут тесно переплетены и связаны с Россией. Гейневская фраза о негласном браке, или даже *тайном* (как часто переводят слово

[1] См. примечание к многотомнику [Heine 1983, 346-347].

heimlich), Элеоноры и Фёдора доставила головную боль многим исследователям-биографам и дала неограниченный простор для фантазии при её толковании.[1]

По правилам, принятым в российском министерстве иностранных дел, чиновник, желающий вступить в брак, должен получить разрешение на таковой акт от первого лица учреждения, т. е. министра. Это разрешение подлежало затем утверждению первым лицом государства – царём. К моменту, когда Гейне сообщал в Берлин о своей дружбе с Тютчевым, Фёдор Иванович ещё не обращался к Нессельроде с просьбой о разрешении вступить в брак.

В свете упомянутого правила можно истолковать фразу Гейне, например, таким образом, что в силу каких-то обстоятельств Тютчев **венчался, не испросив предварительно разрешения** у петербургского начальства, и в этом смысле брак мог пониматься как тайный. Эту точку зрения высказывают авторы издания «Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева». [Летопись 1999, 301] Но их суждения касаются только лютеранского венчания. О венчании же по православному обряду сомнений нет, т. к. таковое произошло позже вполне легитимно. Дело в том, что по церковному порядку при вступлении в брак супругов разных христианских вероисповеданий венчание должно выполняться по обрядам обеих конфессий. Следует заметить, что женитьба без дозволения начальства была серьёзным должностным проступком и могла привести к непредсказуемым неприятностям в дипломатической карьере Тютчева, которой он вне всякого сомнения очень дорожил.[2] В биографии аристократически воспитанного, законнопослушного Фёдора Ивановича вообще не известны случаи рискованного поведения. Он не слыл храбрецом, не дрался ни на кулаках, ни на пистолетах и в сложных житейских ситуациях предпочитал компромиссы или бегство с места события. Вышеупомянутый Карл Пфеффель через много лет писал сестре о Фёдоре Ивановиче, что её муж - единственный известный ему человек, который не имеет врагов. Это было не слишком большим преувеличением. Тютчев, особенно в первые трудовые годы, нуждался в покровителях, каковыми всегда выступали его непосредственные начальники. В министерских же кругах, включая министра Карла Нессельроде, дружественных отношений к нему пока ещё не питали, авторитет дипломата к нему приходил неторопливо, в чинах и должностях он рос медленнее своих коллег. Первым лицом в миссии (сардинской, в Турине) он будет ещё нескоро, кратко-

---

[1] Странно, но Ю. Тынянов, скрупулезно исследовавший творчество и биографии обоих поэтов, цитируя названное письмо Гейне, этой фразе не придал значения и никак ее не прокомментировал. [Тынянов 1977, 360]

[2] См. в настоящей книге эпизод бракосочетания российского дипломата П. А. Крюденера в статье «Павел-Людвиг Крюденер».

временно и неудачно. Пройдут десятилетия, пока слово Тютчева станет весомым... Возможно иное понимание слов Гейне: Фёдор Иванович и Элеонора **жили невенчанными**, не афишируя в обществе действительного своего семейного устройства. Если кто-то и узнавал правду, то при королевском дворе и в высшем свете Баварии такая форма брачных отношений не была редкостью, не считалась аморальной и, во всяком случае, остракизму не подвергалась.[1]

Видимость респектабельного брака была вполне на лицо. Одним домом вместе с Фёдором Ивановичем и Элеонорой какое-то время жили также четверо детей Элеоноры от первого брака, двое слуг и Клотильда. Родители Элеоноры были обременены большой семьёй. Ко времени кончины её матери (13 октября 1826 года) младшему брату Элеоноры, Максимилиану, было всего 7 лет. В доме не стало хозяйки, и отец вынужден был срочно вступить во второй брак (с Терезой Коппенфельс). [BayHSA Grafen, B9 (Bothmer).] Уход из семьи Элеоноры (с детьми) и Клотильды был только облегчением для их отца, графа Карла.

Выскажем еще одно соображение.

Феденька с детства привык к материнской ласке и опеке, к которой потом долго тяготел. Такое воспитание предопределило его привязанности к женщинам с сильным чувством материнской любви и заботы. Юноша Фёдор своей беспомощностью в практической жизни вызывал сочувствие прагматичной многодетной вдовы. Ее четверо сирот нуждались в отце. Элеоноре вполне могла принадлежать инициатива создания их союза, и она стала женой-мамой неумелому Фёдору. Вопросы религиозного оформления брака её не беспокоили: она не сомневалась, что всему наступит свой черед и Фёдора до поры не торопила... Полную ясность в историю лютеранского венчания Фёдора Ивановича могут внести только документальные свидетельства, кото-

---

[1] В тютчевскую бытность в Мюнхене в среде аристократии неосвящённые церковью браки были довольно часты. Тютчев писал 10-го декабря 1852 года Эрнестине: „*Быть может, ты помнишь князя Трубецкого, которого мы знали в Мюнхене и о котором говорили, что он женат на Тальони. Женат он не был, но в течение многих лет открыто жил с нею и, так же открыто, имел от нее ребенка...*“. Князь А. С. Трубецкой (1813-1889) длительное время состоял в незарегистрированном браке с танцовщицей Марией Тальони. Об отдельных эпизодах нравов баварского двора см. также в статье «Графы Д'Арко-Валле». Названные отдельные примеры моральных устоев дополним официальной статистикой. Согласно переписи населения 1868 года, число незаконных рождений в Баварии составляло 22,2%. По семейному состоянию в 1885 году насчитывалось 61,4% холостых, 32,9% состоящих в браке, 5,7% вдов или разведенных. [ЭС, 616]

рых пока нет. Предположения о венчании в Париже [Летопись 1999, 300] или в Штутгарте не подтвердились. [1]

Но вот в семейной жизни Тютчевых произошло то, что нормально должно было произойти: Элеонора готовилась стать матерью. 15/27 августа 1828 года поверенный в делах России в Мюнхене барон А. Крюденер пишет графу К. Нессельроде: „*Г-н Тютчев, Камер-юнкер Его Императорского Величества, нашего августейшего Повелителя, обратился ко мне, дабы через мое посредство снискать позволение Правительства на брак с г-жой Элеонорой Петерсон, вдовой действительного Статского Советника Петерсона, урожденной графини Ботмер, протестантского вероисповедания. После того, как сей чиновник представил убедительные свидетельства того, что его будущая супруга не владеет никаким недвижимым имуществом за границей, я имею честь представить его прошение вашему Превосходительству и со своей стороны прошу, чтобы после получения разрешения священник Ее Императорского высочества Марии, Великой Герцогини Веймарской, совершил сие Бракосочетание*“. Разрешение от Нессельроде пришло 7/12 сентября, Высочайшее соизволение - 17/29 ноября. [Летопись 1999, 81-82] С 30 сентября 1828 года подоспело от-

---

[1] Из письма английского филолога Джона Дьюи автору от 08.12.2001: „*Директор лютеранского культурного центра (centre culturel luthérien) в Париже, пастор Алан Жоли (Alain Joly), сообщил мне в письме ко от 10 июля 2001, что в метрических книгах парижской лютеранской церкви за 1826 и 1827 гг. бракосочетание Тютчева и Элеоноры не зарегистрировано. Другое письмо (без подписи) от парижского местного синода (synode régional de Paris) лютеранской церкви Франции, датированное 28 сентября 2001, также подтверждает отрицательный ответ. В письме сообщается, что в Париже был тогда единственный лютеранский храм, в районе ??? les Poillettes* (??? – неразборчиво в тексте – Д. Д.). *В обоих письмах высказываются соображения, что в то время иногда совершались лютеранские бракосочетания и в часовнях иностранных посольств в Париже*“.

Как правило, это были бракосочетания оказавшихся во Франции сограждан данных посольств. Интересно представить обстоятельства, при которых Фёдор Иванович мотивировал бы в посольской часовне какого-нибудь протестантского государства свое желание венчаться именно в их часовне, а не в парижском храме?! Проф. Тюбингского университета д-р Людольф Мюллер по просьбе С. А. Долгополовой (музей «Мураново») обратился 15 декабря 2001 года в центральный архив вюртембергской евангелической церкви в Штутгарте с просьбой установить, сочетался ли Тютчев в 1826-27 гг. браком с Элеонорой Петерсон, урожд. графиней Ботмер. Через три дня пришел ответ: „*Многоуважаемый проф. Мюллер,.. Мы проработали все указатели и фамильные списки Штутгарта, но имя Тютчева не нашли. Мы заключаем, что венчание в Штутгарте не состоялось. Д-р. Герман Эмер, директор центрального церковного архива. 18 декабря 2001*“.

крытие православного богослужения в мюнхенской церкви святого Сальватора, и необходимость путешествия в Веймар отпала.

Старинная Сальваторкирха была построена в 1494 году как кладбищенская церковь, приданная главному католическому собору Мюнхена, Фрауенкирхе. На её кладбище были захоронения многих выдающихся людей, в том числе отца Робеспьера, преподавателя французского языка. В знак уважения борьбы греков за свою независимость против Турции король Людвиг I Баварский решил подарить церковь св. Сальватора греческой православной общине. Бавария считала себя правопреемницей Священной Римской империи, наследницей античной культуры, и во внешней политике на Балканах солидаризовалась с Россией. 20 октября 1827 года союзные корабли, в числе которых была большая российская эскадра, в сражении в бухте Наварино разгромили турецко-египетский флот. Свою благодарность России король Людвиг I выразил в стихах, тютчевский перевод которых был депешей отправлен в Россию.

27 января/8 февраля 1829 года, после длительной совместной жизни при весьма заметной беременности Элеоноры в церковных актах Сальваторкирхи появилась, наконец, (для спокойствия дискутирующих потомков) запись о венчании Тютчевых. [SA, Taufregister, 71] На обряде венчания присутствовали родственники, друзья-дипломаты. Венчал Тютчевых священник Григориос Калаганнис, недавно прибывший с о. Лесбос.

По поручению Николая I министром двора и уделов князем П. В. Волконским были переданы мюнхенской греческой православной церкви св. Сальватора дары церковной утвари, всего 38 предметов. Список даров составлен лично князем на русском и французском языках 6 / 18 апреля 1829 года. [Bayer. Hauptstaatsarchiv, MA 84 4140][1]

21 апреля/3 мая 1829 года родилась дочь Анна, первенец Тютчевых, будущая жена писателя Ивана Аксакова. Через три недели её крестили в церкви св. Сальватора. В православной Сальваторкирхе будут крещены все дети Тютчева, рожденные в Мюнхене.

Как указано в упомянутом письме барона Крюденера, Элеонора была *протестантского вероисповедания*. Первый брак лютеранки Элеоноры с лютеранином Александром Петерсоном, был освящен 15 декабря 1817 года по лютеранскому обряду в Мюнхене. В Мюнхене в то время была единственная лютеранская церковь, та же самая Сальваторкирха![2] Тесноватая для 1200 членов лютеранской общины неотапливаемая церковь без пристроек для школы и других учреждений

---

[1] В [Летописи 1999, 93] ошибочно указан „*Греческий православный храм св. Николая*". Такой церкви в Мюнхене нет.

[2] Лютеранская община была зарегистрирована в 1806 году. 11 декабря того же года католическая церковь св. Сальватора была передана лютеранам.

была принята без энтузиазма. После длительных проволочек 5-го августа 1827 года был заложен первый камень лютеранской церкви Св. Матвея (автор проекта Йоганн Перч), строительство которой завершено 25 августа 1833 года. С этого времени Сальваторкирха полностью перешла в ведение православных греков. 16 сентября 1834 года Фёдор Иванович присутствовал на воскресной лютеранской мессе в Тегернзее и написал ироническое стихотворение „*Я лютеран люблю богослуженье...*". Небогатое убранство храма, по мнению Тютчева, соответствует бедности идей протестантизма. В Тегернзее не было тогда лютеранской церкви и богослужения проходили дважды в год в одном из помещений замка принца Карла. [Jesse, 182] Фёдор Иванович негативно относился к протестантизму, считая его угасающей ветвью христианства: „*Протестантство с его многочисленными ответвлениями, с трудом преодолевши трехвековой путь, умирает от дряхлости во всех странах, в коих до сих пор господствовало*". [Кожинов, 410] О лютеранском венчании Тютчевых документальных сведений нет.[1] Вероятнее всего, такого венчания не было вообще.

--- ЖИЗНЬ В МЮНХЕНЕ

„*Вечером бываю у Тютчева, который женат на здешней вдовушке. У них собираются члены дипломатического корпуса и кое-кто из местных жителей. Чайник и две восковые свечи на столе и приятный разговор: вот стихии их маленького салона*".

Письмо П. А. Вяземского из Мюнхена в октябре 1834 года.

...1 октября упомянутого 1828 года Гейне из Флоренции прислал новые заверения Тютчеву своего расположения: „*Мои лучшие пожелания мадам Тютчевой. Она превосходная женщина. Я очень люблю её...*". В другом письме Гейне назвал дом Тютчевых *прекрасным оазисом*. Не редкостью были гости из России: братья Киреевские, историк Александр Тургенев, князь Пётр Вяземский, родственники Тютчева. Штабс-капитан Гвардейского Генерального штаба Григорий Оленин нашёл жену Тютчева весьма приятной. Коллега Тютчева, князь Иван Гагарин, был в восторге: „*...я чудесно провел утро за восхитительным разговором у г-жи Т*<ютчевой>. *Она так хорошо понимает*

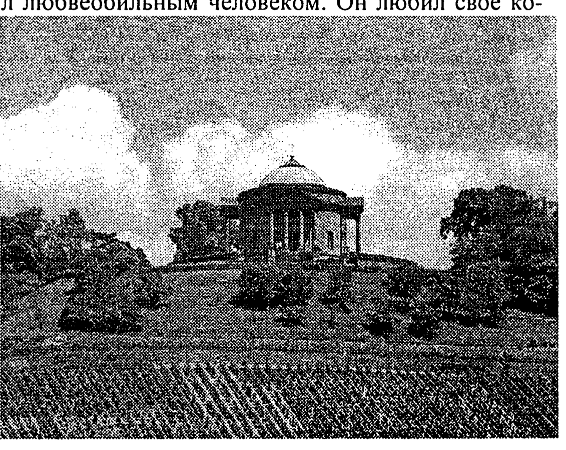
---

[1] Руководитель мюнхенского управления церковной общиной евангелических лютеранских церквей д-р Рювандль в письме от 13 марта 1997 года сообщил, что в церковном архиве запись о бракосочетании Элеоноры Петерсон и Фёдора Тютчева отсутствует, но подтвердил венчание 15 декабря 1817 года графини Элеоноры Ботмер и Александра Петерсона.

человеческое сердце; какой бы его струны вы не касались, она всегда найдет в ней отклик". Элеонора оказалась хорошей хозяйкой. Жизнь упорядочилась. В октябре 1834 года об уютной и задушевной атмосфере в семье Тютчева сообщает и Вяземский.

Мюнхен первой половины XIX века был одним из духовных центров Германии и Европы. Богатство художественной и интеллектуальной жизни отличало баварскую столицу того времени. В академическом Мюнхене главенствовала натурфилософская школа Шеллинга. Тютчев проявил большой интерес к учению Шеллинга и к другим философским направлениям. Внимание к Шеллингу соединялось у Тютчева с любовью к поэзии и философии Гёте, которого воспринимал как воплощение немецкой духовности и культуры. Фёдор Иванович переводил отрывки из «Фауста», «Эгмонта», «Вильгельма Мейстера» и других малых и больших его произведений. Увлекали его и баллады Шиллера, и романтические стихи Гердера, Уланда, Ленау, и лирика Гейне. Оказавшись в центре Европы и отдавая должное немецкой поэзии, Тютчев обращается к поэзии английской (Байрон, Шекспир), французской (Расин, Гюго, Беранже). Любовь к путешествиям, к новым впечатлениям и ощущениям была одной из главных черт характера Тютчева. Во время одного из путешествий в Париж, Тютчев ехал по земле короля Вильгельма I Вюрттембергского.

...Король был любвеобильным человеком. Он любил своё королевство, столицу Штутгарт, королеву Екатерину и ...её красавиц-фрейлин. Королева же, дочь русского царя Павла, не в пример другим монархиням, любила только мужа и не могла примириться с его изменами. Однажды зимой 1819 года королева в одиночестве выехала на прогулку (король был в Париже) и сильно простыла. У нее обнаружилось на голове сильное рожистое воспаление, и в течение суток королева скончалась. Вильгельм чувствовал свою вину и очень страдал.

Часовня-мавзолей на холме Ротенберг (Штутгарт). Здесь написано стихотворение «Над виноградными холмами».

...Недалеко от Штутгарта, возле посёлка Унтертюркгейм, Тютчев отклонился от дороги, чтобы посетить часовню-мавзолей, в котором похоронена королева Екатерина Вюртембергская, великая княгиня Екатерина Павловна[1]. Православная часовня была построена в 1820 году, на другой год после смерти 31-летней королевы, на развалинах старой крепости по проекту архитектора G. Salucci, скопировавшего Palladios Villa Rotonda (в итальянском городе Vicenza). Мавзолей, небольшой круглый храм на живописном холме Ротенберг находился вдали от селений и возвышался над виноградными полями, через которые протекает река Неккар. Холм Ротенберг с часовней-мавзолеем (высота холма 411 м) и прилегающие поля по приказу Вильгельма I традиционно оберегаются от городских застроек. Прекрасное лето, тишина, одинокая часовня-ротонда с могилой бедной россиянки на немецкой земле возбудили сердце поэта:

Над виноградными холмами
Плывут златые облака,
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река -

Взор, постепенно из долины
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.

Там в горнем неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет.

Туда взлетая звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна -
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) хранится автограф процитированного стихотворения, на котором рукой Эрнестины, жены Тютчева во втором браке, сделана помета *Ротенбург*. Начиная с издания 1854 года, помета повторена во всех последующих с дополнением, что имеется ввиду баварский город Ротенбург. Однако ни кому не пришло в голову удостовериться, что в Ротенбурге, который расположен на реке Таубер, нет виноградных холмов, нет пейзажа, соответствующего тютчевскому сюжету! Традиционно основные сельскохозяйственные культуры Нижней Баварии - не виноград, а пивной хмель, ячмень. В помете явная ошибка. Впервые на эту неточность обратил внимание в 1937 году(!) известный немецкий филолог-славист профессор Галльского университета Дмитрий Иванович Чижевский[2]. [Tschyzevskij 1937] Эрнестину (или Федора Ивановича) ввела в заблуждение созвучность названий ***Ротенбург*** и ***Ротенберг***. Дмитрий Иванович полагал также, что в стихотворении

---

[1] Вюртембергское королевство тяготело к России. На протяжении следующих двух поколений вюртембергскими королевами были также российские великие княгини: Ольга (1822-1892), дочь Николая I, и Вера Константиновна (1854-1912), внучка Николая I. Ныне Ротенберг поглощен Штутгартом и находится в городской черте в конце автобусного маршрута № 61.

[2] См. статью «Дмитрий Чижевский».

при копированиях изменена авторская пунктуация. В настоящей статье она восстановлена по версии Чижевского.

С рождением первой дочери, Анны, Тютчев стал респектабельным семьянином. Правда, острота материальных проблем не исчезла. Жалование оставалось невысоким. Посланники, Иван Потемкин и Григорий Гагарин, безрезультатно ходатайствовали перед министром Нессельроде об увеличении оклада, считая его явно недостаточным. Тютчевых выручала помощь родителей, которые посылали в Мюнхен часть доходов от имения в Овстуге (на Брянщине). Материальные трудности Тютчевых вынуждали Элеонору обращаться непосредственно к посланнику Гагарину с настойчивыми просьбами об увеличении жалования Фёдору Ивановичу. В одном из писем брату поэта, Николаю Ивановичу Тютчеву, Элеонора признавала: „*Моя беседа с Гагариным так повлияла на него, что теперь ничего не стоит заставить его поверить чему угодно и заставить его видеть, желать и делать, что угодно*". Элеонора была женщиной сильного характера. Можно себе представить эту беседу...

В бытовых вопросах Фёдор Иванович был совершенно беспомощным человеком. Элеонора опекала его, как маленького ребёнка. Планируя поездку в Россию, Элеонора в феврале 1837 года пишет матери Фёдора Ивановича: „*Признаюсь однако, что его присутствие ничуть не облегчает трудности путешествия. Я предпочитаю путешествовать с тремя грудными младенцами, нежели с одним Теодором*". Лишь после повышения в коллежские асессоры летом 1833 года оклад был увеличен на 200 рублей. Жизнь Фёдора Ивановича приобретала форму ленивого покоя. Практичная Элеонора часто сетует на эту сторону характера мужа. Как-то в ноябре 1832 года она сетовала брату Тютчева Николаю: „*Пишу Вам два слова, мой друг, за отсутствием лучшего, т. е. за отсутствием Теодора, который всё ещё одержим одним из своих приступов лени. Вот уж сколько времени он собирается писать Вам, однако каждый раз день оказывался слишком коротким для этого; так подождите, пока в нём станет более 24 часов*". Но в действительности тютчевская лень была только внешним проявлением его натуры. Лень тела не означает лени мысли. Гейне даже уверял, что лень поэта - нормальное состояние души. В одном из его писем к Тютчеву лень воспета панегирически. Глуби́ны души Тютчева были скрыты от окружающих. Поэта волновала чудо окружающей красоты, радость её понимания, раздумья о месте человека в мире. Через 70 лет русский философ С. Франк, исследователь и поклонник тютчевского творчества, назовёт светлые эмоции от созерцания природы *религиозным опытом*, а ощущения физического единения с мирозданием - *космическим чувством*.[1] Ночь была временем наиболее полного

[1] См. статью «Семён Франк».

слияния поэта с Вселенной. «Видение» - стихи о *явлениях и чудесах* в ночи:

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.
Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

Нестрогая, волнообразная с провалами архитектура стихотворения, *как хаос на водах*, - вечное движение *колесницы мироздания.* «Видение» написано в 1829 году. Тогда же 26-летний Тютчев достиг новой поэтической вершины в стихотворении «Бессонница»: краткость жизни и бесконечность мира, Человек и Время, противостояние Року. Композиторы А. Гольденвейзер, В. Н. Салманов, В. Крюков и др. не прошли мимо этой извечной философской темы. Николай Карлович Метнер написал 15 романсов на слова Ф. И. Тютчева. Романс «Бессонница» (opus 37 no. 1) по собственному признанию музыканта самый лучший:

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!
Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали... <...>
Лишь изредка обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

Бой часов – глухое стенание уходящего времени, напоминание о приближении погребального обряда... Ночные мысли, ночное беспокойство вдохновляли многих поэтов.

Есть и у Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы». Замечательные пушкинские легко запоминаемые строки не отягощены философской сложностью восприятия ночного мирозданья. Виссарион Белинский, поклонник пушкинской поэзии, так её оценивал: „*Поэзия его чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, прозрачно-идеального; она вся проникнута насквозь действительностью; она не кладёт на лицо жизни белил и румян, но показывает ее в ее естественной, истинной красоте...*“. [Белинский] Пушкин притягателен подкупающей искренностью, душевной открытостью, мелодичной бесхитростностью стиха. Поэт слышит ночные звуки, они непонятны и тревожны. Есть ли в них смысл?:

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь скучный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысл я в тебе ищу...

У Пушкина также однозвучный ход часов ропщет по утраченному дню. Пушкинский лексикон и чистота тютчевской речи созидали эталон современного русского языка. В 1828 году Тютчев создает гимн весне, любимому времени года поэта, „*Люблю грозу в начале мая...*", и через год „*Еще в полях белеет снег...*".

Через год Тютчев продолжает тему «Видения» и пишет «Осенний вечер», стихи об одинокой усталой природе, об осени - поре наступления её немощи. Время неумолимо, на *сиротеющей земле* в *предчувствие сходящих бурь* близится разрушение, хаос. Природа встречает пору *ущерба* и *изнеможенья* мудрой *кроткой улыбкой увяданья.* Поэту дано видение *божественной стыдливости* её *страдания* за своё невольное бессилие. Знаки препинания, только запятые, задают внутреннюю сдержанную ритмичность:

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно сиротеющей землею
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый холодный ветр порою,
Ущерб, изнеможенье - и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

Стихотворение было напечатано только через 10 лет! Восторженная реакция Некрасова: „*Каждый стих хватает за сердце, как хватают за сердце в иную минуту беспорядочные, внезапно набегающие порывы осеннего ветра; их и слушать больно и перестать слушать жаль... Только талантам сильным и самобытным дано затрагивать такие струны в человеческом сердце...*". Удивительны тематические параллели в творчестве Тютчева и Пушкина. Это не диалоги двух поэтов, хотя таковыми их можно было бы и представить. У каждого из них выражена своя точка зрения на поэтический объект внимания, отражающая индивидуальное богатство внутренних ощущений.

Александр Сергеевич не мог знать в 1833 году о стихотворении «Осенний вечер», которое было написано Тютчевым в 1830 году, но опубликовано только в 1840 году (в «Современнике»). Хотя в пушкинской «Осени» есть сходные образы, но по своему настрою эти стихи противоположного звучания. Пушкин оптимист в каждой строке. Тютчевской мудрой скорби об уходящем времени здесь нет. Пушкина не печалят угрозы *седой зимы.* Картины осенней пышно увядающей природы приятны поэту:

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса -
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса.
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

Красота осени ассоциируется с *прозаизмом* приятной реальности, с порой полноты *бытия*, кипящих желаний. Осень - любимое время года Александра Сергеевича:

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят - я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн - таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм). <...>

Влияние на тютчевское творчество произведений русской и мировой литератур - отдельная литературоведческая тема. Тютчевская поэзия, словно эхо, отражала в будущее античную культуру, мысли Фукидида, Горация, Сенеки. У Тютчева нередко рождались мотивы и вариации из Гёте, Гейне, Гердера, Ленау, Новалиса, антиномии и поэтические цитирования из В. Жуковского, К. Батюшкова, А. Илличевского в типичном для Тютчева концентрированно-лаконичном изложении главной идеи. Эта необычность тютчевского видения, инициирующая создание совершенно оригинальных поэтических шедевров, отмечена многими литераторами. (См. [Пумпянский], [Соловьев], [Топоров], [Тынянов 1977, 360], [Fiedler, 218], [Gerhardt].)

--- ДУШЕВНОЕ ОДИНОЧЕСТВО

„Душа моя, Элизиум теней..."

Ф. И. Тютчев

Российская колония в Мюнхене состояла из аристократов, предпочитавших в общении друг с другом западноевропейские языки: французский, немецкий. В семье Тютчева русского языка не знали. Отдушиной был приезд славянофилов, братьев Киреевских, обучавших как-то Элеонору родному языку её мужа: *„Жена Тютчева хотела и начала брать у меня уроки русского языка, но после их оставила"*. Собеседником поэта являлся только его внутренний мир. Чувство одиночества в толпе:

Душа моя, Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам годины буйной сей,
Ни радости, ни горю не причастных, -
Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?

Немецкая культура, воспринимаемая через русское самосознание, давала обильные всходы на почве уникального интеллекта и всесторонней одаренности Тютчева.

В те же годы было рождено знаменитое «Silentium!» («Молчи!» лат.), крик души о сложности самовыражения, о трудности взаимопонимания, о невозможности словами передать душевное состояние, об одиночестве - убежище творчества. Необыкновенная художественная выразительность стихотворения подчеркивается обилием глаголов в повелительной форме, создающих экспрессию, усиленную мужской рифмой. Одна из строк стихотворения «Silentium!» - *„Мысль изреченная есть ложь..."* - особенно характерна для афористического мышления Тютчева. Концентрированное изложение идеи несёт энергетический заряд более сильный, чем фразеология пространного текста.

Взрывная лаконичность тютчевских слов была услышана всей читающей Россией (стихотворение было опубликовано в журнале «Современник» в сентябрьском III-м томе за 1836 год), но принята неоднозначно, породила как сторонников, так и противников. Глубокомыслие стиха произвело на Ивана Тургенева и Льва Толстого огромное впечатление. Лев Николаевич пометил на полях книги рядом со стихотворением «Silentium!»: *„Что за удивительная вещь! Я не знаю лучшего стихотворения"*. В марте 1870 года Тургенев писал из Веймара родственнику Фета: *„...и глубже, и глубже проникаюсь я истиной тютчев-*

ского стиха: Мысль изреченная есть ложь, - во всяком случае - такая мысль, к которой собеседник не хочет идти благодушно навстречу, не хочет помочь Вам самим понять её".[1]

Композитор Николай Метнер эту же фразу Тютчева воспринял строго логически: „*...я положительно пришёл к тому заключению, что тютчевская „мысль изреченная есть ложь" - есть ложь! (Хотя бы потому уже, что она уже изречённая)*". Композитор не понял поэта. Узрев исключительно формальную противоречивость, Метнер не ощутил психологического драматизма тютчевской идеи и оставил «Silentium!» вне своего творчества. Итак:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои -
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, -
Любуйся ими - и молчи.
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

---

[1] Поэт-философ Вячеслав Иванов, страстный поклонник тютчевской поэзии, в 1910 году посвятил стихотворению «Silentium!» большой раздел доклада о символизме. [Иванов 1910] (См. ниже статью «Вячеслав Иванов».) В. Б. Микушевич, замечая, что тютчевскую мысль находят в «Ветхом завете», религиозных христианских трудах, у древнекитайских мудрецов, в источниках античной и мусульманской поэзии, высказывает следующее соображение: „*Заклинание «Молчи!» в сочетании с утверждением «Мысль изреченная есть ложь» перекликается с другой традицией, оставившей глубокий след в различных культурах Востока и Запада. Мы имеем в виду суфийскую традицию. ...стихотворение «Silentium!» разительно напоминает суфийскую лирику*". [Микушевич 1995] В начале 19-го века в Германии сложилась научная школа востоковедения, которую возглавлял профессор Йозеф Хаммер-Пургшталь (Joseph Hammer-Purgstall, 1774-1852). В работах Пургшталя и его учеников впервые появилось трудно определяемое понятие «суфизм» (этимология от араб. *суф* - грубая шерстяная ткань). Суфизм собирательный термин, неточный синоним исламского мистицизма в сочетании с индийским буддизмом, греческим неоплатонизмом. Мотивы суфизма прослеживаются у Низами, Навои, Хафиза, Санаи, Руми и других восточных поэтов. Среди суфиев были зороастрийские, христианские, буддийские и другие священники. Суфизм оказал большое воздействие на творчество Гете, под влияние которого он создал цикл «Западно-восточный диван». Ф. И. Тютчеву несомненно были известны и переводы немецких востоковедов, и творчество Гете.

Взрывая, возмутишь ключи, -
Питайся ими - и молчи.
Лишь жить в себе самом умей -
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, -
Внимай их пенью - и молчи!..

Так кому же предназначены эти стихотворные перлы русского Поэта на нерусской стороне, стихи о баварской природе, о смысле жизни, о бесконечности мироздания, о космосе души? Редким гостям из России? Его стихи рождались спонтанно, как бы сами собой, в гармонии с душевным настроем. Писал он свободно и небрежно, на разрозненных листках, даже салфетках. Некоторые стихи иногда попадали в небольшие российские журналы и публиковались под криптонимами: *Ф. Т.*, *Т-в* (в журнале «Современник») или вообще анонимно. Трагедийность Тютчева в потребности самовыражения состояния души только самому себе! Он не искал слушателя вне себя. Одиночество личности поэта от душевного разлада его творческого гения: „*Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?*".

Элеонора не постигала сложности внутреннего мира Фёдора Ивановича и не оказывала влияние на поэтическое творчество Тютчева. Разделить с мужем его душевное одиночество она не могла. Неординарность его мышления оставалась за пределами её сознания. Биограф Кирилл Пигарев характеризует Элеонору: „*Серьёзные умственные запросы ей были чужды*". Элеонора занималась исключительно деловой стороной семейной жизни. На её плечах лежали хозяйственные заботы, в семье прибавились ещё две дочери: 12/24 апреля 1834 года родилась Дарья, 27 октября/8 ноября 1835 - Екатерина. Преданность Элеоноры мужу была безграничной. Тютчев утверждал родителям в апреле 1837 года: „*...не было ни одного дня в её жизни, когда ради моего благополучия она не согласилась бы, ни колеблясь ни на мгновенья, умереть за меня. Это способность очень редкая и очень возвышенная, когда это не фраза. То, что я говорю, должно быть, покажется вам странным. Но, повторяю, я имею на то свои причины. И эта дань, воздаваемая ей мною, является лишь весьма слабым искуплением*". Ради брака с Тютчевым Элеонора фактически отказалась от своих маленьких детей-Петерсонов, которые воспитывались в Петербурге. Она опасалась, что, подрастая, они её забудут, часто переписывалась с ними, посылала свои портреты, дважды ездила на встречу (в 1830 и в зимнее полугодие 1837-38 гг.). Элеонора понимала дистанцию в интеллектах её и мужа и старалась окружить Тютчева ещё бóльшой заботой, но их брак изначально был обречен на семейные драмы.

--- СЕМЕЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

„Теодор легкомысленно позволяет себе маленькие светские интрижки, которые, как бы незначительны они ни были, могут неприятно осложниться...“.

Письмо Элеоноры из Мюнхена в июле 1833 года.

Вряд ли прав писатель Фёдор Фёдорович Тютчев (сын поэта и Елены Денисьевой), уверяя, что Тютчев в первом браке женился по страстной любви. При жизни Элеоноры Фёдор Иванович не посвятил ей ни одного стихотворения. Постоянно окружая жизнь Тютчева своими заботами, Элеонора не являлась для него источником поэтического вдохновения. Поэтические знаки внимания он оказал, к сожалению, только её памяти. Потребовалось время, много времени, чтобы образ первой жены освободился от бытовой мелочности и засверкал чистотой яркой, но, увы, уже недоступной звезды. В 1858 году, через двадцать лет после смерти Элеоноры, Тютчев обращается к её образу:

В часы, когда бывает
Так тяжко на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди; <...>

Так мило-благодатна,
Воздушна и светла,
Душе моей стократно
Любовь твоя была.

В письмах к дочерям, Анне, Дарье и Екатерине, Тютчев часто трогательно и нежно вспоминал об Элеоноре, о её заботах: *„Я считал её настолько необходимой для моего существования, что жить без нее мне казалось невозможным, все равно как жить без головы на плечах... Она вся передо мною, бедная твоя мать!*". Эти слова обращены к Анне в 1846 году. Но все это будет сказано потом, когда Элеоноры уже не будет. В 1837 году перед поездкой Тютчевых в Петербург, Фёдор Иванович писал родителям: *„Я хочу, чтобы Вы, любящие меня, знали, что никогда ни один человек не любил так, как она меня*". Это было правдой. Но правдой было и существование в это же время в жизни Тютчева другой женщины... Сначала Элеонора предполагала очередное несерьёзное увлечение, которым, она знала, Фёдор Иванович не был чужд. Кому-то же Тютчев писал в 1830 году:

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздымалась грудь ее волною
Алели щеки, как заря,
Все жарче рдея и горя!
И вдруг, как солнце молодое,
Любви признанье золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!..

Элеонора не заметила, что ее когда-то юный муж уже давно не *дитятя*, как она ласково его называла, что к заботливой опеке мамы-жены он тяготеет все менее и менее...

В июле 1833 года Элеонора нервно жалуется Николаю Тютчеву, который имел большое влияние на мужа: „*Он* (Фёдор), *как мне кажется, делает глупости или что-то близкое к ним... Теодор легкомысленно позволяет себе маленькие светские интрижки, которые, как бы незначительны они ни были, могут неприятно осложниться. Я не ревнива, и у меня для этого как будто нет оснований, но я беспокоюсь, видя, как он уподобляется сумасбродам...*".

Подозрения Элеоноры были ближе к действительности, чем она предполагает. Беспокойство Элеоноры возрастает и по поводу здоровья мужа. Зная, что мать Тютчева, Екатерина Львовна, подвержена приступам тяжелой депрессии, Элеонора предполагает у Фёдора Ивановича наследственное патологическое расстройство психики. Её письмо Николаю Тютчеву полно новой тревоги: „*...Мне надо рассказать вам о вещах, которые не пишутся, но которые важны для вас не менее, чем для меня. Мне необходим ваш совет - быть может, существует всё-таки какое-то средство против этого? То, о чем я говорю, не имеет отношения к нашим делам... Не знаю, как лучше написать об этом, говорю с вами и чувствую, что не умею выразить мою мысль. Вы, конечно, догадываетесь, что подобную тревогу мог вызвать у меня только Теодор. Я имею в виду его здоровье, не то чтобы он был болен - чувствует он себя как обычно, - но есть в нём какой-то нравственный недуг, который, как мне кажется, развивается быстро и страшно. ...Надо знать его так, как знаю его я, и притом необходимо, чтобы он сам высказался до конца, только тогда можно представить себе его состояние. Вы должны понимать, что я имею в виду: ваша мать, кажется, передала ему в наследство эту боль? Посоветуйте, что мне делать. Когда я об этом думаю, когда это вижу, меня охватывает смертельный ужас и горе*". Вот такая душевная боль о здоровье Тютчева. Женская интуиция подсказывала Элеоноре возможность неприятных осложнений, хотя опасности прямой угрозы она еще не чувствовала. Она не понимала причин болезненного раздражения мужа, его угнетенного настроения, постоянной хандры. Все это беспокоило преданную Элеонору. Какое поразительное чутье у любящей женщины! Она готова ему помочь, но еще не знает как: „*Отвращение ко всему, невероятная разочарованность в мире и, главное, в самом себе, это - что пугает меня больше всего, - то, что он сам называет навязчивой идеей. Самая безумная, самая абсурдная идея, которую можно себе представить, мучает его до лихорадки, до слез*". Элеонора была права, Тютчев действительно находился в *сумасбродном* состоянии. В судьбу Фёдора Ивановича пока еще неторопливо входила

23-летняя красавица-баронесса Эрнестина Дёрнберг, которую Элеонора также немного знала.

...Муж Эрнестины, дипломат барон Фридрих фон Дёрнберг, заболел тифом и в феврале 1833 года скончался. Эрнестина длительное время избегала встреч с Фёдором Ивановичем. Отношения Тютчева с Эрнестиной развивались неровно, но развивались... То, что по логике этого развития должно было произойти в их отношениях, с роковой неизбежностью произошло... Элеонора, наконец, поняла причины резкого изменения поведения Тютчева. Его участившиеся отсутствия, приводили Элеонору в ярость. Она была потрясена неверностью мужа. Последовали скандалы с иллюзорными трудными примирениями. Частная жизнь выплеснулась из стен квартиры в мюнхенские салоны. Высший свет всегда знал всё и даже больше, чем было на самом деле. В этом семейном конфликте мюнхенское общество почему-то сочувствовало Тютчеву.

В мае 1836 года барон Александр Крюденер расставался с Баварией, отбывал на повышение в Петербург. Князь Григорий Гагарин, российский посланник в Мюнхене, подготовил письмо (от 21 апреля/3 мая) для передачи через барона министру. В письме он настойчиво просил Карла Нессельроде: „*...умоляю Вас, граф, уделите самое благосклонное внимание всему, что он* (барон Крюденер) *будет говорить Вам о г-не Тютчеве, о его злополучии, о его отчаянном положении и о самой настоятельной необходимости его из этого положения вывести. При способностях весьма замечательных, при уме выдающемся и в высшей степени просвещенном, г-н Тютчев не в состоянии ныне исполнять обязанности секретаря миссии по причине того пагубноложного положения, в которое он поставлен своим роковым браком. Во имя христианского милосердия умоляю Ваше превосходительство извлечь его отсюда...*". Князь Григорий расставил по местам все акценты личной жизни Тютчева. Он полагал, что изменение места службы, повлияет в лучшую сторону на судьбу Фёдора Ивановича. Но, недружественный к Тютчеву Нессельроде не внял просьбе добрейшего посланника. Это была реакция министра на острословие поэта в его адрес. Линия жизни Поэта была неподвластна воле людей... Следует отдать должное мужеству князя: он, больной человек (через год Г. Гагарин скончается), оставался в представительстве только вдвоем с Тютчевым и во имя решения судьбы своего единственного помощника готов был на дальнейшие трудности в ущерб своему здоровью и работе миссии.

Апрель 1836 года был особенно трудным в семье Тютчевых. Для Элеоноры была совершенно очевидна серьёзность связи Фёдора с Эрнестиной. Накал ссор становился невыносимым. Однажды, предполагая, что муж на свидании, Элеонора в порыве аффекта нанесла себе несколько ударов небольшим маскарадным кинжалом и в нервном воз-

буждении выбежала из дома на Бриеннерштрассе (дом Тютчевых на Каролиненплац 1 одной стороной выходил на Бриеннерштрассе). Это был крик отчаяния, страстный бунт любящей женщины, ослеплённой несчастьем неверности.

В 1827-30 гг. Тютчев по мотивам гейневского стихотворения написал одноименное «Кораблекрушение», в котором акцентированы мотивы одиночества и бессилия человека перед ликом беспощадного Рока.[1] Тютчевские строки из «Кораблекрушения» невольно символизировали нерадостную жизнь Элеоноры. Нелли понимала, что корабль ее судьбы уже дал серьезную трещину и спасенье призрачно: „*Надежда и любовь, все, все погибло!..*".

Тютчев был поражён столь колоссальной силой характера жены. Семейные проблемы стали достоянием улицы, темой мюнхенских и петербургских сплетен. Это беспокоило Фёдора Ивановича. К своей собственной репутации он относился безразлично, но его жена была родовитая графиня. Не хотел Тютчев, чтобы обсуждалось и имя женщины, с которой, по мнению Элеоноры, он был близок.

Тютчев пишет длинное письмо в Россию бывшему сослуживцу Ивану Гагарину, племяннику князя Григория. Князь Иван знал о личной жизни Тютчева очень многое... Фёдор Иванович придавал письму большое значение и продумал его до мелочей. Текст писался как бы два дня, 20-21 апреля/2-3 мая, и соответственно состоял из двух частей, в каждой их которых свои акценты и сюжетные нюансы. Это письмо одно из самых интересных в эпистолярном творчестве поэта периода первого брака.

Известно, что Тютчев все важные письма, тщательно их продумывая, писал с черновиками. Мысли Фёдора Ивановича заняты предотвращением скандала в Петербурге в связи с попыткой Элеоноры к самоубийству. Тон первой части письма благожелательный, письмо ни о чём: декларация спокойствия, невозмутимости и лени. Ленью Тютчев оправдывает и длительное молчание и даже своё благорасположение к адресату. Тютчев, мастер фразы, возводит бездеятельность в культ. Самоирония и самобичевание: „*Я живой пример того рокового, но в то же время нравственного и логического явления, по которому всякий порок несет в себе подобающее ему наказание. Я аполог, притча, предназначенная к тому, чтобы доказать отвратительные последст-*

---

[1] В 1821 году английский поэт-философ Перси Б. Шелли (1792-1822) написал стихотворение «Время». Стихотворение о бесконечности времени. Время ассоциировано с океаном, *чьи волны – годы*. Каждая строка стихотворения - страх перед Неведомым. Поэт предчувствует трагический финал своей судьбы. Через год он погибает в кораблекрушении... Гейне знал поэзию Шелли, был потрясен гибелью поэта и написал стихотворение «Кораблекрушение», аллегорию крушения жизненных идеалов.

вия лени. От нее возрастало мое молчание, пока наконец я не почувствовал себя подавленным им, словно лавиной. Она - причина того, что я должен представляться вам до грубости безучастным, до тупости бесчувственным. И однако, мой друг, видит Бог, это отнюдь не так". Далее следуют милые сплетни. Впрочем: „*Что касается настоящего момента, то Крюденеры, покидающие нас завтра, скажут вам, есть ли у меня основание быть особенно радостным. Эта зима, проведенная в постоянных тревогах, причины коих известны лишь мне одному, завершилась непредвиденным событием, которое могло иметь ужасные последствия и перевернуть все мое существование. У меня не хватает духу вам его рассказать*".

Фёдор Иванович был совершенно уверен в жене барона, Амалии Крюденер, она его искренний друг, но сам барон мог представить все события в нежелательном для Тютчева свете. Письмо не развивает далее тему *непредвиденного события*, а отвлекается на серьёзные проблемы общественного сознания, по сравнению с которыми собственные постоянные тревоги как бы совсем пустячны и незначительны: „*Если уместно говорить о вещах совершенно неведомых, я бы сказал вам в общих чертах, что умственное движение, происходящее сейчас в России, напоминает в некоторых отношениях, и принимая в расчет огромное различие времени и положения, попытку в пользу католичества, предпринятую иезуитами...*". Тютчев знал, что затронутый вопрос близок Гагарину. Во второй части письма, датированной следующим днём, 3 мая, Тютчев сообщает о длительном, вероятно, ночном размышлении, после которого он *решается*, наконец, сообщить о неком происшествии: „*Вчера вечером, когда я писал вам, я не мог решиться рассказать вам о постигшем меня грустном событии. Однако, тщательно взвесив все обстоятельства, я предпочитаю изложить вам все как было, чтобы вы не придавали значение ложным и преувеличенным слухам. Вот что случилось*". Трудно поверить, что при столь сложных сюжетных поворотах письмо было сочинено сразу набело и действительно в течение двух дней.

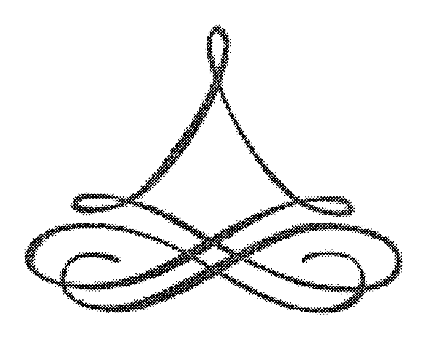
Описание в письме И. Гагарину тютчевской версии события, в отличие от рассуждений, заполняющих несколько страниц текста, немногословно. В море слов сознательно не акцентированы главные мысли. Как бы между прочим, Тютчев объясняет происшедшее физиологическими процессами в организме кормящей женщины: 6-месячная Екатерина нуждалась в молоке матери.

Всё произошло очень просто. Элеонора кормила ребёнка, но вдруг случился прилив крови к голове, начался болезненный приступ и она случайно увидела маленький кинжал „*и в припадке полного исступления нанесла себе несколько ударов в грудь. <...> Люди Голленштей-*

на, которые видели, как она выбежала, последовали за ней и принесли ее домой". [Тютчев 1984, 16][1] Вот и всё. Завершается этот раздел письма словами: „*Такова истинная правда об этом происшествии: причина его чисто физическая. Это прилив к голове*". И далее невзначай самое главное, ради чего письмо собственно писалось: „*...я жду от вас, любезный Гагарин, что если кто-нибудь в вашем присутствии вздумает представлять дело в более романическом освещении, вы во всеуслышание опровергните нелепые толки*". Затем следует сердечный привет от Элеоноры и просьба передать её старшему сыну (как уже говорилось, дети Элеоноры от первого брака воспитывались в Петербурге) её портрет с коротким, но важным дополнением: „*...осторожно сообщите о случае, происшедшем с его матерью*".

Просьба высказана, и последующие сетования на петербургское начальство опять уводят от значительности изложенного события. Тютчев многое готов дать, чтобы предотвратить пересуды, но дать ему нечего. Кроме своих стихов! В заключение письма Фёдор Иванович как бы вспомнил просьбу Гагарина о присылке пакета со стихотворениями: „*Пользуюсь этим случаем, чтобы от него избавиться. Делайте с ним, что вам заблагорассудится. Я питаю отвращение к старой исписанной бумаге, особливо написанной мной. От нее до тошноты пахнет затхлостью...*". Подтекст концовки письма очевиден: Тютчев пытается расположить к себе бывшего сослуживца...

Был существенен и другой замысел: наладить через Гагарина отношения с Пушкиным.

[1] В переводе с французского допущена ошибка: соседом Тютчевых был не *Голленштейн*, а князь Людвиг-Карл Оттинген-Валлерштейн, проживавший через дом от Тютчевых, на Бриеннерштрассе 17. Ошибка повторена в [Летопись 1999, 155] Князь изображён на картине Фольца под номером 27. См. статью «Тютчев и персонажи картины Филиппа Фольца».

--- К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИЙ В «СОВРЕМЕННИКЕ»

„Вы просили меня прислать вам мой бумажный хлам. Ловлю вас на слове...“.

Из письма Фёдора Тютчева Ивану Гагарину от 20-21 апреля/2-3 мая 1836 года.

Роль князя Ивана Гагарина в судьбе Тютчева - предмет дискуссий. Гагарин был одним из первых, кто высоко оценил феномен тютчевской поэзии. Тютчева, как поэта, в России фактически не знали. Фёдор Иванович не был честолюбив, не стремился к известности, часто не подписывал изредка публикуемые стихотворения, не заботился об их сохранности. Гагарин после службы в Мюнхене оказался в Петербурге и как-то рассказал Пушкину, который тогда уже издавал «Современник», о стихах российского дипломата, аккредитованного в Баварии. Рассказ князя Ивана Гагарина о творчестве мюнхенского дипломата произвёл впечатление в Петербурге и князь Иван обратился с просьбой к Тютчеву, чтобы тот прислал свои стихи для публикации в пушкинском журнале. Фёдор Иванович не торопился выполнять просьбу Гагарина. Но вот появились серьёзный повод и одновременно упомянутая выше оказия. Ворох лоскутов со стихами, всего около 100(!) стихотворений, Тютчев передавал Гагарину для Пушкина. Вместе с пакетом следовало упомянутое выше письмо от 20-21 апреля/2-3 мая. Издатель «Современника» не был лично знаком с Тютчевым, однако слышал о нём, читал немногие тютчевские стихи, но... не благоволил к их автору. Тому могли быть причины. В 1817 году молодой Пушкин написал крамольную оду «Вольность», которая поляризовала общество и навлекла царский гнев на её автора. Пушкин не любил Александра I. В пушкиноведении история отношений Пушкина с русскими царями достаточно хорошо исследована. Тютчев, как и Пушкин, был также убеждённым монархистом, но не страдал пушкинскими проблемами нелюбви к Александру I и болезненной зависимостью от Николая I. В 1820 году Фёдор Иванович, 17-летний воспитанник славянофила-антипушкиниста Семёна Раича, ответил на пушкинскую оду стихами „*Огнем свободы пламенея...*", в которых выразил свою точку зрения по теме «Поэт и Царь»:

<...> Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,

Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

В 1818 году пушкинское «Послание к Чаадаеву» окончательно переполнило чашу царского терпения:

<...> Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Пушкин был сослан. Правда не в Сибирь, а, благодаря заступничеству П. Чаадаева и Н. Карамзина [РА 1869], на юг. Во время восстания декабристов он находился в Михайловском.

Тютчев в декабре 1825 года был в России и недвусмысленно высказался о восставших на Сенатской площади, „*как о жертвах мысли безрассудной*". Его стихи «14 декабря 1825 года» явно полемизируют с пушкинским стихотворением «К Чаадаеву». Тютчев жалеет о напрасно пролитой крови, которая не могла сокрушить *вековую громаду льдов* царизма (стихотворение впервые напечатали лишь в 1881 году!):

<...> Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил -
И в неподкупном беспристрастье,
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена -
И ваша память для потомства,
Как труп в земле, схоронена. <...>

В общем, наметились серьёзные расхождения в политических взглядах молодых людей. Но в их творчестве были и любопытные совпадения.

В 1829 году завершалась русско-турецкая война. Оба поэта откликнулись на военные успехи русского оружия, у обоих боевая слава вызвала одинаковые ассоциации с победой над турками киевского князя Олега, водрузившего свой щит на воротах Стамбула. И вот удивительная случайность: и Пушкин, и Тютчев одноименно назвали свои стихи «Олегов щит». Тютчев написал стихотворение до завершения военной кампании, Пушкин - после. Две песни на одну тему, но с разной оттенками смыслового звучания.

Пушкин, проводя исторические параллели, ставит давнюю победу *славянской дружины строптиву греку в стыд и страх*, греки не смогли уберечь *град Константина. На цареградских воротах* остался пригвождённый булатный щит Олега. И ныне наша рать к Стамбулу

грозно притекла, но *старый щит остановил* Стамбул от полной капитуляции.[1]

Стихотворение Тютчева написано в ином ключе. В коротком тексте внешне простой смысл имеет „второе дно".

И мусульмане, и православные веруют в единобожие, но те и другие в противоборстве друг с другом просят помощи у одного и того же Всемогущего... На чьей стороне Всевышний? Чья молитва будет услышана? Русские войска в лунном свете, как знамение победы, видят щит Олега на воротах Стамбула: Господь, слава Ему, естественно, милостив к славянам. В тексте Тютчева завуалировано еще и „третье дно": вера в единого общего Бога должна, в конце концов, примирить христиан и мусульман.[2]

Тютчевское стихотворение увидело свет в журнале Раича «Галатея». К этому времени были опубликованы в разных российских журналах всего около двух десятков мюнхенских стихотворений Тютчева, в числе которых 6 переводов из немецкой поэзии, 3 - о баварской природе (такие перлы, как «Весенняя гроза», «Видение», «Летний вечер»), упомянутое «Олегов щит», «Могила Наполеона», 4 стихотворения любовной лирики и другие. В журнале Раича было напечатано 7 стихотворений (в семи номерах!). Пушкин не жаловал «Галатею», её редактора, её авторов (в 1830 году Раич и Пушкин обменялись публичными нелюбезностями).

Для взаимной неприязни у Пушкина и Тютчева, возможно, были и другие причины, скрытые в психологической несхожести характеров поэтов, в разных путях их творческого становления и линий судьбы. В отличие от Пушкина, Фёдор Иванович не стремился к популярности. Ни „чёрная зависть", порождавшая *муки Сальери*, ни творческая зависть в позитивном побудительном смысле („белая зависть") были Тютчеву чужды.[3] Фёдор Иванович был довольно едким эпиграммистом. Адресатами тютчевских острот случалось, бывали и министр Нессельроде, и царь Николай. Эпиграммы Тютчева подчас доставляли их автору серьёзные неприятности, но в *журнальные драки* он не ввязывался.

---

[1] По условиям мира 1829 года Россия сняла осаду Стамбула. Пушкин считал, что после поражения восстания 1821 года греки не проявили волю к борьбе за независимость. [Аринштейн]

[2] Эту же неординарную мысль высказывали многие русские религиозные философы (Вл. Соловьев в споре с И. Аксаковым апеллировал к мнению Тютчева). 6 мая 2001 года Папа Иоанн Павел Второй впервые за всю историю христианства провел богослужение в мечети, призывая верующих всего мира к толерантности и взаимному согласию.

[3] Пушкин в 1830 году записал: „*Зависть - сестра соревнования, следственно из хорошего роду*". [Пушкин, 354].

Пушкин входил в жизнь активно, темпераментно, по-бойцовски расталкивая всех мощью своего многогранного творческого гения. Русской литературе не доставало её истинного творца, и Пушкин **закономерно** стал её лидером. В стихотворении «Пророк» (1826) к обездоленному поэту обращается сам Господь:

Как труп, в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Становление Тютчева проходило в других жизненных условиях. Со сверстниками-подростками Тютчев почти не общался, гимназию не посещал. Уже с 9-летнего возраста Фёдор под влиянием Раича изучает Вергилия и Горация, берет уроки французского языка, посещает лекции профессоров словесного факультета, пишет первые стихи. К 13-ти годам, благодаря наставлению Раича, „*Тютчев получает право посещать Московский университет на правах вольного слушателя*". [Летопись 1999, 24] Его образование завершалось за рубежом и развивалось в основном под влиянием европейского просвещения. Уникальный сплав его поэтического дарования, философского мышления, интеллекта, образованности не сразу вписался в естественный процесс развития национальной литературы. Характер Фёдора Ивановича был полным антиподом энергичному пушкинскому. Поэтический феномен россиянина Тютчева проявлял себя неторопливо. И хотя у Фёдора Ивановича бывали десятилетия поэтического молчания, он оставался самородком отечественной поэзии. *Долина* русской жизни была предопределена судьбой местом его рождения, обитания и кончины. 30-летний Фёдор Иванович размышлял о философской категории случайного, о неведомых силах во Вселенной, о соотношении и взаимовлиянии воли своей и воли Высшей, *чужой*:

С горы скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? никто не знает ныне -
Сорвался ль он с вершины сам собой,
Иль был низринут волею чужой?
Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса.

В 1830 году в февральском номере «Литературной газеты» Пушкин опубликовал критическую статью на «Обозрение словесности» (напечатанную в альманахе «Денница»). Автором «Обозрения» был 23-летний И. В. Киреевский. Статья написана Иваном Васильевичем с юношеским задором. Среди других талантливых поэтов в «Обозрении» назван Тютчев. И. Киреевский критично отнесся к пушкин-

ской «Полтаве», хотя признал зрелость таланта её автора. Статья задела Пушкина. Отвечая молодому критику, Пушкин не посчитал бесспорной его оценку таланта Тютчева, „*поэта немецкой школы*", т.е. тяготеющего к немецкой духовности.

В апреле 1830 года альманах «Подснежник» напечатал (в июле «Литературная газета» перепечатала) пушкинскую эпиграмму «Собрание насекомых», подражание басне Крылова. В довольно желчных стихах имена пяти литераторов были заменены звёздочками. В одном из рукописных вариантов якобы упоминался и Тютчев. Что не принял Пушкин в ранней тютчевской поэзии? Да и знал ли её Александр Сергеевич? Большинство наиболее зрелых стихотворений Тютчева почти никто не читал, разве, что И. Гагарин.

12 июня 1836 года Иван Гагарин отвечал Фёдору Ивановичу на его вышеупомянутое письмо от 20-21 апреля/2-3 мая: „*...намедни я передаю Вяземскому некоторые стихотворения, старательно разобранные и переписанные мною...*". „*Переписанные*" означает, что автографы Гагарин оставил у себя и что при снятии копии возможна редактура переписчика. Стихи произвели большое впечатление на Вяземского, Жуковского, Пушкина и вскоре те *некоторые* (24 стихотворения) увидели свет в третьей и четвёртой книжках пушкинского «Современника» за подписью «Ф. Т.».

Через 20 лет, 29 октября 1857 года, друг и соратник Пушкина, академик Петр Александрович Плетнев (к тому времени ректор Петербургского университета), в речи, посвященной избранию Фёдора Ивановича членом-корреспондентом Академии Наук по отделению русского языка и словесности, вспоминал об этом времени Тютчева: „*Он* (т. е. Тютчев) *только в последний год Пушкина в первый раз напечатал в «Современнике» несколько стихотворений, хотя конечно мог бы с ним вместе начать этот путь счастливой деятельности. Еще живы свидетели того изумления и восторга, с каким Пушкин встретил неожиданное появление этих стихотворений, исполненных глубины мыслей, яркости красок, новости и силы языка. Во всем была ощутительна свежая кисть художника*". [Чагин 1999, 116]

Пушкин, кажется, наконец, оценил по достоинству стихи российского дипломата, аккредитованного в Мюнхене. Фактическая анонимность заинтриговала почитателей талантливой поэзии и удивляла отсутствием авторского честолюбия. Тютчев был равнодушен к славе, но общий заголовок публикации «Стихотворения, присланные из Германии» вызывал досаду. Название не раскрывало принципиально существенной для Фёдора Ивановича сути: оно не подчёркивало, что стихи, присланные из Германии, написаны **русским** поэтом. После кончины Пушкина Некрасов пытался в 1840 году сгладить эту неловкость «Современника». Он писал о стихах Тютчева: „*...хотя они и присылаемы из Германии, но не подлежало никакому сомнению, что ав-*

тор их был русский". [Некрасов] Но в 1836 году эти слова не были произнесены. Впрочем, как того и следовало ожидать, анонимные шедевры недолго оставались в поле внимания русских читателей и вскоре о них почти не вспоминали. [Гиппиус]

Фёдор Иванович остро ощущал пространственную оторванность от родины и болезненно воспринял заголовок как намёк Пушкина на якобы близость его, Тютчева, более к немецкой духовности, чем к русской.

Тютчев действительно вполне адаптировался к жизни на Западе. В письме к К. Нессельроде от 3 ноября 1835 года он писал о важности своего пребывания в Баварии: „*...ежели и существует страна, где бы я льстил себя надеждой приносить некоторую пользу службой, так это решительно та, в которой я ныне нахожусь*". Далее он высказывает очень существенную мысль об усвоении им культуры Германии: „*Длительное пребывание здесь, благодаря последовательному и серьезному изучению страны, продолжающемуся поныне как по внутреннему влечению, так и по чувству долга, позволило мне приобрести совершенно особое знание людей и предметов, ее языка, истории, литературы, общественного и политического положения, - в особенности той ее части, где я служу*". [Гладкова, Лебедев]

Усваивая европейскую культуру, Тютчев, воспитанник С. Е. Раича, не переставал оставаться русским человеком. Но признавался ли себе Фёдор Иванович, что в чем-то Пушкин прав, что тонкой интуицией лидер русской литературы почувствовал „нерусскость" поэзии, созданной Тютчевым в Мюнхене?

Князь Иван Гагарин был посредником между двумя поэтами, отношения которых медленно и трудно продвигались от неприязни к дружественному финалу. Но к лету 1836 года их прямые доверительные контакты явно не созрели. Дискуссия Тютчева с Пушкиным привела бы к бесплодному выяснению взглядов и позиций малоизвестного поэта из Германии и главы русской литературы, с возможными поучениями эмоционального мэтра, которые неминуемо задержали бы сближение диспутантов. Но не ответить на заголовок, в котором предполагался некий намек Пушкина, Тютчев тоже не мог.

И вот, не нарушая сложившийся modus vivendi, Фёдор Иванович 7/19 июля вновь пишет бывшему сослуживцу пространное письмо: „*Любезнейший Гагарин, вы заслуживаете премию добродетели за вашу снисходительность и неизменную дружбу ко мне и за то, как вы ее доказываете*". После приветствия и очередного псевдосамоуничижения Фёдор Иванович излагает свое восхищение «Тремя повестями»

Н. Ф. Павлова[1] и рассуждает о совершеннолетии русской мысли. Фёдор Иванович продолжает: „*Поэтическое чувство не исказилось напыщенностью выражений... Мне приятно воздать честь русскому уму, по самой сущности своей чуждающемуся риторики, которая составляет язву или скорее первородный грех французского ума*".

Фёдор Иванович определённо под впечатлением пушкинской статьи (без подписи!) в третьей книжке «Современника»: «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной». И вдруг в тексте тютчевского письма резкий поворот мысли, неожиданный пассаж, как внезапный фехтовальный укол: „*Вот отчего Пушкин так высоко стоит над всеми современными французскими поэтами...*"!

Тютчев знал о франкофильстве Пушкина (ещё в лицейские времена друзья в шутку дразнили его *французом*) и не сомневался, что Гагарин без искажения донесёт тютчевское сообщение действительному адресату. Далее в письме следует спокойное возвращение к предыдущей теме, типичная мистика, безропотное склонение головы перед ударами судьбы: „*То, что я вам послал, составляет лишь крохотную частицу вороха, накопленного временем, но погибшего по воле судьбы или, вернее, некого предопределения*". И. Гагарин передал в «Современник» меньшую часть присланных Тютчевым стихов. Фёдор Иванович ждал новых публикаций и в 1837 году, когда «Современник» перешёл к Плетнёву, подписался на 4 тома. У князя Ивана после получения пакета с тютчевскими творениями появилось желание их самому издать, но упорства для осуществления этих намерений у него не доставало. Значительное количество стихов пролежали в зарубежных архивах Ивана Гагарина почти сорок лет! „*Знаете ли, мой милый друг Дарья,* - писал И. С. Аксаков 24 ноября 1874 года Дарье Фёдоровне, второй дочери уже покойного Тютчева, - *что нашлось 60 стихотворений Фёдора Ивановича, никогда ненапечатанных? 60 пиес, о которых*

---

[1] Тютчев в Мюнхене внимательно следил за российскими литературными журналами. Вероятно, он был солидарен с положительным отзывом С. П. Шевырева в «Московском наблюдателе» 1835. Ч. I. на повести Н. Ф. Павлова. Знал ли Тютчев о негативной оценке императором «Повестей» и запрете их переиздания? Павлов уважительно относился к Тютчеву. 24 декабря (ст. ст.) 1839 года Н. Ф. Павлов писал С. П. Шевыреву.: „...*Ради Бога, помоги. Альманах мой собирается. ... Добудь у Тютчева стихов*". [РА 1897] В конце 50-х гг. Н. Ф. Павлов часто упоминаем в тютчевской переписке: „*В прошлый вторник ...я обедал в обществе г-на Павлова, очень известного московского литератора*", - из письма от 5 июня 1858 года. [Тютчев 1984, 252] 26 апреля 1859 Павловым был прочтен доклад о несправедливых нападениях на литературу. По словам Тютчева, это было „*чтение трепещущее современностью*".

он не только никогда не упоминал, но, по всей вероятности, даже забыл... Эти стихотворения хранятся у Ивана Сергеевича Гагарина... В 1836 году он уехал в Петербург, говорил много о Фёдоре Ивановиче Пушкину и Жуковскому и по их желанию писал ему в Мюнхен о присылке всех его стихов. Ф. Ив. исполнил его просьбу, и Гагарин получил от него целый пакет с лоскутками, исписанными собственной рукой Ф. Ив.. Из этих лоскутков Гагарин выбрал стихотворений 40 или около этого и передал их Пушкину, который и стал помещать их в своем журнале, а остальные так и остались у Гагарина и пролежали у него почти 40 лет!!".

Гагарин передал Аксакову тютчевскую часть архива, но не полностью, при этом многие стихотворения в копиях.

Высочайшую цену Фёдор Иванович не задумываясь, заплатил князю Ивану Гагарину за его ожидаемую помощь в сохранении от высшего света семейной тайны. Но князь был не тем человеком, на которого мог положиться Тютчев. Письмо Фёдора Ивановича имело прямо противоположный эффект. Вопреки просьбе Фёдора Ивановича Гагарин поддерживал *нелепые толки.*

Герцен характеризовал Гагарина, как „*аристократа, вероятно, не получившего серьезного образования, ни сильного таланта*". Опрометчивость Фёдора Ивановича могла дорого обойтись русской поэзии. Позже Тютчев перестал поддерживать отношения с князем И. Гагариным. „*Моих убеждений, кажется, Тютчев никогда не разделял*", - признавался Гагарин Аксакову в 1874 году.

Ни Тютчев, ни Пушкин не желали недоговорок, недоразумений. Оба сделали жесты миролюбия. Но помехой стали амбиции И. Гагарина. Пушкину не довелось прочитать многие замечательные тютчевские стихотворения, включая перевод из столь любимого им французского поэта Беранже:

Пришлося кончить жизнь в овраге:
Я слаб и стар - нет сил терпеть!
"Пьет, верно", - скажут о бродяге, -
Лишь бы не вздумали жалеть
Те, уходя, пожмут плечами,
Те бросят гривну бедняку!
Счастливый путь, друзья! Бог с вами!
Я и без вас мой кончить век могу!

Вероятнее всего, если бы Пушкин получил все присланные ему стихотворения Тютчева, произошло бы, наконец, полное примирение двух российских поэтов и в «Современнике» появилась публикация под заголовком, например, «Стихи русского поэта, дипломата в Германии»...

Две яркие личности неизбежно обладали уникальной индивидуальностью поэтического дарования. Сегодня здание русской литературы не возможно представить без фундаментальных опор бесценного гениального творчества Пушкина и органично дополняющей интеллектуально-глубокой поэзии Тютчева.

Фёдор Иванович никогда не стремился соперничать с Пушкиным. Напротив, отдавая должное его таланту и посмертной славе, пророчески предсказанной самим поэтом в 1836 году в стихотворении „*Я памятник себе воздвиг нерукотворный...*“, Тютчев через 30 лет, будучи уже известным поэтом, определил скромность своей персоны четверостишием „*Когда сочувственно на наше слово...*“.[1]

Неясно, от кого Тютчев узнал о гибели Пушкина. Возможно, из газет. Со ссылкой на письма из Берлина и на французскую прессу аугсбургская «Allgemeine Zeitung» 5-го марта 1837 года поместила краткую статью о смерти поэта. Заметка называла Пушкина „*известным русским поэтом и писателем*“ и, за исключением некоторых неточностей, в основном верно сообщала историю дуэли.[2] Более пространным было донесение баварского посла в Петербурге графа Максимилиана Лерхенфельда (брата баронессы Амалии Крюденер). Граф уже 29 января докладывал в Мюнхен своё понимание событий: „*Россия только что потеряла самую большую фигуру своей литературы, знаменитого поэта господина Александра Пушкина. Он умер в возрасте 37 лет, получив серьезное ранение на дуэли. Особенностью этой ситуации являлась яростная ненависть со стороны высших кругов из-за его арапского происхождения. Дуэль была единственным сюжетом разговоров в русской столице. Противником Пушкина на дуэли был господин Жорж де Геккерн, француз по происхождению, приемный сын голландского министра барона Геккерна. Жорж де Гекккерн раньше имел фамилию д'Антес, он был офицером и в скором времени женился на сестре госпожи Пушкиной...*“. [Vitale, 13]

Летом в Петербурге под впечатлением рассказов очевидцев кончины Пушкина Тютчевым была написана знаменитая ода «29-ое января 1837»:

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?

---

[1] См. статью «Людвигштрассе».

[2] В указанной заметке два разных человека - А. С. Пушкин и граф Мусин-Пушкин - по оплошности идентифицированы как одно и то же лицо. Вероятно, и при жизни Александра Сергеевича уже случались такие же досадно-комичные недоразумения, которые Пушкин высмеял в «Моей родословной» (1830): *Я грамотей и стихотворец, // Я Пушкин просто, не Мусин, // Я не богач, не царедворец, // Я сам большой: я мещанин.*

Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный? <...>
Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Сила гневной страсти запугала цензоров, стихотворение было опубликовано только в 1875 году (в № 2 «Гражданина» с пометою «Мюнхен»)!

--- ТУРИН. СМЕРТЬ ЭЛЕОНОРЫ

„*Она была для меня жизнью... Женщина, которую видел молодой и прекрасной, смеющейся, нежной и чуткой - и вдруг мертва, недвижна, обезображена тленьем*".

Ф. И. Тютчев дочери Анне 4/16 мая 1846 года.

...Безвольный Тютчев был неспособен к свершению каких-либо радикальных действий для разрешения семейного конфликта. „*Ум сильный и твердый - при слабодушии, при бессилии воли, доходившем до немощи*", - мнение Аксакова. Фёдор Иванович находился между двух любящих его женщин и по-своему дорожил обеими.

Его встречи с Эрнестиной еще какое-то время продолжались. Но растерявшийся Тютчев уже был склонен к бегству. 4 февраля 1837 года всепрощающая Элеонора деликатно указывает полуправду матери поэта, не называя действительного повода для переезда в Россию: „*Если бы Вы могли его видеть таким, каким он уже год, удрученным, безнадежным, больным, затрудненным тысячью тягостных и неприятных отношений и какой-то нравственной подавленностью, ...вывезти его отсюда волею или неволею*(! - А. П.) *- это спасти его жизнь. ...я, связанная с этой страной столькими узами дружбы, я принуждена сказать, что пребывание здесь для меня невыносимо; судите, что же это для него, не имеющего здесь почвы в настоящем и ничего в будущем*".

Судьба не сопутствовала немедленному отпуску Тютчева: посланник Григорий Гагарин серьёзно заболел. Тютчев с 28 июля по 22 августа 1836 года исполнял обязанности поверенного в делах. Поездка была отложена до весны следующего года.

Как всегда, всё или почти всё разрешила смерть: 12/24 февраля 1837 года скончался посланник Григорий Гагарин. В мюнхенской миссии были произведены новые назначения: Тютчев получил должность с повышением в Турин (с правом трехмесячного отпуска), его

место в Мюнхене занял барон Аполлониус фон Мальтиц. Вопрос о ностальгии пока больше не обсуждался, его сменило желание скорей покинуть Мюнхен. Только 9/21 мая Тютчев, наконец, сообщает родителям о поездке всей семьёй в Россию.

Но Петербург не доставил радости Фёдору Ивановичу. И. Гагарин в письме от 28 октября/9 ноября 1874 вспоминает тютчевскую франко-немецкую фразу, ставшей крылатой: „*je n'ai pas le heimweh, mais le herausweh*".[1] В немецком языке нет слова *herausweh*. Его придумал Фёдор Иванович как игру слов, означающую *тоску по отъезду*. Историк Александр Тургенев, часто гостивший в петербургском доме Тютчевых, отмечал, что и Элеонора „*жалеет по мюнхенской жизни*". Темы вечерних бесед: „*о Шеллинге, Чаадаеве, о его наказании и пр. О Пушкине*".

По истечении отпуска и утверждения в должности, Фёдор Иванович заторопился к новому месту назначения, в Турин. С Элеонорой у Тютчева была договоренность, что осенью она выедет вслед за ним, а пока Элеонора с детьми оставалась в Петербурге. Здесь же были и её сыновья-Петерсоны.

Элеонора не доверяла бесхарактерности Тютчева и знала, что должна находиться рядом с ним. В Турин Тютчев ехал через Мюнхен, где оставался весь август 1837 года. Из Мюнхена Элеонора получила длинное письмо с советами оставаться до весны в Петербурге. Тут и трудности переезда с детьми, и риск заболевания холерой, и материальные проблемы. Доводы Тютчева и добрый тон письма („*Мой друг!*" - обращался Фёдор Иванович к жене) убедили Элеонору. В сентябре Тютчев прибыл к месту нового назначения. Из Турина он шлёт в Петербург родителям и Элеоноре подробные отчеты. Уделено место и туринским знакомствам: „*Среди тех, которые я завел за последнее время, есть, бесспорно, несколько любезных женщин, чьё общество во всякой стране было бы большим подспорьем*". Новые лирические стихи не появились...

Тютчевские письма Элеоноре полны жалоб на одиночество и скуку: „*В моём следующем письме я буду говорить тебе подробно о моём состоянии, как внешнем, так и внутреннем. Тебе достаточно будет знать, что нет ни одной минуты, когда б я не ощущал бы твоего отсутствия. Я никому не желаю испытать на собственном опыте всего, что заключают в себе эти слова*". В письме от 13 декабря 1837 года Тютчев тепло поздравлял родителей и жену с наступающим Новым 1838 годом. Ничто его серьезно не беспокоит. Никаких дурных предчувствий... Но душевная тревога изводит чуткую Элеонору. Её интуиция более восприимчива к опасности. Она торопится в Турин. На

---

[1] „*у меня не тоска по родине, а тоска по отъезду*". [ЛН2, 48 (Осповат)]

поездку нет средств. Вечные денежные проблемы! Лишь 14 мая 1838 года Элеонора с дочерьми отбыла из Петербурга к мужу. Часть путешествия, Петербург-Любек, было морским. При подходе к Любеку (в ночь на 19 мая) на российском пароходе «Николай» внезапно начался сильный пожар. На пароходе путешествовал цвет петербургской аристократии: Толстые, Голицыны, Вяземские. Находился здесь также 20-летний Иван Сергеевич Тургенев, который направлялся на учебу в Берлин.[1] Абитуриента сопровождал слуга-дядька Порфирий Тимофеевич Кудряшев (П. Т. Кудряшев по молве единокровный брат И. С. Тургенева. [Богословский])

Через 45 лет, 17 июня 1883 года, во французском городе Буживаль Тургенев по памяти продиктует Полине Виардо рассказ о происшествии на пароходе: „*...два широких столба дыма пополам с огнем поднимались по обеим сторонам трубы и вдоль мачт; началась ужаснейшая суматоха, которая уже и не прекращалась. Беспорядок был невообразимый. ...В числе дам, спасшихся от крушения, была одна г-жа Т*<ютчева>, *очень хорошенькая и милая, но связанная своими четырьмя дочками и их нянюшками; поэтому она и оставалась покинутой на берегу, босая, с едва прикрытыми плечами. Я почел нужным разыграть любезного кавалера, что стоило мне моего сюртука, который я до тех пор сохранил, галстука и даже сапог; кроме того, крестьянин с тележкой, запряженной парой лошадей, за которыми я сбегал на верх утесов и которого послал вперед, не нашел нужным дождаться меня и уехал в Любек со всеми моими спутницами, так что я остался один, полураздетый, промокший до костей, в виду моря, где наш пароход медленно догорал...*". Юному Тургеневу героических подвигов во время пожара проявить не удалось. Сплетничали, что он порядком струхнул. Иван Сергеевич признавался: „*Близость смерти могла смутить девятнадцатилетнего мальчика - и я не намерен уверять читателя, что я глядел на нее равнодушно...*". Пожар не обошелся без жертв, погиб один человек: партнер Тургенева по шахматам. Об их яростной игре, которая не прекращалась все путешествие, язвительный Петр Андреевич Вяземский пророчески злословил: „*Можно подумать, что дело у вас идет о жизни и смерти*". [Богословский] Спустя 6 недель, 6 июля 1838 года, П. А. Вяземский в письме к Д. П. Северину осведомился о здоровье Элеоноры, своей *«сопогорелой»*. [Летопись 1933, 48] Багаж Тютчевых пропал. Потрясение Элеоноры было на грани её физических сил. „*Никогда Вы не сможете представить себе эту ночь, полную ужаса и борьбы со смертью!*" - рассказывала позже

---

[1] Однако в том же 1838 году имя Ивана Тургенева обнаруживается в регистрационных записях Гейдельбергского университета. [Birkenmaier]

Элеонора сестре мужа, Дарье Ивановне. В упомянутом выше «Кораблекрушении» есть образные строки:

Изверженный сердитым морем,
Лежу на берегу,
На диком, голом берегу!..
Передо мной пустыня водяная,
За мной лежит и горе и беда...

Корабль судьбы Элеоноры все больше кренился...

Тютчеву о пожаре стало известно из газет: „*Я спокойно сидел в своей комнате в Турине, когда мне пришли просто-напросто сообщить, что «Николай», вышедший 14/26 мая из С.-Петербурга, сгорел в море*". Фёдор Иванович тотчас выехал в Мюнхен. Туда уже добиралась Элеонора с детьми. Они остановились в пансионе тетушки Элеоноры, баронессы Ганштейн. Элеонора сообщала из Мюнхена отцу Тютчева, что уже поправляется после „*нескольких дней довольно сильного нездоровья, последствия пережитого ужаса и тревог, а также тысяч забот, последовавших за этим, которые привели к чему-то похожему на нервную горячку*". Тютчев также подтверждал, что здоровье Элеоноры удовлетворительно: „*Помимо Бога, сохранением жизни Нелли и детей я обязан её присутствию духа и её мужеству. ...Только прибыв в Мюнхен, я узнал, как всё было, и неделю спустя смог успокоиться, убедившись, что Нелли не столь измучена и разбита, как я опасался*".

Итак, слава Богу, Элеонора как будто восстановилась и она опять вся в заботах о Тютчеве и семье. Процитируем ещё одно, последнее письмо Элеоноры матери Фёдора Ивановича, от 4 августа 1838 года, уже из Турина: „*Я не решаюсь говорить о моих* (материальных) *заботах Теодору, я нахожу его таким убитым, не знаю, что тому причиной: климат или одинокий образ жизни, который он должен вести здесь, но я думаю, что и то, и другое вместе вызывают в нем раздражительное и меланхолическое настроение, которое Вам известно. ...Я нахожу, что здоровье Теодора скорее лучше, чем хуже, а с тех пор, как он проходит курс лечения гидропатией, наступило заметное улучшение*". У неё мысли только о муже. Никаких серьезных жалоб на свое здоровье.

Но пережитый ужас в море на ночном пожаре не прошёл бесследно, его последствия для ослабленного организма Элеоноры оказались роковыми: 28 августа/9 сентября сердце страдалицы Нелли остановилось. Элеонора терпеливо соединяла свою жизнь с Фёдором Ивановичем и вот неожиданно ушла. Корабль ее судьбы не выдержал бури... Финальные строки «Кораблекрушения»:

Молчите, птицы, не шумите, волны,
Все, все погибло, счастье и надежда,
Надежда и любовь!.. Я здесь один...

Элеонору похоронили на кладбище в предместье Турина Village de la Tour. На могильной мраморной плите слова: „*Здесь покоится Элеонора Тютчева, урожд. Ботмер, скончавшаяся в сентябре 1838 года*". И ниже: „*Она не придет более ко мне, но я иду к ней*".[1] Фёдор Иванович был раздавлен. Рассказывают, что, „*проведя ночь подле гроба жены, он поседел от горя в несколько часов*". Первым поспешил на помощь к Тютчеву его брат Николай. Он был в Варшаве и узнал о случившемся горе 15 сентября из письма Клотильды. На следующий день Николай извещал родителей: „*Это неожиданное известие сильно меня поразило, тем более, что я совершенно ничего не знал о болезни бедной нашей Нелли*". Очень медленно у Тютчева восстанавливалась способность к осмысливанию жизни. В один день, 6 октября 1838 года, Тютчевым написаны два письма о кончине Элеоноры, одно В. А. Жуковскому, другое К. В. Нессельроде. Вот строки из его письма Василию Андреевичу: „*Есть ужасные годины в существовании человеческом... Пережить все, чем мы жили - жили в продолжении целых двенадцати лет... Что обыкновеннее этой судьбы - и что ужаснее? Все пережить и все-таки жить...*". Далее следует мысль, которая постоянно присутствует в его сознании, подсознании, поэзии и переписке, мысль о трудности самовыражения: „*Есть слова, которые мы всю нашу жизнь употребляем, не понимая... и вдруг поймем... и в одном слове, как в провале, как в пропасти, все обрушится*". Через несколько строк - программное заявление о главных ценностях его, тютчевской, жизни: „*Вы принесли с собой то, что после неё* (Элеоноры) *я более всего любил в мире:* ***отечество и поэзию...***". Тютчев пишет о важности счастья для человеческой судьбы: „*Не Вы ли сказали где-то: в жизни много прекрасного и кроме счастия. В этом слове есть целая религия, целое откровение... Но ужасно, несказанно ужасно для бедного человеческого сердца отречься навсегда от счастия. Простите*". Заключающее *Простите* звучит давним несогласием с этой позицией Жуковского.

Через 28 лет, 25 ноября 1866 года, в письме дочери Екатерине, личная жизнь которой не сложилась, Тютчев повторил неприятие того же тезиса: „*Всё, что ты мне говоришь в последнем письме о живительной силе, которую черпает душа в смирении, идущим от разума,*

---

[1] Генриетта фон Ботмер, потомок семьи Ботмеров, проживающая в Нижней Саксонии, предполагает, что причиной скоропостижной кончины Нелли было острое воспаление легких. [Bothmer 2002] 10/22 октября 1871 года Дарья Фёдоровна посетила могилу матери: „*Убогая разоренная могила, где не осталось ничего - ни креста, ни памятника, только немного травы и мраморная доска...*". [ЛН2, 417 (Пигарев, Динесман)] По просьбе автора кладбище посетил житель Турина профессор-славист Пьеро Каццола. Он сообщил, что разыскать могилу Элеоноры не представляется возможным. Сегодня предместье называется Torre Sellice. [Cazzola]

конечно, весьма справедливо, но, что до меня, то признаюсь тебе, я не в силах смириться с твоим смирением и, вполне восхищаясь прекрасной мыслью Жуковского, который где-то сказал: „Есть в жизни много прекрасного и кроме счастия", - я не перестаю желать для тебя счастья, которое требовало бы от тебя меньших усилий...". Необходимость ощущения счастья было внутренней потребностью души поэта, главным рефреном всей жизни. В феврале 1823 года юный Фёдор переводит «Песню радости» Шиллера, которая начинается четверостишием:

Радость первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославленья,
Предаем тебе сердца!

Через 47 лет, в феврале 1870 года, тот же душевный настрой, но уже тяжело больного Тютчева в переводе песни Клары из гётевского «Эгмонта»:

Радость и горе в живом упоенье,
Думы и сердце в вечном волненье,
В небе ликуя, томясь на земли,
Страстно ликующей,
Страстно тоскующей
Жизни блаженство в одной лишь любви...

...Василий Андреевич содействовал публикации тютчевских стихов в пушкинском «Современнике». Он знал Тютчева еще подростком, но душевной близости между ними не было. Ослабевший духом Фёдор Иванович писал Жуковскому 6/18 октября 1838 года: „*...я вам чужой, почти вовсе незнакомый, жду и надеюсь утешения*". Василий Андреевич встретился с Фёдором Ивановичем, через полтора месяца после смерти Элеоноры. Сухие и краткие записи в дневнике Жуковского о Тютчеве: „*Горе и воображение*". Состояние Фёдора Ивановича не принято им близко к сердцу. Сентиментальный романтик Жуковский, безнадежно влюблённый всю жизнь в племянницу Машу Протасову, смирившись с судьбой, писал её матери, сводной сестре Екатерине: „*Я убеждён, совершенно убеждён, что главное сокровище души заключается в страдании*". (Покорный жизни *без счастья* Жуковский обрёл, наконец, семью в возрасте 58 лет. Он венчался 21 мая 1841 года в Штутгарте (в православной часовне прихода Ротенберг) с молоденькой Елизаветой Ройтерн, дочерью художника Герхарда фон Ройтерна, автора малоизвестного портрета Василия Андреевича. (Тесть был младше зятя на 11 лет!) От брака с Елизаветой были рождены двое детей. Скончался Жуковский 12 апреля 1852 года.) При жизни Жуковского Тютчев стихотворений ему не адресовал. Фёдор Иванович высоко оценивал его поэтический талант, считая Жуковского одним из

трёх незабвенно-дорогих, наряду с Пушкиным и Карамзиным, столпов русской литературы (См. «На юбилей князя Петра Андреевича Жуковского»). Начало письма к Нессельроде от того же 6 октября 1838 года продолжает тютчевскую тему сложности самовыражения: „*Ваше сиятельство, я все потерял... Слова, я это чувствую, не выражают ничего... Но ведь у человека нет ничего, кроме слов, чтобы выразить, сколь изранено его сердце*". Тютчев напоминает события последних месяцев. После пожара на пароходе пострадавшие пассажиры были доставлены в Гамбург. Элеонора в Гамбурге виделась с Нессельроде. По его совету она послала Николаю I (который находился тогда в Берлине) прошение о возмещении убытков. Нессельроде также рекомендовал Элеоноре, чтобы Тютчев обратился с аналогичным ходатайством и на его, Нессельроде, имя. В результате Тютчев получил от казначейства 800 червонцев. Фёдор Иванович благодарит Нессельроде и далее пишет: „*Не известие ли об этом благодеянии принесло ей последнее утешение, последнюю радость, которую ей было дано изведать на земле?...Два дня спустя обнаружилась та болезнь, которая среди жесточайших страданий разбила одно из самых благородных сердец, когда-либо созданных Богом*". Конец письма для Фёдора Ивановича особенно труден: „*...Граф, как ни горестно, как ни постыдно такое признание... я ни на что не способен, я сам ничто. Испытание не было соизмерено с моими силами... Я чувствую себя раздавленным... Я могу проливать слезы над этими несчастными детьми, но я не могу их оберегать*". Дочери Тютчева находились в Мюнхене под надежной опекой любящих людей, близких родственников, друзей тютчевской семьи: баронессы Ганштейн и свояченицы Клотильды. Траурную дату, день смерти Элеоноры, в семье Тютчевых помнили всегда. „*Ты хорошо сделала, что думала обо мне в день 9 сентября*", - писал Тютчев дочери Анне в 1846 году. Тютчев остро чувствовал трагизм судьбы Элеоноры. В 1848 году, через десять лет после ее кончины, он (на девятом году нового супружества) обратил к памяти Элеоноры шедевр-воспоминание:

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой -
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

Простота ритма, образность текста, эмоциональность, боль душевной незаживающей травмы воодушевили более двадцати российских композиторов на создание романсов и элегий на эти прекрасные стихи. Как-то Элеонора написала брату Фёдора Ивановича, Нико-

лаю, пророческие слова о своем муже: „*Провидение позаботилось о нашем дитяти, и везде он находил, где преклонить голову*". Нелли чувствовала благорасположение Провидения к Фёдору Ивановичу... С ее кончиной завершилась пора счастливой беззаботной затянувшейся молодости Тютчева с женой-мамой. Жизнь переломилась надвое, Федору будет отпущено ровно столько же, сколько он уже прожил - 35 лет.

(1849-1857)

Ozerov Ivan, von, Russ. Gesandter u. bevollm. Mini
Geh. Rat u. Kammerherr (1863-1

Osten-Sacken Nikolaus, Graf von der, Russ. Ge
Minister, Geh. Rat u. Ka
(1880-1882 & 1884-1895

Sinas Simon, griech. Gesandter in Wien, Berlin
(1858-1862)

Tjutschev Fjodor, russ. Diplomat u. Dichter

Sturdza Roxandra, Ehrendame der Kaiserin Eli
Vertreterin der "Philiki Hetairia" in W
dortigen Ministers und Hofmarschals

Имя Фёдора Ивановича Тютчева
на мемориальной доске в церкви св. Сальватора.

Рядом с Тютчевым с декабря 1838 года уже была Эрнестина. Летом следующего года, Фёдор Иванович и Эрнестина обвенчались. Элеонора передала Эрнестине эстафету забот, тревог, любви ...и страшных потерь: к великой горести Тютчева из девятерых детей, которым Фёдор Иванович даст жизнь, он переживёт четверых... В 1994 году по инициативе церковного старосты Сальваторкирхи, историографа греческой общины в Мюнхене, Константина Котсовилиса, была установлена в церкви мемориальная доска с гравированными на пластиковых полосах именами баварских королей, российских императоров, посланников, греческой знати и других почётных посетителей. О Тютчеве староста ничего не знал, но в церковном архиве обнаружил имя дамы с высоким дворянским титулом, которую и увековечил: «Tutscher Eleonore, geb. Gräfin von Bothmer» («Тютчер Элеонора, урожд. графиня фон Ботмер»).

В 1998 году в мюнхенской газете «Deutsch-russische Zeitung» Nr. 7 (19) была опубликована статья А. Полонского «Тютчев и российско-баварские отношения на Балканах», в которой уделялось место и рассказу о роли церкви св. Сальватора в биографии семьи Тютчева. Статья завершалась словами „*...будем надеяться, что мы увидим, наконец, на мемориальной доске* <в Сальваторкирхе> *впервые на Западе имя великого русского поэта*".

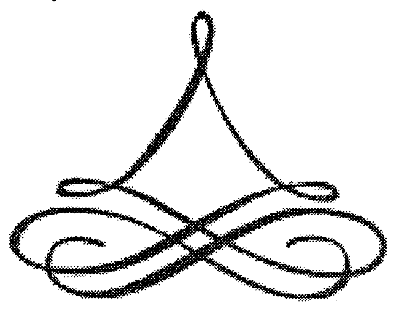
Церковное руководство приняло к сведению мнение газеты, но места на мемориальной доске для новой записи уже не оставалось: на доске плотно размещены почти 50 имен.

По распоряжению администрации церкви полосу с именем Элеоноры отклеили и на обратной стороне гравировали новую надпись: «Tjutschev Fjodor, russ. Diplomat u. Dichter» («Тютчев Фёдор, русский дипломат и поэт» нем.). Затем полосу вновь приклеили на то же самое место. Имя Тютчева красовалось на лицевой стороне доски. 22 июля 1998 года, к 125-й годовщине кончины поэта, в притворе Сальваторкирхи торжественно с участием русской православной церкви, Генерального консульства Российской федерации, общества «Центр русской культуры «MIR» в Мюнхене», русской диаспоры и немецкой общественности Мюнхена была открыта мемориальная доска в новой редакции.

Никто не догадывался, что скромная Элеонора осталась рядом с мужем...

Однако не надолго. Не суждено. Вмешались мирские страсти. По решению конституционного суда в Карлсруэ церковь св. Сальватора 27 сентября 1999 года была выведена из-под юрисдикции греческого подчинения и передана под управление константинопольского патриархата «Griechisch-orthodoxe Metropolie von Deutschland untersteht dem ökumenischen Patriarchat von Konstantinopel». Новые священнослужители мемориальную доску сняли. Отдавая должное памяти выдающихся деятелей Баварии, Греции и России, ими было обещано установление новой мемориальной доски с более лаконичным списком претендентов на увековечение.

Письмом от 8 марта 2002 года епископский викарий греко-православной метрополии в Баварии священник Арostолос Маламоуссис подтвердил ранее данное обещание об установлении мраморной доски взамен прежней деревянной, заверил Генеральное консульство Российской федерации в Мюнхене в желании сотрудничества и предложил отпраздновать в Сальваторкирхе литургию в честь великого русского поэта Федора Тютчева.

- НЕСТИ

<...> Но если бы душа могла
Здесь на земле найти успокоенье
Мне благодатью ты б была -
Ты, ты, мое земное Провиденье!..

Ф. И. Тютчев

Баронесса Эрнестина-Генриэтта-Каролина-Максимилиана-Вильгельмина фон Пфеффель (20 апреля 1810, Дрезден - 17 апреля 1894, Петербург) родилась в баварско-французской семье. Отец, барон Карл Максимилиан Христиан Фридрих Гюбер фон Пфеффель (1765-1834), уроженец Эльзаса, - баварский дипломат в Голландии, Дрездене, Лондоне, Париже. Мать, Каролина (1789-1811), - баварская баронесса фон Теттенборн. Эрнестина воспитывалась в пансионах Парижа и Страсбурга. В брак вступала дважды. 28 сентябре 1830 года в Париже она вышла замуж за баварского дипломата барона Фридриха Карла фон Дёрнберга (1796-1833). С Тютчевым обвенчалась летом 1839 года. От брака с Фёдором Ивановичем были рождены трое детей: Мария (1840-1872), Дмитрий (1841-1870) и Иван (1846-1909). Брат Эрнестины, Карл (1811-1890), известный журналист и публицист, был дружен с Тютчевым.

...1873 год. 70-я весна Фёдора Ивановича. Лучшие творения им написаны весной, посвящены весне. В эту пору года душа Поэта в единении с природой наполняется её целительными силами и стремится в „*животворный безбрежный океан божеско-всемирной жизни*". Поэт предчувствует, что больше весен в его жизни не будет. Мозг еще светел, но тело уже чужое. Он спокойно принимает настоящее. Рядом его *благодать*, жена Эрнестина, по-домашнему Нести. Только она была ему во всём подстать - по интеллекту, культуре, мышлению. Рядом с Нести было тепло его душе и уютно его телу. В жизни Поэта было много радости и много печали. Душа то наполнялась ярким светом любви, то проваливалась во тьму ужаса смерти. В памяти возникают воспоминания. Всплывают картины мюнхенской молодости, далёкий карнавальный Fasching февраля 1833 года. 40 лет тому назад на баварской масленице, произошло чудо встречи Фёдора и Нести. Всю оставшуюся жизнь Фёдор Иванович ощущал пристальное внимание Провидения к их общей судьбе...

--- ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

„Это произошло в феврале на балу...“.

Из дневниковой записи Дарьи Тютчевой. 1833 год.

В январе 1833 года баварский дипломат барон Фридрих Дёрнберг и его жена Эрнестина приехали из Регенсбурга в Мюнхен на Fasching. Через 24 года Дарья, дочь Фёдора Ивановича и Элеоноры, расскажет семейное предание о первой встрече её отца с её будущей мачехой: „*Маменька* (дочери Фёдора и Элеоноры так будут называть мачеху) *танцевала, а муж её, чувствуя себя нездоровым, решил уехать с бала, он не хотел мешать жене веселиться. Когда он подошел к ней, она разговаривала с каким-то молодым русским. Сказав жене, чтобы она оставалась, и что он уедет один, он повернулся к молодому человеку и сказал ему: „Поручаю Вам мою жену". Этот молодой русский был папа*".

Барон Фридрих был бледен. Фразу произнёс тихо, с некоторым усилием. Он что-то ещё хотел добавить, но мешала весёлая музыка. Возбуждённая атмосферой бала Эрнестина увлечёно слушала остроумного русского дипломата. Грусть мужа прошла мимо внимания баронессы. Барон это понял и сделал только прощальный жест. Фёдор с улыбкой рассеянно кивнул. В звуках тикающих часов Истории последовала короткая пауза, но она не была замечена присутствующими...

Баронесса Эрнестина Дёрнберг, урожд. баронесса Пфеффель, во втором браке Тютчева. Литография Г. Бодмера с портрета И. Штилера, апрель 1834 года. Мюнхенский городской музей.

На этом свете Фёдору с бароном увидится более не довелось...

„Приехав домой, г-н Дёрнберг слег; он заболел тифом и более не встал на ноги. Маменька рассказывала, что по возвращении домой она застала мужа совсем больным...

Когда он умер, она долго не могла прийти в себя от ужаса и недоумения. Вместе с братом она уехала из Мюнхена в Ратисбон. Там брат её заболел той же болезнью", - запись Дарьи, дочери Фёдора Ивановича и Элеоноры, в июне 1857 года.[1]

Склонный к мистицизму Тютчев был потрясён внезапной смертью барона, поручившего ему перед смертью свою жену. Они едва успели познакомиться. Барон, словно предчувствуя свою кончину, специально приехал ради завещания...

В контексте описываемого события роковым совпадением выглядит ещё один эпизод этого же времени: отклонение ходатайства министром Нессельроде о переводе Тютчева из Мюнхена на службу в другую страну (совместно с посланником Иваном Потёмкиным). Удовлетворение ходатайства означало бы, что Эрнестина в судьбе поэта не появилась... Фатальная предназначенность друг другу, Фёдора Ивановича и Эрнестины, будет особенно остро ощущаться в трудные времена их бытия. Рок покровительствовал их союзу. Истории был угоден именно тот сценарий жизни и творчества Тютчева, который засвидетельствован потомками.

В марте 1833 года еще не совсем выздоровевший брат Эрнестины, Карл, был уже в Мюнхене и сообщал в Регенсбург сестре: „*Тютчев, которого я повстречал на улице, чрезвычайно интересовался вами*".[2] Через шесть дней: „*Тютчевы звали меня обедать*".

Насколько глубоким оказался след в сердце Эрнестины от встречи на зимнем карнавале? Вероятная встреча могла произойти летом 1833 года в Эглоффсгейме, предположительно 25 июня 1833 года. [ЛН1, 292 (Пигарев)] Во всяком случае, у Элеоноры, жены Фёдора Ивановича, появился повод к беспокойству: „*Я не прочь отправить его немного прогуляться. Безделье - вещь коварная*". Такая прогулка состоялась. С августа по ноябрь Тютчев с деликатным дипломатическим заданием был командирован в Грецию.[3] Элеонора сопровождала мужа до Триеста.

Предыдущие встречи Фёдора с Эрнестиной были прелюдией любви. Как в добрых сказках, в которых чудеса совершаются в новогоднюю ночь, так часы их любви были запущены с двенадцатым ударом курантов на новогоднем балу у прусского посланника Августа Дёнгофа в последний день 1833 года. Через 20 лет, 19/31 декабря 1853 года, Тютчев напоминал жене: „*Сегодня день св. Сильвестра, ты, может быть, вспомнила об одном бале у Дёнгофов в Мюнхене?*“. [Тютчев 1984, 204] Часы любви Фёдора и Эрнестины шли еще 60 лет 3 ме-

---

[1] В семье Тютчевых старинный баварский город Регенсбург называли древним кельтско-римским именем Ratisbona, Ратисбон.

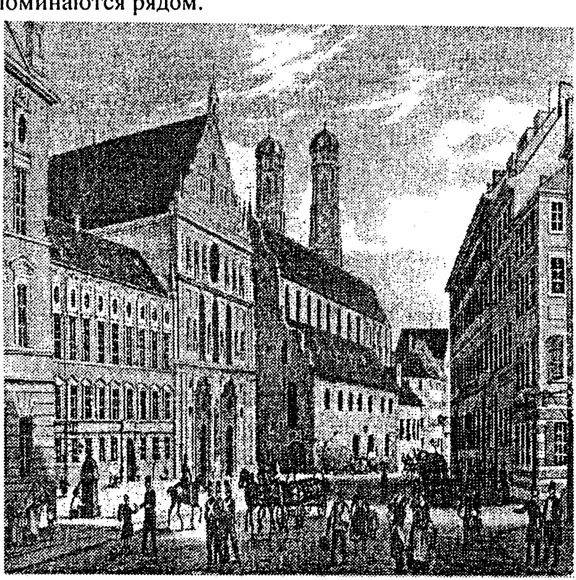
[2] Карл Пфеффель и Фёдор Иванович были знакомы с 1830 года.

[3] См. статью «Тютчев и персонажи картины Филиппа Фольца».

сяца и 16 дней, шли неравномерно, иногда их ход опасно замедлялся, но даже кончина Фёдора Ивановича их не остановила. Они умолкли навсегда только 17 апреля 1894 года...

События первых месяцев 1834 года сопутствовали дальнейшему сближению Фёдора и Эрнестины.

С 26 марта до 1 мая 1834 года в Мюнхене гостил известный историк Александр Тургенев. Он был знаком с Тютчевым и другими дипломатами, дружен с философом Шеллингом, принят при дворе, часто посещал светские рауты. Молодящийся 50-летний холостяк с привычками опытного салонного кавалера обратил внимание на 24-летнюю баронессу-вдову Эрнестину Дёрнберг. Краткие выдержки из его дневника (с соблюдением стилистики оригинала) - история несостоявшегося романа. [ЛН2, 63-98 (Азадовский, Осповат)] Любопытно, что в дневниковых записях Тургенева имена Фёдора Ивановича и Эрнестины часто упоминаются рядом.

Нойхаузерштрассе, Кауфингерштрассе. Здесь прогуливался Александр Тургенев. На заднем плане Фрауенкирхе. Первая половина XIX века.

30 марта (н. ст.) встреча на королевском приеме: „*...Я стоял возле вдовушки-красавицы: она внучка славного Пфеффеля: отец её министром в Париже. Слушал, но более смотрел на нее...*"

3 апреля: „*Тютчев был у меня, приглашал к сардинскому посланнику ...Вечер у сардинского посланника, разговор с графом Гихом, с принцем*[1] *и с M-me Krudener* (баронессой Амалией Крюденер) *о мюнхенских красавицах. Не спускал глаз с милой вдовушки Дёрнберг-Фефель*".

---

[1] Тургенев имеет ввиду принца Карла (1795-1875), брата короля Людвига I.

4 апреля: „*...Любезничал с вдовочкой Дёрнберг: насилу Тютчев увёл меня*". В последующие дни описание многочисленных встреч с баварскими знаменитостями, салонное времяпрепровождение, увлечение Эрнестиной. Записи типа: „*Вальсировал с Криденер, болтал с графиней Гих и с милой вдовочкой <...>, ...до 11 часов пролюбезничал умом и сердцем с прелестной вдовушкой <...>, ...вальсировал с вдовушкой; была любезна во весь вечер*".

Появляются жалобы на отсутствие взаимности: „*К вдовушке подходил; но приняла сухо и убегала сближения...*".

20 апреля, прогуливаясь по центральным улицам в районе Мариенплац, Нойхаузерштрассе и Кауфингерштрассе, Тургенев подошёл к собору и случайно увидел Эрнестину, входящую в храм. Она его не заметила. Тургенев весь внимание: „*Едва остановился близ входа вовнутрь храма, как и вдовушка явилась! Она католичка! Это новость для меня! Я остановился у памятника, спрятался за бронзового рыцаря ...Я простоял почти до конца 3-й обедни. Сделал визит ей - нездорова!*".

Бронзовый рыцарь в католическом соборе, Фрауенкирхе. За этой фигурой прятался А. Тургенев 20-го апреля 1834 года.

Тургенев не знал, что Эрнестина родилась 20 апреля 1810 года. В 24-й день своего рождения Эрнестина была на воскресной мессе в Фрауенкирхе, самом большом католическом соборе Мюнхена. Внутри собора находится мавзолей-памятник императору Людвигу Баварскому (1282-1347). По углам памятника установлены 4 бронзовые фигуры, изображающие коленопреклонённых наследников императора. Тургенев наблюдал за Эрнестиной, спрятавшись за фигуру герцога Вильгельма V (1493-1550).

О чём молила Эрнестина Всевышнего? Просила продлить дни умирающего отца? Желала освободить душу от грешного чувства к женатому русскому дипломату? Господь не услышал её молитвы...

21 апреля: „*...Гулял с Шеллингом. Вечер в концерте: слышал Ромберга*[1], *но только 1-ю половину концерта; от второй уехал и нор-*

[1] Бернхард Ромберг (1767-1841), известный музыкант, композитор.

вежским напевам перед королевой и блестящей публикой предпочел собственные - вдовушке, царице мыслей моих". Русская историческая наука не обогатилась в этот день новыми изысканиями Тургенева. Тютчев остался в театре. Скандинавская тема уже однажды прозвучала в творчестве Фёдора Ивановича при переводе стихотворения немецкого поэта Иоганна Гердера «Песнь скандинавских воинов». Молодого Тютчева тогда, ещё в 1825 году, очевидно, привлекла возбуждающая героика текста песни:

Вихрем помчимся,
Сквозь тучи и гром,
К солнцу победы
Вслед за орлом!..

Теперь 30-летнего Тютчева тронула проникновенная лиричность композиторского исполнения норвежских напевов. Сердце поэта резонансно откликнулось на мелодию звуков музыкой слов:

О арфа скальда! Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоем углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженный во сне.

Какой он жизнью на тебя дохнул?
Иль старину тебе он вспомянул -
Как по ночам здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев,
Иль в сих цветущих и поднесь садах
Их легких ног скользил незримый шаг?

Вернёмся к Тургеневу и Эрнестине. Её неприязнь всё более очевидна: „*Сперва была вдовушка любезна; при других стала отворачиваться*". Тургеневу явно изменяет чутьё кавалера...

23 апреля: „*...Идучи по своей улице*[1] *встретил её с братом. Остановились; она держала букет цветов. ...Я стал её упрашивать приехать к Сетто*[2]; *сказала, что объявила уже, что не будет, что должна писать письма; я умолял её - не соглашалась; я пенял, что она не приняла меня, а других. Она и не знала, что я был. „Завтра?" - „Я в*

---

[1] Тургенев проживал в гостинице «Goldener Hirsch» («Золотой олень»), Театинерштрассе 18. [РА] В [Летописи 1999, 116 и др.] гостиница неточно названа «Zum goldnen Hirsch». Так назывался ресторан при гостинице. Владельцем гостиницы был Karl Havard. [AT, 1835, Gasthauser]

[2] Барон Антон фон Сетто (1756-1847), баварский дипломат итальянского происхождения. Фамилию Cetto согласно норм транскрипции итальянских фамилий следует произносить Четто, в французской транскрипции звучит Сетто. Французская норма привилась в русской литературе.

12 часов выеду, - отвечала, - но придите в три"". У Тургенева появилась надежда...

На следующий день, 24 апреля, Александр Иванович опять у Эрнестины. Но его назойливая влюбленность откровенно Эрнестине неприятна: „*...в три часа был уже у нее, до 4 часов ровно. ...говорил о моих чувствах, ...начала отворачиваться, сказала, что не любит этого; я замолчал, заговорил о другом ...Не знаю, не более ли досады оставил в её сердце, чем... В 4 часа ушел, весь взволнованный и смущенный*". Тургенев был уверен, что Эрнестина осталась дома писать письма и в гости к семье баронов Сетто не поедет („*объявила уже, что не будет*"), и направился к князю Ивану Гагарину ухаживать за Амалией Крюденер. Эрнестина же после ухода Тургенева сразу поехала к баронессе Сетто. Там был Тютчев. Запись в дневнике Дарьи Фёдоровны Тютчевой через 23 года, в июне 1857, сообщает об этом дне: „*Маменька* (Эрнестина) *была знакома с нашей матерью* (Элеонорой), *а меня она знает со дня моего рождения. Когда я появилась на свет, маменька была с визитом у г-жи Сетто, это было после обеда. У моей матери благополучно окончились роды, и папа сказал об этом г-же Сетто, когда та поинтересовалась здоровьем моей матери. Маменька была тут же и таким образом узнала обо мне в тот самый день, когда я родилась*".

Дарья родилась 12/24 апреля 1834 года. В 1868 году ко дню рождения 34-летняя Дарья получит от отца поздравительное письмо. Лирическая утонченность души поэта в изяществе его слога: „*Мне думается, милая дочь, что мне пора напомнить о себе, и для этого пользуюсь случаем, вполне естественно представляющимся при приближении годовщины дня, с которого между нами возникли отношения некоторой близости*". Но этим событиям ещё предстоит произойти.

Между тем навязчивые ухаживания путешествующего учёного Эрнестина отвергает всё более решительно.[1]

26 апреля: „*...Был у ней; сперва был живописец; потом одевалась, не приняла и времени не назначила*".

По заказу отца Эрнестины придворный художник Й. Штилер написал её портрет.[2]

---

[1] Друзья-литераторы (В. Жуковский, П. Вяземский, И. Дмитриев) прозвали А. Тургенева за страсть к путешествиям *пилигримом*. Тютчев по дороге в Москву встретил Александра Ивановича в Варшаве и воскликнул: „*Что за человек! Или вернее, что за почтовая лошадь!*". См. письмо от 23 июня 1843. [Тютчев 1984, 79]

[2] Йозеф Карл Штилер (1781-1858), автор портретов крупнейших деятелей немецкой культуры (Гёте, Бетховена, Гумбольта, Шеллинга), коронованных и знатных особ России (императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Фёдоровны, князя Г. Гагарина), 36 портретов самых красивых женщин

28 апреля в гостях у графа Гиха непонятливый, но настойчивый Тургенев *„решился подойти к ней ...и просить о свидании завтра: „je ne serai pas a la maison". Наконец: „cela m'ennuie"*[1]".

29 апреля: *„...он* (Карл Пфеффель) *показывал мне литографированный Бодмером портрет сестры, писанный Штилером. Сходства много".* С опозданием догадался Тургенев о существовании близости между Тютчевым и Эрнестиной: *„...Тютчев и у меня перед обедом, и у нунция советовал быть смелее, шутить и пр. Я отвечал, что не хочу: он имеет о ней понятие, кажется, справедливое, но сам - любит её!"*

Для этого откровения автору дневника понадобился целый месяц. А ведь такие были надежды! Романтическая влюблённость длились так долго, четыре недели, и вот незадача... Финал наступил 1 мая. Эрнестина уезжала в Париж к тяжело больному отцу: *„Еще темно ...в половине шестого увидел карету: это она, одна ...я остановил карету, подал руку ...Отвечала то же сухо, не дала руки ...она сказала, что велит ехать, - я ушёл... вот и всё! Finita la comedia!".*

Упоминания об Эрнестине в записях отвергнутого Тургенева и в переписке с ним Ивана Гагарина будут еще неоднократно. Описываемые салонные ухаживания в жизни Эрнестины, слава Богу, продолжения не имели и остались только эпизодом. Выбор Судьбы был иным...В мае 1844 года супруги Тютчевы, Фёдор Иванович и Эрнестина, приедут в Париж и уведомят запиской Александра Тургенева о своем желании с ним увидеться. Краткое письмо завершится галантной фразой с многоточием в конце: *„Жена моя поручает мне передать вам привет и льстит себя надеждой, что вы также доставите ей удовольствие видеть вас...".*

3 декабря 1845 года Александр Тургенев скончался. Тютчев написал своей тетушке Шереметьевой: *„Вы, конечно, пожалели о Тургеневе. При всем его легкомыслии и пустословии, в нём было много доброго, много души".*

Баварии, в том числе Амалии Крюденер. Художник-литограф Готтлиб Бодмер (1804-1837) литографировал большинство работ Й. Штилера. Г. Бодмер тогда же изготовил две литографии с портрета Эрнестины. Одну литографию Эрнестина увезла в Россию и она экспонируется сегодня в музее-усадьбе «Мураново» им. Ф. И. Тютчева, вторая осталась в Баварии и хранится в мюнхенском городском музее. Портрет Эрнестины кисти Й. Штилера считался утраченным. О поиске портрета см. статью «Бароны Пфеффели».

[1] *„меня не будет дома"* фр., *„это меня раздражает"* фр.

--- ПОЭЗИЯ ЛЮБВИ

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

Ф. И. Тютчев

„*Многое осталось от нас скрытым в истории отношений Тютчева и Э. Дёрнберг,* - писал правнук Эрнестины и Фёдора Ивановича, К. В. Пигарев, о периоде в их жизни в 1833-38 годы. - *Она уничтожила переписку поэта с нею за эти годы, а также свои письма брату - ближайшему другу, от которого у нее никогда не было никаких тайн. Но и то, что уцелело в виде загадочных дат под сухими цветами альбома-гербария*[1], *постоянного спутника жизни Э. Пфеффель-Дёрнберг, в виде случайно невычеркнутых её старательной рукой намеков в позднейших письмах к ней Тютчева, в виде глухих отголосков в переписке и дневниках немногих свидетелей интимной жизни поэта, наконец - и в особенности, - в некоторых стихах его, которые в свете этих данных приобретают глубокое автобиографическое значение, - свидетельствуют о том, что это не было чуждое «взрывам страстей» и «слезам страстей» увлечение, подобное любви-дружбе к «прекрасной Амалии»*".

Все лето 1834 года Эрнестина была за границей, во Франции (в Париже), в Швейцарии, но от брата она получала известия: „*Г-н Тютчев приходит ко мне почти каждые два-три дня, чтобы справиться о вас*".

В конце лета Тютчев тоже отсутствовал в Мюнхене. Встреч в феврале 1835 года не было: Тютчев ездил в Вену.

Эмоциональный взрыв последовал летом. В июне 1835 года Эрнестина записала в альбоме-гербарии „*о счастливых днях, проведенных в Эглоффсгейме*". Эту же пору года отмечает и Тютчев в песне о деве.

Баварское лето в разгаре. Восторженный поэт во власти красочного многоцветья природы. Предчувствие грозы - предчувствие любви:

---

[1] Альбом сохранился в семье праправнучки Ф. И. Тютчева А. К. Бегининой. В альбоме было 90 страниц, содержащих свыше 200 записей. [Гладкова / Лебедев] В среде баварской аристократии было распространено сентиментальное увлечение альбомами-гербариями с записями приятных воспоминаний. Не лишен был его и романтичный король-стихотворец Людвиг I. Нередко рядом с засушенным памятным цветком хранился и локон женских волос... [BSB]

5 — 3-145

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Резче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Некий жизни преизбыток
В знойном воздухе разлит!
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

Капли-слезы дождевые - символ чувственного истока жизни. Этот образ усилен в стихотворении «Восток белел», созданном тогда же. Всего три четверостишия. Какое ёмкое изображение нарастания скрытой страсти и апогей её завершения: *восток белел*, *алел* и, наконец, *вспылал*! Восторг молодого счастья:

Восток белел. Ладья катилась,
Ветрило весело звучало, -
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...

Восток алел. Она молилась,
С чела откинув покрывало, -
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликовало...

Восток вспылал. Она склонилась,
Блестящая поникла выя, -
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...

Стихотворение „*В душном воздуха молчанье...*“ обращено к безымянной *деве*, „*Восток белел...*“ вообще безадресно. В цитированных текстах слово *любовь* отсутствует, оно заменено удивительными синонимами: „*некий жизни преизбыток*“, который разлит в воздухе, „*божественный напиток*“, существующий как бы сам по себе, даже вне нас. Поэт передает возвышенное душевное состояние, которое философы именуют *религиозным опытом*. Влюбленные, словно единственные люди на Земле, они будто в райском саду. Чувственная любовь воспета как платоническая, но ни слова о чувствах! Только символы тонкой эротики: „*Дымка персей молодых...*“. *Восток* - это восход, рас-

свет, начало любви; *опрокинутое небо* - экстаз чувств, образ мистики Бёме; *море* и *огневые капли* - вода и огонь, первозданные стихии[1].

В 1835 году Эрнестина прочесть эти строки еще не могла. О поэтической славе, о публикациях Фёдор Иванович и не думал. Названные стихотворения – интимные, внутренние монологи, оды радостям молодой жизни. Даже поделиться не с кем...

Сердце Тютчева переполнено чувствами, мозг обостренно воспринимает мир. В поэтическом подъёме именно в это время Тютчев пишет одно из лучших своих творений о причастности человека к космосу „*Тени сизые смесились...*". Любимое стихотворение Льва Толстого переложили на музыку композиторы Метнер, Гольденвейзер и многие другие. В ярком воображении Тютчева - уснувшие звуки жизни стихии ночного мироздания, неотделимость микрокосмоса души от макрокосмоса, взаимопроникновение двух равных сущностей - одинокой души Поэта и Необъятного:

Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул -
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всём!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, темный, благовонный,
Всё залей и утеши.
Чувства - мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

Строка - „*Всё во мне, и я во всём!..*“ - крик-стон языческой души. Тютчевский стих переадресовал в будущее слова, прозвучавшие еще в I-м веке н. э. Их автором был великий римлянин Сенека: „*Все находится во всем*“. Л. Н. Толстой был потрясен философией саморастворенья в Бесконечности. Воспоминания музыканта А. Б. Гольденвей-

---

[1] Мистическая философия Якоба Бёме (1575-1624) оказала большое влияние на творчество Ф. И. Тютчева. Бёме писал о высшем духовном совершенстве человека: „*Бог должен стать человеком, человек - Богом, небо должно стать единым с землей, земля должна стать небом*“. [Böhme, B. 4. «De signatura rerum». S. 374] Вода и огонь в мистике Бёме - первозданные стихии. См. статью „*О чем ты воешь, ветр ночной...*“.

5*

зера в 1899 году: „*Лев Николаевич начал прерывающимся голосом „Тени сизые смесились...", - но когда он произнес конец первой строфы „Всё во мне, и я во всём!..", голос его оборвался*". [Деханов]

К этому же циклу относится „*Сижу задумчив и один...*" - философское восприятие поступи времени. В природе всё циклично, будущее станет прошлым, человек бессилен изменить ход времени, осознание конечности бытия безысходно, но, несмотря ни на что, жизнь прекрасна и вечна. Эти удивительные стихи являются поэтическим переложением строк из первой главы Екклесиаста: „*Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем...*" (стих 9) и „*Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется в памяти у тех, которые будут после*" (стих 11). У иерусалимского царя-проповедника мрачно „*Род проходит и род приходит...*", у Тютчева - „*И снова будут розы цвесть...*":

Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
Сквозь слез гляжу...
С тоскою мыслю о былом
И слов в унынии моем
Не нахожу.
Былое - было ли когда?
Что ныне - будет ли всегда?..
Оно пройдет -
Пройдет оно, как все прошло,
И канет в темное жерло
За годом год.
За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
Сей злак земной!..
Он быстро, быстро вянет - так,
Но с новым летом новый злак
И лист иной.
И снова будет все, что есть,
И снова розы будут цвесть,
И терны тож...
Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
Не расцветешь...
Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской,
То знает Бог!..
Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
Последний вздох...

Привлечение языческих и христианских образов, образов мифологии и философии помогало не только самовыражению, но и самопониманию поэта. Весенней освежающей грозой ворвалось в душу Фёдора Ивановича чувство к Эрнестине.

Старшая падчерица, Анна, трудно, медленно, болезненно сближалась с Эрнестиной. Она не могла вот так сразу, как её младшие сестры, принять чужую женщину, жену ее отца. Но, кто „*устоит перед дыханием и первой встречею весны*"! 25 января 1853 года, будучи уже фрейлиной двора, Анна Фёдоровна записывает в дневнике слова любви, обращенные к мачехе: „*Вчера я получила от мамы письмо, прелестное по своей нежности и полное заботливости обо мне*, - и далее. - *Мне ужасно хочется видеть маму. Вчера, ложась спать, я так живо представила себе ее дорогое лицо, ее чудесные грустные глаза, ее руки, которые я так любила целовать*". [Тютчева, 110]

Яркая и необычная женщина вошла в судьбу поэта. Страсть прочно овладела обоими на годы. Русская культура обязана немецкой баронессе рождением непревзойденных жемчужин высокой Поэзии.

Счастливых дней у Эрнестины и Фёдора Ивановича было в ту пору немало. Дневнику-гербарию доверен и такой лаконичный восторг: „*Воспоминание о 20 марта 1836 года!!!*". В 1836 году новый фейерверк изящных лирических обращений к Эрнестине - „*Люблю глаза твои, мой друг...*":

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огнь желанья

Так или похоже написано о любви в главной книге христианского мира. На заре человеческой духовности персонаж библейской книги «Песнь Песней», царь-поэт, царь-любовник, обращался к возлюбленной в лирическом порыве: „*Пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих... Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня*" (6 Песн. 5). Ответы возлюбленной еще более страстны: „*Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки его лучше вина... Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви...*" (2 Песн. 5). Созидательной силе любви обязаны большинство произведений мировой литературы и памятников культуры. Но потребность творчества неизмеримо возрастала в любви ответной, взаимной, призывной: „*Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды... Мой возлюбленный пошел в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии...*" (6 Песн. 2).

Лик любящей женщины рождает страсть и нежность, вдохновенье и восторг... Поэт посвящает Эрнестине стихотворение: „*Вчера, в мечтах обвороженных...*". Выверенность каждого слова, точность рифм, необычность словосочетаний и феерический финал воплотили волшебство земной любви:

Вчера, в мечтах обвороженных,
С последним месяца лучом
На веждах, томно озаренных,
Ты поздним позабылась сном.
<...>
Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдруг что-то порхнуло в окно
Вот невидимкой пробежало
По темно-брезжущим коврам,
Вот ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям, -
Вот, словно змейка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента развеваясь,
Меж пологами развилось...
Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным, громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих!

Поэту 33 года, возраст Иисуса. Тютчев во власти эйфории любви.

Страдания суждены не ему...

На пасху, в апреле 1836 года, Элеонора, жена Тютчева, совершила попытку самоубийства.

Некоторое время Фёдор и Эрнестина не встречались. В июне Тютчев на две недели уезжал в Вену. До середины июля он жил в Мюнхене без семьи: Элеонора с дочерьми уберегалась от холеры в Бурге Фаррнбах (в окрестностях небольшого города Фюрт недалеко от Нюрнберга), в замке свояка графа Пюклера, мужа сестры Луизы. [BayHSA Grafen, B9. Beiakt. Tafel 3]

Эрнестина тоже готовилась покинуть Мюнхен. Перед её отъездом в альбоме-гербарии вновь появились восклицательные знаки: „*Воспоминание о моем отъезде из Мюнхена!! Понедельник, 18 июля 1836 г.*".

Тютчев сердечно заверял жену в своем разрыве с любовницей. Он даже верил, что это действительно произойдёт, но только после 18 июля...

Эрнестина уехала. На другой день, 19 июля, Фёдор Иванович пишет Ивану Гагарину: „*Мюнхен опустел...*". Город, действительно, опустел, горожане бежали от эпидемии холеры, но к страшной болезни Тютчев был равнодушен. Мюнхен был пуст без Эрнестины. Через три дня, 22 июля, опять следует письмо к Гагарину. Тютчев теперь согласен покинуть Мюнхен. Он скучает по петербургскому обществу и интересуется новостями петербургского высшего света.

Ф. И. Тютчев. Художница Ипполита фон Рехберг. Женева, 9 марта 1838 года.

В Петербург идут нервные письма от Элеоноры к родителям Тютчева: „*Любезная маменька, в вашем письме есть слова, которые заставили биться мое сердце и вызвали слезы на моих глазах. Неужели это возможно - чтобы этой зимой мы все соединились в Петербурге? ...Признаюсь, именно теперь эта возможность привлекает меня более чем когда-либо. ...пребывание в этом городе мучительно тягостно*

мне, и я живу лишь надеждой на то, что так или иначе все должно измениться".

Служебные дела и материальные проблемы задерживают отъезд надолго, на целый год. Только 9/21 мая 1837 года Тютчев получил отпуск на три месяца и вся семья, наконец, выехала в Россию.

Но в Петербурге Тютчев томился и вновь заскучал по загранице. 3 августа Фёдор Иванович был утвержден старшим секретарем при российской миссии в Турине, столице Сардинского королевства, и 8 августа направился из Петербурга к новому месту службы. Элеонора с детьми оставалась у родителей Фёдора Ивановича. Ей пришлось зимовать в России. 13 декабря 1837 года Тютчев из Турина послал родителям и Элеоноре в Петербург поздравительное письмо с Новым годом, 1838. Обращаясь к Элеоноре Тютчев жалуется на разлуку: „*Терпение, мой друг! Я напишу тебе через несколько дней. Теперь же я хочу уверить тебя в том, что запоздание твоих писем заставляет меня переживать тяжелые минуты*". В письме есть и такие строки: „*Вернувшись в начале этого месяца из Генуи, где мне чрезвычайно понравилось...*". В Генуе Тютчев был не один... В декабре там гостила и Эрнестина.

Можно полагать, что любящая Эрнестина проявила твердость: их отношения давно не являлись романтической тайной, быть причиной бурных скандалов в семье Тютчева и мишенью для сплетников Мюнхена и Петербурга она не желала... Оба решили, что расстанутся навсегда. Через год в сентябрьском выпуске «Современника» будут напечатаны прощальные стихи Тютчева «1-е декабря 1837»:

Так здесь-то суждено нам было,
Сказать последнее прости...
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, её истлило
В твоей измученной груди!..
Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет.

В Генуе в том же декабре того же 1837 года была написана «Итальянская villa», аллегория о некогда заснувшей любви и через два века вновь пробуждающейся:

<...> Вдруг все смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал, -
Фонтан замолк - и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон невнятно прошептал:

„Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,
Та жизнь, увы! что в нас тогда текла,
Та злая жизнь с её мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?“

Впрочем, генуэзское *прости* не было последним. За ним последовало женевское *прости*. Через годы, 8 августа 1846 года, Тютчев в письме из Москвы будет напоминать гостившей в Женеве Эрнестине: „*Женева, гостиница Бергов, Рона, ты, я - восемь лет назад*". В гербарии Эрнестины есть веточка из сада Вольтера в Фернее (недалеко от Женевы). Возле веточки дата: „*12 марта 1838 года*“. Девятым марта 1838 года датирован рукой Эрнестины портрет Фёдора Ивановича, написанный молодой художницей-дилетанткой Ипполитой фон Рехберг.[1] Но по дороге к месту службы в Турин была сделана ещё одна остановка: берегу Бодензее, в Линдау. 4-го апреля 1838 года здесь написаны грустные стихи о предстоящей разлуке [2]:

Мы с тобою вдвоем утомились идти -
На минуту присели у края пути,
И как сумрак легла нам на лица печаль,
И взглянула в глаза равнодушная даль

Нам грозится безжалостный времени бег
Разорвать, что скрепил он, казалось, навек;
И не вместе, а каждый из нас, одинок,
Канет в этот бездонный и вечный поток.

Что осталось нам, друг мой, от жизни былой,
От часов, что прожили мы вместе с тобой,
Наших взглядов, намёков, и мыслей, и фраз?..
Да и было ли то, что исчезло сейчас?

Как оказался Тютчев в баварском городке на северо-восточном берегу Бодензее? Дорога Тютчева из Швейцарии в Турин через Линдау не проходит... В Линдау из Женевы - путь Эрнестины на Мюнхен! Ответ однозначен: Тютчев провожал Эрнестину в столицу Баварии до Линдау, где прозвучало линдауское *прости*. Навсегда Фёдор Иванович и Эрнестина разлучиться были не в состоянии! Их расставание было не в интересах Поэзии!..

---

[1] Имеются и другие подтверждения совместного пребывания в Женеве Фёдора Ивановича и Эрнестины. В мурановском архиве хранится письмо Карла Пфеффеля сестре, подтверждающее, что 5 марта она была в Женеве. 30 марта/11 апреля Тютчев писал из Женевы в Париж Ивану Гагарину, что через несколько дней возвращается в Турин.

[2] Поэтическое переложение Эрнста Левина с подстрочного перевода с французского Л. В. Гладковой. [Кожинов, 449]

Считается, что упомянутое стихотворение Тютчева адресовано коллеге, Аполлониусу Мальтицу, жениху Клотильды (Клотильда - сестра Элеоноры). Но Мальтиц поэтически никогда не вдохновлял Тютчева, особенно столь драматично, как это могло показаться из цитированных строк.[1] Реальность иная. Это прощальное стихотворение, отосланное Мальтицу, в действительности адресовано сразу двум женщинам: с одной поэта связывает сегодняшняя страсть, потрясшая его существование, с другой - прошлое, память чувства. В стихотворении угадывается прощание с Эрнестиной и одновременный намек, который мог быть понятен только одной Клотильде: „*Что осталось нам, друг мой, от жизни былой?*". В письме после текста стихотворения следует приписка Мальтицу: „*Мой дружеский привет Клотильде. Будьте счастливы - она и вы*".[2] Возможно, еще в Женеве или несколько позже, но по поводу женевской встречи с Эрнестиной, была создана ещё одна жемчужина тютчевской поэзии „*Как ни гнетет рука судьбины...*" («Весна»). Сложность жизни, грусть и оптимизм - основной мотив настроения Тютчева весной 1838 года. Многообразие противоречивых чувств в душе поэта: нравственные страдания и радость весеннего обновления, озабоченность и надежда, но жить надо не *страхом кончины неизбежной*, а радостным дыханьем весны:

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, -
Что устоит перед дыханием
И первой встречею весны!

Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам. <...>

Весна и Поэзия слетают к нам с небес: „*Она с небес слетает к нам – // Небесная к земным сынам...*“. («Поэзия»)

Стихотворение „*Как ни гнетет рука судьбины...*" 30-летний Л. Н. Толстой знал наизусть и особенно весной твердил „*от строчки до строчки*“. В письме к Александре Андреевне Толстой, двоюродной тётке, он 1 мая 1858 года писал: „*...нет полнее, гармоничнее этого счастия,* - т. е. счастья угорания от весны, и далее Л. Н. цитирует, - *И*

---

[1] 22 июля 1847 года Фёдор Иванович писал Элеоноре: „*В Веймаре я застал Мальтица... Он все на той же точке, на которой я его оставил 4 года назад. Все та же песенка. Только эгоизм, составляющий основную черту его характера, обострился в нем, как обостряются черты состарившегося лица. Словом, общество его не было для меня благотворно*". [Тютчев 1984, 132]

[2] См. статью «Клотильда».

ринься бодрый, самовластный, // В сей животворный океан!".22 июля 1838 года после многих трудностей пути и опасного морского происшествия, которое едва не лишило жизни семью Тютчева, в Турин из Петербурга, наконец, приезжает Элеонора. После долгой разлуки она вся в заботах о муже. Но её семейные радости были недолгими. Последствия страха на ночном горящем пароходе оказались роковыми и серьёзно подорвали её здоровье. 28 августа/9 сентября 1838 года Элеонора внезапно умирает... Тютчев у её гроба стал седым за одну ночь. Его страдания неописуемы. Николай, брат Фёдора Ивановича, торопится к нему *„разделить его горесть. ...Я едва удерживаюсь от слез при мысли о бедном Фёдоре, да поможет ему Бог!"*.

Жизнь Тютчева переломилась надвое, ему будет отпущено ровно столько же, сколько он уже прожил – еще 35 лет.

--- ВЕЧНЫЙ АПРЕЛЬ

„И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женой: ибо взята от мужа".

2 Бытие 22, 23.

„Она не женщина, а девушка - вечный апрель с его ливнями, преходящими снегопадами и внезапными прояснениями, с его легкими облаками, размываемыми ветром, - июльского солнца тут никогда не бывало".

Ек. Ф. Тютчева [ЛН 2, 99 (Пигарев)]

„Есть только один человек, в котором папа нуждается: это его жена; всего остального он мог бы лишиться, не испытывая никакой пустоты".

А. Ф. Тютчева 3/15 мая 1847 года.

Будущая жена Тютчева была *„поэтической, утонченной и женственной"* натурой (Дарья Фёдоровна Тютчева). Екатерина Фёдоровна Тютчева, дочь Элеоноры, образно, с восхищением и любовью через много лет писала об Эрнестине: *„Именно этот аромат свежести и таинственности присущ моей мачехе: ничего горячего, сверкающего, - лишь свежие запахи гор и чистый, бодрый горный воздух"*. Эрнестина в апреле родилась, в апреле скончалась...

7 ноября Фёдор Иванович на две недели приехал в Мюнхен и остановился у баронессы Ганштейн. Из Мюнхена он выехал в Геную. Девятым декабря датировано письмо Карлу Пфеффелю от Эрнестины из Парижа, в котором она уведомляет брата о том, что немедленно вы-

езжает к Тютчеву в Геную. В Турин, к месту дипломатической службы, Фёдор Иванович и Эрнестина возвращались вместе...

Жребий Судьбы соединил две утончённые натуры ценой двух жизней... Они всегда будут помнить об этом. Через пять лет Тютчев адресует Эрнестине следующие слова: „*Милая моя кисонька, ...Сегодняшнее число - 9 сентября - печальное для меня число. Это был самый ужасный день моей жизни, и не будь тебя, он был бы вероятно и последним моим днем. Да хранит тебя Бог*".

Бог хранил Эрнестину, чтобы она хранила Фёдора...

1 марта 1839 года в характерной для Тютчева манере светской утонченности с частыми сослагательными наклонениями последовало пространное обращение-просьба к министру: „*Граф, не могу выразить, как тяжела мне необходимость столь часто докучать Вашему сиятельству своими личными делами... Не входя в объяснения, которые были бы здесь неуместны и, вероятно, имели бы тот недостаток, что не заключали бы в себе ничего для Вас нового, я обращаюсь, граф, к Вашей снисходительной доброте, или, лучше сказать, - к Вашему великодушию, в надежде, что Вы доброжелательно отнесетесь к той просьбе, в отношении которой я решаюсь испрашивать Ваше благосклонное представительство. Предмет моей просьбы - разрешение вступить в брак*". 15 апреля 1839 года Нессельроде дал такое разрешение.

Так как Фёдор Иванович был православного вероисповедания, а Эрнестина католического, то венчались будущие супруги дважды, по обоим обрядам. 17/29 июля 1839 года в Берне (Швейцария) священник Лев Каченовский венчал Фёдора Ивановича и Эрнестину в православной Крестовоздвиженской церкви при российской миссии. Поручителями молодых были российские дипломаты: посланник в Швейцарии барон Павел Алексеевич Крюденер, старший секретарь Л. Виолье и младший секретарь Ф. Ошандо. [Летопись 1933, 52]

29 июля/10 августа после треволнений с церковным оформлением брака по католическому обряду священник Доминикус Кюнцер венчал Тютчевых в Шпитalькирхе в небольшом городке Констанц, берегу Боденского озера. [Летопись 1999, 225] Венчание не обошлось без курьёзов. Рассказывают, что отлучившись без разрешения из Турина, Тютчев якобы захватил с собой в Швейцарию дипломатические шифры, которые были утеряны „*в суматохе свадьбы и путешествия*". Этого казуса не произошло бы, если б венчание происходило непосредственно в Турине, но Фёдор Иванович не согласился с условиями освящения брака в Италии, согласно которым дети от брака католички и православного должны быть воспитаны в католическом вероисповедании. [Lane 1987]

Со смертью Элеоноры завершилась дипломатическая деятельность Фёдора Ивановича. 6 сентября 1839 года Тютчевы переехал в

Мюнхен. 1 октября этого же года Фёдор Иванович по собственному желанию был уволен от занимаемой им в Турине должности, но при этом был оставлен в ведомстве Министерства иностранных дел с предоставлением ему отпуска. Однако „*...за долговременным неприбытием из отпуска*" 30 июня 1841 года Тютчев был исключен из числа чиновников Министерства и лишен звания камергера. Новое зачисление в ведомство Министерства произойдет 16 марта 1845 года, но это будет уже в Петербурге.

А пока еще несколько лет Мюнхен останется пристанищем для тютчевской семьи. Тютчев любил полные ярких впечатлений рассказы Эрнестины о её детстве. Каждый звук голоса любимой женщины возбуждал сердце поэта (12 апреля 1851 года, перевод с французского А. А. Фета):

О, как люблю я возвращаться,
К истоку первых дней твоих
И, внемля сердцем, восхищаться
Рассказом – тем же всё – о них! <...>
О детстве, понятом так мало,
Чуть упомянешь ты порой, –
И мнилось мне, что овевало
Меня незримою весной.

Эрнестина рассказывала, что её мать скончалась вскоре после вторых родов, 27 августа 1811 года. Остались двое сироток. Старшей, Эрнестине, было чуть более одного года, её брату Карлу всего 5 дней. В 1857 году Дарья, падчерица Эрнестины, записывала в дневнике: „*Маменька родилась, кажется, в Дрездене, там похоронена её мать... Раннее детство её прошло в Мюнхене, у бабушки с материнской стороны, там её баловали, любили, лелеяли*". Эрнестина и её брат Карл Пфеффель действительно родились в Дрездене. Маленьких детей забрала к себе бабушка, после смерти которой наступили черные годы - воспитание мачехи.

Когда Эрнестина сама станет мачехой, она сделает все возможное, чтобы её падчерицы не чувствовали своего сиротства. Дочери Элеоноры всю жизнь называли Эрнестину *маменькой*. В письмах Тютчева будут многократно звучать слова о теплоте отношений между Эрнестиной и дочерьми Элеоноры (1/13 декабря 1839 года): „*Но чем я не могу достаточно нахвалиться, это её нежностью к детям и её заботой о них, за что не знаю, как благодарить её. Утрата, понесенная ими, для них почти возмещена*".

Материального достатка семья Тютчева никогда не имела. Деньги были постоянной темой в переписке Фёдора Ивановича с миссией, Министерством, родителями. Тема эта не исчезла и во втором браке, но зазвучала в несколько другой тональности (письмо от 3 фев-

раля 1840 года): „*Моя жена, не обладая большими средствами, имеет достаточно для содержания нас обоих, и готова все свое состояние до последней копейки истратить на меня.*[1] *С прошлого июля и я, и дети, мы всецело живем на её счет, а сверх того тотчас после нашей свадьбы она уплатила за меня двадцать тысяч рублей долгу. Повторяю, она сделала это охотно, с радостью... Но справедливо ли, нет ли, я никак не могу согласиться на такой порядок, как на окончательный*". Щепетильный вопрос материальных взаимоотношений с Эрнестиной имел достаточные основания. Карл Пфеффель считал, что Тютчевым должны быть возмещены Эрнестине её затраты. Уже из Петербурга Эрнестина деликатно выговаривала брату, отстаивая Тютчева: „*Возвращаясь к той части вашего письма, где вы убеждаете меня попытаться вернуть средства, потраченные на расходы, которые, не имея ко мне прямого отношения, подорвали мое состояние, отвечу вам, что я плохо представляю себе, где проходит грань между тем, что касается меня лично и что не касается. Разумеется, не будь я г-жой Тютчевой, я никогда не приехала бы в Россию . По правде говоря, я страшно много израсходовала вследствие того положения, в которое поставил меня мой брак... Когда вы увидитесь с Эйхталем*[2]*, поговорите с ним обо всем этом; я знаю, что он предубежден против моего мужа, и разрешаю ему сохранить все эти предубеждения за исключением тех, которые смогут заставить его усомниться в бескорыстии и благородстве чувств, достойных восхищения*".

Тютчев, разумеется, не знал об этой переписке.

23 февраля/6 марта 1840 года родилась дочь Мария. 14 апреля 1840 года Тютчев извещал родителей: „*Ребенок был окрещен с именем Марии греческим священником. Северин*[3] *был крестным отцом, а маменьку в её обязанностях заменяла Клотильда*". Греческий священник был из православной греческой церкви Сальваторкирхе. Те же действующие лица в той же Сальваторкирхе 14/26 июня 1841 года крестили сына Тютчевых Дмитрия, названного в честь Дмитрия Северина. Детей Тютчева крестил митрополит Калиникас Кампанис.

---

[1] 11 декабря 1834 года в Париже скончался барон Карл фон Пфеффель, отец Эрнестины, и она получила наследство, которое создало ей некоторую материальную обеспеченность.

[2] Барон Симон фон Эйхталь, банкир королевского двора, вёл денежные дела Пфеффелей. Его отец, Арон Эйхталь-Зелигман, на основании Эдикта от 10 июля 1813 года об евреях, принявших крещение, получил в 1814 году за финансирование экономического развития Баварии дворянство и титул барона.

[3] Северин Дмитрий Петрович (1792-1865), российский посланник в Мюнхене с 1837 по 1865 год.

В 1844 году мюнхенский период жизни Тютчева завершился, и семья переехала в Россию. Дочери Элеоноры учились в мюнхенском институте и приехали годом позже.

Принимая эстафету от Элеоноры, Эрнестина хорошо знала, за кого выходила замуж. Фёдору Ивановичу и Эрнестине предстояло написать свою Книгу Бытия, в которой будут сюжеты драматические, трагедийные, но будут и счастливые... В народе говорят: „*Меняешь место - меняешь судьбу*“. Судьба не была милостива к Тютчевым и готовила удары, рвущие сердце. Эти несчастья произойдут в иной жизни, за пределами Баварии...

--- ПИСЬМА ЛЮБВИ

„*Видишь ли, киска, есть люди, которых преследует мысль о смерти, меня же преследует, как угроза искупления, страх потерять тебя...*“.

Письмо Эрнестине от 16/28 октября 1853 года.

Первые годы жизни в Петербурге проходили безоблачно, в радости, любви, балах. „*У Софьи Сергеевны Бибиковой был большой вечер и картины*, - вспоминает в дневниковой записи от 12 марта 1845 года Александра Смирнова-Россет. - *Наша Тютчева была прелесть хороша, весела и мила в греческом костюме*“. [Смирнова-Россет, 372] На костюмированных балах приглашенные должны были картинно изображать избранные ими персонажи.

По служебным и семейным делам Фёдор Иванович иногда отлучался, и тогда щедрой палитрой светлых чувств бумаге доверял он обращения к жене. Образец письма после восьми лет супружества, от 14 августа 1846: „*Милая моя кисонька, получил твое милое письмо от 8—9-го. Знаешь ли ты, что твои письма весь жестоко молодят меня? Они вызывают во мне все что вызывали некогда, вызывают чувство тоски и отчаяния, от них сжимается сердце, появляется жажда воздуха, т. е. жажда видеть тебя во что бы то ни стало. Когда я читаю их, мне кажется, будто сердце находится вне меня, что оно бьется за 100 верст от меня, что оно отдано на милость ста тысячам случайностей, которых я не могу ни обуздать, ни предвидеть. Увы, стоит ли стариться, если несмотря на все убывающие силы, остаешься по-прежнему во власти все тех же волнений. Особенно в конце твоего письма есть несколько строк столь грустных и смиренных, ты обращаешься мыслью к нашему прошлому с такой благодарностью и так задушевно, что, читая эти строки я почувствовал, как в душе моей все кричит, и бросился, чтобы не задохнуться, на Тверской бульвар, и все ходил по нему взад и вперед, пока немного успокоился и не пришел в себя. Ах, боже мой, значит все по-прежнему, вечно будет одно и то*

же... Ведь даже когда ты находишься возле меня, я не могу без волнения вспомнить о нашем прошлом, не почувствовав головокружения; что же я должен чувствовать, когда тебя нет со мною...". [Тютчев 1984, 113] 7 октября 1847 года старый гербарий Эрнестины вдохновил 44-летнего Тютчева к поэтическим размышлениям о любви и беге времени. Для Фёдора Ивановича этот гербарий всё более и более обретал символику судеб его и Эрнестины. В стихотворении «Un Rêve» («Грёза» фр.), написанном по-французски, многократный повтор о двух засыхающих цветках. Как удержать свежесть любви на ветрах неумолимого времени? (Перевод с франц. М. П. Кудинова.):

На два цветка ваш выбор пал случайный,
И вот они без влаги и земли,
В моей руке, подвластны силе тайной,
Былые краски снова обрели.
Цветы живут и шепчут: „Посмотри-ка,
Красивы мы, и ярок наш наряд..."
Сверкает роза, искрится гвоздика,
И вновь от них струится аромат.
Кто два цветка живой наполнил силой?
В чём тут секрет, – спросили вы меня.
Открыть его? Зачем же, ангел милый?
Вы просите? Ну что ж, согласен я.
Когда цветок, дар мимолётный, тленный,
Утратил краски, сник и занемог,
К огню его приблизьте, и мгновенно
Вновь расцветёт зачахнувший цветок.

Приведем в подстрочнике Л. Гладковой последнюю, восьмую строфу [Кожинов, 451]:

И так же всегда исполняются
В день роковой и грезы и судьбы...
Когда в наших сердцах воспоминания бледнеют,
Смерть заставляет их расцвесть в своих руках.

7 октября (какого года?) - памятная дата из гербария. Роза и гвоздика, символ Её и Его (в французском как и в русском языке слово *rose*, т. е. *роза*, женского рода, но *oeillet - гвоздика*, мужского рода). Вянущие цветы - это память о любви, которая в буднях жизни становится всё прозаичней, всё тускней, утрачивает своё было *нежное очарование*. Чтобы воспоминания не бледнели, любовь, как зачахнувшие цветы, не увяла, нужен ожог, близость смерти, и любовь вновь расцветет... Лечение болью – давний рецепт восточной медицины... Любовь и Смерть - два врага, два союзника.

Проблема увядания чувств, видимо, всё-таки существовала... Через 6 лет после возвращения в Россию, летом 1850 года, 47-летний

Фёдор Иванович страстно влюбился в 24-летнюю Елену Александровну Денисьеву, ровесницу его дочерей.

Эрнестина оказалась в роли Элеоноры, первой жены Поэта. Она, как и Элеонора, вначале также не придала серьёзного значения любовной связи Фёдора. Эрнестина полагала, что её аристократ-муж, камергер двора Его Императорского Величества, не снизойдёт до увлечения девушкой-сиротой из бедной семьи разорившихся дворян.

Снизошёл... Типичная история: Поэт пытался отодвинуть наступающие сумерки жизни. Седые взлохмаченные волосы прибавляли ему годы. Он выглядел значительно старше своих лет и многие знакомые называли его ласково *божественным старцем*, иные просто *стариком.* Поэтесса Евдокия Растопчина 55-летнему Фёдору Ивановичу, в 1858 году, посвятила такие строки: „*...тощий престарелый, // Жизнью сломленный поэт*“ и т. д. Тютчев знал об этом посвящении и никак не реагировал, но Эрнестина сердилась. Однажды в письме она тоже шутливо назвала мужа *старичком.* Тютчев ответил грустным анекдотом о покойнике, которому прислали поздравительное письмо с днем рождения. Синдром приближающейся старости несомненно существовал. Встрече Федора Ивановича с Денисьевой русская литература обязана созданием поэзии любовных переживаний немолодого Поэта. Стихи Тютчева этого периода насыщены глубоким психологизмом понимания душевного состояния партнеров любовного треугольника.

В отличие от этих стихов, лирические шедевры молодого Фёдора, посвященные юной Эрнестине, это гимны любви, как явлению природы, как божественному явлению: любовь - *божественный напиток,* существующий как бы **вне** человеческого существа. Но теперь у зрелого Тютчева наиболее частый мотив – взгляд, иногда тревожный, **внутрь** своей души и всех участников драмы:

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней! <...>
Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О, ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

Нахлынувшее чувство к Денисьевой захватило поэта. Отношениям с Еленой Александровной способствовала ее тетка, Анна Дмитриевна Денисьева, инспектриса Смольного института. Ей импонировало, что племянницей увлекся знаменитый солидный человек. Его семейное положение и возраст роли не играли. Любовная связь разыгралась почти по классическому сценарию: снятие тайной квартиры, случайное раскрытие любовного убежища. Далее сценарий инди-

видуализировался: шумное увольнение обеих женщин, бегство любовника, его возвращение... А. И. Георгиевский, муж младшей сестры Елены Александровны, так описывает свояченицу: „...*природа одарила ее большим умом и остроумием, большой впечатлительностью и живостью, глубиной чувства и энергией характера, и когда она попала в блестящее общество, она и сама преобразилась в блестящую молодую особу, которая при своей большой любезности и приветливости, при своей природной веселости и очень счастливой наружности всегда собирала около себя множество блестящих поклонников*“. [ЛН2, 107 (Пигарев)]

Итак, Денисьева выбрала немолодого поклонника. „...*она поддалась его обаянию до совершенного самозабвения и несомненно привязала его к себе самыми крепким узами*“. [ЛН2, 108, 109 (Пигарев)] Елена Александровна страстно и безоглядно влюбилась в Фёдора Ивановича. Её природа жаждала любви и Денисьева щедро одаривала ею своего любимого. Это увлечение, как вспоминал позже Георгиевский, „*вызвало с ее стороны такую глубокую, такую самоотверженную, такую страстную и энергетическую любовь, что она охватило все его* (Тютчева) *существо, и он остался навсегда ее пленником*“. Чувственность Елены Александровны завораживала Поэта, омолаживала душу:

Я очи знал, - о, эти очи!
Как я любил их - знает Бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог. <...>

Денисьева была счастлива с Фёдором Ивановичем и возвращать его жене не хотела. Эрнестина в полной мере осознала тяжесть той ноши, которую по ее вине когда-то пришлось нести Элеоноре. Сердце бедной Нелли не вынесло тогда этой перегрузки...

Теперь Тютчев не был прежним легкомысленным молодым человеком. (Хотя воли не прибавилось...) Он понимал сложность драматического положения Елены Александровны, в которое она была ввергнута по его вине, и сострадал ей: „*Он жизнь мою бесчеловечно губит,// ...//Я стражду, не живу... им, им одним живу я -// ...// Ох, я дышу еще болезненно и трудно,// Могу дышать, но жить уж не могу*“. („*Не говори: меня он, как и прежде, любит...*“)

Писатель Фёдор Фёдорович Тютчев, сын поэта и Елены Александровны Денисьевой, уверял, что брак его отца и Эрнестины „*не был, однако, особенно счастливым*“. По его мнению, Елена Денисьева, сражалась за свою любовь. Трудно согласиться, что объявление войны не обществу, а одному человеку, Эрнестине, следует понимать, как подвиг борьбы с ханжеской моралью. Денисьева действительно боролась за счастье любить и быть любимой, но она желала быть счастливой

ценой лишения этого права у другой женщины, которой Тютчев дорожил и расставаться с которой не хотел ни при каких обстоятельствах.

Елена Александровна Денисьева (1826-1864). 1862.

Тютчев не относился к числу верных любовников. Георгиевский намекает: „*Зная его натуру, я не думаю, чтобы он за это долгое время не увлекался кем-нибудь еще...*".

Действительно, вскоре Фёдор Иванович начал тяготиться чувственными бурями Денисьевой. Его отношения с Еленой Александровной были сродни *духовному обмороку*. Он откровенно испугался потери Эрнестины и ясно ощутил, какой прочной опорой в жизни она ему является. Тютчев пытался объяснить жене, что ничего ужасного не произошло, что он по-прежнему любит ее и только ее одну и никого, кроме неё, никогда не любил.

2 июля 1851 года, через 1,5 месяца после рождения Денисьевой первого ребенка (от связи с Тютчевым Елена Александровна родила троих детей), Фёдор Иванович писал жене из Москвы в Овстуг, пытаясь убедить её, что за ним нет серьезной провинности: „*Что же произошло в твоем сердце, если ты стала сомневаться во мне, если перестала понимать, перестала чувствовать, что ты для меня - **все*** (выделено в оригинальном тексте), *и что в сравнении с тобою все остальное - ничто?*". Тютчев умалчивает имя Денисьевой, хотя Эрнестине понятно, кого он имеет ввиду, говоря „*все остальное*". В семье Фёдора Ивановича имя Елены Александровны вообще никогда не называлось, лишь иногда упоминалась „*эта женщина*". Фёдор Иванович решительно продолжает: „*Я завтра же, если это будет возможно, выеду к тебе. Не только в Овстуг, я поеду, если это потребуется, хоть в Китай, чтобы узнать у тебя, в самом ли деле ты сомневаешься и не воображаешь ли ты случайно, что я могу жить при наличии такого сомнения? Знаешь, милая моя кисонька, мысль, что ты сомневаешься*

во мне, заключает в себе нечто такое, что способно свести меня с ума". За 7 тысяч верст в Китай ехать не потребовалось, но и в Овстуг, всего 400 верст от Москвы, Фёдор Иванович не заторопился. Чего только не наговоришь жене, чтобы ее успокоить...

Строки раскаивания, любви, благодарности к Эрнестине от 13 июля 1851 года: „*Милая моя кисонька, хочу воспользоваться одной из своих добрых минут, - минут просветления, для того, чтобы написать тебе спокойное и рассудительное письмо, такое письмо, которое ты могла бы прочесть перед моим дагерротипом, не обращая к нему упреков... В твоем письме разлит тихий покой, некая безмятежность, которая благотворно на меня подействовала. Я почувствовал себя живущим в твоих мечтаниях жизнью призрака. Этот вид существования не противен мне. После всех моих беснований это так успокаивает меня. Ах, милая моя кисонька, прости мне все те язвительные и глупые упреки, которыми я тебя осыпал... Ну, согласись, милая моя кисонька, что порой я бываю поистине отвратителен. Но ты меня любишь, прощаешь меня и жалеешь... Еще раз повторяю, что нет человека умнее тебя*". Жизненная стихия обратила к поэту свою угрюмую сторону. Она словно „*морская своенравная волна*", в которой отражен и „*небесный свод*", и „*одичалая бездна вод*". Поэту истомно сладок её „*тихий шепот, полный ласки и любви*", но и „*внятен буйный ропот*" и её „*вещие стоны*" („*Ты, волна моя морская...*", апрель 1852). Душа поэта разрывается между грехом и совестью, он просит волну:

<...> Будь же ты в стихии бурной,
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.
Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.
Нет - в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоем.

17 декабря 1852 года еще одно прозрение: „*...я убежден, что ты до конца меня знаешь, и воспринимаю твою любовь как Божий дар. ...Пусть я делал глупости, поступки мои были противоречивы, непоследовательны. Истинным во мне является только моё чувство к тебе*".

Читая переписку Тютчевых, поражаетесь высокой взаимной уважительности и интеллигентности отношений, которые цементировали семью. Это не сухие вежливые письма. Напротив, они проникнуты заботой, душевным теплом и сердечностью. В них нет места брани, повышенной тональности, не дай Бог, скабрезности. За 34 года семейной жизни Тютчев адресовал Эрнестине 500 писем![1] Сколько же было

---

[1] Письма Тютчева к жене получили первую огласку спустя 20 лет после кончины Эрнестины. [Старина и Новизна 1914]

6 *

расставаний-встреч и какой мерой оценить истинное чувство, при котором не иссякает душевная потребность в столь обильной переписке! 500 писем - это 500 любовных признаний, 500 объяснений родственных душ. В тютчевских обращениях к жене облагораживающе воздействует на душу читателя эмоциональная энергия светлого чувства любви и тяжести страдания. Вряд ли в мировой культуре существуют другие примеры столь богатой любовной переписки с женой. В покаянных письмах к жене их автор искренне отчаивается в связи с той ситуацией, в создании которой сам был повинен: „*Прости меня за последние мои письма, я писал их в одном из тех приступов безумного отчаяния, какие меня охватывают...*" (письмо от 16/18 октября 1852). Фёдор Иванович разрывался между влекущим омутом страсти к Денисьевой и пониманием опасности ее последствий.

Фёдор Тютчев и Вильям Шекспир - что общего? Двух поэтов объединяет талант любви. Шекспир как-то записал в дневнике: „*...любовь всегда неразрывно связана со страхом её потери: от любви до одиночества всего один шаг*". [Берджесс] Вариант Тютчева (16/28 октября 1853 года): „*...Видишь ли, киска, есть люди, которых преследует мысль о смерти, меня же преследует, как угроза искупления, страх потерять тебя... вот почему разлука порой кажется мне такой ужасной, хоть кричи... Не знаю только ли в прошлом любил я тебя, но очень ясно чувствую, что будущее без тебя меня бы ужаснуло*". Сердце обожгла мысль о возможности потери Эрнестины. Лечение болью давало результаты...

Это письмо адресовано Эрнестине в Мюнхен. Она покинула Россию, уехала с детьми от пересудов света и не знала, когда вернётся обратно и вернётся ли вообще.

Тютчев растерялся. Он недооценивал силу своей привязанности к жене. Длинные письма в Баварию шли потоком, 1-2 письма в неделю. Внешне между супругами как бы ничего не произошло.

Она сообщала о светской жизни, о приеме у баварских монархов. Он писал о политике, Восточном вопросе и убеждал жену вернуться: „*Моя милая кисонька, разлука приводит к постоянным недоразумениям*". Эрнестина почувствовала откровенную теплоту отношения Фёдора и готовилась к обратной поездке.

Тютчев понял, что примирение близко, что любовь Эрнестины к нему не утрачена и... просил ее не торопиться с возвращением: время года, дескать, для путешествия неблагоприятное, он готов подождать (письмо от 24 февраля/8 марта 1854 года): „*Как можешь ты думать, что я настолько нерассудителен, чтобы, после того как уже восемь месяцев был лишен твоего присутствия, не предпочел обречь себя на отсрочку еще в 5-6 недель скорее, нежели дать тебе пустится в странствие в самое неблагоприятное время года?*". Фёдор Иванович „*бродил, как во сне*", последняя любовь была „*и блаженством, и без-*

надежностью", но этот рай не мог быть вечен. Поэт просил у судьбы отсрочку „*еще в 5-6 недель*" и... посвящал жене стихи. Эрнестина уже успешно осваивала русский язык, но нюансы тютчевской мысли она лучше воспринимала в французском изложении (перевод М. П. Кудинова):

Как робко любящее сердце! Как с годами
Оно всё более охвачено тоской!
И время я прошу: о, не беги, постой!
Ведь может каждый миг стать бездной между нами –
Между тобой и мной.
Неумолимый страх, гнетущая тревога
Легли на сердце мне и жгут его огнём.
Я слишком долго жил, дней прошлых слишком много, –
Так пусть твоя любовь не станет прошлым днём

Такие строки Тютчев адресовал только Эрнестине: Жена вернулась в Россию, но жила в Овстуге. Письмо от 23 июля 1854 года: „*...О, что за мерзкая вещь - разлука, и сколько зла причинили мне разлуки с тобой!.. ...ничто не в силах успокоить и разогнать внутренний мрак, тогда как и четверти часа твоего присутствия было бы вполне для этого достаточно... О милая моя киска, то что я тебе здесь говорю - не выдумки. И если мне суждено когда-нибудь снова обрести хоть немного спокойствия и душевной ясности, то этим благом я буду обязан одной тебе, ибо ты одна имеешь на это власть и волю*".

В годы угара страсти Тютчева к Елене Александровне Денисьевой нить нежных отношений между Фёдором Ивановичем и Эрнестиной выдерживала испытания. Отношения с Денисьевой длилась долго, 14 лет. Фёдор Иванович чувствовал свою вину перед Нести. Её страдания угнетали поэта. Из дневника Анны Фёдоровны Тютчевой (2/14 января 1853 года): „*У меня был длинный разговор с папой, который встревожен состоянием мамы. Он опасается, как бы у нее не было истощения, и притом она грустит. Она говорит ему: «Я в мире никого больше не люблю, кроме тебя, и то, и то! уже не так»*".

Любовью к мужу, заботой и грустным юмором проникнуты письма Эрнестины к Анне в Петербург (Овстуг, 15/27 мая 1855 года): „*Если увидишь своего отца, посмотри на него внимательно, как посмотрела бы я. Как он выглядит? Подстрижены ли волосы? Радуют ли его приятели и, главное, приятельницы?*". [ЛН2, 269 (Пигарев, Динесман)] Дочери Элеоноры, Дарья и Анна, писали об Эрнестине в августе 1855 года: „ *Мама как раз та женщина, которая нужна папе, - любящая непоследовательно, слепо и долготерпеливо. Чтобы любить папу, зная его и понимая, нужно быть святой, совершенно отрешенной от всего земного, а у папы ум благородный и глубокий...*".

Прочтем отрывок из письма Эрнестины падчерице Дарье: „*В прошлую пятницу почта принесла мне письмецо от моего Любимого с очаровательными стихами его сочинения:*

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело, -

Пойдём и бросим беглый взгляд
Туда, по склону вод,
Куда стремглав струи спешат,
Куда поток несет.

Одна другой наперерыв
Спешат, бегут струи
На чей-то роковой призыв
Им слышимый вдали...

За ними тщетно мы следим -
Им не вернуться вспять...
Но чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...

И слезы брызнули из глаз -
И видим мы сквозь слез,
Как все, волнуясь и клубясь,
Быстрее понеслось...

Душа впадает в забытье,
И чувствует она,
Что вот уносит и её
Всесильная волна.

Хочу поговорить с тобой о Любимом, всегда таком хвором, - его состояние тревожит меня чрезвычайно. Прошу тебя, посоветуй ему продолжать пользоваться электро-гальванизмом". „*Когда, что звали мы своим...*" - вольное изложение стихотворения Николауса Ленау «Blick in den Strom» («Взгляд в поток»). Тютчевское название - «Успокоение». Его создание датировано 15 августа 1858 года.[1]

Тютчева всегда влекла тема сравнения жизни с водной стихией. Поток – символ постоянного обновления. Вод потока не повернуть вспять. Дважды в одни и те же струи не войти (Гераклит). Тревожных вчерашних проблем завтра не будет. Наступит новая, иная жизнь. Надо успокоиться. В подтексте - желание примирения с женой. Эрнестина намек поняла, смысл стихотворения её был приятен.

Письмо Эрнестины падчерице Дарье 12/24 июня 1859 года: „*...пишу тебе под грустным впечатлением отъезда Любимого, который покинул нас сегодня утром и отправился в Вильдбад, чтобы пройти там курс лечения. Две недели, которые он провел с нами здесь*

---

[1] Nikolaus Lenau (1802-1850) - австрийский поэт-романтик (настоящая фамилия поэта Niembsch), родился в венгерском городе Csatäd (на территории нынешней Румынии) в семье казённого писца. В 1803 году семья переехала в Будапешт, в 1818 - в Вену. В 1821 году в Фляйссбурге изучал венгерское право. Тогда же начал писать стихи. Под псевдонимом Ленау (укорочение фамилии деда Strehlenau, которую Niembsch добавил к своей фамилии в 1820 году в связи с получением дедом дворянства), писал с 1830 года. Публиковался, в основном, в известном баварском книготорговом издательстве Иоганна Котта. В июне 1843 года и в марте 1844 года Ленау посещал Мюнхен. В июне 1843 года Тютчева в Мюнхене не было. Вероятная встреча Тютчева с Ленау могла произойти в марте 1844 года. [Lenau].

(в Рейхенхале), *принадлежат к лучшим в моей жизни.* Le Gracieux („Чаровник" фр.) *неизменно оправдывал свое наименование; несмотря на то, что мы обречены здесь на почти полное одиночество, он был так добр и ласков, что я была в восторге и не узнавала его... Мы совершили с Любимым несколько экскурсий... Чаровник был в восторге, а уж я-то!.. Убеждена, что сегодня в пути он сочиняет стихи, навеянные увиденным за последние дни*".

Вот такая бесконечная любовь к мужу, физическое ощущение неразрывности с ним... А ведь их супружество в это время было далеко небезоблачным. Фёдор Иванович посвящал стихи Эрнестине всю жизнь, и в светлые, и в самые драматичные годы его связи с Денисьевой. Денисьева настаивала на разрыве брака Тютчева, утверждая, что её отношения с Фёдором Ивановичем - перст Божий. Но поэт знал, что это не так, что, отбирая счастье, счастливой стать нельзя. Чувства Елены Денисьевой не имели *Божьего согласия* и изначально обрекались только на страдания и проигрыш. Жестокость поражения Денисьевой была предопределена непонятной для неё прочностью отношений между Фёдором и Нести.

Молодость Денисьевой была ее временным преимуществом. Холерическая экзальтированность Елены Александровн не могла долго оставаться привлекательной чертой ее характера. Денисьева требовала, чтобы Тютчев писал стихи только в ее честь и чтобы все знали об этом. Это были явно завышенные требования к поэту. Тютчев уставал от Денисьевой. *Духовный обморок* на какое то время проходил... Денисьева, ослеплённая любовью, не видела дистанции между ею и Нести и не понимала, что Судьбой не она, а Эрнестина определена в жёны Поэту.

О фатальном предсмертном поручении барона Дёрнберга Елена Александровна не знала...

Тютчев посвятил Денисьевой цикл лирических стихотворений. Последняя любовь Поэта из факта житейского и биографического, стала явлением литературным, символом борьбы за право женщины на личное счастье, но, увы, с трагическим финалом этой борьбы: 4-го августа 1864 года от скоротечной чахотки 38-летняя Елена Александровна скончалась... В мае 1865 года умрут от той же болезни самая старшая 14-летняя Лена и самый младший годовалый Николай, дети Елены и Фёдора.

Петербургский период жизни Поэта и Эрнестины был омрачен многими ужасными трагедиями. Скончаются их дети, рождённые в Мюнхене: 29-летний уже женатый Дмитрий и 32-летняя Мария (в замужестве Бирилева). Нарушилось естественное течение жизни: дети ушли раньше родителей... Фёдор Иванович был на грани умопомешательства.

Екатерина Фёдоровна писала 19/31 августа 1864 года тетке Д. И. Сушковой об отце: „*У меня болит сердце за него! Бедная душа его в*

таком смятении, и я никогда не забуду того тягостного впечатления, какое он произвел на меня во время последнего моего пребывания в Петербурге. Бедный старик! Так горько чувствовать себя виновным перед покойницей...“. [ЛН2, 350 (Пигарев, Динесман)] 23 ноября/5 декабря того же года Дарья переслала из Ниццы сестре Екатерине стихи Фёдора Ивановича, наполненные печалью и трагизмом истерзанной души поэта:

<...> Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет - и не может...
Нет ни полета, ни размаху -
Висят поломанные крылья,
И вся дрожит, прижавшись к праху,
В сознаньи грустного бессилья...

Какое сердце могло выдержать такие тяжкие испытания? Но мир не рухнул „*и сердце на клочки не разорвалось*“: рядом была Нести - *земное Провидение...* Без мужественной сильной Эрнестины не выжил бы ни Фёдор Иванович, ни 5-летний Фёдор, единственный оставшийся сын Елены Денисьевой, будущий писатель. (Фёдор Фёдорович Тютчев, полковник, командир Дрисского пехотного полка, скончался от ран в бердичевском госпитале 9 февраля 1916 года, похоронен в Петербурге на Волковом кладбище рядом с матерью.)

Тютчев медленно возвращался к существованию без Денисьевой, к жизни с Эрнестиной. Еще продолжали рождаться трагические стихи, но тональность их была уже иной. Сентенция из стихотворения, посвященного Дарье Фёдоровне по поводу ее увлечения при дворе (11 января 1865 года, Ницца):

Когда на то нет Божьего согласья,
Как ни страдай она любя, -
Душа, увы, не выстрадает счастья
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови! <...>

...Еще в апреле 1851 года Тютчев написал стихотворение ко дню рождения Эрнестины и как сюрприз положил в альбом-гербарий. Но Эрнестина не заглянула тогда в альбом. Фёдор не подсказал, а позже о стихах забыл. Более двух десятилетий не пополняла Эрнестина альбом-гербарий новыми записями о приятных воспоминаниях. Увы, жизнь таковыми последнее время не одаривала. Какого же было её изумление и волнение, когда в мае 1875 года, т. е. почти через два года после смерти мужа, она в гербарии обнаружила страничку, написанную рукой Фёдора Ивановича! Это не были стихи, это был вопль отчаяния, страх потери единственной жизненной опоры, это была мольба о будущем прощении:

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?
Но если бы душа могла
Здесь на земле найти успокоенье
Мне благодатью ты б была -
Ты, ты, мое земное Провиденье!...

Молитва с того света была услышана и принята: остаток жизни Эрнестина посвятила подготовке издания наиболее полного собрания сочинений мужа. Отныне поэзию Тютчева не ждала печальная судьба забвения. Судьба страшной ценой соединила Поэта и Эрнестину и не допустила расставания до конца их дней... В личных дневниках Эрнестина после кончины мужа называла его только *Любимый.* [Чагин 1999, 374] Аксаков, собирая биографический материал о Тютчеве, обращался к Эрнестине 26 ноября 1873 года: „...*Что же касается до его переписки с вами, то это поистине литературное сокровище и драгоценно во всех отношениях. Лишь в этих письмах сказывается он весь таким, каким он был, лишь в этих письмах с полной непринужденностью говорит он самом себе – в этих письмах зараз столь серьезных и прелестных, таких искренних и простых, раскрывающих самые глубины его поэтического гения, столь возвышенного и столь смиренного*". [Пигарев, 367]

Письма Фёдора Ивановича - самостоятельный жанр его творчества. Кирилл Васильевич Пигарев исследовал переписку Тютчева: „*Наряду с его лирикой, они* (письма) *являются основным источником нашего знания о поэте. В письмах к ней* (к Эрнестине) *он не ограничивает себя кругом тем, которые могут занимать его адресата или которые составляют обычный предмет его бесед с ним. К жене он обращается как к человеку, равному себе, способному понять его во всей сложности и во всех его противоречиях. В письмах поэта к ней мы находим не только живое и яркое отображение его повседневной жизни, но и заветные раздумья по вопросам истории, глубочайшие и тончайшие наблюдения над окружающей средой и над самим собой*" [Пигарев, 368]

В начале XX века дети Фёдора Ивановича, Дарья Фёдоровна, дочь Элеоноры, и Иван Фёдорович, сын Эрнестины (родился в Петербурге в 1846 году), готовили к изданию письма отца. Дарья: „*Перечитывая эти письма, я поражаюсь полному доверию, которое питал папá к трезвому и рациональному мнению своей жены. Хотя и чуждая России по своему происхождению, мамá поняла и овладела всем гори-*

зонтом патриотической мысли папа́ - и в этом отношении папа́ говорил с ней так, как не говорил ни с кем".[1] [Старина и Новизна 1914]

В 1900 году, через 6 лет после смерти Эрнестины, увидели свет сочинения Тютчева, подготовленные к публикации вдовой поэта. В предисловии Дарья и Иван, люди пожилого возраста, восхитились гражданским подвигом Эрнестины: „*...Иностранка по происхождению, при вступлении в брак с Фёдором Ивановичем совершенно чуждая России, Эрнестина Фёдоровна* (русское отчество Эрнестины) *нарочно изучила русский язык, чтобы приобрести этим путем возможность читать в подлинниках стихотворения своего мужа, поэтический талант которого она любила и оценивала по достоинству. Этому обстоятельству, открывшему Эрнестине Фёдоровне всю красоту формы и всю глубину содержания стихотворений поэта, русская литература несомненно обязана сохранением большинства его произведений, которые иначе, при полном равнодушии автора к их участи, были бы утрачены навсегда... Иван, Дарья Тютчевы. Октябрь 1899 г.*".
...Февраль 1873. Угасающий Тютчев, зрение едва служит, одна рука неподвижна, тело непослушно. Поэт создает свой последний шедевр, последний гимн любви Эрнестине, последнее *прости*:

Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон.
Одну тебя при мне оставил Он,
Чтоб я Ему еще молиться мог.

Какой удачей для русской литературы стал выбор судьбой именно Эрнестины в жены поэту Фёдору Тютчеву!

Она была его белым магом...

---

[1] В 1878 году была опубликована переписка А. С. Пушкина с женой, Натальей Николаевной. В. В. Стасов по этому поводу писал А. А. Голенищеву-Кутузову (цитирование К. В. Пигарева): „*Читали вы письма Пушкина к жене в январском «Вестнике Европы»? Талантливо, живо, красиво, сильно, элегантно, но, но... но... совершенно без содержания... Какая она, должно быть, была ничтожная и пустая женщина! Ни про что ведь настоящее, важное, он ей ни гу, гу. А сколько других писем написал он на своем веку, где говорит (и как говорит!) про тысячу вещей самых важных, значительных и интересных*". Кирилл Васильевич далее комментирует: „*Несмотря на то, что высказывание В. В. Стасова содержит некоторые преувеличения и выражено с присущей ему резкостью, все же письма Пушкина к Наталье Николаевне не заключает такого большого материала для внутренней характеристики великого поэта, как письма Тютчева к Эрнестине Фёдоровне*". [Пигарев, 367-368]

НЕМЕЦКИЕ РОДСТВЕННИКИ, ЗНАКОМЫЕ

- ГРАФЫ БОТМЕРЫ

Первое упоминание о роде Ботмеров восходит к XII веку, временам крестоносцев. Сведения о генеалогии графов Ботмеров хранятся в Баварском государственном архиве. Ботмеры не были баварцами. В 1696 году они получили баронский титул в Ганновере, в 1713 году - графский в Вене и только 8 декабря 1817 года подтвердили графский титул в Баварии. [BayHSA Grafen, B9]

Карл-Фридрих-Хайнрих-Ернст фон Ботмер (1770-1845) вступил в брак в Касселе 4 ноября 1799 года с Антуанеттой Ганштейн (1777-1826). Там же в Касселе 19 октября 1800 года в семье Ботмеров родился первенец: дочь Элеонора. Большинство архивных генеалогических документов указывают именно на эту дату её рождения. Один документ называет 19 августа 1800 года. Сведения о других годах рождения Элеоноры: 1799 год, 1797 год [ЛН2, 653 (Михайлова)] и 1801 год [Тютчева, 219] не соответствуют ни одному из архивных документов. При бракосочетании с Фёдором Ивановичем Элеонора назвала датой своего рождения 18 октября 1801 года. [AS, 71] Однако граф Карл Ботмер в «Сведениях» (1827) подтверждает дату 19 октября 1800 года [Bothmer, 10]. (Письмо Д. Дьюи от 21.12.2001 и Генриетты Ботмер к автору 24. 01. 2002.)

Брянский тютчевовед В. П. Алексеев отмечает, что в семье Тютчевых были нередкостью стойкие традиции ошибочных дат рождения. [Алексеев, 84]

Всего в семье Ботмеров с 1800 года по 1816 родились, кроме Элеоноры, ещё 11 детей: Георг (1802-1823), студент эрлангского университета, погиб на дуэли; Луиза (1803-1876); Феликс (1804-1876); Фридрих (1805-1886); Жозефина (1806-1811); Адольф (1807-1887); Клотильда (1809-1882); Освальд (1810-1810); Ипполит (1812-1886); Карл (1814-1855); Максимилиан (1816-1878). Известны их жизнеописания. Не все они оставили след в тютчевской биографии и истории Баварии. Упомянем о некоторых.

Сестра Луиза-Кламорина родилась в Касселе 19 марта 1803 года. 9 мая 1824 года вышла замуж „*за графа Людвига-Фридриха-Карла-Максимилиана Пюклера, графа цу-Лимпург-Зонтгайм-Гайльдорфа, барона фон Гродиц, владельца Бург Фаррнбаха, Брунна и Танценгайдта, Деттендорфа и Вальдзаксена, рождённого 11 апреля 1796 года в Штутгарте, умершего 16 августа 1854 года в Бург Фаррнбахе*".

[BaySA Grafen B9, Beiakt, Tafel 3] В замке Бург Фаррнбах часто гостили Тютчевы, родственники-Ботмеры.

Брат Элеоноры, Феликс, родился 19 июля 1804 года в Касселе, скончался в Бамберге 10 ноября 1876 года. Он пятый потомственный владелец за́мка Ботмеров в Мекленбурге. Для одной из ветвей старой дракенбургской генеалогической линии, к которой принадлежали Ботмеры, Мекленбург являлся их родным городом. Феликс состоял на российской военной службе, жил в Митаве, Риге, Петербурге. Был в браке с графиней Матильдой Хун. Все шестеро их детей были российскими подданными. Младший сын, Максимилиан, породнился с российскими Давыдовыми. Последующие поколения в России не закрепились.

Имя Фридриха, следующего брата Элеоноры, встречается в тютчевской переписке: „*...провидение столкнуло меня в самой сутолоке* (Лейпцигской ярмарки) *с Фридрихом Ботмером, который приехал из Мекленбурга*". (Письмо Тютчева Эрнестине 27 сентября 1841 года.) В мурановском архиве хранится письмо Фридриха (1881 года) к племяннице, Екатерине Тютчевой. Фридрих состоял на баварской военной службе, был генералом-артиллеристом.

Самым безалаберным в семье Ботмеров был Ипполит. Служил в армии. Не выслужился. Трижды был женат и столько же разведен. Вторая его свадьба состоялась в Лондоне 24 мая 1856 года с мисс Минни. Пасынок Тютчева, Карл Петерсон, в марте 1858 года так высказался о своем дяде: „*...вышел пройдохой, авантюристом, прошел чрез разные, очень видные положения, все сумел испортить и теперь отправляется в Ост-Индию искать новых похождений*".

Предпоследним родился Карл, в Ганновере, 3 января 1814 года. Прожил он 41 год. Его женой в мае 1844 года стала Анна Баумгертнер. Известно её письмо в 1845 году дочери Тютчева, Анне Аксаковой.

Судьба самого младшего брата Элеоноры, Максимилиана, сложилась удачливее его одиннадцати братьев и сестер. Максимилиан почти 9 лет учился в кадетском корпусе, в армии дослужился до генерал-лейтенанта, стал начальником генерального штаба баварской армии, был инициатором её реформирования, во время франко-прусской войны был уполномоченным от Баварии при главной квартире кронпринца Фридриха Вильгельма. Максимилиан был блестящим оратором, энциклопедически образованном человеке. Имел пятерых детей, двое сыновей стали генералами: Роберт и Феликс. На одной из мемориальных плит в Галерее знаменитых баварских полководцев, Feldherrnhalle (на Одеонсплац), начертано имя Феликса Ботмера, племянник Элеоноры Тютчевой. Сын Максимилиана, родился в Мюнхене 10 декабря 1852 года. Нет упоминаний о встрече Фёдора Ивановича с семьёй Максимилиана во время кратковременного приезда Тютчева в

Мюнхен в 1859 году, но несомненно Максимилиан и его дети хорошо знали драматическую биографию Элеоноры.

Генерал-полковник граф Феликс фон Ботмер (1852-1937).

Во время Первой мировой войны Феликс Ботмер командовал Вторым баварским резервным корпусом, сражавшимся в Лотарингии, с июля 1915 года Ботмер - во главе Южной армией на русском фронте в Восточной Галиции (противостоял генералу Брусилову), с февраля 1918 года он вновь в Лотарингии, командующий Девятнадцатой Армией. В 1923 году 71-летний граф по состоянию здоровья не участвовал в гитлеровском путче, но в составе баварского генералитета не отказал в поддержке будущему фюреру. [Görlitz/Quint] Умер Феликс в почете и славе 19 марта 1937 года. Только в наше время потомки графов Ботмеров узнали, что в первой половине XIX столетия в родстве с их семьёй состоял знаменитый русский поэт Фёдор Тютчев. [Bothmer 2002] Старший сын Элеоноры от первого брака, пасынок Тютчева, российский дипломат Карл Петерсон, был женат на Марии, урожденной Озеровой[1]. У Карла и Марии в Лиссабоне (Карл был российским посланником в Португалии) 12 августа 1856 года родилась дочь Мария-Магдалена. Через 23 года, 30 сентября 1879 года, она венчалась (в Мюнхене) с внуком графа Максимилиана Монжела[2], Эдуардом Монжела. Семья Петерсонов проживала в Мюнхене по старому тютчевскому адресу: Оттоштрассе 6.

16-летней Марии-Магдалене Петерсон 23 ноября 1872 года Тютчев написал в альбом шуточное стихотворение „*Как бестолковы числа эти...*“. В музее «Мураново» экспонируются фотографии Марии-Магдалены (Берлин, 1861. Л. Хаазе) [ТА, 166], а также акварельный портрет неизвестного художника середины XIX века «Портрет девочки из семьи Озеровых». С большой долей вероятности можно предположить, что на портрете также изображена Мария-Магдалена.

---

[1] Мария Озерова - дочь Ивана Озерова, посланника в Мюнхене с 1863 по 1880 год (умер в Мюнхене).

[2] Максимилиан Монжела (1759-1838), бывший премьер-министр Баварии при короле Максе I Йозефе, позже - домовладелец по соседству с Тютчевыми на Каролиненплац. См. статью «Каролиненплац».

--- КЛОТИЛЬДА

„В белый сад выходишь утром..."

Г. Гейне, май 1828 года.

Графиня Клотильда фон Ботмер, восьмой ребёнок в семье графа Ботмера, родилась 22 апреля 1809 года в Мюнхене. Предполагается, что до брака с Элеонорой Тютчев был увлечён юной Клотильдой. Вероятно, их знакомство произошло после возвращения Фёдора Ивановича из России, т. е. не позже первого полугодия 1826 года. Увлечение было взаимным и недолгим.

Известно, что в семье младшие дети чаще всего воспитываются не родителями, а старшими детьми. Авторитет старшей Элеоноры был беспрекословен. Элеонора первая вышла замуж, первая родила племянников своим многочисленным братьям и сестрам. Более всех любила детей Элеоноры младшая Клотильда. Кончина Петерсона стала большой трагедией для всей семьи Ботмеров: осиротели четверо мальчиков Элеоноры. Клотильда понимала сложность положения старшей сестры и ...„уступила" ей Фёдора. Портрет Шелера подтверждает, что Элеонора была еще мила собой и женственна. [ТА, 145] 22-летний юный Фёдор, привыкший к материнской опеке, еще нуждался в таковой и охотно принял заботы вдовы. Клотильда была рядом, но роман с ней завершился. Осталась теплота отношений на всю жизнь...

В конце 1827 года в Мюнхен приехал Генрих Гейне. Известны дружеские отношения, которые возникли между ним и Фёдором Ивановичем весной 1828 года. Гейне был частым гостем в доме Тютчевых. Влюбчивый 30-летний Генрих был покорен свояченицей Тютчева, юной Клотильдой. Этому чувству немецкая поэзия обязана рождением стихотворного цикла «Новая весна». [Heine 1983, 346-347] Одно из лирических стихотворений увлеченного немецкого поэта (в переводе В. Левика):

В белый сад выходишь утром,
Свищет ветер над землею,
Смотришь, как несутся тучи,
Облекая небо мглою. <...>

И повсюду - что за чудо! -
Снег цветет весенней новью,
Юный май сменяет зиму,
А душа горит любовью!

Сердце Клотильды не осталось равнодушным, но и сильное ответное чувство не родилось. Ярким быстро-сгорающим метеоритом пронёсся Гейне в небе Клотильды. Она не успела даже серьёзно влюбиться. Расставание было без сожаления: кумиром Клотильды был Фёдор. Она всю жизнь преданно любила Тютчева, его детей, его жён. Почти все 12 лет замужества Элеоноры Клотильда жила с Тютчевыми

под одной крышей (на Оттоштрассе 248), или недалеко от них.[1] Она была крестной матерью дочерей Элеоноры и детей Эрнестины. Дочери Элеоноры после кончины матери подолгу жили у тётки. Портрет Клотильды кисти неизвестного мастера украшал Баварский музей «Новая Пинакотека».

Ещё при жизни Элеоноры к Клотильде сватался коллега Тютчева, секретарь российской миссии, барон фон Мальтиц (1795-1870). И только с появлением в жизни Фёдора Эрнестины у Клотильды исчезла надежда на создание семьи с Тютчевым. Мальтиц был на 14 лет старше Клотильды. Прежним местом его службы, до 1837 года, была российская миссия в Рио-де-Жанейро. 6 апреля 1839 года 30-летняя Клотильда вышла замуж, как указано в генеалогическом матрикуле Ботмеров, за „*Фридриха Аполлониуса барона фон Мальтица (с конской головой на гербе)*", российского дипломата и немецкого литератора. Барон Мальтиц был плодовитым поэтом и драматургом.

Графиня Клотильда Ботмер (1809-1882). Художник не известен.

Аполлониус окружил Клотильду вниманием и любовью, посвящал ей сонеты: «An die Vermählten» («Жене») в 1838 году и ещё через 20 лет «Rückblick von fernen Hügeln. An Clothilde» («Взгляд назад с далёких холмов. Клотильде»). „*Взгляд назад...*" - стихотворение минорное, прощальное. Мальтиц готовился к расставанию с бытием, не ведая, что ему отпущено ещё 12 лет. Итальянский сонет наполнен смирением, удовлетворением от прожитой жизни и собственным душев-

[1] В конце 20-х годов Клотильда вместе с Тютчевыми жила на Оттоштрассе 4 (Nr. 248 - по старой сквозной нумерации домов), в начале 40-х Фёдор Иванович и Эрнестина были соседями Клотильды, они жили через дом, на Оттоштрассе 6 (Nr. 250; улицы ещё не имели чётной и нечётной стороны).

ным покоем. В последних строках не забыта и Клотильда (авторизированный подстрочник):

Златая цепь рвется надвое,
Мир земных радостей готовится к последнему сну,
Моя поступь расстается с этой прихожей,
Но остаются еще нити воспоминаний.
В них восторги свиданий молодости,
В сердце - наслаждение кротостью и смирением.
Приходит время и каждый для себя решает,
Когда отзвучал зов его лебединой юности.
Вечерняя заря обращает к покою.
Я не побежден грустью подслащенных колебаний
И все прошедшее считаю завершенным.
Утренняя заря замирает в тоске.
В будущем - светлая звезда твоих проводов
И твоя ласковая верность...

Обожание Мальтицем своей жены раздражало Тютчева и вызывало даже чувство досады: „*Я себе не очень нравлюсь в их обществе*", - недовольно писал он как-то Эрнестине. Потом Мальтицы переехали в Веймар, куда с мая 1841 года Аполлониус был назначен поверенным в делах России.[1] Тютчев переписывался с ними и первое время довольно часто навещал, а потом всё реже и реже. После встречи Тютчева с Клотильдой в Веймаре 7 июля 1847 года они разлучились надолго. Детей Мальтицы не вырастили. 2 марта 1870 года Клотильда овдовела и переехала из Веймара в город Кезен, под Наумбургом (в 120 километрах от Карлсбада).

В последней декаде июля 1870 года Тютчев ехал на лечение в Теплиц и задержался в Карсбаде. Двадцать шестым июля им датирован автограф стихотворения, названного им загадочным криптонимом «К. В.».

Через полгода, в декабрьском номере известного ежемесячника «Заря», стихотворение увидело свет, но подписано оно было не полной фамилией автора, а только буквой *Т.* В журнале публиковались ведущие литераторы России (И. С. Тургенев, Я. П. Полонский и др.). Семья Фёдора Ивановича знала, чье имя скрыто в заголовке, но адресат посвящения оставался неразглашаем. Иван Аксаков, зять Тютчева, в подробном исследовании «Биография Фёдора Ивановича Тютчева» (Москва, 1886) о стихотворении «К. Б.» не обмолвился ни словом, вроде бы этого заметного шедевра не существовало.

---

[1] Когда-то эту же должность в Веймаре занимал Александр Петерсон, первый муж Элеоноры. 31-го марта 1861 года семью Мальтицев в Веймаре посетил Л. Толстой.

В 1913 году, к 40-летию кончины Ф. И. Тютчева, издатель П. В. Быков опубликовал все известные к тому времени стихи поэта. Некоторые тютчевские стихи были опубликованы впервые. Но в сборник были включены также многие стихотворения, автором которых Тютчев не являлся (Ознобишина, Ротчева и др.).

В начале 20-го столетия имени Тютчева грозило забвение, и Быков по-своему пропагандировал его творчество. Писатель князь Георгий Гагарин назвал быковское издание „*возмутительной расправой с текстом стихотворений Тютчева*". [ЛН2, 534-541 (Николаев)] Не менее жестко высказались и другие литераторы (Г. Чулков [Тютчев 1933-34], К. Пигарев [Чагин 1999, 9]). Десятилетия потребовались для удаления плевел. Однако один миф Быкова сохранился до сих пор.

Стихотворение, озаглавленное Тютчевым таинственными инициалами «К. Б.», Быков сопроводил примечанием, в котором раскрывал загадочное посвящение. Он сообщал, что друг Фёдора Ивановича, известный поэт Яков Петрович Полонский, якобы незадолго до своей кончины (в 1898 году) поведал ему, Быкову, рассказ Тютчева об адресате «К. Б.». По версии издателя (с ссылкой на Полонского) криптоним следует инвертировать в «Б. К.» и расшифровывать «Баронессе Крюденер». Валерий Брюсов, почитатель таланта Тютчева, усомнился в достоверности ссылки Быкова на усопшего Полонского. По мнению Брюсова, у Федора Ивановича с Амалией не было *вековых разлук*, их любовь-дружба была общеизвестна и не нуждалась в замысловатых криптонимах, несвойственных Тютчеву. К 1870 году Амалия давно уже имела другой дворянский титул. Сокращение слова *баронесса* до буквы *б.* также нетипично для Тютчева: в переписке он сокращал его до трех букв: *бар.*

Брюсову оппонировал филолог Роман Брандт. Брандт настаивал на версии Быкова, мотивируя свой довод совпадением эпитета *время золотое* в стихотворениях «К. Б.» и „*Я помню время золотое...*". Стих-воспоминание „*Я помню время золотое...*" посвящен Амалии в первой половине 30-х гг. (См. с. 135.)

Однако аргументы Брандта уязвимы.

Сравниваемые стихотворения написаны с интервалом в 34-36 лет! У Фёдора Ивановича есть похожие строки, адресованные заведомо разным лицам. [Топоров, 38] Поэзия Тютчева рождалась вдохновенно-спонтанно и выражала его душевное состояние в момент творческого акта созидания. В тютчевской поэзии ощутимы его собственные клише, которые, как и новые образы, возникали у поэта интуитивно-подсознательно, в виде озарений, свойственных его индивидуальному феномену. Исследуя названные стихи Тютчева, наиболее достоверно устанавливается единственное: стихотворения «К. Б.» и „*Я помню время золотое...*" написаны одним поэтом.

Дети и внуки Тютчева, во многом благодаря стараниям Фёдора Ивановича, занимали высокое положение в социальной иерархии державы и можно понять Быкова и Брандта, стремящихся оберегать репутацию фамилии. Сам Фёдор Иванович, публикуя любовные стихотворения, понимал возможность нравственной проблемы, которую может создать своей семье. А. И. Георгиевский, родственник Е. А. Денисьевой, вспоминал, что Тютчев по поводу утаивания адресатов стихотворных посвящений Елене Александровне, писал ему: „*Я не прячусь, но и выставлять себя напоказ перед толпою не хочу. Для сочувствующих одного намека довольно*“ [ЛН2, 129 (Пигарев)]: Фёдор Иванович придумывал зашифровки, нехитрый смысл которых был очевиден его друзьям. Версия с инвертированием не похожа на намек для своих.

Кандидатура Амалии на роль адресата таинственного посвящения была выбрана Быковым крайне неудачно: деликатнейший Тютчев никогда не увлекался замужними женщинами. Фёдор Иванович помнил об уроке несостоявшейся дуэли в январе 1825 года из-за 17-летней Амалии с ее женихом, 39-летним бароном Крюденером.

Трудно себе представить, чтобы через 45 лет Амалия, которая обрела, наконец, (в 1855 году) долгожданное семейное счастье с царским фаворитом, графом Николаем Адлербергом, статным красавцем-генералом (моложе жены на 11 лет!), решилась вновь дать повод или какие-то надежды на взаимное чувство угасающему, не по годам старчески выглядевшему Фёдору Ивановичу. Тютчев знал об уважительном отношении к нему мужа Амалии. Граф весной 1867 года писал Вяземскому: „*...Тютчев, чей ум и перо являются предметом всеобщей зависти*“. [ЛН2, 388 (Пигарев, Динесман)] Еще трудней предположить, чтобы 67-летний Тютчев жаждал повторения приключений своей молодости.

Амалии, графине Адлерберг, было вполне достаточно многолетней дружбы с поэтом. Она жила в Петербурге и ее встречи с Фёдором Ивановичем не были тайной и редкостью. Достоверно установлено, что в июле 1870 года Амалия в Карлсбад не приезжала.

Через три года умирающий Тютчев скажет об Амалии: „*В её лице прошлое лучших моих лет...*“. В этом же письме Тютчев называл Амалию ***графиней*** *Адлерберг* и *доброй Амалией Крюденер*. Называть ее утраченным титулом *баронессой Крюденер* было бы крайне невежливо. Вряд ли 1870 год можно отнести к *лучшим* годам угасающего поэта.

Тютчев всегда ощущал вину перед женщинами, чувство к которым угасало. Любовным опытом его жизни продиктованы следующие строки:

Любовь, любовь – гласит преданье–
Союз души с душей родной –
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье
И… поединок роковой…

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец…

Исследованиями московского литературоведа А. Николаева установлено, что Фёдор Иванович и Клотильда могли встречаться между 21 и 26 июля. [Николаев]

Через месяц Клотильда сообщала Екатерине, дочери Фёдора Ивановича, о смерти мужа: „*На этих днях исполняется шесть месяцев, как покоится мой дорогой Мальтиц. Я прошла через ужасные часы страданий и печали, мне показалось, что моё сердце умерло. <...> Я была избалована мужем. Я слишком была приучена быть любимой*“. [Долгополова 1999] Сердце ее не умерло, это ей только показалось…

В 1987 году в Ленинграде было издано «Полное собрание стихотворений Ф. И. Тютчева», в котором был также развенчан миф Быкова. [Тютчев 1987] Ложности быковской версии были посвящены и литературные радиопередачи. По сегодняшний день быковская „утка“, выпущенная еще в 1913 году, продолжает упорно тиражироваться.

Публикация стихотворения «К. Б.» в декабрьской 1870 года книжке журнала «Заря», в отличие от И. Аксакова, была замечена многими читателями. Уже в следующем году появились первые переложения на музыку. Новую жизнь стихотворение «К. Б.» получило в романсе „*Я встретил вас...*". В прежних нотных изданиях сообщалось, что автор музыки неизвестен. Одним из исполнителей романса был известный драматический артист Иван Москвин. Его исполнение произвело однажды большое впечатление на профессионального певца Ивана Козловского, который на слух восстановил нотную запись мелодии. Исследователями-музыковедами и литературоведами после десятилетий(!) поисков, дискуссий, находок новых композиторских имён (С. Донауров, А. Спиро), музыкальных жанров и вариантов выяснено, что автором музыки, ставшей народной, является композитор Л. И. Малашкин, сочинивший романс в 1880 году. [Николаев]

Данное произведение по жанру близко к элегии, песне о печальной любви, неутраченном чувстве двух давно немолодых людей. Композитор, очарованный тютчевским стихом, ощутил гармонию музыкальности поэтического текста, тонкую возвышенность и интеллигентную чувственность нижеследующих строк:

Я встретил вас - и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое -
И сердцу стало так тепло...
Как поздней осенью порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, -
Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...
Как после вековой разлуки
Гляжу на вас, как бы во сне, -
И вот слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...
Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, -
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!

Любимая женщина трех поэтов, баронесса Мальтиц, урожд. графиня Клотильда Ботмер, адресат стихотворения «К. Б.», скончалась в Георгентале (Тюрингия) 5 сентября 1882 года.

- БАРОНЫ ПФЕФФЕЛИ

Род Пфеффелей происходит из Аугсбурга (первый Георг Пфеффель упомянут в 1633 году), но баварское дворянство было подтверждено только 19 мая 1808 года, а баварским бароном отец Эрнестины, барон Христиан Гюбер фон Пфеффель (1765-1734), стал лишь 5 января 1828 года. [Genealogie 1977] Христиан Пфеффель - племянник двух знаменитых братьев: известного немецкого баснописца Готтлиба Конрада Пфеффеля (1736-1809) и Кристиана Фридриха Пфеффеля (1726-1807), дипломата и историка Баварии. Мать, Каролина (1789-1811), - баварская баронесса фон Теттенборн.

Проследим выборочно генеалогию Пфеффелей до наших дней. Мы уже знаем, что 28 сентября 1830 года баронесса Эрнестина Пфеффель в Париже вышла замуж за баварского дипломата барона Фридриха Карла фон Дёрнберга (1796-1833). Брат Эрнестины, Карл (1811-1890), был женат на Каролине Роттенбург. Каролина Паулина Роттенбург (1805-1872), незаконнорожденная дочь актрисы Фридерики Рот и принца Паула Вюртенбергского. [BayHSA, Frhr.. P13] У Каролины и Карла родились четверо детей: Эрнестина-Губертина (1836-1922), Мария (1838-1927), Каролина (1839-1914) и Губер (1843-1922).

Единственный сын, Губер, в брак не вступал, и фамилия Пфеффель на нём завершилась. Младшая дочь, Каролина, в 1862 году вышла замуж за Антона Августа Сетто, за внука того Сетто, который жил на Резиденцштрассе 6, где часто встречались молодые Фёдор Иванович и Эрнестина. Отец Антона Августа, Август Сетто, также был баварским дипломатом. Вторая дочь, Мария, вышла замуж в том же

1869 году за графа Фридриха Поччи. Отец Фридриха, Франц Поччи (1807-1876), был известным баварским литератором.[1]

В честь сестры Карла, Эрнестины, первую дочь супруги Пфеффели назвали Эрнестиной-Губертиной.

Возникло предположение, что именно ей любимая тётка перед отъездом в Россию подарила свой портрет, написанный Й. Штилером в апреле 1834 года. Эрнестина-Губертина была в браке трижды. Два предшествующих брака были бездетными. В третьем браке (23.11.1869) она стала женой видного немецкого дипломата, графа Карла Тауффкирхена-Гутенбурга (1826-1895). В этом браке родилась дочь Тереза (1874-1960). Если портрет не был утрачен, то он должен был ею наследоваться. 20 апреля 1895 года Тереза вступила в брак с бароном Эдуардом Ридерером фон Паар-цу-Шёнау (1864-1940).

Баронесса Пиа фон Риттер-цу-Гроенештайн, потомок Элеоноры и Эрнестины.

3-го января 1899 года Тереза (в Вене) родила сына, которого назвали Иоганном.. Теперь этот барон Иоганн являлся наследником портрета Эрнестины, если таковой существовал.

Ридерер-младший, т. е. Иоганн, 16 октября 1924 года женился (в Мюнхене) на графине Марии Монжела. Рекорд долгожительства барону устанавливать не довелось: 29 декабря 1941 года он в чине оберлейтенанта погиб на Восточном фронте. Но еще 12 мая 1926 года Иоганн стал отцом дочери Пии.

Продолжим тему скучной генеалогии. Проследим происхождения матери Пии, баронессы Марии фон Паар-цу-Шёнау. Баронесса Мария появилась на свет 7-го марта 1897 года (в Берне) девятым ребенком в семье графа Эдуарда Монжела и его жены Марии-Магдалены, урожденной Петерсон (1856 – 1931). [BayHSA Grafen, M7] Жена Карла Петерсона тоже была Марией (в каждом поколении своя мама Мария!). Ее отцом был Иван Озеров, российский посланник в Баварии с 1863 по 1880 год (умер в Мюнхене). (Озеровы через Мещерских приходились дальними родственниками Тютчевым![2] [Чагин,

---

[1] Персонаж № 35 на картине Ф. Фольца. См. статью «Тютчев и персонажи картины Филиппа Фольца».

[2] См. эпизод о Марии-Магдалене в введении к главе «Графы Ботмеры».

24.08.1998]) Российское подданство имела не только Мария Озерова, но и её муж российский дипломат Карл Петерсон.

Внимательный читатель не забыл, что Карл Петерсон был сыном российского дипломата Александра Петерсона и его жены Элеоноры, урожденной графини Ботмер, во втором браке Тютчевой! Таким образом, баронесса Пиа Риттер-цу-Грёнештайн являлась одновременным потомком, праправнучкой, обеих жен-соперниц Тютчева и носителем толики генов самого Фёдора Ивановича! Потрясающие, воистину мистические приключения в путешествии генов! Время примирило всех... 9-го сентября 1948 года 22-летняя Пиа, бракосочеталась с бароном Эльмаром фон Риттер-цу-Грёнештайн (род. 29.08.1920). Баронессе Пии, по гипотезе автора настоящей книги, мог принадлежать портрет Эрнестины. Баронесса унаследовала от отца замок в одном старинном городке. [Genealogie 1979] В 1995 году в этот городок автором было направлено письмо в адрес баронов с просьбой о сообщении какой-либо информации о портрете баронессы Эрнестины Дёрнберг. Однако ответа не последовало...

Баронесса Эрнестина фон Дёрнберг. Художник Й. Штилер. 1834 год. Из собрания баронов Риттеров.

Имя баронов Риттер-цу-Грёнештайн было упомянуто в 1998 году в книге «Прогулки с Тютчевым по Мюнхену», с дополнением, что баронам „*известны все предки, более пятнадцати поколений, но о родстве с Тютчевым они не ведают*“. [Полонский 1998, 134] Эта же фраза была повторена и в книге «Фёдор Тютчев. Мюнхенские годы. Fjodor Tjutschew. Die Münchner Jahre», изданная в 1999 году «Центром русской культуры «MIR» в Мюнхене». [Полонский 1999, 107] К удивлению автора, оказалось, что бароны Риттеры „*о Тютчеве ведают*“!

Упомянутые книги были прочитаны зарубежными филологами. 15 июля 2000 года автором было получено письмо от английского филолога Джона Дьюи с сообщением, что его соотечественник д-р Рональд Лэйн также разыскивал потомков Пфеффелей. Пользуясь теми же первоисточниками ([Genealogie 1979]), он еще в 1982 году установил адрес баронов Риттеров и даже посетил их.

Потрясение: на стене висел портрет Эрнестины!

Благорасположенные хозяева разрешили господину Рональду сфотографировать знаменитый портрет. Английский тютчевовед сделал два снимка: в анфас и под углом. Но... баронесса Пиа, владелица портрета, наложила безоговорочное вето на любые сообщения о месте нахождения портрета. Правда, публикации фотографий были затруднены из-за больших перспективных искажений обоих снимков, исключающих качественное воспроизведение в печати.

В мае 1984 года, цветной портрет Эрнестины увидел ее правнук, К. В. Пигарев. В соответствии с запретом баронессы Пии адрес её остался неразглашаем. Кирилл Васильевич был тяжело болен. Как это по-божески благородно дарить людям радость в последние часы их жизни. Лицо Кирилла Васильевича, измученного безмерными болями, озарилось светлой улыбкой. На другой день, 19 мая, он встретился с прабабкой...

Через 16 лет, в мае 2000 года, электронная копия одной из фотографий была переслана в компьютер Д. Дьюи. К славе вычислительной техники и сына Джона, Христофера, компьютерного специалиста, Дьюи-младшему удалось с помощью специальных программ значительно устранить искажения. Д. Дьюи и д-р Р. Лэйн, выяснив, что адрес баронов Риттеров также известен и автору настоящей книги, направили откорректированную фотографию по каналам всемирной сети в компьютер автора и передали ему заботы о возможной публикации портрета.

30-го августа 2000 года барону Эльмару Риттеру, в день его 80-летия, автором была отправлена упомянутая книга «Фёдор Тютчев. Мюнхенские годы. Fjodor Tjutschew. Die Münchner Jahre». Публикация содержала большой раздел на немецком языке, в котором главные персонажи - Фёдор Иванович и его жёны. В издании помещены два изображения Эрнестины: в 24-летнем возрасте (литография Г. Бодмера с мюнхенского портрета Штилера) и в возрасте 52-х лет (петербургская фотография И. Робийяра). В письме, прилагаемом к книге, высказывалась просьба о разрешении публикации фотографии, сделанной в свое время Рональдом Лэйном. Книга должна была убедить владельцев портрета дать такое разрешение.

Ответ пришел спустя три месяца. Писал барон Эльмар (30.11.2000, перевод автора):

„Многоуважаемый господин доктор Полонский!

Извините, пожалуйста, за непредвиденное опоздание с ответом на Ваше дружественное письмо от 30-го августа. Особенно порадовала меня Ваша бесценная книга. Жаль, что русский текст я не мог читать. Я согласен, чтобы в Вашей новой книге было опубликовано фото портрета Эрнестины. <...> Если я смогу приехать в Мюнхен, то охотно использую эту возможность для знакомства с Вами. Я своевременно осведомлюсь об удобном времени для посещения. Пока остаюсь с дружественным приветом. Ваш Эльмар барон фон Риттер“.

Баронессы Пии в живых уже нет... Она скончалась 8-го июля 1997 года. Барон разрешил публикацию фотографии портрета.

Автор искренне признателен английским филологам, многолетним почитателям и исследователям творчества Тютчева.

В семье Риттер-цу-Грёнештайн[1] сегодня бережно хранится портрет их предка, баронессы Эрнестины Дёрнберг, во втором браке Тютчевой.

Электронная почта доставила из Мюнхена цветное изображение Эрнестины в овстугский музей-усадьбу Ф. И. Тютчева (на Брянщине). Посетители музея имеют возможность увидеть портрет красавицы Нести во времена взлёта её и Фёдора любви.

Вступая в брак с баронессой Эрнестиной, Тютчев вошел в круг семьи с культурными традициями. *„...она внучка славного Пфеффеля; отец её министром в Париже"*, - писал А. Тургенев в дневнике 30 марта 1834 года. Александр Иванович имел ввиду двоюродного деда Эрнестины, известного баснописца, и её отца, баварского посланника во Франции. В сборниках для декламации до сих пор издаются басни Готтлиба Пфеффеля. Вот одна из них (перевод автора):

ЮНЫЙ ЗАЯЦ

Серьёзным шагом, как герой,
Приходит зайчик в дом родной.
Изранен глаз и нос разбит,
Зайчишка пыжится, шумит:
- Я бился, враг мой был силён!
Спросил отец:
　　　　- Скажи, кто он?
Мать задрожала:
　　　　- Иль забиякой
Была хозяйская собака?
Родня вскричала в перепуге:
- Где ты нашёл врагов в округе?
Никто из нас о них не слышал!
- О, дрался я со страшной мышью!..

---

[1] У Эльмара и Пии пятеро детей: Отто (род. 1.09.1949), Стефан (род. 4.04.1951), Тереза (род. 6.11.1953), Христоф (род. 11.12.1954) и Конрад (род. 24.03.1958), в семьях которых рождены 12 детей.

ЛИНИЯ ГРАФИНИ ЭЛЕОНОРЫ БОТМЕР,
ВО ВТОРОМ БРАКЕ ТЮТЧЕВОЙ (С 27.01./08.02.1829)

Элеонора БОТМЕР (1800-1838) ↀ 15.12.1817 **Александр ПЕТЕРСОН (?-1825)**

↓

Карл ПЕТЕРСОН (1811-1890) ↀ Мария ОЗЕРОВА, ее отец, Иван ОЗЕРОВ (?-1880) - родственник Ф. И. Тютчева

↓

Мария-Магдалена ПЕТЕРСОН (1856 – 1931) ↀ 30. 09.1879 Эдуард МОНЖЕЛА (1854-1916)
23 ноября 1872 года Ф. И. Тютчев написал в альбом Марии-Магдалене ПЕТЕРСОН стихи „*Как бестолковы числа эти...*".

↓

Мария МОНЖЕЛА (1897-?) ↀ 16.10.1924 **Иоганн Ридерер фон ПААР-ЦУ-ШЁНАУ (1899-1941)**

↓

Пия Ридерер фон ПААР-ЦУ-ШЁНАУ (1926-1997) ↀ 09.09.1948 Эльмар фон РИТТЕР-ЦУ-ГРЁНЕШТАЙН (род. 29.08.1920)

ЛИНИЯ БАРОНА КАРЛА ПФЕФФЕЛЯ, БРАТА ЭРНЕСТИНЫ,
ВО ВТОРОМ БРАКЕ ТЮТЧЕВОЙ (С 17/29. 07.1839)

Эрнестина (1810-1894) и брат Карл ПФЕФФЕЛИ (1811-1890) ↀ Каролина Роттенбург (1805-1872)

↓

Эрнестина-Губертина ПФЕФФЕЛЬ (1836-1922) ↀ 23.11.1869 Карл ТАУФФКИРХЕН-ГУТЕНБУРГ (1826-1895)

↓

Тереза ТАУФФКИРХЕН-ГУТЕНБУРГ (1874-1960) ↀ 20.04.1895 Эдуард Ридерер фон ПААР-ЦУ-ШЁНАУ (1864-1940)

↓

Иоганн Ридерер фон ПААР-ЦУ-ШЁНАУ (1899-1941) ↀ 16.10. 1924 **Мария МОНЖЕЛА** (1897-?)

↓

Пия Ридерер фон ПААР-ЦУ-ШЁНАУ (1926-1997) ↀ 09.09.1948 Эльмар фон РИТТЕР-ЦУ-ГРЁНЕШТАЙН (род. 29.08.1920)

**РОДОСЛОВНАЯ БАРОНЕССЫ
ПИИ РИДЕРЕР ФОН ПААР-ЦУ-ШЁНАУ (1926-1997) –
ОБЩЕГО ПОТОМКА
ЭЛЕОНОРЫ И ЭРНЕСТИНЫ ТЮТЧЕВЫХ**

- ГРАФЫ Д'АРКО-ВАЛЛЕ

Среди мюнхенских знакомцев Тютчева в его переписке упоминается *красивая госпожа Анна.*

Холерным летом 1836 года, 7/19 июля, Фёдор Иванович писал Ивану Гагарину: „*Мюнхен опустел. Моя жена ещё не вернулась* (из Бурга Фаррнбах), - и далее иронично. - *В Мюнхене видишь либо беременных, либо только что разрешившихся женщин. В числе первых красивая госпожа Анна, которая поселилась в доме Майо в Английском саду. Сейчас это единственное обитаемое место Мюнхена. Скоро и оно будет недоступным... Принц Карл уже принялся молиться, а Вебер почти закончил приданное для новорожденного...*". Письмо заполнено новостями баварского Двора и завершается в том же тоне ещё одной невинной сплетней о нравах: „*Госпожа де Сетто находится в Эглоссгейме вдвоем с нунцием, и уж конечно не я стану нарушать их tête-à-tête*". [Тютчев 1984, 20]

Частые холерные бедствия Европы не обходили стороной Мюнхен. Королевский двор не без потерь укрывался в Тегернзее, горожане в ужасе разбегались от очага эпидемии и разносили болезнь далее по стране. Элеонора с детьми уезжала к сестре Луизе в Бург Фаррнбах, замок свояка графа Пюклера (вблизи Фюрта, недалеко от Нюрнберга).

Фёдор Иванович оставался в Мюнхене. „*Тягостное ощущения и траур охватили все общество*" - из письма родителям на Новый 1838 год. Но бодрость духа его не убавлялась. Фёдор Иванович был согрет греховной любовью красавицы-баронессы, будущей жены поэта. Он уверовал, что не в связи с холерой и нескоро уйдёт из жизни. Судьбой ему будет даровано ещё около 40 лет бытия и впереди предстоят созидания многих шедевров высокой Поэзии.

К. В. Пигарёв, правнук поэта (по линии второго брака), биограф Фёдора Ивановича и переводчик его писем с французского, правильно комментировал, что *красивая госпожа Анна* это графиня Анна Д'Арко-Валле (D'Arco-Valley, урожд. принцесса Марескальки, 1813-1885), её красота была действительно впечатляющей. 21-летнюю графиню Александр Тургенев сравнивал с мадонной Рафаэля. Но биограф далее признал, что смысл выше цитированных слов Тютчева неясен. [ЛН1, 513, примеч. 14 (Пигарев)]

Архивные материалы позволяют полнее понять тютчевский текст. Разбирая нечёткий почерк прадеда, Кирилл Васильевич напутал с фамилией домовладельца. Горожанин с латиноамериканской фамилией *Майо* в Мюнхене никогда не проживал. Графиня Анна жила в доме Андреаса *Майера*, секретаря военного министерства, который имел свой дом на Ветеринерштрассе 2, небольшой улице, примыкающей к Английскому парку.

Скрытая ироничность подтекста фразы Тютчева о принце Карле осталась биографом непонятой. Моральные устои баварского двора, как и других царствующих дворов Западной Европы и России, были далеки от пуританских. А. И. Тургенев замечает в дневнике 3-го апреля 1834 года: „*Графиня Арко - красавица, за коей волочится брат короля*“. [ЛН2, 78 (Азадовский, Осповат)] Фёдор Иванович недвусмысленно также намекает на связь принца Карла, брата короля Людвига I, с замужней графиней Анной. 10 августа 1836 года, через три недели после встречи с Тютчевым, графиня благополучно разрешилась от бремени, произведя на свет сына Карла, тёзку брата короля(!). Брат Людвига был добропорядочным принцем: его, конечно, беспокоило здоровье Анны и благополучный исход родов в объятом ужасом холерном Мюнхене, „*принц Карл уже принялся молиться*“. Заботы о новорожденных, вероятным отцом которых был принц, входили в обязанности его гофмаршала, генерал-майора барона Христиана фон Вебера, который „*почти закончил приданное для новорожденного*“...

Через 13 лет, 25 августа 1849 года, 36-летняя Анна родила ещё одного сына, Максимилиана. Оба сына карьеру делали при дворе и женились на фрейлинах. Её собственная жизнь протекала в удовольствиях и оставила след только в генеалогических документах. Скончалась графиня Анна Д'Арко-Валле 22 июля 1885 года в возрасте 72 лет и похоронена в Тегернзее.

Дополним архивные сведения рассказом о потомках Анны.

Граф Антон Д‘Арко-Валле (1897-1945).

Младший сын Анны, Максимилиан, в брак вступать не торопился, долго выбирал невесту и женился, наконец, в возрасте 43 лет на 23-летней фрейлине баварского двора Эмми фон Оппенгейм. Брак возможно был и по любви, но злые языки говорят, что по расчёту: тесть был кёльнским банкиром (близким знакомым барона Симона фон Эйхталя, банкира королевского двора и многих состоятельных людей Баварии, в т. ч. баронов Пфеффелей и Эрнестины Тютчевой). Вероятно, Максимилиан не страдал расовыми предрассудками, Оппенгеймы были кре-

щёнными евреями, но желание обедневшего графа улучшить удачным браком материальное благосостояние было не самым худшим побуждением в его жизни. 5-го февраля 1897 года в семье Максимилиана и Эмми родился сын, которого нарекли Антоном-Альфредом-Эмилем-Губером-Георгом.

Этому Антону суждено было стать скандальным героем немецкого национал-социализма. 21 февраля 1919 года в смутное время Баварской революции 22-летний граф Антон Д'Арко-Валле, внук красавицы Анны, вошёл в историю Баварской республики актом террора: средь бела дня на мюнхенской улице Променадештрассе[1] он застрелил первого её президента социалиста Курта Айснера-Космановски.

Злодеяния всегда не имеют оправдания, но данное убийство было просто бессмысленным, т. к. Айснер намеривался подавать в отставку в связи с поражением на выборах и его принудительный уход из жизни уже не мог повлиять на политическую расстановку сил в стране. Однако с точки зрения Антона среди минусов Айснера главными были не столько социалистические убеждения президента, сколько его еврейское происхождение. Монархически настроенный юный граф, одолеваемый комплексами немецкой неполноценности и зоологического антисемитизма, пытался своим поступком заслужить признание патриотов-националистов и вполне этого добился: в среде будущих нацистов Антон был наконец признан своим. За убийство президента он был осуждён к двухлетнему тюремному заключению(!), и в ноябре 1923 года стал участником гитлеровского путча и позже видным деятелем NSDAP. Добавим, что гибель Айснера произошла через 4 дня после убийства Розы Люксембург теми же силами по тем же мотивам.

29 июня 1945 года Антон Д'Арко-Валле погиб при автокатастрофе во время бегства в Австрию. Его жена, Мария-Габриэла Д'Арко-Валле-Циннерберг, родственница по линии Д'Арко-Циннерберг, родилась в 1910 году, к преступлениям мужа отношения не имела. Она прожила длинную жизнь.[2] [Dornberg] [Hitzer]

Линии жизни потомков тютчевских знакомцев графов Монжела и Д'Арко-Валле причудливо сближались-отдалялись.В 1954 году 35-летие смерти президента Курта Айснера было отмечено в газете «Münchner Merkur» статьёй под длинным названием: «In der Tasche des Ermordeten fand man die Rücktrittserklärung. Die Schüsse Arcos auf Kurt Eisner lieferten dem Radikalismus einen Märtyrer» («В кармане убитого нашли заявление об отставке. Выстрелы Арко в Курта Айснера создали мученика радикализма»). Автор статьи граф Альбрехт Монжела. [MM]

---

[1] Сегодня Кардинал-Фаульхаберштрассе.

[2] Графы Арко-Циннерберг основали еще в XVI веке известную в Германии пивоваренную фирму «Arcobräu».

- ГЕНРИХ ГЕЙНЕ В МЮНХЕНЕ

„Я думаю вскоре Вам написать менее кислое письмо, полагаю, что можно в этих строках увидеть мою угрюмую физиономию. Между тем мои отношения здесь очень светлые и приятные. Я живу, как гранд Сегню, и 5,5 человек, которые здесь умеют читать, могут также мне заметить, что они меня высоко ценят“.

Письмо Г. Гейне из Мюнхена от 1-го апреля 1828 года Карлу Варнгагену фон Энзе.

26 ноября 1827 года в Мюнхен приехал Гейне. Вольфгангу Менцелю 12 января 1828 года Гейне сообщает, что жить будет в Альтштадте „*на Хундскугель, в Рехбергском дворце. Как раз на днях я переезду на эту новую квартиру*". Через одиннадцать дней Гейне подтверждает Деррингу новый адрес: „*...посылайте их* (выдержки из газет) *непосредственно мне по адресу: Генриху Гейне, доктору права, живущему в Рехбергском дворце на Хундскугеле*".

Дворец графа Рехберга имел в те времена адрес Хундскугель 1184 (сегодня Гаккенштрассе 7). В домовой книге № 1184 записана с неясными исправлениями иная дата проживания: „*Генрих Гейне из Линенбурга, этаж 0* (т. е. нижний этаж) *с 1-го мая 1828 года до 2-го августа того же года*". Возможно, что до 1-го мая Гейне проживал в здании без соответствующей регистрации и поэтому он счёл за лучшее направлять почту на книгоиздательский магазин: „*Мой адрес сейчас, и пока, и в дальнейшем, всё ещё: Г. Гейне, доктору прав, отдать в литературно-артистическую лавку издательства И.-Ф. Котты в Мюнхене*".

Генрих Гейне.
Художник Готтлиб Гассен,
Мюнхен, 1828 год.

Этот адрес он настойчиво рассылает всем друзьям. Варнгагену фон Энзе 1-го апреля после жалоб на плохое настроение и климат он также сообщает адрес для переписки и далее фраза: „*Мне особенно хорошо среди юных художников, которые выглядят лучше, чем их картины*“.

О каких юных художниках говорит Гейне? Приезд Гейне в Мюнхен совпал со строительством зданий на Одеонсплац. Главным архитектором площади был Лео Кленце. Ансамбль площади завершали аркады со стороны Королевского парка. В простенках аркад расписывались фрески с сюжетами из баварской истории. Большое впечатление *фресковые картины* произвели на Николая Греча.[1] Общительный Гейне подружился с 22-летним художником, учеником Петера Корнелиуса, Готтлибом Гассе (1805-1878), который ранее проживал уже в рехбергском дворце на Хундскугель и помог Гейне снять там же для себя квартиру.

Фрагмент фрески в Гофгартене. Художник Готтлиб Гассен, Для фигуры усатого воина с мечом позировал Г. Гейне.

По просьбе Готтлиба Генрих с удовольствием позировал. 6-го июня 1828 года Генрих сообщал Варнгагену фон Энзе: „*С тех пор, как юный художник меня изобразил в страшном сражении, я уже не могу больше хорошо спать как обычно*". На одной из картин художник изобразил поэта в виде свирепого воина с мечом под баварским флагом в кровавой битве 1583 года. (На фреске изображено взятии кёльнской крепости Годесберг войсками баварского герцога Фердинанда. Крепость возвращена Виттельсбахам после почти двухсотлетнего владения кёльнскими архиепископами. Сегодня Бад Годесберг - урологический курорт недалеко от Бонна.) Анонимный портрет Гейне сохранился нетронутым во времена катаклизмов немецкой истории. Факт существования портрета установлен исследованиями мюнхенских филологов. [Klezok]

Весной 1828 года, вероятно в конце февраля или в марте, (в январе-феврале Тютчевы были в Тироле) Тютчев узнал из прессы о приезде Генриха Гейне и тогда состоялось знакомство двух поэтов. Фёдор Иванович с большим почитанием относился к гейневской по-

---

[1] См. статью «Одеонсплац».

эзии, многократно её переводил, цитировал. Она была для него источником творческого вдохновения. Всего Тютчев перевёл или написал по мотивам Гейне 10 стихотворений, в том числе в 1823 или 1824 году „*На севере мрачном, на дикой скале...*“ - первое звучание поэзии Гейне на русском языке:

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.
Про юную пальму всё снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветёт, одинока...

Стихотворение создано 20-летним Тютчевым нетипичным в русской поэзии разностопным стихом. В 1828 году такая необычность стихосложения была отмечена статьей Д. Дубенского в журнале «Атеней».

На данное гейневское стихотворение обратили внимание многие поэты-переводчики. Но его смысловые тонкости не всеми оказались поняты. Камнями преткновения стали два слова: *der Fichtenbaum* и *das Morgenland*. Первое слово означает *ель* и в немецком языке является существительным мужского рода. Соблюдая логику замысла автора, Тютчев заменил *ель* на *кедр*, подходящее в русском языке хвойное дерево также мужского рода. Со вторым словом сложнее. По оригинальному тексту некий одинокий Фихтенбаум с Севера мечтает о *юной пальме*, „*die fern im Morgenland*“. *Morgenland* (другое значение *Orient*), означает, как настаивают немецкие словари (в т. ч. авторитетный «Bertelsmann Lexikon»), *Переднюю Азию*, *Ближний Восток,* в расширенном смысле даже все североафриканское пространство, но никогда *Дальний Восток*! Идеально точно этот нюанс трудно переводим и Тютчев указал нейтрально, близко к оригиналу: *дальние пределы Востока.*

Поэтический смысл стихотворения Гейне спрятан в аллегорию. Разлучены двое влюблённых, но между ними не географические широты, их разделяет нечто большее - непреодолимое различие вероисповеданий: его религия принята в Северной Германии, её - на Востоке!..

Это стихотворение Гейне переводил также М. Ю. Лермонтов, но подтекст им так и остался не раскрытым: северный персонаж был уподоблен *сосне*, т. е. даме(!), местом обитания пальмы назначен *край, где солнца восход*, т. е. Дальний Восток. Фразу „*Auf brennender Felsenwand*“ Лермонтов перевел дословно *на утесе горючем*(?!).

(У Тютчева *знойный холм*.) В результате смысл гейневского стиха оказался искаженным.[1]

Ту же *ель* по примеру Лермонтова сохранил Михаил Михайлов, опубликовавший в 1858 году первый сборник поэзии Гейне на русском языке. Многие переводчики (П. Вейнберг и др.) поэтически не преодолели кажущегося языкового несоответствия и воспели однополую любовь к *пальме* воспылавших чувствами *ели, пихты, сосны*!

Василий Гиппиус, как и Тютчев, назначил *кедр* на роль влюблённого, но опять *дальняя восточная земля* и грамматический просчет: „*Укрыл его снег и лёд...*“, должно быть *укрыли*(!). В прекрасном стихотворении А. Фета вместо хвои *дуб*, это уже лучше, все-таки мужчина!

Через 45 лет, в 1868 году, после многих переводов гейневского творчества Фёдор Иванович вновь вернулся к раннему Гейне, но какая дистанция прозвучала в мастерстве Тютчева, какое мощное поэтическое воплощение получило гейневское не самое сильное стихотворение. Известные российские литераторы (В. С. Соловьев, Ю. Н. Тынянов и др.) утверждали, что переведенные стихотворения Тютчева талантливее оригинала. Последний тютчевский перевод по мотивам Гейне:

Если смерть есть ночь, если жизнь есть день,
Ах, умаял он, пестрый день меня!..
И сгущается надо мною тень,
Ко сну клонится голова моя...

Обессиленный отдаюсь ему...
Но все грезится сквозь немую тьму -
Где-то там, над ней, ясный день блестит
И незримый хор о любви гремит...

Тютчев уловил в тексте Гейне едва осознанные самим автором мотивы, не воспринятые другими поэтами. Например, для сравнения очень близкий к оригиналу перевод этого же стихотворения выполненный замечательным поэтом Вильгельмом Левиком «Смерть это ночь, прохладный сон...»:

---

[1] В 1866 году поэт Д. Д. Минаев (под псевдонимом *Мих. Бурбонов*) пародировал лермонтовские строки *о сосне*, которая *дремлет, качаясь*:
У ящика с деньгами ночью в ломбарде
Стоит караульный солдат
И дремлет, качаясь, и ждет себе смены,
И смене, конечно, он рад.
Я в сердце твоем занял пост караульный.
Драгая! Я тоже солдат.
Я тоже дремал бы; но тоже жду смены
И смене, конечно, не рад.

Смерть это ночь, прохладный сон,
А жизнь – тяжелый душный день.
Но смеркалось, дрема клонит,
Я долгим днем утомлен.

Я сплю – и липа шумит в вышине,
На липе соловей поет,
И песня исходит любовью, -
Я слушаю даже во сне.

В тютчевском переводе нашли выражение его философские воззрения о двойственности бытия, разделенности мира на две противоположности: хаос и порядок, свет и тьму, жизнь и смерть. Позже имя Тютчева в контексте высказанных мыслей будет часто упоминаемо в трудах многих русских религиозных философов.[1]

Женская тема в поэзии и переписке молодого Гейне была доминирующей. В письме от 1-го апреля 1828 года в Берлин Гейне не без самолюбования и манерности писал: „*Удивительные отношения с женщинами! Однако это не способствует ни моему здоровью, ни желанию работать*".

Среди женщин, с которыми сложились *удивительные отношения*, отнимающие здоровье и время, можно предположить графиню Клотильду Ботмер, свояченицу Тютчева. И Клотильда, и *молодой русский дипломат лучший друг Тютчев* упоминаются далее в этом же письме.[2]

Кратковременное увлечение Генриха Клотильдой Ботмер вдохновило немецкого поэта на эпистолярные восклицания: „*...Изумительные знакомства с женщинами! ...я повсюду умею найти какой-нибудь прекрасный оазис*". Любвеобильный поэт адресовал Клотильде несколько стихотворений, включённых позже в цикл «Новая весна». [Heine 1983, 346-347] Ниже одно из них (перевод В. Левика):

Глядят весенней ночи глаза
Так ласково с неба ночного.
Тебя любовная смяла гроза, -
Любовь поднимет снова.

Поет на липе соловей,
Томится в сладкой надежде.
Лишь песня коснулась души моей -
Душа расцвела, как прежде.

Клотильде понравилось стихотворение Генриха „*Ein Fichtenbaum steht einsam...*" и Гейне подарил его молодой графине. Текст стихотворения он написал на обратной стороне копии картины Ротари, выполненной Готтлибом Гассеном. [Тынянов 1977, 369] Из всех мюнхенских событий, в круговороте которых окажется Гейне, единственным светлым пятном в памяти останется недолгий роман с Клотильдой...

Упомянем о женщине, отношения с которой были, вероятно, важнейшими в жизни Генриха Гейне. Это - Рахель Варнгаген фон Энзе (1771-1833), чей берлинский салон был уважаем всеми литераторами,

---

[1] См. главу «Тютчев в трудах русских философов».
[2] См. статью «Венчание».

включая Гёте и писателей «Молодой Германии». Рахель так оценивала Гейне через год после пребывания его в Мюнхене: „*Я пришла к твёрдому заключению, что у него большой талант, который однако, должен ещё созреть, в противном случае он станет бессодержательным и выродится в пустое манерничанье, у него нет критического отношения к себе - ему не хватает внутренней серьёзности и того высшего интереса, который один лишь определяет цельность натуры и цельность взглядов. Он способен путать себя с Гёте, свою славу - с его славой: вообще думает, главным образом, о славе!*". Таким воспринимала 32-летнего Гейне женщина, авторитетное мнение которой в литературных кругах Германии считалось окончательным приговором. Гейне восторженно преклонялся перед ней: „*Дух Ваш заключил договор во временем, и если, может быть через несколько столетий я буду иметь удовольствие снова встретить вас, прекраснейший и роскошнейший из всех цветков, в прекраснейшей и роскошнейшей из всех райских долин, будьте снова добры ко мне, бедному чертополоху (может быть я буду чем-нибудь похуже), и приветствуйте меня, как старого знакомого, ласковым блеском своей красы и нежным дыханием аромата. Я знаю, вы это сделаете; ведь в 1822 и 1823 годах вы уже сделали почти то же самое, обращаясь со мной, больным, желчным, ворчливым, поэтичным и невыносимым человеком с такой добротой и лаской, которых в этой жизни я, конечно, не заслужил...*". Почти два столетия уже миновало после этих дружеских обменов. В какой райской долине возможно уже встретились *роскошнейший из всех цветков* с *чертополохом*? Изменила ли Рахель наконец своё мнение?..

Тютчев так же был хорошо знаком с семьёй Варнгаген фон Энзе, Карлом и Рахель. Портрет Рахель запечатлён на нынешних почтовых марках серии «Женщины Германии».

Гейне и Тютчева сближали молодость, любовь к поэзии, тяга к философскому размышлению. Но по своей натуре это были два непохожих человеческих типа. Европейский аристократизм изысканно-воспитанного Фёдора Ивановича несравним был с манерами Генриха, темпераментного выходца из народа. Тютчев был не только более утончен, но и значительно скромнее тщеславного Гейне, в т. ч. и в самооценках.

Спустя много лет консервативный Тютчев в петербургскую бытность во главе Комитета иностранной цензуры выскажется о Гейне, как о поэте, который поколебал „*основания заграничного общества*". [ЛН, 571]

По своей роли в немецкой литературе Гейне с его неуёмным фонтанированием выдающегося творчества, в котором с неповторимым блеском, сарказмом и бескомпромиссностью описаны картины народной жизни, более похож на другого великого россиянина - А. С. Пушкина. Ю. Лотман назвал Пушкина „*лицом эпохи*". Этому меткому

определению в немецкой действительности отвечал и Гейне. Оба поэта стремились к независимости, были дерзки с властями и церковью. Жизнь каждого наполнена острыми коллизиями. Судьба обоих вела к эмиграции. Но Пушкин был объявлен „невыездным" и взят царем под личную опеку. Александр Сергеевич смирился, женился, погрузился в семейный быт, остался добропорядочным гражданином в гуще общественной жизни.

Судьба Гейне была иной...

В Мюнхене у Г. Гейне был полугодовой контракт с издательством Котта на редактирование (совместно с Линднером) журнала «Neu allgemeine politische Annalen». Гейне воспринимал мюнхенскую жизнь через неровную призму своего настроения. Спустя некоторое время после приезда его оптимизм начинает убывать и тональность писем становится минорной. Жалобы Генриха Иоганну Детмальду на всё и вся: „*...В Мюнхене слабая профессура, в городе слишком много развлечений, и к тому же там подлый климат, от которого трудно приходится всем, страдающим грудью. Если у вас слабая грудь, держитесь от него подальше*".

У Гейне были далеко идущие планы. Он хотел обосноваться надолго, стать профессором местного университета. Генрих написал прошение королю Людвигу I. Свое содействие обещал земляк Гейне, министр Эдуард фон Шенк (1788-1841), который уважительно относился к Гейне-поэту и сам писал неплохие стихи. Гейне, ожидая очень важной услуги от министра, возносил его поэтические таланты: „*Величайший поэт мира - Эдуард Шенк*". Шенк сопроводил письмо просителя в основном благоприятным ходатайством: „*Почтительнейше осмелюсь покорнейше рекомендовать Вашему величеству для всемилостивейшего Вашего рассмотрения ... прошение д-ра Генриха Гейне о принятии его на службу экстраординарным профессором здешнего университета. В* <его> *произведениях проявляет себя истинный гений, они вызвали величайший интерес во всей Германии; некоторые недостатки и заблуждения содержались в юношеских произведениях всех наших великих писателей. <...> Д-р Гейне также нуждается в такой* <благодетельной княжеской> *руке, и я убеждён, что он, если Ваше величество высочайше удостоит его Вашей защиты, станет одним из наших самых превосходных писателей*". Неясны намёки Шенка на гейневские заблуждения, которые, вероятно, были известны Людвигу. Не давал ли этим подтекстом Шенк повод к сомнениям короля?

Шенк явно дистанцировался от Гейне. Через много лет Шенк стеснительно вспоминал: „*В это время в Мюнхене находился один поэт, который ещё по Берлину был знаком с Бером и через него познакомился со мной, а именно Генрих Гейне. <...> Хотя его политические убеждения были почти противоположны нашим, а его религиозные взгляды - моим, это различие в образе мыслей на время*(!) *забывалось*

при веянии поэтического гения, который взмахивал на наших глазах своими крылами. Когда Гейне задушевно или с грустной иронией читал частью старые, частью новые свои песни, казалось, что слушаешь соловья, потерявшего гнездо. <...> Вскоре он уехал из Мюнхена, и я больше не встречал его". О своём участии в судьбе Гейне в воспоминаниях Шенка ни слова. Бывший министр запамятовал многое...

С какими политическими убеждениями и религиозными взглядами Генриха Гейне были не согласны Эдуард Шенк и баварская элита?

...Мальчика Гейне при рождении (в Дюссельдорфе, 13 декабря 1797 года) назвали Гарри. Спустя почти 28 лет, 28 июня 1825 года (за 2,5 года до приезда в Мюнхен), имя Гарри было изменено на .Христиан-Иоганн-Генрих. Эта паспортная трансформация произошла всвязи с переменой вероисповедания с иудейского на христианское лютеранское. Крестился Гейне за месяц до сдачи выпускного экзамена на юридическом факультете Геттингенского университета.[1]

Религиозного иудейского воспитания Гейне в семье не получал. Его родители не были ортодоксальными приверженцами традиции. Мать Гейне, Бетти ван Гельдерн (1771-1859), европейски образованная женщина, знала 4 языка, литературу, философию, считала себя ученицей Руссо. Отец, Самсон, служил в молодости провиантмейстером в свите принца Кумберлендского, любил армейскую жизнь, парадную мишуру. К женитьбе его состояние заключалось в 12 скаковых лошадях и своре охотничьих собак. В практической жизни он проявил полную несостоятельность.

В перемене веры Гейне шутя винил Наполеона, из-за поражения которого вновь поднял голову религиозный клерикализм в Германии. Крещение немецких евреев приняло тогда характер эпидемии.[2] Многие образованные евреи были действительно равнодушны к догматам иудаизма. Гейне сначала не оправдывал их крещения, упрекая в стремлении облегчить свое иудейское существование в христианской

---

[1] Гейне крестился в Хайлигенштадте. В 2001 году город своей юности посетил д-р Л. Мюллер: „*Пасторский дом на улице со странным названием «Knickhagen» - дом, в котором мы жили с 1927 по 1947 годы, еще стоит. За всю тысячелетнюю историю города улица не выглядела так нарядно как сейчас. В этом доме в июне 1825 года Генрих Гейне, который изучал в то время юриспруденцию в Гёттингене, крестился у предшественника моего отца, желая избежать огласки*". [Мюллер]

[2] Евреи-христиане получили право заниматься врачебной, юридической деятельностью, учиться в военных учебных заведениях. Во время Первой мировой войны (по статистике военного архива Баварии) в баварскую армию были мобилизованы 235 тысяч евреев, 17% от общей численности армии. [Bayern]

стране: „*Я считал бы ниже своего достоинства и пятном для своей чести, если бы себе позволил креститься только из-за того, чтобы получить должность в Пруссии*“ (из письма Мозесу Мозеру 18 июня 1823 года).

Позже Гейне изменил своё мнение, полагая, что он, будущий доктор прав, должен иметь клиентуру среди всех слоев общества. Но и новая точка зрения имела свои границы и как угодно далеко распространяться не могла. Гейне хотел стать *своим*, готов был помириться с правительством даже ценой пренебрежения верой своих предков, но не ценой свободомыслия и убеждений. Гейне протянул руку власти и гражданскому обществу. Но не наступило ещё время полной гармонии в национальном согласии. Рука поэта не встретила ответного рукопожатия и повисла в воздухе...

18-го августа 1828 года в мюнхенском журнале «Эос» появляется статья д-ра теологии Игнаца Деллингера под названием ««Neu allgemeine politische Annalen» и один из их издателей». Статья обвиняет автора «Путевых картин» в богохульстве, издевательстве над церковью и дворянством, в „*осквернении того, что является для христианина самым священным*". Досталось от Деллингера и Шенку, который „*с особой ловкостью выбирал невежественных субъектов в профессора лицеев и университетов*“.

С выступления Деллингера началась кампания против Гейне. Цензоры всех немецких государств накладывали вето на сочинения Гейне. Произведения Гейне пользовались большой популярностью и в России. Об этом писал Иван Тургенев, называя Генриха самым знаменитым иностранным поэтом. Во втором полустолетии XIX века почти сто российских поэтов переводили поэзию Гейне. Но в первом полустолетии Россия не отставала в цензурных санкциях: 7 июня 1827 года цензор Министерства иностранных дел Мартини (родственник барона Крюденера, сослуживца Тютчева по мюнхенской миссии) запретил к распространению в России первый том «Путевых картин». [Гейне]

Король Людвиг I Баварский не оказался дальновидным монархом, не воспользовался шансом, чтобы приручить великого поэта. Встречаться с Гейне и „*говорить с ним умно и ласково*“ Людвиг не пожелал, гипотетическую фразу: „*Теперь ты не прежний Гейне; теперь ты мой Гейне!*“ - слова, которые бы вошла в Историю, не произнес.[1]

---

[1] Вяземский писал Жуковскому (29.09.1826): „*Государь принял его* (Пушкина) *у себя в кабинете. Говорил с ним умно и ласково*“. Княгиня В. Вяземская запомнила заключительные слова этой беседы: „*Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин*“, сказал царь, отпуская Пушкина». [Таркова-Вильямс]

Ходатайства Шенка король поддержать не рискнул и вакантную кафедру возглавил соперник Гейне, Массман, его гетингенский однокашник. Струхнул и книгоиздатель барон Котта, не продливший контракт на редактирование «Neu allgemeine politische Annalen».

Напрасно Генрих каждый день ходил на флорентийскую почту в ожидании положительного ответа от министра-стихотворца...[1] Узнав об отказе Людвига I, Гейне заявил: „*Моя любовь к равенству людей, моя ненависть к духовенству никогда не были так сильны, как теперь*". Гейне презирал свою слабость и те общественные силы, которые принудили его к крещению.

В 1843 году в «Немецко-французском ежегоднике», который редактировал К. Маркс, Гейне ответил королю «Хвалебными песнями». Обращение богоматери Марии к младенцу Иисусу (перевод Ю. Тынянова):

„Как хорошо, что не в брюхе ты,
А на руках, Иисусе,
И счастье, что страхов и разных примет
Я больше не боюся.
Когда б посмотрела беременной я
На этого идиота,
Тогда бы наверное я родила
Не Бога, - обормота.“

Под *идиотом* имелся ввиду Людвиг I.

Сам Гейне не привержен был каким-либо национальным и религиозным привязанностям и предрассудкам. Позже он сообщал приятелю: „*Никто из моего семейства не против этого, кроме одного меня. И этот я - человек очень своеобразного характера. Из моего образа мыслей ты, конечно, можешь заключить, что для меня крещение есть незначащий акт, что я символически не ставлю его высоко и что при моих обстоятельствах и при той обстановке, при которой оно совершилось, оно и для других не имеет никакого значения*".

Совесть беспокоила неофита. Ему, нерелигиозному человеку, фактически конъюнктурно принявшему христианство, был внутренне неприятен собственный поступок. Искушение стать вне гонений и насильственная измена самому себе были унизительны и разрушали личность.

Своё крещение Гейне считал таким же неблаговидным поступком, как мелкое воровство. „*Уверяю тебя, что я бы не крестился,*

---

[1] Предположительно в конце июля или в начале августа 1828 года Гейне переехал из Мюнхена во Флоренцию. С Тютчевым была ещё одна тёплая встреча летом 1830 года в Вандсбеке во время поездки Фёдора Ивановича, Элеоноры и Клотильды в Петербург.

если бы законы дозволяли кражу серебряных ложек", - оправдывался он перед другом.

Всю оставшуюся жизнь Гейне казнил себя за эту *кражу*. Законы морали хищений не оправдывали и Генриху пришлось держать ответ. Обвинения против Гейне в богохульстве по сути были справедливы.

В письме другу Мозеру Гейне цитировал воображаемый разговор Спинозы с Богом: „*Между нами говоря, сударь, Вы не существуете*". В «Романцеро» (это был уже 1851 год) Гейне саркастично высмеивал религиозных фанатиков, капуцина и раввина, в следующей сатирической картине.

В Толедо в присутствии короля дона Педро и королевы донны Бланка происходит словесный турнир двух „рыцарей“, двух „атлетов“: францисканского монаха Хозе и рабби Юда из Наварры. Тема состязания: чья религия достойна быть принятой присутствующей королевской четой. Спорили долго. После завершения диспута король спросил мнение супруги (перевод Ал. Дейч):

„Вы скажите ваше мненье
О сцепившихся героях:
Капуцина иль раввина
Предпочтете из обоих?"
Донья Бланка смотрит вяло,
Гладит пальцем лобик нежный,
После краткого раздумья
Отвечает безмятежно:
„Я не знаю, кто тут прав, -
Пусть другие то решают,
Но раввин и капуцин
Одинаково воняют".

Священнослужители каких религий могли простить Генриху Гейне такие стихи! Подверглось цензурному запрету и стихотворение „*Das Herz ist mir bedrückt, und sehnlich...*", написанное Гейне за год до крещения. Тютчевский перевод называется „*Закралась в сердце грусть - и смутно...*". Во второй строфе есть строки:

Господь-Бог на небе скончался -
И в аде Сатана издох.

Эти гейневские строки не могли выйти из-под пера ни правоверного христианина, ни ортодоксального иудея. Стихи характеризуют не только отношение Гейне к религии, но и отношение Тютчева к поэзии Гейне. Тютчевский перевод, выполненный в конце 20-х гг. в атмосфере травли немецкого поэта, следует понимать как акт солидарности русского поэта с Г. Гейне.

Какая власть спокойно принимала бы гневный гимн-протест рабочего класса «Силезские ткачи»?

<...> Будь проклят бог, равнодушный идол.
На вечную муку не он ли нас выдал?
Голодный молился: "Избави от бед!",
А каменный идол глумился в ответ -

И ночью, и днём - мы ткём!
Будь проклят король, потатчик богатых,
Последний наш грош прокутивший в палатах,
Обидевший нас, обездолевший нас,
Забить, как скотину, позволивший нас -
И ночью, и днём - мы ткём!
<...> Станок скрипит, челнок снуёт,
За часом час, за годом год.
Германия, саван мы ткём для тебя -
И трижды, и трижды клянём мы тебя -
И ночью, и днём - мы ткём!

С октября 1844 года Гейне жил во Франции: в Германии ему места не было. Но принимать французское гражданство, что облегчило бы ему существование, Гейне не желал: „*Не подобает немецкому поэту, создавшему прекрасные немецкие песни, отказываться от своего отечества*". Гейне подтрунивал над христианскими заповедями: „*Я человек самого мирного склада. Вот чего я хотел бы: скромная хижина, соломенная кровля, но хорошая постель, хорошая пища, очень свежие молоко и масло, перед окном цветы, перед дверью несколько прекрасных деревьев, и, если Господь захочет вполне осчастливить меня, Он пошлёт мне радость - на этих деревьях будут повешены шесть или семь моих врагов. Сердечно растроганный, я прощу им перед их смертью все обиды, которые они мне нанесли при жизни. Да, надо прощать врагам своим, но только после того, как их повесят*". Гейне с долей юмора сознавал свою несправедливость по отношению к Богу. Отсутствием скромности поэт не страдал: „*Бог простит мне глупости, которые я наговорил про Него, как я моим противникам прощаю глупости, которые они писали против меня, хотя духовно они стояли настолько же ниже меня, насколько я стою ниже Тебя, о Господи!*".

Всевышний в шутке поэта увидел его раскаяние, которое принял всерьёз, и прикованному многие годы к *матрацной могиле* умирающему разбитому параличом Генриху, послал за полгода до кончины светлое утешение, последнюю любовь, искреннее чувство 27-летней Камиллы Зельден[1]:

Еще хотелось бы мне раз
Любовью женской насладиться...

Камилла до этого успела побывать в несчастливом многострадальном браке, от мучительных цепей которого с трудом избавилась.

---

[1] Камилла Зельден, псевдоним Элизы Криниц (1828-1896), в 1884-88 гг. опубликовала на французском и немецком языках свои воспоминания о Гейне: «Heinrich Heine. Aus seinem Leben», «Heinrich Heine's letzte Tage». [Selden]

Всю невостребованную страстность молодая женщина отдала умирающему Генриху.

Через 30 лет она писала: „*Много лет я знала Г. Гейне как писателя и поэта, а на закате его жизни вступила с ним и в личные отношения. <...> У одра болезни, перед лицом смерти, быстро завязываются узы дружбы, и когда я отправлялась домой* (после первого посещения), *Гейне дал мне книгу и попросил придти снова. <...> Приглашение было повторено в письменном виде, и упрек, которым он сопровождал, столь же взволновал меня, сколь был для меня лестным. После этого дня посещения мои прекратились лишь тогда, когда в одно мрачное февральское утро поэт был перенесен на место своего последнего успокоения*“.

Вот текст упомянутого приглашения (20 июня 1855 года): „*Очаровательная прелестная девушка! Я очень сожалею, что мог Вас видеть последний раз только несколько минут. Вы оставили чрезвычайно приятные впечатления и я страстно жажду еще раз испытать удовольствие увидеть Вас. <...> Я суеверный человек и хочу внушить себе, что добрая фея навестила меня в час печали. Этот час был счастливым. Или Вы злая фея? Я должен поскорее это узнать. Ваш Генрих Гейне*“.

Камилла оценила величие души поэта, дорожила памятью о нём и после его кончины более ни с кем свою судьбу не связывала. Надо отдать должное жене Гейне, Матильде,[1] которая стоически переносила присутствие в доме Камиллы. Матильда смирилась и сцен не устраивала. Камилле-Мушке уже на смертном одре Гейне адресовал 6 стихотворений и 25 любовных писем-записок. Вот ноябрьская 1855 года: „*Прелестная! У меня сегодня ужасная головная боль. <...> Тоскую по тебе, последний цветок моей истекающей слезами осени, очаровательная чудачка. Остаюсь твоим нежно-бешеным, преданейшим Г. Г.*". Последняя записка была написана 14 февраля 1856 года: „*Дорогая! Сегодня (в четверг) не приходи. У меня ужаснейшая мигрень. Приходи завтра. Твой страждущий Г. Г.*"

17 февраля в 4 часа утра Гейне не стало. За несколько часов до смерти была попытка примирить поэта с Богом. Ответ Гейне: „*Будьте спокойны. Бог простит меня - это его профессия*".

Вдыхая аромат цветов, положенных по его просьбе ему на грудь, Гейне произнёс в последние мгновения своей жизни: „*Цветы! Цветы! Как прекрасна природа!*".

Так умирают Поэты...

---

[1] Матильда - романтическое домашнее прозвище Крессенции-Августины, урожд. Мирá (1815-1883).

Похоронили Генриха Гейне 20 февраля на парижском кладбище Монмартр без религиозных обрядов. На могильной плите - только два слова «Henri Heine», офранцуженное имя поэта. У гроба стояли Александр Дюма, Теофиль Готье, Поль де Сан-Виктор, немецкие литераторы, политические эмигранты. К 100-летию со дня рождения Генриха Гейне в Берлине было выпущено красочное дорогое издание стихотворений поэта в талантливом оформлении художника Эдмунда Брюминга. [Heine 1897]

В годы немецкой оккупации Парижа во время Второй мировой войны среди солдат и офицеров вермахта обнаруживались и почитатели таланта Гейне. Был издан специальный приказ о наказуемости за посещение могилы великого немецкого поэта. В нацистские времена повторилась история средневековой Германии. В замечательной поэме «Германия. Зимняя сказка» Гейне пишет о посещении им Кёльна перед отъездом во Францию (перевод. В. Левика):

Здесь книги сжигали, сжигали людей,
Губили их творенья
Под дикий звон колоколов,
Псалмы и песнопенья

Злоба и глупость блудили тут,
Грызясь, как псы над костью.
От их приплода и теперь
Разит фанатичной злостью.

В этих строках пророчества будущей вакханалии нацизма, костров из книг, гибель людей в пламени крематориев. Сжигали книги и *христианина* Гейне. Но песни его запретить было невозможно. В школах Германии продолжали учить бессмертную «Die Loreley» с добавлением, что стихи народные и автор неизвестен.

Садитесь на пароход севернее Висбадена и отправьтесь по Рейну далее на север всего 30-40 км. Вы увидите по обоим берегам старинные замки. Недалеко от городка Гоар река сужает русло и делает поворот. Опасные рифы уже взорваны, но 132-метровая *Loreley, Коварная скала*, так переводится со старого средне-верхне-немецкого диалекта этот гигантский камень, стоит на своём месте как и во времена карликов-нибелунгов.

Оставалась бы Лореляй малоизвестной скалой, если бы в 1801 году не побывал здесь поэт-романтик 23-летний Клеменс Брентано. Поэт написал большую балладу, в которой опасную для судоходства скалу сравнивал с коварной девушкой, охраняющей подводные клады нибелунгов. Стихи предупреждали доверчивых гребцов, увлечённых поисками сокровищ, о грозящей опасности, но кладоискатели, очарованные ослепляющей красотой девы-скалы и волшебными звуками её пения, забывали обо всём и были безвозвратно увлекаемы в пучину.

Тема баллады и ее поэтичность произвели впечатление.

Другой поэт-романтик, 35-летний Отто фон Лёбен, в 1821 году сочинил свою балладу на ту же тему потери мужской бдительности перед ликом лукавой прелестницы. Баллада была короче и ещё лучше.

Через три года после фон Лёбена эстафету баллад принял 27-летний Генрих Гейне. Справедливости ради надо сказать: сочинение Гейне было настолько превосходным, что последователей названной темы больше не нашлось (перевод Э. Левина):

Не знаю, что стало со мною:
Душа печали полна,
И всё не даёт мне покою
Старинная сказка одна;
Меня тревожит виденье:
Над Рейном тих закат;
В долине густеют тени,
Лишь пики гор блестят.
И дева, прекрасна собою,
Сидит на скале крутой,
Монисто на ней золотое
И гребень в руке золотой.

Волос её пряжа златая
Сквозь гребень течёт рекой,
И песня её колдовская
Сжимает сердца тоской.
Гребца на лодочке малой
Нездешняя скорбь томит;
Забыв про подводные скалы,
Он вверх, не дыша, глядит.
Я знаю, он с лодкой своею
Погибнет, проглочен волной,
И пение Лорелеи
Будет тому виной.

У подножья скалы - памятник молодой фее. Каждый корабль салютует здесь немецкому поэту проникновенной мелодией композитора Фридриха Зильхера, друга Гейне. В платановом парке города Тюбинген установлен памятник композитору Зильхеру, ректору местного музыкального университета в 1829-1860 годы.

Стихи немецкого поэта знает вся Германия. В цикле «Лирическое интермеццо» есть ироничное стихотворение, написанное ещё в 1822-23 гг., в котором поэт пишет, что, наконец, нашел ту единственную любимую, которая олицетворяет всех женщин, любимых им ранее (к этому времени...).

Стихотворение вдохновило мюнхенского скульптора, профессора Академии изобразительных искусств Тони Штадлера создать в 1962 году, к 165-летию со дня рождения Гейне, Генрих-Гейне-Фонтан. Фонтан уникален своим замыслом: на краю фонтана в эротической позе сидит обнаженная женщина. Она желанна, жаль, что каменная... Она ждёт поэта. Он где-то заблудил, но придёт обязательно. Ваятель изобразил музу любовной поэзии, Эрато. Рядом с фонтаном каменная мраморная плита с начертанными стихами „*Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne...*", которые с удовольствием продекламирует на память любой житель Германии, и стар, и млад. Это памятник не поэту, это памятник его поэзии (перевод Э. Левина):

Голубка и солнышко, роза и лилия,
На всех вас хватило мне любвеобилия,
Но я разлюбил вас - люблю лишь одну я:
Смешную, чудную, шальную, родную,
И все поместились в неё без усилия:
Голубка и солнышко, роза и лилия.

Генрих-Гейне-Фонтан во внутреннем дворе бывшего дворца графа Рехберга. Автор Тони Штадлер. 1962 год.

Рядом на доске текст: „*Генрих Гейне, 13.12.1797, Дюссельдорф - 17.02.1856, Париж. Автор «Книги песен» жил с ноября 1827 года до июля 1828 года в Мюнхене. Романтические чувства и ирония определили его лирику. Шутки, сатира, блистательность языка характеризуют его «Путевые картины», критические и историко-философские сочинения и фельетоны. Недооценке Гейне в Германии было противопоставлено его европейское и мировое влияние. Его песни и баллады, озвученные Францем Шубертом и Робертом Шуманом, стали народным достоянием*".

Памятник настолько понравился мюнхенцам, что был изготовлен в двух экземплярах. Один установили во внутреннем дворе бывшего рехбергского дворца на Хундскугель, где жил поэт в первом полугодии 1828 года, второй - в городском парке, именуемом Финанцгартен.

В мюнхенском районе Нойперлах Зюд в 1977 году, к 180-летию поэта, его именем была названа одна из гимназий.

1997 год, в 200-летнюю годовщину со дня рождения Генриха Гейне, в Германии был объявлен *Годом Гейне*. Во многих городах проходили лекции, концерты, посвящённые великому немецкому поэту. Не было забыто, что под влиянием Тютчева Гейне был большим другом России.

20-го марта в Генрих-Гейне-Гимназии выступил исследователь жизни и творчества поэта Фердинанд Шлингензипен. Он рассказал о пребывании Гейне в Мюнхене.

20-го мая в Центре французской культуры на Каульбахштрассе 13 состоялся вечер песен на слова Гейне.

30-го сентября в гимназии концертировала певица Катя Эбштейн, исполнявшая шансоне на гейневские тексты.

23-го октября артист Герберт Кроманн читал прозаические и стихотворные произведения Гейне. Чтение сопровождалось мелодиями саксофониста Германа Рида. 4-го ноября открылась выставка, посвящённая пребыванию в 1827-28 гг. патрона гимназии в Мюнхене. Выставку подготовил директор гимназии Карл Клецок, энтузиаст, знаток и поклонник творчества Гейне. Демонстрировались прижизненные издания поэта, первое Полное Собрание его Сочинений, письма Гейне, газеты с его статьями, книги о Гейне, портреты лиц гейневского окружения с их краткими биографиями, в т. ч. портреты Фёдора Тютчева и графинь Элеоноры и Клотильды Ботмер. На экспозиции был представлен также «Тютчевский альбом», издание, подготовленное главным хранителем музея «Мураново» С. А. Долгополовой. 13 декабря в гимназии состоялся большой торжественный вечер.

Директором гимназии Карлом Клецоком при спонсорстве крупных фирм, банков и частных лиц издано в двух книгах исследование о жизни Г. Гейне в столице Баварии: «Юбилей городской Генрих-Гейне-Гимназии 13-го декабря 1997 года по поводу 200-летия со дня рождения патрона» (вторая книга - путеводитель по выставке). [Klezok] Карл Клецок поехал в Париж, посетил могилу Гейне, возложил от имени гимназии цветы и траурную ленту.

Карл Клецок, скрупулезный исследователь жизни и творчества Генриха Гейне, большой поклонник и пропагандист его поэзии, собрал высказывания известных государственных деятелей и деятелей культуры Германии о Гейне и посчитал несправедливым отсутствие имени великого немецкого поэта в Вальгалле, Пантеоне славы. Вальгалла построена в 1830-42 гг. по проекту Лео фон Кленце недалеко от Регенсбурга. В большом храме, сооруженном в дорическом стиле на высоком дунайском берегу (105 м), установлены бюсты и мемориальные доски. Здесь около двухсот имен выдающихся людей, в основном немцев, но не только. Есть тут бюсты Коперника, Барклая де-Толли, Дибича-Забайкальского, Екатерины II и др. Решение об увековечении в Вальгалле всегда принимал только король. Гейне иронизировал, что Людвиг I никогда не допустит в Пантеон бюст великого вольнодумца Вольтера. Коллекция Вальгаллы пополняется постоянно. Ныне уровень должностного лица, от которого зависит прописка в Вальгалле, значительно ниже, это министр культуры Баварии. Недавно в храме славы были установлены бюсты композитора Брамса и мюнхенской студент-

ки Софи Шолль (1921-1943), участницы подпольной группы «Белая Роза».

Директор Генрих-Гейне-Гимназиум, воодушевленный всенародными юбилейными торжествами в честь своего патрона, направил баварскому министру господину Гансу Цегетмаиру обращение. Это аргументированный и страстный документ. Разумеется, господин Ганс и ранее знал о яркой жизни Гейне, о значении его творчества в немецкой и мировой культуре. Вероятно, он и сам, как когда-то его предшественник министр Эдуард Шенк, относился к числу почитателей гейневской поэзии, но вряд ли ему было известно, что в числе таковых находятся и Фридрих Ницше, и Томас Манн, и патриарх современной немецкой литературы Марсель Райх-Раницкий, что ещё в XIX веке большое участие в создании памятника Генриху Гейне приняли железный канцлер Германии Отто фон Бисмарк и прекрасная баварская принцесса, императрица Австро-Венгрии незабвенная Элизабет („Сисси“). Но, думается, что ничто не забыто, и нынешний министр культуры более чтит приказ Людвига I о недопущении Гейне в Мюнхенский университет, помнит саркастические шутки поэта в адрес короля и баварского общества.

Пресса поддержала Клецока. Как писала в «Зюд-Дейче Цайтунг» № 2 от 3-го января 2001 года журналистка Элизабет Хёфль-Гильшер, нет пока и намёка на скорый положительный ответ от господина Цегетмаира. Но Клецок борется. К счастью, он не одинок.

Летом 1997 года появился туристский маршрут «По гейневским местам в Мюнхене». В маршрут включены любимые молодым Генрихом места прогулок в парковой зоне Богенхаузена, когда-то мюнхенском пригороде на высоком правом берегу Изара.

В третьем томе «Путевых картин» есть такие эмоциональные строки: „*Места эти, где бывал я не единожды, называются Богенхаузен, Нойбергхаузен, вилла Хомпеша, Монжела-парк, Градина. Когда уезжал туда из Мюнхена, кучер понимал нас уже знающим жаждущим взглядом, счастливым кивком головы и аналогичной гримасой.* (...) *Пиво в названном месте действительно очень хорошее, даже в притоне вульгарного подвальчика Бока, оно не лучше. Здесь оно имеет вкус совсем замечательный, особенно на его лестничной террасе, с которой видны Тирольские Альпы*“.

Со времён Гейне сохранились почти все упомянутые им названия. Нет уже лестничной террасы, но с этой же точки по-прежнему хорошо видны Тирольские Альпы.

Сюда на прогулки с Генрихом нередко приезжал и 25-летний Фёдор Иванович...

РОССИЙСКИЕ ДИПЛОМАТЫ БАРОНЫ КРЮДЕНЕРЫ

Все однофамильцы Крюденеры, подданные Германии и России, имеют общего предка Хайнрикуса Крюденера, который через 87 лет после прихода немецкого ордена в Прибалтику оставил свой исторический след в рижской книге должников 11 ноября 1289 года. [Genealogie 1977, 216]

Перечислением когда-либо живших в Европе Крюденеров занята генеалогическая литература. Упомянем некоторых в контексте отношения к тютчевскому времени или по другому курьёзному поводу. Российский полковник барон Отто Крюденер (1766-1838) служил полицмейстером в Петербурге и Риге.

Родственник данного барона, хотя и не однофамилец, но тоже полковник, Павел Языков (1792-1864) из Тулы, переехал в Петербург и возглавлял местный фарфоровый завод. (В родстве с Тютчевыми состояли некие Языковы. Фёдор Иванович однажды поражался обилию своих родственников, многих из которых он не знал.)

Петербургским военным комендантом был барон генерал-лейтенант Вильгельм Крюденер (1806-1867).

В далеком Тобольске 10 декабря 1834 года родился будущий профессор Академии искусств Василий Перов. Его мама, 32-летняя Акулина Иванова, 9 мая 1848 года зарегистрировала свой брак с фактическим отцом своего сына, местным прокурором Грегором-Густавом-Фридрихом Крюденером. Брак был потороплен предстоящим рождением ещё одного сына, Леонида. Это был второй брак прокурора Грегора. Супруга от первого брака, баронесса Элеонора фон Штакельберг, скончалась в Петербурге 20 февраля предыдущего года. От обоих браков у прокурора родились восьмеро детей, потомство которых здравствует в России по сегодняшний день. Один из потомков должника Хайнрикуса Крюденера, зондерфюрер Ганс фон Ден, погиб 2 января 1942 года под Великими Луками.

В том же 1942 году погибла в Риге Фанни Михельсон, которая также имела общего предка Хайнрикуса с названным зондерфюрером. В родстве с Крюденерами состояли Врангели, Струве, Бюловы.

После Второй мировой войны количество Крюденеров не уменьшилось. 17 февраля 1967 года в Баден-Бадене собрался съезд клана Крюденеров и постановил создать союз их имени, который 3 мая того же года был зарегистрирован в правовом управлении Баден-Бадена.

- Георг-Александр КРЮДЕНЕР

Сообщим справочные сведения о первом супруге Амалии, именуемом в России Александром Сергеевичем Крюденером.

Как утверждает 9-й том генеалогического справочника дворянского баронского дома А, мюнхенский коллега Тютчева, барон Георг-Александр Крюденер, родился в городке Stopiushof (Прибалтика) 29 августа/10 сентября 1786 года. [Genealogie 1977, 251]

Родители Александра Крюденера - жители Прибалтики. Отец, российский майор, Эрнст-Фромхольд фон Крюденер (Эстландия, 1752-1812), мать Юдит фон Мартини (1764-1829, Рига). От этого брака были рождены семеро детей: Карл-Фердинанд (9.4.1753-31.3.1852), София-Гертрута-Шарлотта (24.5.1784-11.1.1859), Георг-Александр (10.9.1786-18.1.1852), Фредерике-Елизабет (9.9.1787-2.6.1870), Каролина-Элеонора (3.5.1790-?), Вальдемар (18.12.1791-18.3.1831), Фридрих-Эрнст-Грегор (16.10.1797-17.6.1868). Все семеро наследников Эрнста-Фромхольда и Юдит были в благополучных браках, от которых произошло обильное потомство, породнившееся со многими известными фамилиями. Исключения не составил и барон Александр Сергеевич Крюденер, который рождён был третьим ребёнком.

Krüdener (Kruedener) 251

3. Georg Alexander, ~ Stopiushof 10. 9. 1786, † Stockholm 18. 1. 1852, Kais. russ. Khr, WStRat u. Gesandter in Stockholm; × ... 1825 Amalie (Amélie) v. Sternfeld, * Regensburg ... 1808, † München 21. 6. 1888 (kath.) (Ghzgl. hess. Adelsstand als „v. Sternfeld" Darmstadt 1. 8. 1823) (× II. ... 1855 Nikolai Gf v. Adlerberg, † München 25. 12. 1892, Kais. russ. Gen. d. Inf., GenAdj. d. Kaisers, GenGouv. von Finnland u. Mitgl. d. Reichsrats), PflegeT. d. Kgl. bayer. Km., WGehRats u. Gesandten Maximilian Gf v. u. zu Lerchenfeld auf Köfering u. Schönberg, Fkhr. auf Köfering usw., u. s. Gem. Maria Anna, geb. Freiin Groschlag v. Diepurg, auf Dieburg, Eppertshausen usw.

Kinder (1 Sohn, 1 Tochter jung †):

1) Nikolai Arthur, * ... 20. 6./2. 7. 1826, † ..., Kais. russ. KptLt der Garde Equipage.

2) Marie, * ... 1828, † ..., vorm. Kais. russ. Hoffrl.; × ... Philippe Vicomte de Fontenillat, * ..., † ..., franz. LegSekr.

Фрагмент 251-й страницы 9-го тома генеалогического справочника дворянского баронского дома А. Раздел «Крюденеры».

В России некоторые источники придерживаются иного мнения относительно даты рождения барона. Так альманах «Северная пчела» от 19 января 1853 года на странице 53 в разделе «Некрологи замечательных и известных лиц, скончавшихся в России в 1852 году», называет возраст, чин и звание усопшего: „*Камергер Двора Его Императорского Величества Чрезвычайный посланник и полномочный Министр при Дворе Его величества Короля Шведского и Норвежского, Александр Сергеевич Крюденер 6/18 января в Стокгольме, **56 лет***", т. е. следует, что барон родился в 1796 году. [СБО РАН] Л. А. Черейский [Черейский] через 135 лет также сообщает, что барон Крюденер родился в 1796 году. Цитированные российские источники омолаживают барона на 10 лет

по сравнению с генеалогическими немецкими документами. [Genealogie 1977, 251] Если допустить, что Георг-Александр действительно родился позднее на 10 лет, т. е., допустим, 10 сентября 1796 года, и был в таком случае не третьим, а шестым ребёнком, то тогда разница в возрасте с пятым, Вальтером, будет около 5-ти лет, а с Фридрихом, седьмым ребёнком, составит всего 12 месяцев. Такая разница биологически возможна, но нетипична для семьи Крюденеров. В противном случае следует предполагать, что в немецкой генеалогии ошибочен не только год рождения Александра Сергеевича.

Интерес к данной неувязке не совсем праздный. Любопытно знать, на сколько же лет Александр Крюденер был старше своей жены Амалии: на 12 лет или на 22 года? Кроме вышеуказанного 9-го тома генеалогического справочника, существуют еще не менее 6 архивных документов, включая «Фамильный архив», «Историю министерства иностранных дел» и пр., которые настаивают на том, что барон Георг-Александр Крюденер родился всё-таки в 1786 году. (Впрочем, и тут не обошлось без разногласий, возможно, из-за разночтений календарей старого и нового летоисчислений: некоторые источники называют датой рождения не 10 сентября, а 26 августа.) В Мюнхене барон начал службу с 1818 года в должности секретаря посольства при скромном гражданском чине VIII класса коллежского асессора. Российским посланником был тогда граф Фёдор Пален (1815-1822). Карьеру Александр Крюденер делал быстро и успешно: в 1821 году первое награждение: орден Св. Владимира 4-й степени, в 1823 году - орден Св. Анны 3-й степени, в 1827 - орден Св. Анны 2-й степени, в 1826 - надворный советник, в 1829 - коллежский советник. 21 апреля/3 мая 1836 года Крюденеры покинули Мюнхен. Назначение на наивысший и последний пост своей карьеры, Чрезвычайным Посланником и полномочным Министром при дворе Короля Швеции и Норвегии в Стокгольм, Александр Сергеевич получил во второй половине 1843 года. Это назначение состоялось после посещения Крюденерами и Тютчевым нового замка А. Бенкендорфа в Фалле[1].

Барон Крюденер завершил свой жизненный путь действительным статским советником, т. е. чиновником IV класса, камергером, кавалером императорских знаков отличной беспорочной службы за XV, XX, XXV и XXX лет, российских орденов Св. Владимира 4-й и 3-й ст., Св. Анны 3-й и 2-й ст., Св. Станислава 1-й ст., ордена Баварской короны.

---

[1] См. письмо Тютчева Эрнестине из Петербурга от 23 августа / 9 сентября 1843 года. [Тютчев 1984, 88] Фалль - населённый пункт под Ревелем. Замок был построен по проекту известного петербургского архитектора А. И. Штакеншнайдера.

--- АМАЛИЯ БАРОНЕССА КРЮДЕНЕР, ГРАФИНЯ АДЛЕРБЕРГ

„После России это моя самая давняя любовь..."

Ф. И. Тютчев родителям 2/14 июля 1840 года

Амалия (? 1808, Дармштадт - 21 июня 1888, Тегернзее), внебрачная дочь графа Максимилиана Лерхенфельда (1772-1809) и княгини Терезы Турн-унд-Таксис. В 1825 году Амалия вышла в Мюнхене замуж за российского дипломата барона Александра Крюденера (1786-1852). От брака с бароном родила двоих детей. В 1855 году вступила во второй брак, с графом Николаем Адлербергом, генерал-губернатором Таврическим (1819-1892). От этого брака в был рождён сын. После отставки графа на российской службе (в 1881 году) окончательно вернулась в Мюнхен. Похоронена в Тегернзее.

Посетители Галереи красавиц Нимфенбургского дворца в Мюнхене обращают внимание на портрет молодой женщины с меховой накидкой на правом плече. В рекламном буклете сообщается, что это 20-летняя баронесса Амалия фон Крюденер, что её портрет создан в 1828 году знаменитым живописцем короля Людвига I, Йозефом Штилером.

Происхождение Амалии загадочно и драматично. Её матерью была княгиня Тереза Турн-унд-Таксис (1773-1839), урожденная принцесса Мекленбург-Штрелиц (Mecklenburg-Strelitz). Тереза приходилась тёткой российской императрице Александре, жене Николая I. Муж Терезы, князь Карл Александр Турн-унд-Таксис (1770-1827), наследовал Регенсбург, город «вечного рейхстага» (с 1664 года)[1], а также сложное ведомство европейской почты, основателями которой были его предки еще в XV веке. Каждое поколение князей Турн-унд-Таксис расширяло свое влияние. Князя Карла пригласил Наполеон для осуществления новых проектов и князь годами жил в Париже. В отсутствии князя у княгини Терезы был бурный роман с баварским дипломатом графом Максимилианом-Эммануэлем Лерхенфельдом (1772-1809). Результатом этой связи была нежеланная малютка, названная Амалией. Княгиня Тереза уехала рожать подальше от Регенсбурга, в Дармштадт, столицу гессенского великого герцогства.

К несчастью Амалии ее драма усугубилась скорой кончиной её отца, графа Максимилиана, 19 октября 1809 года. Впрочем жена графа не оставляла малышку вне своего внимания и забот. Амалия находилась первое время на попечении дармштадтских родственников

---

[1] В состав Баварии княжество Регенсбург вошло в 1810 году.

Терезы, фон Штернфельд, чью фамилию она носила непосредственно после рождения. Позже её перевезли в Регенсбург, ближе к княгине. Здесь Амалии была сменена фамилия на Штаргард. Подрастающая Амалия перешла, наконец, под опеку Лерхенфельдов и теперь она жила то в их мюнхенском дворце, то родовом замке графов в Кёферинге, городке недалеко от Регенсбурга. С 1 августа 1823 года 15-летней Амалии гессенский герцог Людвиг I разрешил именоваться графиней Лерхенфельд, но без права на герб и генеалогию.[Görlitz] Такова была цена увлечения графа Максимилиана княгиней Терезой.

Плод греховной любви, Амалия, была красавицей. С 14-летней сиротой в 1822 году познакомился молодой сверхштатный атташе российской миссии, Федор Тютчев, который в том году прибыл на дипломатическую службу из Петербурга. Федор сблизился с единокровным братом Амалии, молодым баварским дипломатом, Максимилианом Лерхенфельдом-младшим, и часто бывал у Лерхенфельдов.[1] 19-летний Федор влюбился в Амалию. Это были нежные романтические отношения юноши и девушки-подростка. Влюблённые часто встречались. Они обменялись шейными цепочками. У Амалии не было дорогих украшений. Её цепочка была простым шёлковым шнурком. Старый слуга Николай Хлопов, вырастивший Тютчева, сердился и докладывал родителям в Петербург, что Федор получил шёлк в обмен на золото... Тютчева в семье Лерхенфельдов шутливо прозывали *Туту* или ласкательно *Тутерле*. (*Туту* - звук горна, или воронка горна, формирующая звук. Тути – египетское имя бога Гермеса, всеведущего и всезнающего, покровителя тайных знаний, магии, алхимии.)

Баронесса Амалия Крюденер. 1828 год. Художник Й. Штилер. Нимфенбургский дворец. Галерея красавиц. Мюнхен.

---

[1] Граф Максимилиан-Йозеф фон Лерхенфельд (1799-1859), баварский дипломат в Санкт-Петербурге (атташе с 1827, поверенный в делах с 1828, посол в 1832-1849 гг.), в Берлине (посол в 1849-1859 гг.) и Вьене (посол в 1859 году). Большой интерес представляет дневник и переписка графа. [Dewey 2001], [Dewey, 22.02.2001]

В период 1823-24 гг. многократны упоминания имени Фёдора в дневнике Лерхенфельда-младшего. 12 июля 1813 года: „*Приезд Тютчева* (в Кёферинг), *большая радость, хорошие вести*". 13 июля: „*...гулял с Тютчевым, хорошо; вечером разговаривали, хорошо*". Такие краткие записи делают обычно для возможного восстановления их смысла через короткое время, 3-5 дней. По прошествии почти двух столетий, установить тему разговора не представляется возможным. Трудно прокомментировать, например, запись от 21 июля: „*Тютчев большой секрет, очень хорошо...*". Зато известно, что этим же числом датировано тютчевское стихотворение «Слезы» („*Люблю, друзья, ласкать очами...*"), которое с большой долей уверенности можно считать адресованным его Амалии:

Княгиня Тереза Турн-унд-Таксис (1773-1839), мать Амалии.

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов, между листами,
Благоухающий рубин. <...>

Люблю, когда лицо прекрасной
Зефир лобзаньем пламенит,
То кудрей шелк взвевает
сладострастный,
То в ямочки впивается ланит! <...>

В записи от 30 ноября имена Амалии и *Туту* рядом.

На расцветающую Амалию обратил внимание первый секретарь российского представительства барон Александр фон Крюденер. В дневнике Лерхенфельда замелькало его имя. Барон, маститый дипломат, был значительно старше Амалии. Крюденер происходил из старинного рода балтийских немцев, многие из которых издавна были российскими подданными. Юная графиня без родословной нуждалась в таковой и практично предпочла солидного барона нетитулованному юноше.

Крюденер не является на работу, гостит в Кёферинге, всех обихаживает, стремится произвести хорошее впечатление и на Амалию, и на ее домашних. Он опытный дипломат и ему это неплохо удается. В посольстве зреет конфликт. Лерхенфельд беспокойно пишет матери о злоязычных пересудах: „*Ты не имеешь понятия дорогая мама, о том, что люди здесь говорят, все спрашивают, когда будет*

свадьба". Поведением Крюденера недоволен посланник: „*Пусть он, черт побери, остается, где хочет, нам он больше не нужен*".

Тютчев нервничает. В день своего совершеннолетия, 23 ноября 1824 года (по старому стилю), он пишет стихотворение «К Н.» („*Твой милый взор, невинной страсти полный...*"). Поэт полон любви, он дорожит предметом своей страсти, ее взором, который нужен его душе, *как небо и дыханье*. Но есть некие *они*, для которых ее *милый взор служит укорою безмолвной*. Поэт предостерегал прелестницу:

<...> Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.
Но для меня сей взор благодеянье.
Как жизни ключ - в душевной глубине
Твой взор живит и будет жить во мне -
Он нужен ей, как небо и дыханье. <...>

Если эти стихи и не были формальным предложением руки и сердца, то, во всяком случае, серьезным заявлением о намерениях. Конкурентная борьба за сердце красавицы сверхштатного российского атташе с первым секретарем шансов для атташе оставляла явно меньше. События грозили обернуться столь грозным финалом, что позже, 5-го марта 1826 года, серьезно озабоченный дядька Тютчева, Николай Хлопов, напоминал своему дитяти (на обратной стороне иконы Феодоровской Божьей Матери) о том, что 19 января 1825 года Фёдору Ивановичу „*грозила опасность от его нескромности*". *Опасностью* была дуэль. Можно полагать, что барон стал мишенью едкого острословия молодого коллеги. Впрочем, благоразумное влияние преданного слуги возымели действие, и Тютчев смирился. „*20 Генваря, то есть на другой же день кончилось благополучно*", - опять напомнил дядька о происшествии.

Под криптонимом *Н.* в обращении «К Н.», по-видимому, имеется в виду *Ниса*, поэтическое прозвище Амалии. (Ниса, или Nice, Ника, крылатая богиня победы в греческой мифологии.) Приблизительно концом января можно датировать стихотворение «К Нисе», настрой которого является полной противоположностью любовного признания «К Н.». 20-летний поэт постигает первый негативный опыт взрослой жизни, первые разочарования, которые, слава богу, не явились для него вселенской трагедией. Он досадует, но не более. Под влиянием двух матерей, - родной, княгини Терезы, и приемной, графини Лерхенфельд, - Амалия без энтузиазма соглашается на брак с бароном. Видимо доводы старших женщин были достаточно убедительными. Можно лишь благодарить судьбу за то, что Амалия отказала Фёдо-

ру. Распознать в Тютчеве будущую гордость России Амалия не могла да и тщеславие её было более заземлённым:

Ниса, Ниса, Бог с тобою!
Ты презрела дружный глас,
Ты поклонников толпою
Оградилася от нас.
Равнодушно и беспечно,
Легковерное дитя,
Нашу дань любви сердечной
Ты отвергнула шутя.
Нашу верность променяла
На неверный блеск пустой, -
Наших чувств тебе, знать, мало:
Ниса, Ниса, Бог с тобой!

По ходатайству посланника Воронцова-Дашкова 23 февраля/7 марта Фёдору разрешили длительный отпуск, и в конце мая он уехал в Россию. Ещё через три месяца, 31 августа 1825 года, 17-летняя Амалия стала именоваться баронессой Крюденер. Венчание состоялось в Кёферинге.[1] Её честолюбивое желание сбылось: отныне она, фактическая родственница прусской и российской монарших фамилий, будет достойно принята при дворах Европы. Оправдались меркантильные надежды и барона Крюденера, который также не без основания надеялся на использование высоких родственных связей жены для роста своей карьеры. Впрочем, он просчитал не все возможные последствия затеянного им брака. Более дальновидными были женщины, Амалия и её обе матери. Амалия и барон никаких иллюзий не питали друг о друге. Их брак изначально был союзом по расчету, но у каждого был свой резон. Тютчев не мог забыть Амалию:

Ты любишь, ты притворствовать умеешь, -
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей -
Ты мне ответ даешь - и не краснеешь!
Все тот же вид рассеянный бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной. <...>

Красота Амалии не прошла незамеченной Генрихом Гейне, который бывал в гостях у Тютчева (в 1828 году). Позже он передавал баронессе приветы: *„Кланяйтесь <...> г-же dé chargeuse d'affaires*[2] *Амалии фон Крюденер"*.

Постоянное общество Тютчевых - семьи дипломатов иностранных представительств и, конечно, российской миссии. Тютчевы и Крюденеры почти соседи: Тютчевы жили тогда на Каролиненплац 1, а

---

[1] При бракосочетании Амалия указала, что ей 17½ лет. 2/14 июля 1840 года Ф. И. Тютчев писал родителям из Тегернзее об Амалии: *„...намедни мы справляли ее именины"*. День св. Амалии приходится на 10 июля. Метрическая запись о рождении Амалии Штернфельд не обнаружена.

[2] игра слов - „поверенная в делах" фр. Oberpfalz

Крюденеры - в пяти минутах ходьбы, на Бриеннерштрассе 15. Федор встречается с Амалией, но теперь уже семьями. Принц Карл, брат короля Людвига, и сам король, по поручению которого Й. Штилер написал упомянутый выше портрет, были очарованы красавицей Амалией. Молодая баронесса вполне осознала, что её блистательная женственность - мощное оружие для осуществления любых амбициозных планов. За своё бесправное детство Амалия, не торопясь, брала реванш. Тепло юношеских встреч Амалия и Фёдор сохранили на всю жизнь. В 1836 году или несколько ранее поэт посвятил ей стих-воспоминание, лирический гимн быстротечности счастья и бытия, который, по словам Некрасова, „*принадлежит к лучшим произведениям г. Т-ва, да и вообще всей русской поэзии*". Влюбленные встречались *в милом сердцу крае* над Дунаем, на холме в пригороде Регенсбурга:

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.
И на холму, там, где, белея,
Руина замка в дол глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит,
Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.
Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах..
И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

Композитор М. С. Вайнберг написал на эти слова известный ныне романс, который назван по первой строке поэтического шедевра.[1] Роль Амалии в дальнейшей судьбе Тютчева чрезвычайно велика. В апреле 1836 года барон Крюденер получил повышение и отправился в Россию. Амалия привезла в Петербург пакет от Тютчева. В пакете было около ста стихотворений. Десятки разрозненных страниц были переданы Амалией князю Ивану Гагарину. Князь, бывший сослуживец Тютчева, один из немногих, кто знал и ценил тютчевское творчество, которое даже хотел издать. Часть стихотворений он переписал и передал Пушкину, издателю журнала «Современник», главного литературного журнала России. Восхищенный Пушкин их немедленно опубликовал. Так, благодаря Амалии, Тютчев стал широко известен на родине.[2] Между тем Амалия неотразимо блистала в высшем петербургском обществе. Рассказывают, что Пушкин увлекся Амалией и на одном из

---

[1] Первая строка стихотворения перекликается со стихами С. Е. Раича „*Я помню золотые годы...*".

[2] См. статью «К истории публикаций в „Современнике"».

балов как-то пытался за ней ухаживать. Жена Пушкина, Наталья, одна из красивейших женщин России, вынуждена была по-семейному объясниться с мужем, после чего тот острил, что „*у Мадонны тяжёленькая рука...*“. [Шик]

Князь Иван Гагарин в письмах Тютчеву сплетничал по поводу успехов Амалии в высшем свете и непростого положения барона Крюденера. Тютчев отвечал князю в июле 1836 года: „*Подробности, сообщенные вами о нашей прекрасной Эсфири и её Мардохее, доставили мне большое удовольствие...*". Фёдор Иванович не злорадствовал, давняя страсть уже прошла. Он жалел Амалию, понимая, что брак Амалии с бароном Крюденером не был союзом по любви: „*У меня есть некоторые основания полагать, что она не так счастлива в своем блестящем положении, как я того желал бы. Какая милая, превосходная женщина, как жаль её. Столь счастлива, сколь она того заслуживает, она никогда не будет*".

В 1839 году без активного участия Амалии не состоялся бы брак баварского герцога Максимилиана Лейхтенбергского с великой княгиней Марией Николаевной. На сердце молодого герцога претендовали принцессы нескольких европейских дворов. Но Амалия повлияла на 22-летнего герцога, которого знала с детских лет.

Изредка она появлялась в Мюнхене. Тютчев всегда был ей рад: „*Вы знаете мою привязанность к госпоже Крюденер* - писал он родителям, - *и можете легко себе представить, какую радость мне доставило свидание с ней. После России это моя самая давняя любовь. Ей было четырнадцать лет, когда я увидел её впервые. А сегодня, 2/14 июля* (1840 года), *четырнадцать лет исполнилось её старшему сыну. Она всё ещё очень хороша собой, и наша дружба, к счастью, изменилась не более, чем её внешность*". Сын Амалии, Николай-Артур, родился 20 июня/2 июля 1826 года. [Genealogie 1977, 251]

В 1843 году Тютчев приехал в Россию, подготавливая почву для окончательного возвращения на родину. Он уже во втором браке, у него пятеро детей. За должностной проступок у Фёдора Ивановича крупные неприятности с высшим начальством. По инициативе министра, графа Карла Нессельроде, он лишен званий и уволен с работы.

Фёдор Иванович хорошо знал Запад, стал опытным политиком, у него созрели глобальные замыслы о способах расширения влияния России на общественное мнение западных стран. Кто мог выслушать отставного дипломата и поверить в его идеи? Помог надёжный друг, добрая фея Амалия, её связи были безграничны.

Страстным поклонником молодой баронессы был стареющий граф А. Х. Бенкендорф. Сотрудники III Отделение изнывали от ига Амалии. Влияние Амалии на Бенкендорфа было столь велико, что по её настоянию он тайно принял католичество. По законам Российской империи, где православие являлось государственной религией, такой

поступок карался каторгой. (Тайна открылась только после смерти Александра Христофоровича.) [Осповат 1994] Граф Бенкендорф чрезвычайно любезно пригласил Фёдора Ивановича. Возможно, что в беседе Бенкендорфа с Тютчевым затрагивались глобальные вопросы внешней политики, хотя (или потому что!..) министр Нессельроде на этой беседе не присутствовал. Федор Иванович сообщал жене, что Бенкендорф „*был необыкновенно любезен со мной, главным образом из-за госпожи Крюденер...*". Главный жандарм России с восторгом отнёсся к предложениям Тютчева и доложил о них Николаю I. Император не числился среди мужчин, равнодушных к Амалии... Как бы на правах кузины его супруги, Амалия 25 ноября 1836 года получила в подарок от царя прекрасную соболью шубу, которая поразила завистливое воображение всего Петербурга. [Vitale, 282] В конце концов, истинных друзей у Амалии почти не было. По рекомендации Бенкендорфа Николай I также принял отставленного дипломата. Результат приёма был положителен. Позже, уже по окончательному возвращению в Россию, Фёдора Ивановича принял и граф Нессельроде. Тютчев вновь был зачислен в штат министерства.

Трогательные, бескорыстные заботы Амалиии о Федоре Ивановиче не прерывались никогда. Её внимание нéсколько смущало Тютчева. Он даже как-то писал Гагарину: „*Ах, что за напасть! И в какой надо было быть мне нужде, чтобы так испортить дружеские отношения! Все равно, как если бы кто-нибудь, желая прикрыть свою наготу, не нашел бы для этого иного способа, как выкроить панталоны из холста, расписанного Рафаэлем... И, однако из всех известных мне в мире людей она, бесспорно, единственная, по отношению к которой я с наименьшим отвращением чувствовал бы себя обязанным*".

В 1848 году 40-летняя Амалия повторила греховный поступок своей матери: она дала жизнь внебрачному ребёнку. 17 марта у Амалии родился сын Николо. Отцом Николо был 29-летний фаворит императора, генерал-губернатор Финляндии граф Николай Адлерберг. Но Амалия извлекла урок из незавидной судьбы матери. В отличие от княгини Терезы, фактической затворницы провинциального Регенсбурга, Амалия пользовалась могущественным влиянием на весь сановный Петербург. Амалии добилась, чтобы ее муж, барон Крюденер, был удален из столицы и назначен

Граф Николай Адлерберг (1819-1894). Из архива П.-Г. Люкса.

Чрезвычайным Посланником и полномочным Министром при дворе Короля Швеции и Норвегии.

Барон, наконец, взлетел на ту вершину дипломатической карьеры, ради которой он женился на Амалии. Стал ли он счастливым человеком? Понимал ли он цену своей удачи? Амалия с ним более не встречалась. В 1852 году барон скончался в Стокгольме от инфаркта. Амалия стала свободной... С графом Николаем она обрела любовь, покой и счастье. В 1855 году их отношения были узаконены.

Где венчались Амалия и Николай Адлерберги? Возможно, в Петербурге, но, вероятно, что в Симферополе!..

Дело в том, что с 11 ноября 1854 года по 25 мая 1856 года, т. е. во время Крымской войны, граф Адлерберг был назначен Таврическим военным губернатором. [Коньков, 31.05.2000]

События войны усугубили положение крымских детей, многие остались без родителей, не имели родных. Что такое бесправное детство, Амалия знала очень хорошо. Детей привозили в Симферополь вместе с ранеными из осажденного Севастополя. Власти пытались организовать приют в Симферополе еще в 1848 году. Но всегда чего-то не хватало: денег, необходимых документов и пр. Ввиду исключительности обстоятельств, графиня Адлерберг решительно пренебрегла бюрократическими формальностями и 31 декабря 1854 года открыла приют на свои средства. Сначала здесь находилось 14 беспризорных детей-сирот. В 1856 году граф Адлерберг получил новое назначение, и Амалия вместе с мужем покинула Крым. Документы на приют так и не были оформлены, но Амалия предоставила императрице Марии Александровне, покровительнице всех детских приютов, полный отчет и просила не оставить вниманием начатое ей дело. Отвечая на запрос императрицы о состоянии дел в приюте, новый Таврический губернатор, Г. Жуковский, писал: „*После того, что сделано уже в этом отношении попечениями и усердием графини Адлерберг, остается только желать, чтобы открытый ею приют, в котором призревается до 20 детей обоего пола, сохранен был навсегда*".

В 1857 году Комитет Главного Попечительства Детских Приютов утвердил преобразование временного приюта в постоянный с присвоением ему имени основательницы — графини Адлерберг. В 1869 году для приюта было построено новое здание. К его новоселью императрица прислала благодарственное письмо губернатору Г. Жуковскому. В письме Мария Александровна настаивала, чтобы новый приют в отличие от всех остальных, которые были её имени, сохранил имя основательницы. Она повелела также поместить в приюте портрет графини Амалии Адлерберг. Портрет был доставлен из Финляндии и сохранялся в здании приюта до 1917 года. Нынешнее местонахождение портрета, к сожалению, неизвестно. Здание благополучно пережило революции и войны и существует по сегодняшний день. В большом

двухэтажном доме на углу улиц Пушкинской и Гоголевской много лет размещался Крымский краеведческий музей, именуемый теперь Музей этнографии народов Крыма.

Спустя десятилетия, 31 марта 1873 года, с умирающим Тютчевым за три с половиной месяца до его кончины прощалась Амалия. Вот трогательные строки письма Федора Ивановича к дочери: „*Вчера я испытал минуту жгучего волнения вследствие моего свидания с графиней Адлерберг, моей доброй Амалией Крюденер, которая пожелала в последний раз повидать меня на этом свете и приезжала проститься со мной. В её лице прошлое лучших моих лет явилось дать мне прощальный поцелуй*".

Вилла в Тегернзее - *Haus Adlerberg am See* (вид с улицы), дом, в которой Амалия проживала в последний год своей жизни. (Фото автора.)

В 1881 году погибает император-освободитель, Александр II. Граф Адлерберг, фаворит предыдущих императоров, уволен в отставку.

Адлерберги в России оказались не у дел. Они, российские подданные, приехали в Мюнхен на постоянное место жительства. У них не было своего дома и пришлось остановиться у племянника Амалии, Максимилиана Лерхенфельда (однофамильца и тёзки её отца и её брата), на Амалиенштрассе 93. Семья Адлербергов состояла из трёх человек: граф Николай, Амалия и их сын Николо. Недалеко от Мюнхена, в курортном городке Тегернзее, Адлерберги покупают на берегу озера участок земли и строят дом (на Швайгхофштрассе 2).

Амалия, романтическая любовь поэта Фёдора Тютчева на протяжении 50 лет(!), скончалась в Тегернзее 21 июня 1888 года. Она похоронена в Роттах-Еггерн на кладбище кирхи Св. Лаврентия[1]. На могильной плите гравёр ошибочно продлил жизнь Амалии на 10 дней. Опечатка не обращала бы на себя внимание, если бы в июне было 31 число. Ошибка закреплена в путеводителе по кладбищу. Кирха расположена на берегу озера напротив виллы Амалии, известной под названием «Haus Adlerberg am See».

---

[1] St. Laurentius в Rottach-Egern am Tegernsee.

С террасы виллы и окна спальни скорбящий граф Адлерберг хорошо видел кирху и кладбище. Он терпеливо ждал своей кончины для встречи с любимой.

Граф Николай Адлерберг-старший похоронен рядом с Амалией (25.12.1892 года). На их надгробиях по желанию графа не указаны даты рождения, никто не должен был знать их возраст, ибо они любили друг друга всегда, смерть не была разлучницей, но только пунктом пересадки в вечность... Для их могил был сооружен красивый мавзолей, но на маленьком кладбища он занимал слишком много места и в 1967 году статус захоронений Адлербергов был уравнен с остальными вечными поселенцами.

Надгробие на могиле графа Николая Адлерберга и его жены графини Амалии. Датой кончины Амалии указан несуществующий день: 31 июня. (Фото автора.)

В купчих документах на виллу граф записал, что будут прокляты во веки веков те, кто посмеет какими-либо строениями закрыть вид кирхи из окон виллы. Годы шли, вилла меняла владельцев, но никто не осмеливался нарушить завет графа.

Сын Амалии, граф Николай Николаевич, был российским подданным, рос в чинах статских и императорского двора, получал российские награды, состоял на российской дипломатической службе. В начале XX века и до 1914 года граф Николай Адлерберг-младший был атташе в Мюнхене, в последней российской миссии А. Вестманна.

В июле 1910 года граф продал виллу своему коллеге, российскому дипломату в Мюнхене, князю Константину Мурузи (Mourousi). Князь скончался в 1913 году и его могила соседствует с захоронением Адлербергов. Жизнь графа Николая Николаевича Адлерберга, сына Амалии, камергера российского императорского двора, завершилась в Монтре (Швейцария) 8 сентября 1920 года.

В первом полугодии 1914 года на вилле отдыхал Чрезвычайный и Полномочный посол России во Франции член Госсовета Александр Петрович Извольский (1856-1919) с супругой Маргарет. Он хорошо знал знаменитый курорт, т. к. в 1897-1899 гг. Извольский был посланником в Мюнхене. Через территорию будущего противника из Петербурга в Париж возвращался хороший знакомец Александра Петровича, президент Франции Раймонд Пуанкаре. На вилле состоялось

их секретная встреча. Обсуждались вопросы предстоящего военного сотрудничества. [Guggenbichler]

Во время Второй мировой войны регион Тегернзее не пострадал. Просторный дом на Швайгхофштрассе 2 собирал под своей крышей семьи беженцев, преимущественно женщин с детьми из Мюнхена. Досуг они заполняли самодеятельностью. В холодное время года посетители из соседних домов приносили по куску угля или несколько щепок. Через 40 лет увидели свет дневниковые записи одной из участниц посиделок, М. Пустеовски «Три полена дров», где описана беженская жизнь, в которой не последнее место занимали литературные вечера в доме Адлербергов. [Pustejovsky] Об истории семьи русских графов в книге нет ни слова. К чести нынешнего хозяина, доктора Ганса-Петера Люкса, он проявил любознательность к истории виллы и чтит память ее первых владельцев. [Lux] Сегодня Тегернзее славится художественными галереями, международными фестивалями классической музыки.

- Бурхард-Алексис-Константин КРЮДЕНЕР

Барон Бурхард-Алексис-Константин Крюденер (1746- 1802).

В российской истории и биографии Тютчева известны ещё одни Крюденеры, дипломаты в двух поколениях. В Швейцарии, Франции, Германии, России об этой ветви написаны десятки книг и исследований. Особенно много работ принадлежат перу потомка семьи этих Крюденеров французскому историку Франсису Лею (Francis Ley). Родоначальником данного ответвления был полковник шведской армии Валентин-Иоганн Крюденер (1695-1751) из Куссена (Лифляндия). От его брака с Маргаретой фон Траутветтер родились пятеро детей. Самым младшим был Бурхард-Алексис-Константин (Либава 12.9.1746 - Берлин 14.6.1802). Его старшие четыре сестры вступили в брак с российскими дворянами.

Алексис закончил факультет права в Лейпцигском университете и продолжал учиться на литературно-философском факультете. Он наделён был многими талантами, хорошо знал историю и математику, был неплохим музыкантом и живописцем. Друзья называли его *мудрецом*.

Барон Крюденер, человек деликатный и тонкий, несмотря на многократные браки, в любви счастья не испытал. В 1772 году он женился в первый раз на очаровательной шотландке Ребекке Свидленд, которая за три года их супружеской жизни подарила ему дочь Софию-Изабеллу-Доротею (1773-1847). Но Ребекка оставила барона, чтобы выйти замуж за английского лорда Линдсея. Алексис остался с маленькой дочерью, которая его очень любила. Позже она с восхищением писала о нем: „*Бурхад-Алексис-Константин был наделен редчайшим умом и необыкновенными способностями, проявившимися еще в детстве*".

Вторично Алексис попытался создать семью в родной Прибалтике. Он женился в августе 1777 года на Еве-Марии Шик, дочери бургомистра Риги. Но в начале 1782 года и этот брак распался.

В сентябре того же 1782 года 36-летний барон женился третий раз. Теперь он выбрал в жёны 18-летнюю Варвару-Юлиану Виттингофф, правнучку российского фельдмаршала Миниха. От этого брака были рождены Пауль-Людвиг (1784-1858) и София-Юлия (1787-1865). [Genealogie 1977, 235-236]

Барон Алексис Крюденер был незаурядной личностью. Он много путешествовал и его остроумные записи впечатлений об увиденном свидетельствует о широком круге интересов и серьёзных знаниях. «Дневник путешествия барона Крюденера в 1786 году»[Ley 1983] стоит в ряду воспоминаний об Италии, оставленными выдающимися людьми его времени: Монтенем, Гете, Шатобрианом, де Сталь, Стендалем. Крюденер показал себя человеком классической культуры XVIII века. География, экономика, промышленность, сельское хозяйство, искусство вызывают его любопытство. Увлечённые рассказы барона открывают любовь к труду жителей Тосканы, уличную жизнь неаполитанцев и их манеру воспитания детей, крайнюю безалаберность социальной жизни Рима. Он живо описал общество Леона, Женевы, Лозанны, Капри. Его «Дневник» - энциклопедический кладезь для современных историков.

Екатерина II предложила барону Крюденеру карьеру дипломата. Он начал с атташе русской миссии в Мадриде, потом был переведён в Варшаву секретарём представительства. В Париже барон был в дружеских отношениях с Руссо. В 1779-1784 гг. он уже известен в ранге Чрезвычайного Министра в Митаве, столице Курляндского княжества. Екатерина II возложила на посла серьёзную миссию подготов-

ки присоединения Курляндии к России. К идее этого аншлюса Алексис склонял, прежде всего, курляндскую знать.

Граф Карл Нессельроде. 1814 год. Из частной коллекции М. Евреинова.

В конце 1784 года барон был назначен послом России в Венецианскую республику. Через два года барон Крюденер затеял по Италии длительное и познавательное путешествие. Его сопровождали: жена Варвара-Юлиана, двое детей (София-Изабелла, старшая дочь от первого брака, и малолетний любимец Павел, будущий посол России в Берне, Вашингтоне, Франкфурте), секретарь российского посольства в Венеции Александр Стахиев, друзья, слуги. В 3-5 сентября 1786 года российский советник в Риме Йоганн-Фридрих Райффенштайн представил барону известную художницу королевской Академии Лондона Ангелику Кауффманн (1741-1807). Ангелика подружилась с Варварой-Юлианой. Благодаря этой дружбе потомки вознаграждены двумя великолепными портретами Варвары-Юлианы с 3-летним Павлом, которые были написаны в манере английского романтизма. Один выставлен сегодня в Лувре, другой - в Ганноверской галерее.

После Венеции, с января 1787 года до мая 1797 года, барон Крюденер был назначен русским послом в Данию.

Третий брак был не более счастлив, чем два предыдущих: в 1792 году Варвара-Юлиана окончательно оставила Алексису старшего сына и с 5-летней дочерью ушла от мужа. Завершал Алексис дипломатическую карьеру в качестве посла России в Берлине (с декабря 1799 года до своей кончины в 1802 году).

Император Павел I (вступил на трон в 1796 году), был убеждённым пруссофилом. Внешнеполитические деяния Павла отмечены амбициями и нервозностью. При содействии барона Крюденера 16-28 июля 1800 года в Петергофе был подписан договор с Пруссией. Царю были известны франко-прусские противоречия и, пытаясь успокоить Бонапарта, он пожелал также заключение договора с Францией. Слухи о возможности такого союза ставили российского посла в Берлине в

сложное положение. В довершение всего Павел предложил Наполеону перераспределение немецких территорий. Он пожелал, чтобы Зальцбург, Бамберг и Берхтесгаден присоединились к Баварии, Нижний Пфальц, Мюнстер и Хильдесхайм - к Вюртембергу, Гамбург - к Дании, а Ганновер к Пруссии.

Любопытный эпизод дипломатической деятельности барона Алексиса Крюденера в Пруссии. 3/15 марта 1801 года российский император послал курьера в Берлин с депешей Крюденеру, приказывающей разорвать дипломатические отношения с Пруссией и оставить свой пост, если берлинский двор откажется немедленно оккупировать Ганновер. Приказ императора дословно звучал так: „*Объявите, господин, королю, что, если он не захочет решиться на оккупацию Ганновера, то Вы покинете Двор в 24 часа*". Неожиданное царское распоряжение было для Крюденера, как снег на голову, т. к. он получил его во время бала, на котором присутствовали прусский король и дочь Павла, великая княгиня Елена. Барон Алексис, зная неуравновешенный характер царя, решил на свой страх и риск не торопиться с объявлением ультиматума и увеличил на балу свое внимание к высоким особам, особенно к Елене. Чутьё Алексиса не подвело. Вскоре из Петербурга пришёл новый приказ об отмене предыдущего, о котором Пруссия так и не узнала. Дипломатических осложнений не произошло. Император был чрезвычайно благодарен барону: „*Я знал, что Вы очень умелый и целенаправленный министр, но я не знал, что Вы можете быть любезным и галантным с дамами. Моя дочь Елена мне рассказала о великолепном празднике, который Вы устроили в ее честь...*". [Eynard]

Будущий канцлер России граф Карл Нессельроде (1780-1862), который был в Берлине одним из молодых сотрудников Крюденера, оставил восторженные воспоминания о своем шефе: „*...В августе 1801 я находился в Берлине. Барон Крюденер принял меня со особым участием. Поселил у себя, руководил моими первыми дипломатическими шагами, предоставил мне вместе со своим сыном* (17-летним Павлом) *курс гражданского права у знаменитого Ансилльона, тогда профессора истории в военной академии*". В письме из Берлина 10 ноября 1801 года 21-летний Нессельроде вновь подтверждал свое мнение об Алексисе Крюденере: „*...У меня здесь достаточно возможностей, чтобы усовершенствовать мои знания и войти в курс дел с помощью барона Крюденера, который без сомнения является одним из наших лучших специалистов*". [Nesselrode] 14 июня 1802 года неудачливый в семейной жизни замечательный российский дипломат 56-летний барон Алексис Крюденер скончался в Берлине от апоплексического удара на руках сына 18-летнего Павла.

--- Варвара-Юлиана КРЮДЕНЕР

Варвара-Юлиана - легендарная женщина рубежа XVIII-XIX столетий, заметное явление европейской действительности своего времени. Её знали государи и художники, аристократы и литераторы, политические и религиозные деятели всех стран Европы. След её личности остался в произведениях Пушкина и Толстого. Хороший знаток немецкой, французской, английской литератур она со многими крупнейшими писателями и философами была лично знакома или состояла в переписке. Её мысли были всегда оригинальны и ненавязчиво-назидательны. По сегодняшний день жизнь Варвары-Юлианы предмет исследования европейских историков, писателей и просто поклонников этой неординарной личности. На русском языке ей посвящен цикл статей [Пыпин], интересные работы [Гречаная] и [Коньков 2000] В Крыму, месте кончины Варвары-Юлианы, и сейчас чтят её имя.

Варвара-Юлиана Крюденер (1764-1824) и её сын Пауль-Людвиг Крюденер (1784-1858). Художница Ангелика Кауффманн (1741-1807). Ганноверская картинная галерея.

Баронесса Варвара-Юлиана Крюденер – жена российского дипломата Бурхарда-Алексиса Крюденера, мать Павла-Людвига Крюденера, также российского дипломата, близкого знакомого Фёдора Ивановича Тютчева.

Родилась Варвара-Юлиана, урожд. Витингофф, в Риге 11/23 ноября 1764 года. Её предками по отцовской линии были гроссмейстеры Тевтонского ордена. От обоих родителей ею была унаследована неординарность мышления, решительность и независимость поведения, способность к смелым поступкам. Природа её одарила живым воображением, наблюдательностью, утончённой женской красотой. Биографы сообщают, что безусловные способности Варвары-Юлианы были развиты благодаря приобщению с детства в доме отца, покровителя искусств, к достижениям европейской культуры. Её образование не было блестящим, это было обычное домашнее обучение хорошим манерам, танцам и языкам. Большое впечатление на юную баронессу произвело путешествие с родителями по Европе в 1776-77 гг. [Гречаная, 5]

29 сентября 1782 года 18-летняя Варвара-Юлиана бракосочеталась в родной Риге с 36-летним бароном Алексисом Крюденером.

Но не разница в возрасте была причиной их будущего разлада. Для просвещённого барона возможность проблем брака с юной аристократкой не была тайной, но он недостаточно учёл разницу их внутренних миров. Они могли быть даже ровесниками, но это был изначально несовместимый союз орла и трепетной лани, серьёзного российского дипломата, проводника внешней политики империи, и юной экзальтированной самовлюблённой мечтательницы.

Первый сильнейший удар по семейной крепости был нанесен молодым секретарём посольства Александром Стахиевым. Собственно говоря, до греха дело не дошло. Не было и любовного объяснения. Даже больше: Варвара-Юлиана не подозревала о страсти к ней молодого дипломата. Она его видела каждый день и была совершенно к нему равнодушна. Стахиев стоически в одиночестве переносил муки неразделённой любви. Эта пытка длилась несколько лет! Наконец, он не выдержал, написал прошение об отставке и, указав мотив увольнения, вручил письмо Крюденеру. Отставка была, естественно, принята, но честный Алексис решил не скрывать от жены причины увольнения сотрудника. Это был тот случай, когда следовало бы промолчать, даже обмануть. Свою ошибку барон поймёт довольно скоро, но исправить её будет уже невозможно, последствия будут необратимы.

Узнав историю ухода Стахиева, Варвара-Юлиана была в шоке. Её потрясённому воображению не было предела. Она винила себя в том, что не распознала большой любви и та невидимкой прошла мимо. Неизбежно наступило охлаждение к мужу. Оба воспитанных супруга сцен друг другу не устраивали, но возникшей трещине в их отношениях уже не суждено было исчезнуть.

Варвара-Юлиана вела дневник, ощущала в себе литературный дар и нахлынувшие чувства в конце концов вылились на страницы её сентиментального романа «Валери», который будет опубликован через 20 лет.

В 1789 году 25-летняя баронесса Крюденер временно расстаётся с мужем и с малюткой-дочерью уезжает из Копенгагена в Париж. Она богата, неглупа, довольно хороша собой и переполнена ощущением своей неординарности. Её сердце жаждет любви. Чрезмерно высокую самооценку баронессы охотно поддерживает мужская часть её знакомых: „*Вы принадлежите к тому небольшому числу привилегированных существ, что получили в дар божественную искру*" - сообщает ей „по-дружески" Жан-Поль. [Гречаная, 10] Кто устоит против такой лести!

Брак Алексиса и Варвары-Юлианы всё больше превращался в фикцию. Будут ещё письма, временные воссоединения, безуспешные попытки супружеского примирения. Иллюзорность семейных отноше-

ний была очевидна. Большая любовь её так и не нашла, но малых и бурных встреч было сколько угодно (Сюад, Гар, Фрежевилль),с неприятным последствием рождения в 1798 году внебрачного ребёнка, быстро отданного в чьи-то руки. Французский биограф деликатно пишет об этом периоде жизни баронессы: „*Букет священных привязанностей и суровых обязанностей мало-помалу развязался в этой душе при дуновении испорченного света. Чистоты мысли уже не было здесь, чтобы гарантировать чистоту чувств, и соблазны нежности, очарования лести обезоружили г-жу Крюденер*". [Eynard]

Идеи свободы французской революции пробудили стремление женщин к эмансипации. Европа перестала быть мрачным средневековьем. Борьба женщин за действительное равноправие будет ещё длительной, но самое главное уже произошло: голос женщин был услышан и стал непреложным фактом второй половины XVIII столетия. Сначала робко, позже всё более самоутверждающе появилась литература о женщинах, авторами которой были женщины: де Сталь, де Жанлис, де Шарьер, Коттен, Суза.

На волне новых веяний успех имела и книга баронессы В.-Ю. Крюденер «Валери». Известно её 5 французских изданий, 3 немецких, 1 английское, 1 голландское и 1 на русском языке (в переводе с немецкого). [Ley 1971, 30] Автобиографическое литературное изложение «Валери» представляло собой дань моде женского самоанализа, романтичного самолюбования, созерцания истомы любви. Вот словесный автопортрет (в третьем лице) молодой писательницы: „*Природа забросила в холодный и суровый край пламенную душу. Она сказала воображению и чувствительности: „Никогда не покидайте её. Я хочу одарить её всем, что только есть вдохновляющего и возвышенного". Затем она облекла её в чарующую форму. Волосы были тонкими, как ум, и мягкими, как душа этого создания, руки должны были послужить образцом для художников... Грациозная, стройная фигура этой женщины напоминает те прелестные деревья, растущие на её родине, что, высокие и гибкие, покачиваются с изяществом и благородством*" и т. д.

Роман не отличался глубиной мысли, но обращали на себя внимание плавность изложения, мелодичность языка. Автора заметили и он приобрёл известность. Отзывы читателей были неоднозначны. Сочинение было прочитано великим Гёте, который назвал его просто чепухой. Наполеон не очень галантно сказал Варваре-Юлиане: „*Мадам, писали бы Вы лучше свои произведения по-русски или по-немецки, чтобы французы такие глупости не читали*". Госпожа де Сталь, противница Наполеона, выразилась менее остро, но в этом частном вопросе была с ним солидарна. Однако критические замечания не обескураживали Варвару-Юлиану. Книгу благосклонно приняли Стендаль, Шатобриан. Влияние «Валери» прослеживается в произведениях Сент-

Бева, Бальзака. В примечании к «Евгению Онегину» книга названа Пушкиным „*прелестной повестью*".

Императрица Елизавета Алексеевна (жена Александра I) 7/19 апреля 1808 года писала матери герцогине Амалии Баденской: „*В Вашем письме от 7/19 апреля Вы мне впервые рассказываете о мадам де Крюденер. Мне неизвестно, кем она была в Карлсруэ, но, думаю, из общества довольно приятного. Долгое время она провела в Риге, но никогда не стремилась приехать сюда, так как боялась насмешек над собой как над женщиной-автором... Однако я уверена, что ее прекрасно приняли бы в обществе. С нетерпением жду ее нового романа, о котором Вы мне пишете. Справедливо, что сюжет, найденный для него, относится к прошлым векам, наш - менее романтичный в смысле обыденных чувств...*". [Васильева] Императрица имела ввиду «Историю отшельника» из эпохи крестовых походов. Характерно замечание Елизаветы Алексеевны о несерьёзности восприятия обществом женщин-писательниц.

Но что поделать, если Варвара-Юлиана действительно вошла во вкус литературного труда и написала ещё «Альжиту». Самыми искренними были, пожалуй, первые два предложения: „*Не могу сказать с точностью, к какой нации я принадлежу. Моя мать была немкой, в жилах отца текла итальянская кровь*". Далее грёзы юной девицы о любви, о несчастии выхода замуж за 36-летнего старика-графа и всё это с претензией „*на глубокое знание человеческого сердца*".

В Париже баронесса узнала о смерти мужа (в 1802 году в Берлине). Она сожалела, что опоздала к нему, что всё собиралась выбрать время „*усладить его жизнь, облегчить бремя лет своей нежностью, заставить его забыть долгое одиночество, в котором он жил*"...

Звёздные часы Варвары-Юлианы впереди. Они наступят с увяданием молодости, красоты.

С приближением старости баронесса увлеклась религией. Както при случайных обстоятельствах Варвара-Юлиана познакомилась с религиозной общиной моравских братьев, геррнгутерами, исповедавших чистое христианство, неоскверненное человеческой гордыней, которое привело к конфессиональному разобщению верующих. Отныне баронесса стала активным приверженцем раннего христианства, по её убеждению, наиболее благочестивого. Правда, она внесла коррективы относительно роли своей личности. Варвара-Юлиана уверовала, что на неё направлен промысл Провидения. Под влиянием мистических направлений в немецкой философии, трудов Сен-Мартена, Юнг-Штиллинга, Лафатера, Варвара-Юлиана уверовала в свою возможность проникать за грань жизни и ощутила дар пророчеств. Грешница стала праведницей. Баронессу стали посещать видения, подсказывающие линию поведения. Перо сентиментальной писательницы было отставлено, появились религиозные сочинения. Она пишет о мистицизме и

мистиках, о „*людях, которые превращают религию в любовь и сочетают эту любовь со всеми своими мыслями и поступками*“.

Баронесса категорична: „*Священник без чудес не есть вовсе священник, призванный Богом, как и вера без чудес перестаёт быть христианской верой*“.

К Варваре-Юлиане пришла слава пророчицы. К ней прислушиваются, у неё есть последователи.

После битвы 8 февраля 1807 года при Прейсиш-Эйлау (восточная Пруссия), одной из самых кровопролитных того времени, она объединяет своих сторонников в и объявляет Наполеона врагом христианского мира. Сокрушить „*Антихриста*“ должен „*избранник Господа*“ российский император Александр I. „*Королевские лилии, не успев расцвести, вновь увянут*“ - таково было предсказание Варвары-Юлианы. Фрейлина Роксана Стурдза довела его до сведения Александра. В Геймбронне, когда император ехал из Вены через Гейдельберг в действующую армию, состоялось знакомство баронессы с императором. Совесть Александра была неспокойна, душа тревожна и подвергнута влиянию религиозного мистицизма. Варвара-Юлиана нашла достойного слушателя. «*Вы, государь*, — сказала она,— *еще не приближались к богочеловеку, как преступник, просящий о помиловании. Вы еще не получили помилования от того, кто один на земле имеет власть разрешать грехи. Вы еще остаетесь в своих грехах. Вы еще не смирились пред Иисусом, не сказали еще, как мытарь, из глубины сердца: боже, я великий грешник, помилуй меня. И вот почему вы не находите душевного мира. Послушайте слов женщины, которая также была великой грешницей, но нашла прощение всех своих грехов у подножия креста христова*». [Чулков]

Наступило, наконец, звёздное время баронессы Варвары-Юлианы Крюденер. Баронесса часто сопровождала императора, у них происходили беседы на религиозные темы и госпожа Крюденер делилась с Александром своими откровениями. Вслед за государём она приезжает в побеждённый Париж, где продолжались их встречи. Госпожа Крюденер пламенно рассказывала собеседнику о своих видениях. Она знает судьбу мира. Исполняются пророчества Даниила, Царь Севера побеждает царя Юга, этого служителя антихристовой силы. Зло в конце концов будет побеждено. Вот уже низвергнут сеятель дьявольских соблазнов Бонапарт.

В сентябре 1815 года она публикует «Лагерь при Вертю», о торжественном параде русских войск, подчёркивая в миссии русского царя волю Провидения. На военный смотр баронесса приехала в экипаже императора.

26 сентября монархи России, Австрии и Пруссии подписали договор о «Священном Союзе». Подписантами договора были хри-

стиане трёх разных конфессий. Впервые объединились православный царь, император-католик и король-протестант. Александр заявил „*...я хочу публичным актом воздать Богу Отцу, Сыну и Святому Духу хвалу, которой мы обязаны Ему за оказанное нам покровительство, и призвать народы стать в повиновение Евангелию. Я принес вам проект этого акта и прошу вас внимательно рассмотреть его, и если вы не одобрите в нем какого нибудь выражения, то укажите мне его. Я желаю, чтобы император австрийский и король прусский соединились со мною в этом акте Богопочтения, чтобы люди видели, что мы, как восточные маги, признаем верховную власть Бога спасителя. Вы будете вместе со мной просить у Бога, чтобы мои союзники были расположены подписать его*".

Таким образом, победители Наполеона определили доминирующий смысл своего Союза в признании верховенства христианских догм над конфессиональными различиями. В таком понимании договора было несомненное влияние и заслуга баронессы. Она боролась против конфессионального деления христианства, считая себя приверженцем раннего наиболее чистого христианства, неиспорченного идеями римского и греческого влияния. Её называли предвестницей новой великой религиозной эпохи для человечества. Но в XIX веке религиозная платформа Священного Союза не могла уже стать прочной основой мира в Европе. Баронесса приехала в Петербург, но в столице царь из-за занятостью государственными делами времени ей почти не уделял и, чувствуя охлаждение, Варвара-Юлиана долго здесь не задерживалась. Наступило время заката.

Баронесса уехала в Швейцарию. Здесь она активно занялась благотворительной деятельностью, ощутив потребность помогать сирым и голодным. Впервые в её сумбурной жизни это было действительно благородное занятие. Толпы бедных людей выстраивались в длинные очереди, чтобы получить материальную помощь, духовную поддержку. Баронесса стала кумиром нищих и несчастных. Она выступала чуть ли ни от имени Священного Союза, который считала своим детищем. Власти всполошились, они не просто забеспокоились - они объявили ей войну. Полиция каждого города стала выпровождать её без права возвращения и передавать с рук на руки полиции следующего города, пока не выставили баронессу и её спутников в Германию. Некоторые немецкие земли были более терпимы, но баденская полиция передала баронессу вюртенбергской, эта баварской, та - саксонской.

Варвара-Юлиана так и не поняла, что социальные проблемы решить христианскими проповедями невозможно. Даже в родной Лифляндии, куда Варвара-Юлиана приехала в 1818 году, её приняли недружественно. Но это была уже Россия.

Во всех её мытарствах баронессу сопровождали несколько сторонников, дочь Юлия (Жюльетта) и зять, барон Франц Беркгейм. (2 июля 1815 года в Париже 28-летняя Юлия стала баронессой Берггейм. [Genealogie 1977, 236])

В начале 1821 года Варвара-Юлиана отправилась в Петербург. Прежние друзья, Голицыны, Стурдза, проповедники мистицизма, петербургское общество, приняли её с живым участием. Но архимандрит Фотий доносил царю о вредоносности для православия того ажиотажа, который возник вокруг баронессы. Некоторые её публичные высказывания давали повод для беспокойства и императору. Баронесса пророчила великую войну, с присущей ей страстностью осуждала правительство и требовала освобождения Греции. Александр I через А. И. Тургенева ей написал, что она своими действиями нарушает обязанности подданной и христианки и её присутствие в столице возможно при условии почтительного отношения к царю и правительству. Варвара-Юлиана обиделась и уехала в своё лифляндское имение Коссе, где она предалась благочестию и аскетизму. Зиму 1822 года она проводила в пустой неотапливаемой комнате. Душа её была радостна, сердце - на небесах, но здоровье сильно расстроено.

Вместе с княгиней Анной Голицыной и немецкими переселенцами баронесса весной 1824 года отправляется в Крым для основания религиозной колонии. В Крыму у княгини было имение. Но болезнь Варвары-Юлианы усилилась и её ослабелый организм выстоять уже не смог..

25 декабря 1824 года в Карасу-Базаре на 61 году жизни беспокойная душа Варвары-Юлианы воссоединилась с Богом. Её останки были положены в армянской церкви и позже перезахоронены в фамильном склепе Шица, екатерининского генерал-майора, обеспечивающего охрану императрицы в её крымских путешествиях. Вот как этот печальный эпизод излагает исследователь П. Коньков: „*...После вступления на престол императора Павла I, Шиц вышел в отставку и поселился в Карасубазаре, где умер 16 августа 1810 года. Вдова его умерла там же в 1817 году. Смертные останки генерала Шица и его супруги были погребены в специально для них, еще при жизни генерала, выстроенной из камня, в виде часовни, усыпальнице, на кладбище, на недалеком расстоянии от их жилого дома и фруктового сада. После смерти своей матери, баронесса Беркгейм испросила у церковного*

армяно-католического причта разрешение поместить, на некоторое время, в этот склеп, под часовней, тело г-жи Крюденер. Эта просьба г-жи Беркгейм, очевидно, была удовлетворена, так как при нашем осмотре книг и архива карасубазарского армяно-католического прихода за 1824 год, на русском и армянском языках, на одном из листов толстой, шероховатой, от времени побледневшей, синеватого цвета бумаги ясно читаем: „Сегодня, 29 декабря 1824 г., тело баронессы фон Крюденер были положено в склеп карасубазарской армяно-католической церкви, временно, до перенесения его к себе, в имение княгинею Голицыной". [Коньков, 17.05.2000] [Коньков, 32.05.2000]

Крымский краевед начала XX столетия Л. П. Колли уточняет: „*...тело так и не было перенесено, склеп вскрывали в 1910 году и видели там три гроба, причем третий, меньших размеров, стоял поодаль*". [Колли] В 1825 году через Карасу-Базар навстречу своему загадочному уходу из жизни быстро промчался Александр I. О кончине здесь своей просветительницы и единомышленницы он не знал и её могиле не поклонился.

Таково краткое жизнеописание одной из ярких представительниц клана Крюденеров, жены и матери российских дипломатов. Незадолго до смерти Варвара-Юлиану писала сыну: „*То добро, которое я сделала в моей жизни, переживёт меня; дурные же мои поступки всемилосерднейший Бог предаст забвению. Ведь я сколько раз принимала за Божие повеление то, что было только плодом моего воображения и моей гордости!*". Автор «Словаря писательниц» Николай Книжник завершает краткую справку о баронессе Крюденер следующими словами: „*Подробная монография об этой замечательной женщине дело будущей литературы*". [Книжник] Сын Варвары-Юлианы, барон Павел Алексеевич Крюденер, был добрым знакомым Фёдора Ивановича Тютчева.

- Павел-Людвиг КРЮДЕНЕР

Барон Пауль-Людвиг Крюденер родился в Митаве, столице Курляндского княжества, 31.01.1784, умер в Берне 10.02.1858, сын Бурхарда-Алексиса Крюденера и Варвары-Юлианы, урождённой Витингофф.

В декабря 1783 года в семье Крюденеров, за месяц до появления на свет первенца, в Митаву, где Алексис в ранге Полномочного Министра представлял интересы России, прибыл с визитом Великий князь Павел Петрович, будущий российский император, который путешествовал с женой, Великой княгиней Марией Федоровной. Молодая Варвара-Юлиана, несмотря на 9-месячную беременность, должна была подчинится протоколу и на правах хозяйки открыть бал об руку с Великим князем. Павел Петрович оценил самоотверженность жены

посла и пожелал быть крестным отцом будущего ребенка. Великий князь слово сдержал, дождался родов и окрестил новорожденного своим именем (Павел, по-немецки Пауль, в французской литературе - Поль). Этим событием барону Павлу Алексеевичу Крюденеру была предопределена Высочайшая опека и дипломатическая карьера.

С 1793 по 1797 год воспитание и начальное образование Павла было доверено аббатам Реймонду и Ребелю. Под влиянием отца и его друга, Жана-Пьера-Фредерика Ансильона (1766-1837), секретаря берлинской Академии и министра иностранных дел Пруссии, Павел начал изучать право и историю дипломатии.

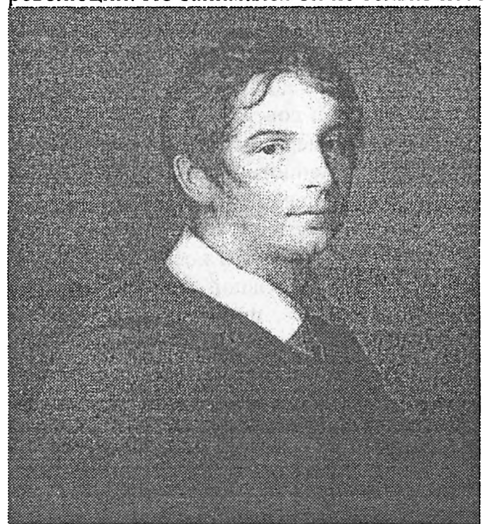
Но вмешалось Провидение: 14 июня 1802 года в возрасте 58 лет неожиданно умирает барон Алексис. 18-летний Павел остался фактическим сиротой. Мать удостаивала сына нечастыми назидательными письмами. Следующий посол России в Берлине, Давид д'Алопез, происходил также из балтийской знати, был другом семьи скончавшегося барона и принял участие в судьбе молодого человека. Он взял Павла в штат посольства, определив его на должность личного секретаря. Юноша продолжал занятия правом и совершенствовал дипломатические знания. Судьба молодого Крюденера имеет много сходства с судьбой юного Фёдора, также предоставленного самому себе в незрелые годы, но рядом с Павлом не было преданного дядьки-воспитателя, который бы оберегал, как мог, своего дитятю. В 21 год Павел ведет рассеянную жизнь, нуждается в деньгах, пытается восполнить их недостаток картёжной игрой, и в результате любовной авантюры вынужден драться на дуэли. Как помните, Тютчев, под влиянием Николая Афанасьевича Хлопова проявил благоразумие и избежал дуэли с коллегой. Влияние друзей Павла не было благотворным. Дуэль состоялась. Противником Павла был некий Мурзинн, сын знаменитого врача-хирурга иностранной колонии в Берлине. Подробности дуэли сообщал Карл Нессельроде своему отцу в письме от 21 марта 1805 года. Легкораненый в ногу Мурзинн предложил свои публичные извинения, но по настоянию секундантов Павел обязан был совершить последний выстрел. Молодой дипломат попал в ловушку ложного понятия о чести дуэлянтов. Ситуация подвергла Павла тяжёлому моральному испытанию, которое он не выдержал. Воля несформировавшейся личности не противостояла настойчивой жестокости друзей-секундантов. Мурзин был убит... Павел бросил службу и бежал в Дрезден, оттуда в Россию.

Царь Александр в память о добром имени барона Алексиса не отдал беглого дипломата под суд, принял его запоздалое раскаяние и простил его неблагородный поступок. В июне 1805 Павел был назначен советником (атташе) канцелярии иностранных дел в Петербурге. Дисциплинарные санкции как будто его миновали, но всю оставшуюся жизнь совесть Павла будет отягощена ужасным грехом неправедного убийства.

Не дай Бог, такой груз выпал бы на долю слабовольного Фёдора. Его душа была бы безвозвратно сломлена: в России одним великим поэтом стало бы меньше. Павел Крюденер к когорте чувствительных поэтов не принадлежал. Перед ним открылись двери карьеры, которую ему столь желал отец.

После поражений под Аустерлицем (2 декабря 1805 года) и Эйлау (8 февраля 1807 года) отношения России с Францией восстановились и послом в Париже был назначен граф Петр Толстой. 14-го ноября 1807 года царь сообщил ему: "*Я выбираю для Вас сотрудников из числа служащих коллегии иностранных дел: графа Нессельроде, Григория Гагарина и барона Крюденера*". [Ley 1971, 35] Нессельроде и Крюденер опять сослуживцы.

В Париже Павел возобновил изучение истории французской революции. Но занимался он не только историей...

Барон Павел Крюденер. 1811 год.

Через 15 лет судьба Фёдора в Мюнхене будет повторением судьбы Павла с поправкой на индивидуальность.

Импозантный молодой человек был баловнем женщин. София-Юлия Крюденер, сестра Павла, вспоминала о светской жизни молодого дипломата: „*Павел много говорил нам о своих связях в Париже, о друзьях, которых он посещал, о княгине Шаховской, о мадмуазель де Ла Гранж, которая его очень любила...*". В 1811 году одна из этих молодых женщин нарисовала его портрет, который сестра и мать увидели через четыре года. Сестра написала ему из Баля 9 декабря 1815 года: „*Ты не можешь представить себе нашей радости, когда мы увидели твой портрет, он все время стоит перед нашими глазами...*". [Ley 1971, 37]

В 1812 году посольство России в Париже начало складывать чемоданы. 5-го сентября князь Куракин попросил герцога Ровиго, министра полиции, паспорт для „*барона де Крюденера, моего секретаря посольства, чтобы разрешить молодому человеку вернуться в свою страну из Страсбурга через Ганновер, где он должен был уви-*

деться со своей матерью“. Но по словам герцога Ровиго господин де Крюденер просрочил данное ему разрешение и прибыл в Майнц только 7 марта следующего года, откуда должен был продолжить путь через Кельн. Поэтому Ровиго приказал вернуть его в Страсбург, откуда он должен был направиться в Вену, если не помешают военные действия. По поводу этого сообщения Ровиго Наполеон высказал кратко свою волю: „*Задержать его и препроводить в крепость, где он должен оставаться до тех пор пока нам не будет возвращен наш секретарь посольства в Берлине*". Арестованный в Страсбурге, Павел был препровожден 15 июля в крепость Оксон. Что оставалось делать узнику, склонному к авантюрному поведению? 5 декабря 1813 года Павел бежал. Полиция империи переполошилась и разослала описания внешности беглеца: „*Крюденер Павел, бывший секретарь русского посольства, родившийся в Риге (Ливония) возраста 26-27 лет. Рост 1 метр 72 см. Волосы светлые, глаза серые, нос длинный и острый, лоб высокий очень белый, лицо овальное, рот среднего размера, подбородок маленький. Сложения худого, одет в английское драповое пальто, синие драповые брюки. на голове круглая шляпа*". [Ley 1971, 40] Через 10 дней отважный Павел был уже в расположении союзных армий на Рейне. 16 декабря 1813 года Нессельроде писал жене: „*Я нашел здесь барона де Крюденера, который спасся из Франции, где был военнопленным...*".

1814 год начался благоприятно для молодого дипломата. Его сестра, София-Юлия, записала в своем дневнике: „*1 января этого года прибыло письмо от Нессельроде, в котором говорилось, что Павел займет в Цюрихе место Каподистрия, и наш Павел уехал туда очень довольный*". С этого момента барон Павел де Крюденер официально вошел в историю российской дипломатии.

Граф Иоанн Каподистрия (Jean Capo d’Istria) был призван Александром 1 из Цюриха, чтобы исполнять функции полномочного посла России на Венском конгрессе. На его место в Цюрихе царем был утвержден Крюденер. Фрейлина русской императрицы Роксандра де Стурдза написала Софии-Юлии де Крюденер, что царь утвердил Крюденера на посту посла, считая, что он сможет достойно продолжить дело Каподистрии. У Павла сложились обширные связи в мире дипломатического корпуса Европы. Австрийский посланник в Риме граф Лебцельтерн 28 октября 1814 года поздравил коллегу и друга Крюденера с назначением на пост посла, назвав его достойным такого высокого положения не только со стороны России, но и любой другой страны.[1] Граф Каподистрия, согласно письму Софии-Юлии де Крюденер,

---

[1] Граф Лебцельтерн (1774-1854) был также послом Австрии в Швейцарии, Италии, Санкт-Петербурге, но затем перешёл на русскую службу и стал послом России в Неаполе.

сказал, что Александр I доволен Павлом Крюденером и относится к нему благосклонно.

В 1817 году любимец царя барон Крюденер без одобрения своего начальства и монарха по страстной любви венчался с Маргаритой Кёниг, жительницей небольшого городка Мюнхенбухзее (недалеко от Берна), чья семья происходила из не очень знатных дворян. Брак невозможно было долго держать в тайне, т. к. при жизни Александра I в семье Крюденеров родились пятеро детей. Царь был недоволен и брак не признал, однако выговоров не последовало. Только через 22 года император Николай I простит своему фавориту, барону Павлу Крюденеру, этот серьёзный проступок.

236 Krüdener (Kruedener)

⚭ Paris ... 1808 Francisco Sánchez d'Ochando de la Banda, * ..., † Bern 29. 7. 1853, Kgl. span. Offz., Ghzgl. meckl.-schwer. Khr.

b) dritter Ehe:

2) Paul Ludwig Baron v. Krüdener, * Mitau 31. 1. 1784, † Bern 10. 2. 1858, Mithr auf Kosse (bis 1842), Kais. russ. GehRat u. Gesandter in Bern;
⚭ (Gewissensehe) 1817 Margarethe König aus Münchenbuchsee, Kt. Bern, * ... 1798, † Heidelberg 18. 7. 1859, T. d. ... u. d. ...

Kinder (russ. Adelslegitimation St. Petersburg 19. 1. 1840):

(1) Margarethe, * Fraubrunnen bei Münchenbuchsee 4. 12. 1818, † Gryon bei Bex, Kt. Waadt, 4. 9. 1911, Kais. russ. Hoffrl., Malerin.

(2) Alexis, * Bern 29. 12. 1819, † Baden-Baden 28. 8. 1852, Kais. russ. LegSekr. u. Titulärrat.

(3) Marie, * Genf 10. 3. 1823, † Bourg-en-Bresse, Frankr., ... 1910; ⚭ ... 10. 4. 1851 Wilhelm Gf v. Mülinen, * Paris 23. 12. 1823, † Petropolis, Brasilien, 22. 3. 1863, Kais. franz. LegRat.

(4) Paul, * Genf 10. 3. 1824, † Paris 13. 11. 1881, Kais. russ. FregKpt., Publizist.

(5) Juliette, * Paris 30. 4. 1825, † Genf 24. 12. 1915, Schriftstellerin; ⚭ Bern 1. 1. 1857 Arthur v. Oppell, * Wetzlar 8. 3. 1829, † Homburg vor der Höhe 7. 12. 1864, Kgl. preuß. PLt a. D.

3) Julie (Juliette), * Kopenhagen ... 1787, † ..., Gouvt Orel, 17. 9. 1865, Mithrin auf Kosse (bis 1842);
⚭ Paris 2. 7. 1815 Franz Frhr v. Berckheim, * Straßburg, Elsaß, 2. 5. 1785, † St. Petersburg 14. 7. 1833, Kgl. bayer. Km., Kais. russ. StRat.

Фрагмент 236-й страницы 9-го тома генеалогического справочника дворянского баронского дома А. Раздел «Крюденеры».

Фёдор Иванович Тютчев, вероятно, знал историю брака своего коллеги, но он в царских фаворитах в мюнхенский период своей жизни не числился и, будучи в чинах невысоких, предпочитал не вызывать неудовольствие начальства и соблюдал сложившийся порядок.

Царь Александр I открыл свои границы для всех греков, среди которых самыми знаменитыми были Каподистрия, Александр Стурдза, братья Ипсиланти. Меттерних всеми силами старался отвратить Александра от Греции и скомпрометировать Каподистрию. В конце концов это ему удалось. Место Каподистрии среди приближённых царя занял не без влияния Меттерниха Александр де Стурдза. Каподистрия принял слишком близко к сердцу проблемы родной Греции и проявлял непозволительную самостоятельность. В октябре 1821 года Александр предложил Каподистрии взять бессрочный отпуск. Только с приходом Николая I для Греции открылась новая эпоха. Как и все высшие чины русской империи, Крюденер должен был принести присягу новому императору. Эту присягу он послал из Берна 9/21 января 1826 года. Николай ответил через Нессельроде. Но Каподистрии не удалось пока добиться благосклонности царя. В письме к Крюденеру от 16/28 марта 1826 года из Женевы Каподистрия писал о патриотических чувствах и о нерушимой вере в будущее своей страны. Крюденер принимал большое участие в греческих делах и был посредником между Каподистрией и Россией. 2/14 апреля 1827 года национальная Ассамблея Греции (в Трезене) провозгласила Каподистрия главой греческого правительства. Каподистрия обратился к русскому императору с письмом, в котором подчеркивал свою верность России. Николай пригласил его в Петербург. Российский дипломат сопровождал греческого друга в русскую столицу. По-видимому, царю эта несанкционированная дружба не очень нравилась и барон Крюденер тогда же получил назначение в Вашингтон. Павел Алексеевич был искренне огорчен тем, что ему приходится покинуть Швейцарию. В дневнике он записал: „*Я уехал 21 сентября 1827 года из Берна, покидая Швейцарию после тринадцати лет пребывания там, я еду в Петербург, а оттуда в Америку, где меня ждет новое назначение. Позади остаются все мои привязанности, что составляло очарование моей жизни, которых у меня не будет на другой земле... О, прекрасная Гельвеция, может быть, я никогда больше тебя не увижу! 29 октября 1827 года*“.

Крюденер хорошо знал политическую ситуацию во всех странах мира. Об этом 23 сентября/5 октября 1827 года осведомляет Генри Миддлтон, посол Соединенных Штатов в Санкт-Петербурге, своего шефа, государственного секретаря Генри Клея: „*Господин Крюденер служил в русской миссии в Берлине и Париже, затем сменил графа Каподистрию на его посту в Швейцарии. У барона де Крюденера глубочайшие знания в политических проектах нашего времени и либеральные взгляды на многие проблемы. Он очень наблюдательный человек и стоит прислушаться к его мнению. Поскольку он друг Каподистрии, он может посвятить Вас во все детали, относящиеся к Греции. Я надеюсь, что Вы поможете ему познакомиться с наиболее выдающимися людьми нашей страны*".

29 октября 1827 года на пароходе «Франция», который вышел из Гавра, новый посол России в Соединенных Штатах Павел де Крюденер отправился к месту своего назначения. 20 декабря он вручил верительные грамоты президенту США Адамсу. Грубость американской демократии неприятно поразила Крюденера. В Старом Свете свобода выражения мыслей была гораздо более этичной и эстетичной.. Крюденер способствовал активизации морских перевозок между двумя странами. Во время русско-турецкой войны 1828-29 гг. благодаря его усилиям корабли США заходили в русские порты Черного моря.

Через три года Крюденер поехал в отпуск в Россию. Торговые отношения между двумя странами продолжались. В Петербурге Крюденер служил посредником между послом США Бухананом и графом Нессельроде по поводу нейтралитета в торговых отношениях. Договор о торговом нейтралитете был подписан 20 декабря 1832 года. Из Петербурга Крюденер продолжал поддерживать дружескую переписку с президентом Джексоном и крупным политическим деятелем Ван Буреном, будущим президентом США. Тёплые отношения Крюденера с этими лицами были высоко оценены Николаем I. В 1830-1831 гг., находясь в отпуске в Европе, Крюденер по поручению Николая I посетил Бельгию, где назревала революция.

Бурная деятельность Крюденера, направленная на предотвращение революции, напугала бельгийское правительство и он получил предписание покинуть страну в двадцать четыре часа. Однако Крюденер спокойно принял свой вынужденный отъезд из Бельгии. Он переехал в Лондон и оттуда послал рапорт Николаю о положении в Бельгии. Спустя три года бельгийское правительство сочло необходимым принести извинения за свою грубую акцию по отношению к русскому дипломату. 18 февраля 1833 года Крюденер вернулся в Вашингтон. Павел понимал, что США это великая держава, он искренне работал для улучшения русско-американских отношений, но чувствовал к стране неприязнь. Сестре Софии Павел писал (20 марта 1835 года): „*Я люблю Европу, а Америка вызывает у меня глубокую антипатию... Цивилизация здесь проявляется только в материальных вещах, во всем другом Америка позади Европы. Чтобы найти тут цивилизацию, нужно изучать машины и механизмы...*".

Служба за океаном длилась до 15 августа 1836 года.

Осень он провел в Париже и прибыл в Петербург только в декабре. Его единственным желанием было получить свой прежний пост в Швейцарии, к которой Павел Крюденер всю жизнь испытывал особую симпатию. Коммерсант Самуель Рудольф Вальтхард писал о Крюденере: „*Он всегда сожалел о Берне и мечтал туда вернуться. Император Николай сделал его снова послом в Швейцарии. Но революция многое изменила. Он не встретил там прежних друзей, некоторые уехали, другие умерли, и он, как говорится, очутился в новом мире...*

Это очень образованный человек в духовном плане, очень любящий и умеющий работать и очень разбирающийся в дипломатических вопросах. К тому же он совсем не церемонный и очень добрый человек. Все его очень любили". [Walthard]

В Швейцарию Павел вернулся в ранге Чрезвычайного и Полномочного Министра. Однако это была уже не та страна, которую он когда-то оставил: революция 1831 года изменила все прежние институции, другие люди стояли у власти, часто с другими взглядами. Спустя две недели после приезда один из старых друзей барона Крюденера, Фишер, отметил, что за столь короткое время он уже вновь прекрасно ориентировался и с большим интересом следил за всеми событиями, происходившими в стране. Барон поселил семью в замке д'Айхберг (возле Thoune) и часто посылал депеши министру Несельроде непосредственно из замка (а не из Берна).

Сведения о встречах Павла Крюденера и Фёдора Тютчева очень скудны. Несомненно, они происходили и до июля 1839 года. Но достоверно известно, что 17/29 июля 1839 года в Берне все дипломаты российского представительства в Швейцарии: посланник в Швейцарии барон Павел Алексеевич Крюденер, старший секретарь Л. Виолье и младший секретарь Ф. Ошандо, присутствовали в качестве поручителей в православной Крестовоздвиженской церкви на обряде венчания Фёдора Ивановича и Эрнестины. [Летопись 1933, 52]

Ещё одна встреча произошла через 8 лет, но на этот раз в Цюрихе. 22 июля 1847 года Тютчев писал жене из Баден-Бадена: „*В Цюрихе я пробыл два дня и провёл их в семье Крюденеров, достойнейших и превосходнейших людей, они приняли меня весьма сердечно...*“ [1]. Далее тютчевское письмо продолжается следующими строками: „*Барышни, числом три, сёстры Розена, очень хороши во всех отношениях: и умом, и образованностью, и разговором, и пр.*“ У Павла Алексеевича было пятеро детей: два сына (Alexis, рожд. 29.12.1819, Paul, рожд. 10.3.1824) и три дочери (Margarethe, рожд. 4.12.1818, Marie, рожд. 10.3.1823, Juliette, рожд. 30.4. 1825). [Genealogie 1977, 236] Младшая дочь Павла Алексеевича, Жюльетта, в замужестве баронесса д'Оппель, стала известной писательницей. В числе её потомков французский историк Фрацис Лей, автор исследований жизни Крюденеров.[2]

---

[1] Комментаторы издания [Тютчев 1984, с. 430] ошибочно сообщили, что в цитируемом письме речь идёт якобы о семье барона А. С. Крюденера.

[2] Летом 1847 года все „*барышни, числом три*“ вполне могли быть „*хороши и умом, и образованностью, и разговором, и пр.*“, но один нюанс: у них не было брата по имени *Розен*, да и *Розен* это скорее фамилия, чем имя. В тютчевском окружении это фамилия не встречается. В „Архиве русских биографий“ [Frey, 399-400] зарегистрированы более 70 однофамильцев *Розен*. Ни один из них в 40-е гг. в Швейцарии не находился. Повторное

Частная переписка между Крюденером и Тютчевым утрачена. Вероятно, в предшествующих письмах Павел Крюденер подробнее писал о своих детях и их имена Тютчевы хорошо знали. Сестра барона Павла Крюденера, София-Юлия, сообщает о встрече в мае 1846 года брата с графиней Ганской и сопровождающим ее Бальзаком. Павел Алексеевич пригласил гостей к себе в дом и провел с ними приятный вечер. По случаю двадцатипятилетнего юбилея царствования Николаю I канцлер граф Нессельроде характеризовал Крюденера (20 ноября 1850 года): „*Крюденер, воспитанный на Западе, верный слуга России своего времени, внес в отношения между Швейцарией и Россией дух милосердия и понимания...*". Барон Павел Алексеевич Крюденер умер 10 февраля 1858 года. Спустя два дня посол Франции в Берне граф Салиньяк-Фенелон писал графу Валевскому[1]: „*Господин граф, барон де Крюденер, посол России в Швейцарской Конфедерации, умер позавчера вечером. В течение нескольких дней он болел гриппом, который в соединении с преклонными годами привел его к смерти. Похороны состоятся 13 этого месяца в одиннадцать часов утра. Весь дипломатический корпус будет присутствовать, таково желание его семьи. Господин Крюденер, считаясь прекрасным дипломатом, был секретарем русского посольства во Франции при Наполеоне I. Позже он был Полномочным Министром России в Швейцарии, знал эту страну как никто из иностранных дипломатов и всегда вносил в отношения с правительством и со своими коллегами дух понимания и примирения, чем заслужил всеобщую любовь...*". [Archives]

«Le Journal de Geneve» («Женевский журнал») 14 февраля 1858 года опубликовал некролог: „...*В политике господин Крюденер всегда придерживался умеренности, лишенной тщеславия, и мы полагаем, что Швейцария обязана ему, так же как Россия, несмотря на все трудности, поддержанием добрых отношений между двумя странами, что не всегда удавалось его коллегам-дипломатам из других стран*".

прочтение оригинала письма Ф. И. Тютчева ясности не внесло: слово, предположительно идентифицированное как *Розен*, точной расшифровке не поддается. Вероятнее всего, Тютчев имел ввиду какое-то домашнее прозвище одного из братьев, возможно, Пауля. [Отдел рукописей] Автор признателен руководителю отдела «Литературного наследства» Института мировой литературы Татьяне Г. Динесман за оказанную помощь.

[1] Граф Александр-Флориан Валевский внебрачный сын Наполеона и польской графини Марии Валевской. См. статью «Зрелища. Концерты. Театр»

„ЗДЕСЬ ТЮТЧЕВ ЖИЛ..."

Здесь Тютчев жил... Грустил ли он
От Родины вдали?
Баварии привет-поклон
От Тютчевской земли
И вам, живущим здесь, привет
И низкий мой поклон.
Здесь жил, творил, любил Поэт,
И здесь был счастлив он.
И здесь от Овстуга вдали,
Он мне роднее стал.
Над Мюнхеном, куда б ни шли,
Дух Тютчева витал.

Владимир Гамолин, основатель и директор
литературно-мемориального музея-усадьбы
Ф. И. Тютчева в селе Овстуг Брянской области.
Мюнхен, октябрь 1998 года.

Как сообщают старые адресные книги, в Мюнхене во втором десятилетии прошлого века в 3000 домовладениях проживало около 60 тысяч жителей. Горожанам предлагали свои услуги 34 адвоката, 47 врачей (в том числе 4 зубных и 2 глазных), 3 винодела, 57 пивоваров, 16 переплетчиков, 1 сапожник зимней обуви, 14 часовщиков, 1 изготовитель барометров. Городской комфорт и здоровье мюнхенцев поддерживали умельцы, врачи и другие специалисты 210 профессий.

Мюнхен был столицей баварского государства, которым управлял король. 1 января 1806 года двадцать шестой курфюрст Баварии династии Виттельсбахов генеалогической линии Цвайбрюккен, Макс IV Йозеф, стал первым баварским королем Максом I Йозефом, которого в 1822 году застал Тютчев. Династия Виттельсбахов, одна из древнейших в Европе, известна с 1180 года. К генеалогической линии Цвайбрюккен принадлежали также шведские короли от Карла X до известного претендента на российский престол Карла XII (1654-1718).

Бавария считала себя правопреемницей Священной Римской империи, что означало во внешней политике наличие особых интересов в Греции. Бавария соперничала с Пруссией за влияние в Германии и Европе, проводила активную внешнюю политику, отстаивая ее в войнах. В Мюнхене были аккредитованы посольства полутора десятков государств. После победы над Наполеоном российская миссия пользовалась высшим, приоритетным вниманием. Во внутренней политике новый баварский король Людвиг I наследовал идеалам и тради-

циям античной демократии и культуры. Лучшие зодчие - Кленце, Гертнер, Фишер, Шванталер - создают здесь великолепные здания и памятники в стиле греческой архитектуры: Пинакотеку, Глиптотеку, Пропилеи, королевскую библиотеку и др. В городе издавались 25 газет (через 100 лет - 9!).

Наиболее раннее упоминание в архивных документах о российской дипломатической службе в Баварии относится к 1640 году, т. е. ко времени царствования Михаила Фёдоровича, первого представителя династии Романовых. [BayHSA, MA50335]

- ГЕРЦОГШПИТАЛЬШТРАССЕ

„*Несмотря на малое количество дела, которое будет у этого чиновника на первых порах его пребывания здесь, я всё же постараюсь, чтобы он не зря потерял время, столь драгоценное в его возрасте*", - столь деликатный доклад писал российский посланник граф Иван Воронцов-Дашков в июле 1822 года министру Карлу Нессельроде по поводу прибытия 18-летнего Фёдора Тютчева в Мюнхен в качестве сверхштатного атташе. Здание российской миссии, которое приняло Тютчева в 1822 году, находилось на Герцогшпитальштрассе № 1139.[1] На той стороне улицы, где находился дом с тысячным номером, было всего 12 домов.

В средневековом Мюнхене дома нумеровались не в пределах своей улицы, а в пределах городского района, которых в Мюнхене было 6: Альтштадт, т. е. Старый город, и 5 форштадтов, предместий. Это была неудобная система, т. к. город расширялся и часто соседние дома могли иметь разницу в 50-100 номеров. Тогда возникала потребность в очередном упорядочении почтовых адресов, что было сущим бедствием для домовладельцев и почтовых контор. В адресных книгах указывались тогда одновременно старые и соответствующие им новые адреса.

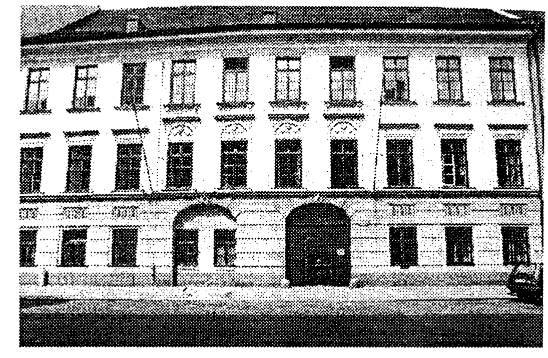
Домовладельцем здания российского представительства был королевский адвокат Людвиг Якоб, который за 18000 флоринов 23 февраля 1808 года купил дом у религиозной общины. Здание было построено ещё в 1574 году при курфюрсте Альбрехте V для студентов семинарии святого Грегора Магни. В 1694 году в здании находилась грегорианская семинария. Три курфюрста XVI века, герцоги Альбрехт V, Вильгельм V и Максимилиан I, содержали на этой улице госпиталь для служащих двора, нуждающихся в медицинской помощи. Так как на улице традиционно находилось также общежитие семинаристов, то улица периодически называлась то Seminarigasse, Семинарским пере-

---

[1] В XVIII веке здание числилось в адресной книге под №№ 753, 248, 269-1/4.

улком, то Spitalgasse, Госпитальным переулком. Название Herzogspitalstrasse, Герцогшпитальштрассе, закрепилось только в XIX веке.

В год покупки дома Людвиг Якоб сделал капитальный ремонт и сдал верхний этаж (здание было двухэтажным) в наём российской миссии. Соглашение об открытии представительства состоялось 7 января 1808 года. Первым российским посланником на Герцогшпитальштрассе был князь Иван Барятинский.[1] Его аккредитация состоялась 14 декабря 1808 года. Российская миссия при баварском дворе возобновила свое представительство после двухлетнего перерыва. До Барятинского с 1796 года по 1806 посланником был барон фон Бюлер. Ещё ранее, во времена курфюрста Карла Теодора, в 1788-89 гг., интересы России представлял „*Le Ministre de Russie Monsieur de Peterson*", российский генерал-майор Христоф Вильгельм Петерсон (1735, Киль - 1789, Мюнхен). Его сын, Александр Петерсон, был также российским дипломатом (в Веймаре). 15 декабря 1817 года Александр Петерсон обвенчался в Мюнхене (в Сальваторкирхе) с графиней Элеонорой Ботмер, во втором браке Тютчевой.

Дом на Герцогшпитальштрассе 12. Начало 1990-х гг. Сюда летом 1822 года приехал Ф. И. Тютчев.

Адресная книга 1818 года сообщает адрес и состав российской миссии: „*Pahlen, Graf von. Ausserordentlicher Gesandter und bevollmöchtigter Minister. Herzog-Spital-Strasse, Nr. 1139. Krüdener, Freiherr, von. Legations-Rath. (Ebendaselbst.)*". Граф Фёдор Пален был посланником с 1815 года. 2 июля 1822 года его сменил Иван Воронцов-Дашков, который принял Тютчева.

В 1825 году декоратор-архитектор Жан Мeтивье надстроил здание ещё одним этажом, в котором оборудовал бальный зал. Зал был не очень большим, но другого пока в Мюнхене не было. Строительство

[1] Князь Барятинский в Мюнхене женился на графине Марии Келлер. В 1810 году в семье Барятинских родился первенец, Александр, будущий генерал-фельдмаршал, наместник Кавказа, пленивший Шамиля.

Одеонсзала, специального помещения для больших зрелищ, завершится лишь через 3 года.

Жан Батист Метивье, Jean Baptiste Metivier, (1781-1857), архитектор, советник двора по строительству, носитель французской фамилии без дворянских приставок, был автором проектов многих красивых зданий, включая культовые[1]. По проекту Метивье в Мюнхене выстроено несколько зданий, в основном для баварцев французского происхождения, в том числе для тютчевского знакомца графа Межана.

Первый бал в новом зале состоялся 12 октября 1825 года. В этот день, день Святого Максимилиана, отмечались 70-е именины короля Макса I Йозефа и также 15-я годовщина бракосочетания старшего сына короля, кронпринца Людвига, с принцессой Терезой Саксонской.[2] Приглашен был и граф Воронцов-Дашков.[3]

Это был последний бал короля в последний день его жизни...

С 13 октября место сюзерена занял его старший сын, именуемый отныне Людвиг I Баварский. 29 октября 1827 года новый король получил от императора Николая следующее письмо:

„*Пресветлейший, Державнейший Король, Любезнейший Государь Брат.*

Находящегося при Дворе Вашего Королевского Величества Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром Моим, Тайного Советника и Камергера Графа Воронцова-Дашкова заблагорассудил Я отозвать для употребления его при другом посте.

Извещая о сем Ваше Величество, прошу Вас дружески отпустить его от Себя благосклонно, и принять при сем случае уверение о Моей непременной к Вашему Величеству преданности. В прочем с совершенным почтением пребываю

Вашего Королевского Величества Доброжелательный Брат

Николай.

16 августа 1827 года". [BayHSA, MA 50315, док. 59]

В домовой книге дома на Герцогшпитальштрассе 1139 сообщается, что российская миссия покинула здание в 1828 году. На освободившуюся площадь в январе того же года въехал некий господин Йоханн Майер, т. е. представительство находилось по данному адресу почти 20 лет, с декабря 1808 года по январь 1828 года.

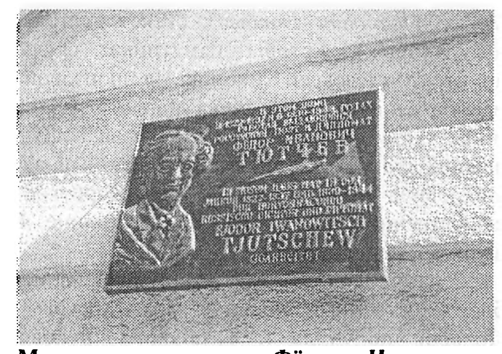
[1] В 1824-1826 гг. по проекту Метивье на Театергассе возле Изартора (сейчас Вестенридерштрассе, 7) была построена синагоги, сооруженная в стиле позднего ренессанса. Культовое назначение здания сохранилось до 1889 года, затем оно многократно меняло владельцев.

[2] См. статью «Зрелища. Концерты. Театр».

[3] Тютчев отсутствовал, он был в России.

7 апреля 1828 года Николай I подписал назначение на занятие вакансии новому посланнику, Ивану Потемкину. Граф Иван Алексеевич через четыре года (распоряжением императора от 4-го июля 1832 года) будет переведён из Мюнхена в Гаагу. Его место займёт князь Григорий Иванович Гагарин.

В 1833 году нумерация домов в Мюнхене нового несколько упорядочилась. Но улицы ещё не имели чётной и нечётной стороны. Бывший дом адвоката Якоба получил новый адрес, Герцогшпитальштрассе 18, который сохранялся до XX века. У здания оказалась счастливая судьба: дом простоял четыре столетия и менял только свой адресный номер.

Мемориальная доска Фёдору Ивановичу Тютчеву в Мюнхене на Герцогшпитальштрассе 12. Открыта 3-го июля 1999 года.

Во время Второй мировой войны в результате ковровых налетов авиации многис строения древней Герцогшпитальштрассе были уничтожены. Но дом российской миссии, аккредитованной ещё при первом баварском короле, сохранился. Он стоит по сей день и имеет номер 12. (Сейчас там находится государственный советник по школам, этажом ниже - один из отделов финансового управления.) На здании после Второй мировой войны был установлен памятный диск с надписью: «Бывшая грегорианская семинария, 1694-1805». Но российское представительство не забыто. О нём упоминает Г. Габель в [Habel]: „*Герцогшпитальштрассе 12. Бывший дворец российского посланника графа Воронцова 1808* (!!), *принадлежавший, возможно Жану Метивье*". Отдадим должное баварскому историку, доктору Г. Габелю, информирующего читателей о первом известном адресе российской миссии. Д-р Г. Габель готовит переиздание книги, в которой будут устранены неточности о российских посланниках при баварском королевстве.

История здания была рассказана в статье Аркадия Полонского «Дом на Герцогшпитальщтрассе» на страницах мюнхенской «Немецко-русской газеты».[Polonskiy DRZ, Nr. 9. 1997] Статья завершалась редакционной припиской: „*«Немецко-русская газета» выступает с инициативой установления на доме Герцогшпитальштрассе 12 мемориальной доски в честь великого русского поэта Фёдора Тютчева*".

Призыв был услышан не только в Мюнхене, но и в России: Генеральный консул РФ М. А. Логвинов способствовал передаче книги А. Полонского «Прогулки с Тютчевым по Мюнхену / Киев. 1998» и сопроводительного ходатайства об увековечении имени Тютчева в баварской столице в руки московского мэра. Реакция мэра Ю. М. Лужкова свидетельствовала, что посылка свою роль выполнила точно: 3 июля 1999 года, в первый день фестиваля «Дни Москвы в Баварии», мэр Юрий Лужков и премьер-министр Баварии Эдмунд Штойбер официально открыли на здании по Герцогшпитальштрассе 12 изготовленную в Москве мемориальную плиту: „*В этом доме в 1822-1837 и в 1839-1844 годах работал выдающийся поэт и дипломат Федор Иванович Тютчев*". (Текст составлен в подмосковном музее «Мураново».) Авторы памятника: скульптор Игорь Новиков и архитектор Алексей Тихонов. На бронзовой доске размером 74 x 53 см изображен портрет Тютчева (по фотографии С. Левицкого 1867 года) и ниже указанный текст на двух языках. В данной ситуации не столь важно, что в действительности данный адрес места службы Фёдора Ивановича сохранялся более короткое время. Принципиально существенно, что, наконец, в столице Баварии увековечено имя великого россиянина.

А. Полонскому были вручены памятный подарок, а также благодарственные письма мэра Москвы и Баварской канцелярии. Подарок получила и Т. Лукина (руководитель общества «Центр русской культуры «MIR» в Мюнхене»).

КАРОЛИНЕНПЛАЦ

Куда переехало представительство с Герцогшпитальштрассе? В адресной книге 1828 года сведений об иностранных представительствах нет. Тютчевская переписка за этот период и другие источники ясности не вносят. 1 июня 1832 года Элеонора, первая жена Фёдора Ивановича, писала Николаю Ивановичу, брату мужа: „*...вы найдете нас в доме Кирхмайера на Karolinenplatz, где раньше жил дядя Николай, а позже Киреевские...*". Домовая книга сообщает, что русский дворянин Киреевский был квартиросъёмщиком с 19 декабря 1829 года по 1 июня 1831 года. Квартира, видимо, была записана на младшего брата, Павла Васильевича. Известно, что братья И. В. и П. В. Киреевские жили в Мюнхене в 1829 году. (Пётр Васильевич приехал в Мюнхен 4/16 сентября.) Из письма Элеоноры следует, что дом на Каролиненплац был известен Тютчевым уже несколько лет.

Действительно, в письме родителям от 1/13 сентября 1842 года Тютчев, получив известие о смерти дяди Николая, сокрушался: „*...мой бедный дядя Николай Николаевич, который в 1828 году не желал покинуть Германию, не побывав на Рейне, и с этой целью уехал от*

нас в одно прекрасное декабрьское утро при четырнадцатиградусном морозе и четырех футах снега". Однако названные выше россияне жили в доме Кирхмайера не в качестве гостей Тютчевых, а на правах квартиросъёмщиков. В 1829 году Тютчевы жили на Оттоштрассе, буквально в двух шагах от Каролиненплац. Возможно, дядя прощался с Тютчевыми в этой квартире. После отъезда Киреевских в Россию Кирхмайер в январе-феврале 1830 года сдал дом Тютчевым.

Каролиненплац - площадь в Максфорштадте, пригороде Макса, городском районе имени первого короля. Площадь названа в 1809 году в честь второй супруги короля Макса I Йозефа, Каролины[1], мачехи короля Людвига I. Каролиненплац - довольно большая площадь, на которую выходит 5 улиц. В начале века на площади были выстроены 5 зданий с боковыми фасадами на примыкающие улицы. Здания сооружались по проектам двух архитекторов: Карла фон Фишера (Каролиненплац 1, 3, 4 и 5) и упомянутого Жана Метивье (Каролиненплац 2). Домовладельцем здания Метивье стал бывший премьер-министр граф Максимилиан Монжела (Montgelas). Заказывали строительство дома на Каролиненплац 1 скульпторы Кирхмайеры, Хайнрих и Йозеф. Верхний этаж был жилым, нижний предназначался для скульптурного ателье. Дом № 3 был известен, как дворец барона Асбека, затем барона Лотцбека (с семейством барона Тютчев был длительное время близок) и, наконец, генерала Хомпеша, бывшего министра финансов. Хомпеш владел и домом № 5.

Rom:

Päpstlicher Nuntius: Argenteau, Karl Graf v., Exc., Erzbischof von Tyrus. Karolinenplatz nr. 4. über 1 St.
Auditor der Nuntiatur: Curoll, Philipp Graf von, päbstlicher Prälat. Karolinenplatz nr. 4. über 1 St.
Kanzler und Sekretär: Santarelli, Ludw., Abbé. Ebendaselbst.

Rußland:

Se. Durchl. Fürst Gagarin, Greg., Gesandter und bevollmächt. Minister ꝛc. Karolinenplatz nr. 3. über 1 St.
I. Legations-Sekretär: Krüdener, Al. Frhr. v., k. k. Russ. Kollegienrath, Ritter des k. Russ. St. Annen-Ordens II. Kl. mit Brillanten und d. k. Russ. St. Wladimir Ord. IV. Kl. Briennerstr. nr. 15. über 1 St.
II. Legations-Sekretär: Tutschef, Theod. v., k. Russ. Kammerjunker. Karolinenplatz nr. 1. über 1 St.
Attaché: Martini, k. russ. Hofrath. Sonnenstr. nr. 7. über 3 St.

Адресная книга города Мюнхена 1835 года. Раздел «Консульства»

Первым владельцем дома № 4 был кронпринц Людвиг (позже здание выкупил банкир Шпиро).

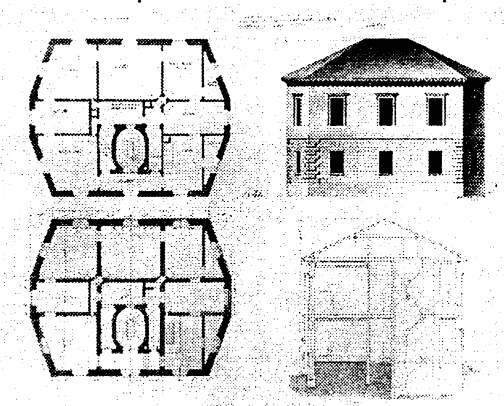
---

[1] Каролина, принцесса Баденская, младшая сестра Елизаветы Алексеевны, русской императрицы, жены Александра I.

Никто из упомянутых домовладельцев в этих зданиях не проживал. Здания, как правило, сдавались в наём иностранным миссиям. Во дворце кронпринца расположилось папское представительство: нунций, епископ граф Argenteau, и аудитор, прелат граф Curoli. В доме № 5 жил французский посол, генерал-лейтенант барон Bourgoing.

Нумерация строений на современной планировке площади соответствует сложившейся к концу первой трети прошлого века. Из всех зданий сохранился в перестроенном виде только дом № 5.

В адресной книге 1835 года в перечне стран, аккредитовавших свои представительства, на 25-й странице указана и Россия. Сообщается список российских дипломатов: „*Его Сиятельство князь Гагарин, Григорий, посланник и полномочный Министр - Каролиненплац 3/1* (т. е. дом № 3, первый верхний этаж)".

Архитекторский план дома Йозефа Кирхмайера на Каролиненплац 1. Архитектор Карл фон Фишер. Мюнхенский городской архив.

Затем следует: „*1-й поверенный секретарь Крюденер, Александр, барон, коллежский советник, кавалер ордена Св. Анны II кл. с бриллиантами и ордена Св. Владимира IV кл. - Бриеннерштрассе, 15/1*". Здесь до мая 1836 года жила прекрасная Амалия Крюденер.

Третьим в списке - „*II поверенный секретарь Тютчев фон, Теодор, камер-юнкер - Каролиненплац 1/1*".

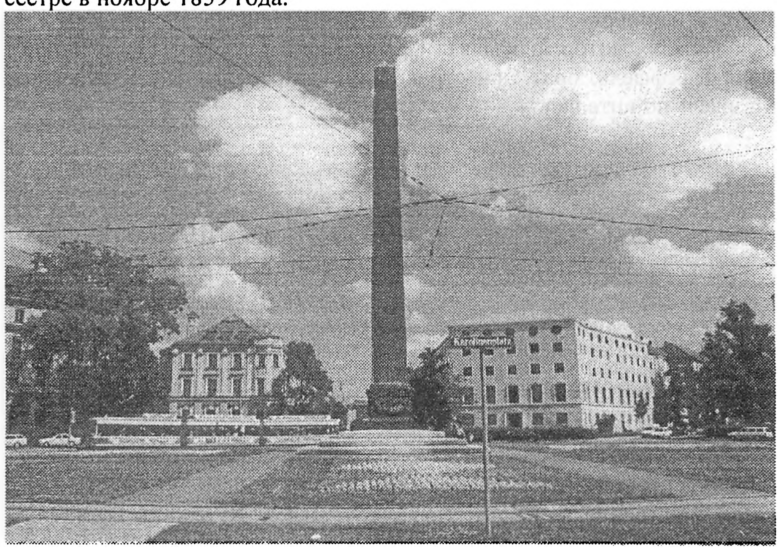
Последним указан „*атташе Мартини, советник - Зонненштрассе 7/3*", родственник Александра Крюденера по материнской линии.[1]

В доме на Каролиненплац 1 у Тютчева от брака с Элеонорой родились две дочери: Дарья 12/24 апреля 1834 года и Екатерина 27 октября/8 ноября 1835 года. Старшая дочь Анна родилась 21 апреля/3

---

[1] Фамилия Мартини оставила след и по линии российской цензуры. Один из Мартини в должности цензора Министерства иностранных дел известен в качестве инициатора запрещения 7 июня 1827 года к распространению в Российской империи первого тома «Путевых картин» Генриха Гейне. [Гейне]

мая 1829 года на Оттоштрассе 248 (по новой нумерации - Оттоштрассе 4). Девочки были крещены в греческой Сальваторкирхе. Крестным отцом Дарьи и Екатерины был посланник Григорий Гагарин. [SA, Meldebogen Nr.12443] Дом Тютчева, принадлежащий Кирхмайеру, был необычной октогонной (восьмигранной) формы, имел на каждом этаже по 12 окон: скульпторам необходимо было много света. Здание простояло до осени 1859 года. „*Ему* (Тютчеву) *интересно будет узнать, что сейчас сносят маленький восьмиугольный домик на Karolinen-Platz, где он жил в течение нескольких лет*", - писал Карл Пфеффель сестре в ноябре 1859 года.

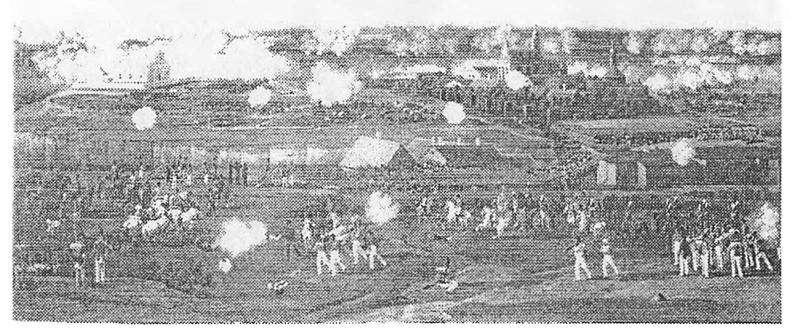

Каролиненплац в конце 60-х гг. XX века. В центре площади - обелиск павшим в России 30-ти тысячам баварцев. На месте правого здания находились два дома Кирхмайера: один выходил фасадом на площадь, имел адрес Каролиненплац 1, это был восьмиугольный дом, в котором в 1832-1837 гг. жила семья Тютчевых; второй дом имел адрес Бриеннерштрассе 18 с фасадом на эту улицу. Тютчев здесь жил с сентября 1849 года до февраля 1840 года. В этом доме начиналась семейная жизнь Фёдора Ивановича во втором браке.

Соседствующий с Тютчевыми (на Каролиненплац 2) упомянутый выше граф Монжела (1759-1838) был выдающейся личностью, опытным политиком, инициатором многих прогрессивных реформ. Сторонник просвещённого абсолютизма, Монжела стремился к созданию могущественной Баварии. Его фактическое правление (в качестве премьер-министра при короле Максе I) с 1799 года по 1817 выпало на нелегкий период баварской истории: вторжение и изгнание Наполеона,

образование и распад скороспелых политических и военных союзов. Монжела умело маневрировал, меняя ориентацию от антинаполеоновской на пронаполеоновскую и наоборот. Его находчивости в период зависимости от Наполеона Бавария обязана бескровному удвоению своей территории и превращению рядового курфюршества во влиятельное королевство.

Современники высоко оценивают ум этого государственного деятеля. Тютчев был хорошо знаком со своим соседом и часто общался с ним. Большая разница в возрасте между Тютчевым и графом Монжела не была помехой их дружбе. Предполагалось даже, что в 1842 году Тютчев напишет статью о Монжела для «Энциклопедии замечательных людей», которую издавал французский историк И. Г. Шницлер. Карл Пфеффель, брат Эрнестины, считал молодого Тютчева равным Монжела по интеллекту.

Битва под Полоцком 18 августа 1812 года. На переднем плане солдаты несут смертельно раненого генерала Э. Дероя. Художник Вильгельм Кобэлл (1766-1853). Масло, холст 205x324,4 см. Баварская королевская резиденция.

18 октября 1833 года на Каролиненплац (напротив дома Тютчева) к двадцатой годовщине победы союзных войск под Лейпцигом был открыт, сооруженный по проекту архитектора Лео Кленце, 29-метровый бронзовый обелиск «Памяти павших 30 тысяч баварцев в походе на Россию в 1812 году». Подходы к обелиску (ступени, площадки) были облицованы черным мрамором, взятым в Альпах возле горы Унтерсберг.[1]

Названный памятник - дань сумбурной странице в истории Баварии. Сегодня памятник цвета темно-зеленого окисла, но 27 марта 1834 года российский историк Александр Тургенев в дневнике запи-

[1] После разрушений Второй мировой войны черно-мраморную облицовку не восстановили, её заменили на местный песчаник.

сал: *„...видел желтый памятник, погибшим в России. Cui bono?* („*В чьих интересах?*" лат.) *и гибель, и памятник?*". Тургенев был озадачен посвящением памятника *„тридцати тысячам баварцам, которые нашли смерть на русской войне*" с загадочным дополнением: *„Они погибли для освобождения родины*". Надпись не только чтила память погибших, но и призывала к успокоению современников, как-то спрямляла зигзаги баварской истории. Вопрос Александра Ивановича не кажется риторическим. Ответ на него не тривиален.

„Щедрый“ Наполеон возвел в 1806 году баварское курфюршество в королевство, курфюрста Макса в короля, одарил фактически вассальную страну пограничными землями непослушных ему немецких соседей (которые до сих пор не могут простить Баварии эту экспроприацию).[1] Дорогие подношения надо отрабатывать и вынуждены были „благодарные“ баварцы идти в Россию завоевывать славу иностранному сюзерену. Бавария поставила под ружьё тридцать тысяч крестьян. Столько ушло солдат в поля России, столько же не вернулось... Саксонцы, вестфальцы, жители других немецких земель также пополнили французскую армию. Баварцы составляли основную численность 6-го корпуса генерала Г. Сен-Сира. Командовали четыре баварских генерала: Дерой (ему были подчинены 11907 пехотинцев), Вреде (13751 пехотинцев), Зайдевич (3120 кавалеристов) и Пройзинг (1222 артиллериста). [Tschulkevitsch 1813]

Баварцы уходили в неизвестность воодушевленными, пели патриотические песни [Kampf 1814] (подстрочники автора):

Вознесись сердце! Вознесись рука!
Клянемся для великих дел!
Клянемся святой клятвой мести!
Клянемся родине!
Клянемся высочайшей клятвой
Славой предков,
Немецкой честностью,
Свободой германцев!

Господи, кому мстить, за что мстить?! Шли воевать одураченные мальчишки:

Клянемся, мужчины!
Коленопреклоненные юноши -
Ваши сердца из железа!
Целуйте, мальчики, радостно эту землю,
Защитим свободу святой страны!
Услышь колокольные звуки почести!
Твою родину зовут Германией!

---

[1] См. статью «Лейхтебергринг».

В бой шли с лозунгом „Да здравствует наш великий король Макс!“. [Krautz] Первые шесть тысяч были убиты под Полоцком в сражении 16-23 августа 1812 года.

По стратегическому плану Наполеона Сен-Сир двигался в направлении Полоцк-Псков-Петербург. Но дальше Полоцка 6-му корпусу пройти было не суждено. Путь французам и баварцам преградил российский пехотный корпус графа Витгенштейна.

Недельная баталия была одной из самых кровопролитных за всю кампанию. Дивизии Дероя противостоял могилевский полк, дивизии Вреде - отряд петербургского ополчения полковника Властова. На третий день битвы, 18 августа, скончался смертельно раненый генерал Дерой. Его похоронили в селе Призменица. [Bayern, 320]

Героизм россиян был оценен Сен-Сиром: „*Русские показали в сем деле постоянное мужество и личную храбрость, каких бывает мало примеров в войсках других народов. Их батальоны, взятые врасплох, при первой атаке отрезанные одни от других, потому что мы прорвались сквозь их линии, не расстроились и, сражаясь, отступали чрезвычайно спокойно, оказывая со всех сторон сопротивление с таким мужеством, которое, повторяю, свойственно одним только русским. Они совершали чудеса храбрости, но не могли противостать единовременной атаке четырех дивизий, шедших совокупно вперед и тяжестью своею подавлявших высылаемые против них войска*". [Михайловский-Данилевский]

Наполеон от плана наступления на Петербург отказался. Сен-Сиру было присвоено звание маршала. Наполеон демонстрировал военные заслуги Сен-Сира и как бы незначительность негативного эпизода под Полоцком. Графа Витгенштейна объявили спасителем северной столицы.[1]

Трагедия столь неожиданно-скорой утраты шести тысяч баварских солдат не могла пройти незамеченной в самой Баварии. Полоцкой битве здесь посвящены мемуары, исследования, живописные полотна. Неудача французов под Полоцком была компенсирована в эти же дни важным взятием маршалом Даву города Смоленска. Наступление на Москву продолжалось.

Еще весной 1811 года Наполеон принимал в Тюильрийском дворце генерала Вреде. Баварский генерал, предчувствуя печальный финал будущего нашествия, предостерегал императора от войны с Россией. Император якобы резко ответил: „*Через три года я буду господи-*

---

[1] Пётр Христианович Витгенштейн (1769-1843), участник польской кампании 1794 года, персидского похода 1796 года, войн с Францией 1805 и 1806-07 гг., с Турцией 1806-1812 и 1828-1829 гг. В 1812 году противостоял французским войскам на петербургском направлении, в апреле-мае 1813 года командовал объединённой русско-прусской армией.

ном всего света". [Тарле, 378] Здесь важна не гипотетическая реакция Наполеона, а военная интуиция Вреде.

С изгнанием французов из России вассальные союзники Наполеона стали именоваться *бывшими*. Вассальная зависимость всегда унизительна и наступает критический момент, который разводит дальнейшие пути вассала и попранного сюзерена в противоположные стороны. Вассалы всегда ненадежные союзники и рискованная опора на них была одним из просчетов Наполеона.

С октября 1813 года генерал Вреде возглавил баварско-австрийскую армию против Франции. Были у генерала сражения проигранные (под Ганау) и выигранные (под Бар-сюр-Обе), были ранения и награждения российским офицерским крестом Святого Георгия II степени. В марте 1814 года Вреде уже фельдмаршал, в июне того же года - князь. В 1814-15 гг. Вреде представляет Баварию на Венском конгрессе стран-победителей.

Король Людвиг I любил Вреде и посвящал ему стихи (подстрочник автора):

Вреде! Объединяют с именем твоим,
Моря воспоминаний!
Колоссальный рост событий,
Это - размах твоей победы!

Главная инициатива установки обелиска на Каролиненплац принадлежит генерал-фельдмаршалу князю Карлу Вреде.[1] Но князь лукавил, объявляя при открытии стелы, что она символ победы над Наполеоном. Памятник на Каролинеплац символизирует не победу, а поражение. Вреде лучше других знал, что баварцы гибли в России, защищая свою родину от Наполеона... Тридцать тысяч жизней - это цена спасения Баварии от военного вторжения французов. В этом главная суть ответа на вопрос Александра Ивановича Тургенева.

После войны баварским генералам в Мюнхене были установлены памятники: Вреде на Одеонсплац в «Галерее полководцев», Дерою на Максимилианштрассе, напротив здания правительства Баварии. О заслугах генералов на памятниках ничего не сказано. Именами Вреде и Дероя названы мюнхенские улицы.

---

[1] Вреде добивался сооружения памятника павшим баварским солдатам сразу после окончания войны, в 1814 году. Но проект памятника был подготовлен только к 1818 году и назывался «Памятник армии». Предполагалось его установка на университетской площади рядом с Римскими фонтанами, позже (по проекту Гертнера) - перед дворцовыми зданиями Одеона и герцога Лейхтенбергского. Окончательная привязка (по настоянию Кленце) была сделана к центру круглой площади Каролины (напротив российского представительства) и завершена в 1833 году.

В 1833 году был выпущен коллекционный талер с изображением обелиска на Каролинеплац.

С тех пор об этом сооружении никто не вспоминает.

Как затерявшаяся игла, неприкаянно торчит стела; защищенная от исчезновения именем её действительного создателя, выдающегося немецкого зодчего Лео фон Кленце. Площадь Каролины находится в центре Максфорштадта, по соседству с Кёнигсплац, обеими Пинакотеками, но любопытствующие туристы бывают здесь редко и случайно. Не сообщается о площади в путеводителях, нет обелиска на открытках с городскими видами.

Кому охота помнить о невеселом...

- ТЕАТИНЕРШТРАССЕ

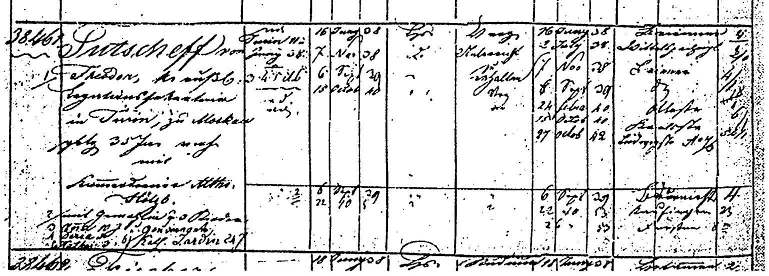
С февраля 1837 года, после смерти Григория Гагарина, посланником был назначен Дмитрий Северин. В 1842 году посольство переехало с Каролиненплац 3 на первый верхний этаж дома номер 11 по Театинерштрассе. Домовладельцем здания была семья книгоиздателя барона Котта (здание не сохранилось).

Адресная книга 1862 года сообщает список дипломатов, с которыми Северин завершал свое 25-летнее пребывание в Мюнхене: „*Северин Дмитрий, действительный тайный советник, Посланник и полномочный Министр, Театинерштрассе 11/1; Вегезак Отто, каммер-юнкер и государственный советник, 1-й секретарь; Гамелая, секретарь, Променадештрассе 3; Мартини Адольф, государственный советник, атташе, Зоненштрассе 9/3; Бибиков Николай, атташе, Максимилианштрассе 21/2*". Последним посланником царской России перед Первой мировой войной был А. Вестманн, секретарем миссии - Николай Столыпин, двоюродный брат известного российского реформатора П. А. Столыпина. [BayHSA, MA 500350]

Недалеко от российского посольства, на этой же улице находится Театинеркирха, католический собор Св. Каэтана, построенный в нетипичном для Мюнхена роскошном стиле итальянского барокко. Строительство храма началось в 1663 году по распоряжению курфюрста Фердинанда-Марии и его жены Адельгайды в честь рождения кронпринца Макса Эмануэла. Строительство вёл талантливый итальянский мастер, монах Гуарино Гуарини. В 1676 году кронпринц стал курфюрстом. Богослужения начались лишь с 1690 года. В церкви находится усыпальница членов королевской семьи и других значительных особ Баварии, в т. ч. старших сыновей Людвига I: Максимилиана II Баварского и Отто I Греческого.

- POLIZEIKARTENREGISTER NR. 38461

Летом 1837 года Тютчев был перевода в Турин, но он иногда посещал Мюнхен. Мюнхен теперь не был уже городом его аккредитации. Фёдор Иванович приезжал сюда на правах гостя. Каждый такой приезд фиксировался в Polizeikartenregister, полицейском регистре. В этом регистре гость города получал свой постоянный номер, т. е. номер досье, в котором регистрировались последующие визиты. Такая удобная форма полицейского учета оказалась очень полезной потомкам-историкам. В Polizeikartenregister города Мюнхена тютчевское досье имело № 38461. [StA, Polizeikartenregister Nr. 38461] Если приезжий останавливался в гостинице, то горожане могли узнать об этом из газеты «Königlich Bayerischer Polizei-Anzeiger von München». Фамилии гостей города и в досье, и в «Anzeiger» иногда указывались неточно, т. к. чиновники полиции и гостиниц писали анкетные данные о приезжих часто на слух, со слов гостя.

Polizeikartenregister Nr. 38461. Мюнхенский городской архив.

При изложении дальнейших сведений учтены данные указанного досье. Известно, что 11/24 июня 1838 года Тютчев в Турине узнал из газет о гибели парохода, на котором его жена Элеонора с тремя дочерьми добиралась к нему из Петербурга. В этот же день Фёдор Иванович оформил паспорт (с датой от 11 июня) и выехал в Мюнхен. Тютчева из Турина сопровождал его камердинер, Маттиас Хёлцль. 16 июня Тютчев в Мюнхене остановился у тетушки Элеоноры, баронессы Ганштейн, которая содержала пансион на Бриеннерштрассе 4. 23 июня вся семья после десятимесячной разлуки и тревожного происшествия, наконец, была в сборе.

С Элеонорой путешествовала 24-летняя гувернантка-француженка Екатерина Жарде (Jardin). 2 июля Тютчев снял ещё одну квартиру на прилегающей к Бриеннерштрассе площади Виттельсбахерплац 2 (нижний этаж), в доме Нойзигля.[1] 10 июля Фёдор Иванович и Элео-

[1] Мотив снятия этой квартиры в опубликованной переписке не сообщается.

нора оставили детей у баронессы Ганштейн и выехали через Линдау в Турин. В письмах периода брака с Элеонорой имя камердинера Маттиаса Хёлцля не встречается. Имя гувернантки дважды упоминается в письмах Тютчева из Италии к старшей дочери Анне: 28 декабря 1838 года („*Передай также мой привет доброй Екатерине*") и в начале лета 1839 года („*Сердечный привет доброй Екатерине*"). Это уже будут письма к осиротевшей 10-летней девочке: Элеонора Тютчева скоропостижно скончалась в Турине 28 августа/9 сентября 1838 года. Через два месяца, 26 октября/7 ноября 1838 года, Тютчев вновь навестил дом баронессы Ганштейн.

Летом 1839 года Фёдор Иванович обвенчался с баронессой Эрнестиной Дёрнберг и решил временно оставить дипломатическую службу. Знакомый мюнхенский домовладелец, скульптор Йозеф Кирхмайер, с 6 сентября 1839 года предоставил Тютчевым квартиру в другом своем доме, на нижнем этаже по Бриеннерштрассе 18. (В декабрьском письме Фёдор Иванович будет извещать, что переехал в Мюнхен в конце сентября.) Дом, в котором Тютчев начинал свою семейную жизнь в Мюнхене во втором браке, примыкал к восьмиугольному зданию на Каролиненплац 1, где завершилась его дипломатическая деятельность в Баварии.

Здание на Бриеннерштрассе 18 было построено в 1828 году по проекту архитектора Шопке и просуществовало до 1889 года. [StA, LPK 1599/1, Nr. 185] „*Тотчас по приезде в Мюнхен мы взяли их* (детей) *к себе, и две недели спустя дети так привязались к ней* (Эрнестине), *как будто у них никогда не было другой матери*", - сообщал Тютчев родителям 1/13 декабря 1839 года. В этом же письме Тютчев намекает на беременность Эрнестины: „*...положение Нести вполне определилось*". По-видимому, это обстоятельство заставило Фёдора Ивановича искать несколько большую квартиру, причем искать срочно.

- ОТТОШТРАССЕ

К Бриеннерштрассе примыкает ещё одна улица тютчевского обитания: Оттоштрассе, мюнхенская улица, известная на старых городских планах под разными названиями. В 1815 году король Макс I Йозеф премировал новорождённого второго внука, Отто, улицей его имени. Принц Отто, второй сын кронпринца Людвига, через 17 лет станет королём Греции.

Оттоштрассе суждено было дважды стать тютчевским адресантом. В 1828 году Национальный банк выстроил здесь дом, известный в тютчевской переписке по старой мюнхенской нумерации под номером 248 (позднее Оттоштрассе 4). Вероятнее всего, что по данному адресу в апреле 1828 года бывал Гейне. В ожидании первенца Фё-

дор Иванович. Элеонора и Клотильда поселились доме, размеры которого более соответствовали бы увеличенному семейству. 27 января/8 февраля 1829 года Фёдор и Элеонора венчались, проживая уже в новом доме. Здесь же 21 апреля 1829 года родилась первая дочь Анна. С 2-го июня 1829 года три недели здесь гостил русский капитан Николай Тютчев, брат Фёдора Ивановича.

В начале XX века на месте дома по Оттоштрассе № 4 была построена гостиница «Русский двор», которую в 1914 году выкупило страховое общество «Allianz». [StA, Stadtarchiv LBK 7162] Второй раз Тютчев поселился на этой улице на первом верхнем этаже дома виноторговца Макса Отто. В списке городских владений Максфорштадта дом числился под номером 250, или по адресу Оттоштрассе № 6. Здесь Тютчев живёт с 24 февраля 1840 года. Он уже во втором браке. В этом доме родился первый ребёнок Эрнестины. 14 апреля 1840 года Фёдор Иванович сообщает родителям: „*...моя коллекция барышень обогатилась ещё девочкой, которую моя жена родила в прошлом месяце. Ребенок был окрещён с именем Марии греческим священником. Северин* (российский посланник) *был крестным отцом, а маменьку в её обязанностях крестной матери заменяла Клотильда*". В Мюнхене была единственная греко-православная церковь - Сальваторкирхе, о которой уже упоминалось. В цитируемом выше декабрьском письме Тютчев писал о своём новом образе жизни: „*...мы живём уединенно и тихо. Дети, Мальтиц и его жена* (т. е. Клотильда), *тетка Клотильды* (баронесса Ганштейн), *её* (Клотильды) *отец* (Карл граф Ботмер) *и братья - вот наше обычное общество*". Из всего семейства Ботмеров в Мюнхене в это время проживали три брата Клотильды: Фридрих, Ипполит и Максимилиан. Все они были офицерами баварской армии. Граф Карл имел офицерский чин обер-лейтенанта. Он жил на пятом верхнем этаже в большом доме № 21 на престижном переулке Динергассе, соединяющим исторический центр Мюнхена, Мариенплац, с Резиденцштрассе, улицей, на которой находилась королевская резиденция. Ближе всех к Тютчевым жил Фридрих, на Бриеннерштрассе 14.[1] На Фюрстенштрассе 8а жил Ипполит. Это тоже близко от дома Тютчевых. В Людвигсфорштадте на Ландверштрассе 8 жил Максимилиан. К Фёдору Ивановичу он ходил пешком: выходил на Зонненштрассе и через Карлсплац и Барерштрассе за 20-25 минут приходил на Оттоштрассе 6. [AT, 1842. Band «B». S. 51, 53-55]

[1] Несколько ранее, в 1830 году, лейтенант Фридрих Ботмер жил с 24 июня до 25 октября также на Оттоштрассе 248.

- КАРЛШТРАССЕ

Летом 1840 года Тютчевы отдыхали недалеко от Мюнхена на курорте Тегернзее. Сюда же приехала Амалия Крюденер. Здесь праздновали её именины. Тютчев 2/14 июля: „*Заботу обо всем взял на себя принц Карл, брат короля. Он очень дружески расположен к госпоже Крюденер, а так как он к тому же чрезвычайно любезен, то не упустил случая нарочно приехать из Мюнхена, чтобы в день её именин дать в её честь большой обед, на который пригласил всех её знакомых, находящихся в Тегернзее*".

Тютчев возвращается в Мюнхен без семьи и пишет жене в Тегернзее. Его торопливое письмо от 3 сентября („*Четверг. Утром*") наполнено семейными планами: „*Пишу тебе, милая моя кисонька, второпях. ...Вся трудность заключается по-прежнему в недостатке места. Я ещё раз побываю в доме В., чтобы всё выяснить и добиться, если возможно, окончательного ответа*". Речь идёт о поиске новой квартиры. Прежняя квартира на Оттоштрассе 6 стала маловата для семьи, в которой уже четверо детей (в т. ч. три дочери от первого брака) и не исключено рождение пятого ребенка. Тютчевское досье в Polizeikartenregister № 38461 и адресная книга раскрывают, что под криптонимом «В.» имеется в виду Wihan Anton, Kistlermeister, т. е. столяр Антон Виган, дом которого Тютчев пытается снять. Фёдор Иванович добился окончательного ответа и 15 октября 1840 года тютчевская семья отметила новоселье по новому адресу: Карлштрассе 54/1. Улица названа в 1808 году королем Максом I Йозефом в честь своего младшего сына (от первого брака) 13-летнего Карла, того самого *чрезвычайно любезного* принца Карла, который в 1840 году дал большой обед в честь именин Амалии Крюденер.

Карлштрассе расположена параллельно Бриеннерштрассе и восточной частью упирается в Оттоштрассе. Все названные улицы находятся в Максфорштадте, основном районе обитания Тютчева.

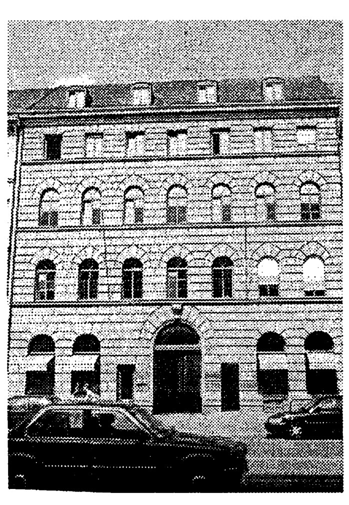
Ровно через девять месяцев после вселения, 14/26 июля 1841 года, родился Дмитрий, первый сын Фёдора Ивановича. Крестным отцом был опять посланник Дмитрий Северин, в честь которого назвали сына. Фёдор Иванович извещал родителей через три недели: „*Ребенок крепкий и очень живой, и, несмотря на моё безразличное отношение к полу будущего ребенка, я был очень рад, что на этот раз появился мальчик, ибо этот раз, надеюсь, будет последним*". В Мюнхене, действительно, прибавления в семье Тютчевых более не будет. Через пять лет в Петербурге, 30 мая 1846 года, родится сын Иван, будущий почетный мировой судья и член Государственного совета, единственный наследник всего родового имущества Тютчевых.[1] Ещё трое детей

---

[1] В бывшей усадьбе Ивана Тютчева, Мураново, с 1 августа 1920 года уси-

Федора Ивановича (в 1851, 1860 и 1861 гг.) будут рождены Еленой Александровной Денисьевой. Но тогда, в 1841 году, Тютчев, выражая пожелание прекращения прироста семейства, этих событий предвидеть не мог...

- ЛЮДВИГШТРАССЕ

Людвигштрассе, дом № 7. В этом доме (по старой нумерации № 4) на втором верхнем этаже жил французский адвокат и публицист граф Этьен Межан. Из окна квартиры Межана Тютчев наблюдал въезд в Мюнхен 11 октября 1842 года принцессы Марии Прусской, будущей королевы Баварии. Позже Тютчев стал соседом Межана.

Тютчев любил мюнхенский Максфорштадт, а в Максфорштадте - Людвигштрассе, улицу, подаренную королем Максом I Йозефом старшему сыну, кронпринцу Людвигу, в 1822 году. Надев корону, Людвиг застроил улицу своего имени красивыми большими зданиями. В 1826 года из Ландсхута в Мюнхен на Людвигсштрассе был переведен институт (он назывался тогда Ингольдштадским, т. к. до 1801 года находился в Ингольштадте, где был основан в 1472 году герцогом Людвигом), который стал называться Королевским. Количество факультетов было увеличено.

В 1840-43 гг. для Королевского института по проекту архитектора Фридриха Гертнера было выстроено новое здание. Институт позже был преобразован в Людвиг-Максимилиан-Университет (по имени двух королей-покровителей: Людвига I и его сына Максимилиана II). В университете преподавали европейские знаменитости Фридрих Тирш, Фридрих Шеллинг, Лоренц Окен. „*Я уже сообщил вам в моём последнем письме*, - писал Тютчев родителям 18/30 декабря 1842 года, - *о своем решении поместить в мюнхенский институт двух моих девочек, Дарью и Китти. Они по-*

лиями потомков Фёдора Ивановича открыт известный музей имени Ф. И. Тютчева.

ступили туда 1-го октября, и теперь, когда преодолели трудное для новичков время, очень довольны своим новым положением". Девочки завершали образование в Смольном институте в Петербурге. Старшая Анна успела окончить мюнхенский Королевский институт. Рядом с университетом Гертнер в 1829-44 гг. выстроил университетскую Людвигскирхе, в которой „*за алтарем, во всю стену от потолка до панели*" (воспоминание Николая Греча) висела картина художника Петера Корнелиуса «Страшный суд», самая большая в Германии (209 кв. м).

Площадь перед университетскими зданиями украшена фонтанами, точными копиями фонтанов на площади св. Петра в Риме. Взлетающие к солнцу струи не преодолевают земного притяженья. Тютчев был водопоклонником: вода – одна из стихий мирозданья:

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной –
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Римские фонтаны на Людвигштрассе.

Ныне фонтаны находятся в центре двух площадей, названных именами казнённых в 1943 году участников антинацистской группы «Белая Роза»: студентов университета Софи и Ганса Шолль и профессора Губера, главы подполья. В брусчатку площадей впечатаны листовки подпольщиков.

В 1830 года на Людвигштрассе 23 по проекту Кленце было построено здание военного министерства, в котором несколькими годами позже разместился Баварский государственный архив.

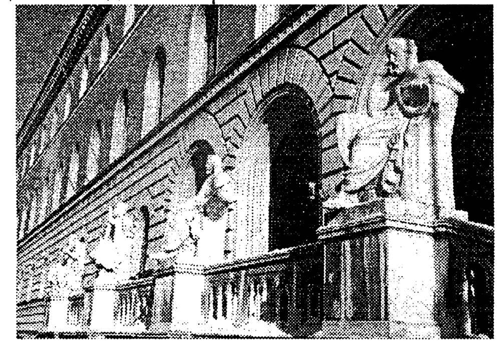
На Людвигштрассе проходили торжественные процессии: трогательные проводы 6 декабря 1832 года принца Отто (сына Людвига I) на греческий престол, въезд 11 октября 1842 года принцессы Марии Прусской, будущей королевы Баварии.

Об этой встрече Тютчев 13 октября сообщал Эрнестине: „*Третьего дня состоялся въезд молодой принцессы. Я смотрел из окна Снегиря. Людвигштрассе представляла собой великолепное зрелище: на всем своем протяжении она казалась вымощенной человеческими*

головами". Снегирь - шутливое прозвище французского адвоката и публициста графа Этьена Межана. Межан жил на Людвигштрассе 4, занимал второй верхний этаж. Здание сохранилось по новому адресу: Людвигштрассе 7. [StA, Polizeimeldebogen. M67]

Тютчеву была обещана квартира на Людвигштрассе, и он её настойчиво добивался с несвойственной ему энергией в решении бытовых неурядиц. В указанном письме есть строки: „*Что до квартиры - то мне обещают сдать её 16-го. В противном случае я непременно обращусь к полиции. Впрочем, знай, что в твоё отсутствие, если что и делалось, то делалось плохо*". 16-го октября квартиру Тютчеву не сдали. Сдали 27 октября 1842 года. В этот день Тютчев въехал в свою последнюю (согласно досье Nr. 38461) мюнхенскую квартиру на третьем верхнем этаже в доме торговца мукой Коппа на Людвигштрассе 7 (по старой нумерации домов).

Почти напротив дома находилась королевская библиотека.

Королевская библиотека на Людвигштрассе. Проект архитектора Ф. Гертнера, 1832-1839 гг. Перед зданием библиотеки установлены скульптурные изображения греков, олицетворяющих античную культуру (справа налево): врач Гиппократ, философ Аристотель, сказитель Гомер, историк Фукидид.

„*Перед широким зданием государственной библиотеки мирно сидели на солнышке высеченные из камня четверо мужчин древнегреческого типа с обнаженным торсом. В школе он* (господин Гессрейтер) *учил, кого они изображают. Теперь он этого, разумеется, уже не помнил. Если ежедневно проходишь мимо кого-нибудь, следовало, собственно, знать, кто это. Он как-нибудь обязательно наведет справку. Как бы там ни было, библиотека хорошая*", - эти строки из романа Л. Фейхтвангера «Успех». Тютчев, разумеется, знал этих греков. Господину Гессрейтеру, фейхтвангеровскому персонажу, дадим справку. Библиотека построена по проекту немецкого зодчего Фридриха Гертнера в 1832-39 гг. Выбор Гертнером кандидатов на олицетворение античности небесспорен, но спорить уже не с кем, да и одобрен он был королем Людвигом I, главным опекуном творческого Мюнхена.

Первый справа каменный грек - Гиппократ, врач, сын врача, внук врача, правнук врача и т. д. до 17-го поколения. Он родился на

острове Кос в 460 году до н. э., мировое признание получил в Афинах. Прожил врач 83 года. Гиппократ был непревзойденным диагностом и великолепным хирургом. Говорят, что именно Гиппократом был создан сохранившийся в веках кодекс этики и чести врача, т. н. клятва Гиппократа. (Аналогичная клятва была известна и в древнем Египте.) Друг Гиппократа, мудрый Сократ, говорил: „*Выбирая врача - выбираешь здоровье, выбирая учителя - выбираешь судьбу*".

Рядом с Гиппократом - Аристотель (384-322 гг. до н. э.). Обычно сообщается, что Аристотель философ. Это верно, многие понятия современной философии впервые ввёл когда-то Аристотель. Но им написаны и фундаментальные трактаты по физике, метеорологии, биологии, экономике, искусству, политике, космологии, этике, поэзии, математической логике. Так кто же этот афинянин, который слишком много знал и за свое всезнайство вынужден был, в конце концов, бежать из Афин, обвиненный в религиозных прегрешениях?

Соседствует с Гиппократом великий поэт Эллады, Гомер. Он жил так давно, что уже и неизвестно жил ли он вообще и был ли под этим именем один конкретный сказитель. На древнегреческом *Гомер* означает просто *слепец*. При афинском правителе Писистрате было запрещено изменять текст гомеровских поэм. Все последующие поколения воспитывали своих детей на необыкновенном историческом богатстве языческой мифологии Гомера.

Четвертый грек - Фукидид (460-400 гг. до н. э.), гражданин Афин. Он окаменел в позе летописца. Большинство великих талантов были порождены раскрепощенной духовностью афинской демократии. В золотой век Перикла были построены шедевры зодчества Акрополя, творили драматург-трагик Софокл, комедиограф Аристофан, скульптор Фидий, поэт Еврипид, философы Сократ, Платон, Аристотель. Греческая демократия расцветала в условиях мира. Она была далека от совершенства и, как следовало ожидать, потерпела поражение в борьбе с тиранией. Соседней монолитно-организованной Спарте нужна была война. Спарту раздражало свободомыслие афинской демократии. Она оставила миру имена великих тиранов и одного мудреца, Хилона, увековечившего на стене храма Аполлона в Дельфах: „*Познай самого себя*". Очевидцем победы дня вчерашнего над днем завтрашним после 27-летней кровавой Пелопонесской войны был Фукидид, который оставил потомкам её описание. В начале первого тома своего сочинения историограф с небольшой долей оптимизма записал: „*Кто, однако, захочет узнать, как в действительности это было, то, так как в природе человека в будущем всегда опять такое или похожее может повториться, тот найдет мою книгу нужной и мне будет этого достаточно*".

Эти слова Фукидида стали классикой античной культуры. Слова Фукидида в вольном переводе Фёдора Ивановича были подаре-

ны 12 апреля 1866 года Дарье Фёдоровне, второй дочери поэта, к её 32-му дню рождения:

Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отозвалась -
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с нас...

Южный конец Людвигштрассе соприкасается через Одеонсплац с Резиденцштрассе. На Резиденцштрассе находится королевский дворец, Residenzpalast. Семья известного баварского дипломата барона Антона Сетто, часто упоминаемого в дневнике А. Тургенева, занимала первый верхний этаж в доме № 6 на этой самой аристократической улице города. В доме Сетто собирался высший свет Мюнхена и дипломатического корпуса. Здесь часто бывали Тютчев и Эрнестина. К апартаментам барона вела широкая парадная лестница. („*Поднималась ли ты по лестнице в доме г-жи Сетто?..*" - спрашивал Фёдор Иванович Эрнестину во время её приезда в Мюнхен в октябре 1853 года. [Тютчев 1984, 199]) В семье Сетто 24 апреля 1834 года Эрнестина узнала о рождении второй дочери Тютчева Дарьи.

- ХУНДСКУГЕЛЬ

У Тютчева был ещё один адрес проживания. Этот адрес, в отличие от предыдущих, не был указан в досье Nr. 38461.

В 1844 году Тютчевы готовились покинуть Германию. За год до этого Фёдор Иванович ездил в Россию, затем вместе со второй женой, Эрнестиной, летом 1844 года, Тютчевы совершили путешествие во Францию. Квартира на Людвигштрассе за ненадобностью была возвращена домовладельцу Коппу. В июле Тютчев писал из Парижа в Веймар старшей дочери Анне (дочери от первого брака, Анна, Дарья и Екатерина, гостили тогда в Веймаре у свояченицы Фёдора Ивановича, баронессы Клотильды Мальтиц): „*Через несколько недель мы вернёмся в Мюнхен...*". Но уже 4/16 сентября Тютчев с женой и детьми Марией и Дмитрием выехал из Мюнхена в Петербург. Где жили Тютчевы короткое время после приезда из Франции перед выездом в Россию? Проблему недлительного пристанища Эрнестина пыталась разрешить в переписке с братом Карлом. Её письмо брату из Виши 23 июля/4 августа 1844 года: „*Тысяча благодарностей за ваше столь любезное предложение предоставить нам вашу квартиру, когда мы будем проезжать через Мюнхен. Но мой муж и его слуга до такой степени неряшливы и беспорядочны, что я не могу воспользоваться вашим гостеприимством; один Бог знает, что они у вас натворили бы... Поэтому я решительно отказываюсь остановиться у вас, но если мой добрый Карл мог бы снять нам маленькую квартирку <...>*".

Так снял ли *добрый Карл маленькую квартирку*?

После отъезда Тютчевых в Россию Эрнестина увиделась с братом только через 9 лет. Она вновь посетила Мюнхен осенью 1853 года. Из Петербурга Эрнестина получила тогда письмо от мужа: „*Что касается квартиры твоего брата, которая была тогда нашей* <...>". Значит, *добрый Карл* квартирку всё-таки не снял и решился перетерпеть неряшливость и беспорядочность Тютчевых, с которыми расставался на неопределённое время. Где жил брат Эрнестины? Об этом сообщает адресная книга 1842 года: барон Карл Пфеффель занимал первый верхний этаж большого дома на Хундскугель 1184 (номер дома по старой мюнхенской нумерации). Когда? Домовая книга уточняет: с октября 1836 года. [StA, Alte Hausbögen 1184. S. 46] Ко времени принятия семьи Тютчева у Пфеффелей было уже четверо детей. Семья Карла Пфеффеля переехала на второй верхний этаж дома по Театинерштрассе 11. [AT, 1845. 110] Этажом ниже находилось российское представительство Дмитрия Северина.

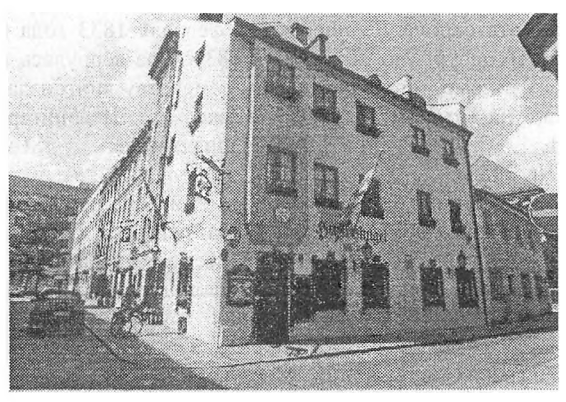
Хундскугель 7, бывший дворец графа Рехберга.

Домовладельцем здания, в котором жили Пфеффели на Хундскугель, был граф Карл Рехберг-унд-Ротен-Лёвен. В те времена мюнхенцы именовали это здание Рехбергским дворцом. В начале XIX века короткая петлеобразная улица Хундскугель состояла всего из 3 домов, во второй четверти столетия - из 7. Комичное название в точном переводе означает *Собачий шар*, но действительный смысл менее благозвучен: *Собачья ляжка*, что соответствует изогнутой форме недлинного переулка. После упорядочения нумерации домов Рехбергский дворец получил адрес: Хундскугель 7. Название в XX век не перекочевало. Дворец стоит и сегодня. Длинное красивое здание, построенное ещё в 1678 году, с четырьмя высокими этажами, широкими окнами и лепными карнизами сохранило свой № 7, но по Гаккенштрассе. Собственностью семьи графов Рехберг дворец стал ещё в 1688 году.

В первой половине XIX века Рехберги сдавали здание в наём.

В 1805 году дворец был временным пристанищем российского генерала графа Григория Кирилловича Разумовского (1759-1837). Граф

состоял в браке с баронессой Генриэттой Мальзен (1790-1827), старше которой он был на 31 год! В Баварии граф влюбился в подругу жены, графиню Терезу Шенк-цу-Кастель (1790-1818). Но брак с баронессой был освящён католической церковью, то есть расторжению не подлежал. Григорий Кириллович презрел условности и при здравствующей баронессе венчался с графиней в православной церкви Триеста (в 1806 году). Их сыновья, Лев и Максимилиан, не были признаны российскими подданными и наследственных прав в России не получили. Однако Австрия, где поселились новобрачные, признала второй брак графа Разумовского. (Вероятно, не без содействия брата Григория Кирилловича, Андрея Кирилловича, который в 1801-1807 гг. был российским послом в Вене.) Отец графини, Франц-Людвиг Шенк-цу-Кастель (1735-1821), известен многими благими деяниями, в том числе, созданием в Баварии казённых детских приютов. [Лобанов-Ростовский] В 1828 году в Рехбергском дворце 7 месяцев жил Генрих Гейне. Гейне в гостиницах не останавливался. Переписка шла через лавку издательства И.-Ф. Котты. Лавка находилась на Променадештрассе 10.[1] В 1830 году во дворце Рехберга жил знакомец Тютчева барон Лотцбек, семейству которого ранее принадлежал дом на Каролиненплац.

Трактир «Хундскугель». Здесь бывали Гейне и Тютчев.

В августе 1848 года (после смерти графа-домовладельца в январе 1847 года) дворец Рехберга за 60000 флоринов купил мастер по золочению Йозеф Радшпилер. Дом до сих пор принадлежит его наследникам. Нестандартная для Мюнхена мраморная мемориальная плита на уровне первого верхнего этажа сообщает, что здесь в 1827-1828 гг. жил Генрих Гейне. Авторы надписи допустили неточность: в 1827 году Гейне здесь ещё не поселился. Он действительно приехал в Мюнхен 26 ноября 1827 года, но переехал в Рехбергский дворец в январе 1828 года и останавливался этажом ниже.

---

[1] Сегодня Кардинал-Фаульхабер-штрассе.

Нынешним мюнхенцам Рехбергский дворец более знаком как «Radspielerhaus» («Дом Радшпилера»). Профессия Радшпилера увековечена в золотых надписях на фронтоне здания. На небольшой площади напротив дворца находится сейчас оригинальный фонтан «Radl-Brunnen»: вода, вытекающая изо рта стилизованной фигуры человека, вращает колесо, вмонтированное в фигуру этого же человека. Фонтан сооружен в 1971 году по проекту профессора Эрнста Рауха. Время сохранило ещё один дом исчезнувшей улицы, дом с бывшим адресом Хундскугель 2, старейший постоялый двор Мюнхена, известный ещё с 1440 года. Его посещали Гейне и Тютчев. Нынешний адрес трактира: Хоттерштрассе 18. Теперь там экзотическая пивная «Хундскугель». Домовладельцем здания является известный мюнхенский законодатель мод Рудольф Мосхаммер.

- «ЧЁРНЫЙ ОРЁЛ» И ДРУГИЕ ГОСТИНЫЕ ДОМА

Эрнестина Дёрнберг, будущая жена Тютчева, после смерти первого мужа, дипломата барона Дёрнберга (21 февраля 1833 года в Мюнхене), уехала в Регенсбург, но 30 октября 1833 года вернулась в Мюнхен и поселилась в доме, принадлежавшем семейству книгоиздателя барона Котта, на втором верхнем этаже на Швабингер-Ландштрассе 11, продолжении Людвигштрассе. [StA, Polizeikartenregister Nr. 24348]

В 1891 году Швабингер-Ландштрассе на 45-й день рождения была подарена принцу Леопольду его отцом, принц-регентом Баварии Луитпольдом, и переименована соответственно в Леопольдштрассе.

В годы Первой мировой войны принц Леопольд в воинском звании фельдмаршала был командующим большой группой войск, за что удостоен чести быть занесенным на мемориальную доску на Одеонсплац в Галерее баварских полководцев. Умер внук короля Людвига I в 1930 году.

К дому Эрнестины на Швабингер-Ландштрассе часто подходил 50-летний холостяк, историк Александр Тургенев, который тщетно добивался взаимности 24-летней вдовы, но довольствовался лишь светом в её окнах: „*...все в каком-то угаре, но и в этом положении подошел к её окнам: в них был свет; я не пошел к Сетто*". Квартира была снята до 4 мая, но Эрнестина выехала на три дня раньше. Она ехала к больному отцу в Париж.

В Мюнхене в первой трети прошлого века было 9 гостиниц, самые лучшие - «Goldener Hirsch» («Золотой олень») и «Schwarzer Adler» («Чёрный орел»). В «Золотом олене» на Театинерштрассе 18

(недалеко от Одеонсплац) летом 1832 года и весной 1834 жил Александр Тургенев. [BayPA, 1832, Nro 60] [BayPA, 1834, Nro 24]

В этой же гостинице останавливалась Эрнестина с первым мужем, бароном Дёрнбергом в январе-феврале 1833 года: „...*В час пришел ко мне Феферь* (Карл Пфеффель), *сказал, что сестра его жила когда-то над моей комнатой*". В 1832 года в ней также останавливались граф Воронцов-Дашков, княгиня Разумовская, князь Трубецкой и другие именитые россияне. Князь Вяземский, задержавшийся в ней по дороге в Рим в октябре 1834 года, называл «Золотой олень» „*лучшей в городе, но едва ли не худшей из всех немецких гостиниц*".

В октябре 1853 года, Эрнестина Тютчева приехала в Мюнхен и остановилась в гостинице «Маулик».[1] Карл Маулик в 1845 году купил в центре города, на Кауфингерштрассе 21, у виноторговца Альберта Макса старую гостиницу «Чёрный орел». Изменение название гостиницы (и владельца) произошло уже после отъезда Тютчевых из Мюнхена.

Эрнестина, как только приехала 23 октября, сразу же сообщила Фёдору Ивановичу, что остановилась в «Черном орле». Она жаловалась Тютчеву на ледяные комнаты и 26 октября переехала на Фюрстенштрассе 8 (к домовладельцу доктору Христмюллеру). Тютчев 16/28 октября отвечал Эрнестине: „*Гостиница «Чёрный орел», где ты остановилась, вызывает у меня только одно воспоминание: что-то около двадцати лет назад я приходил в нее пови аться с Вяземскими, когда они были проездом в Мюнхене*".

Это воспоминание Тютчева не согласуется с записями Вяземского, который сообщал, что в 1834 году останавливался в «Золотом олене», а не в «Чёрном орле».

В конце XIX века на карте Мюнхена вновь появилась гостиница «Чёрный орел», но по адресу Ландверштрассе 32. «Чёрный орел» не забыт и сегодня, но теперь это только уютная роскошная пивная в центральной части города (на Амалиенштрассе 26), вла елец которой сохранил старый герб «Чёрного орла».

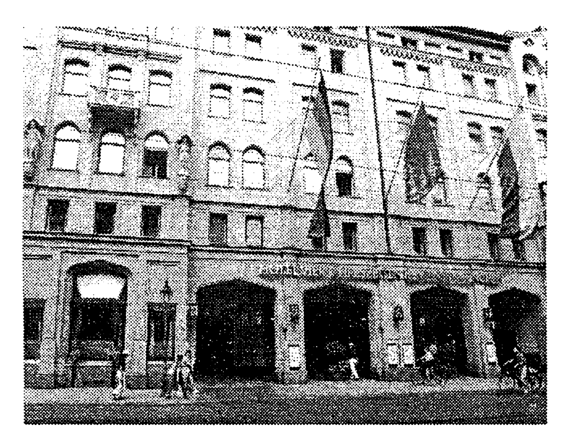
Впрочем, в Мюнхене сосуществуют два «Чёрных орла», не ведающих друг о друге. Второй «Чёрный орел» называет себя попросту трактиром (das Wirtshaus) и находится на окраине Мюнхена, на Ландсбергерштрассе 456. Хозяйка трактира - баварка фрау Вайсс с русским именем Татьяна.

1 мая 1854 года Эрнестина с дочерьми выехала из Мюнхена в Дрезден и 11 мая приехала в Петербург. В июне 1859 года, по дороге на курорт Вильдбад, Тютчев побывал вновь в Тегернзее и Мюнхене:

---

[1] Этот факт подтверждают сразу два документа: [StA, Polizeikartenregister Nr. 38461] и [BayPA, 1853, Nr. 83].

„...всё, что я вижу, представляется мне сном... Здесь я остановился в «Четырёх временах года», где без тебя чувствую себя совсем не к месту". Возможно, что этот приезд Тютчева способствовал изданию через полтора года книжки переводов его 74 стихотворений, выполненных молодым ассистентом королевской и государственной библиотеки Генрихом Ноэ (1835-1896).[1] «Четыре времени года» - новая гостиница, её строительство было завершено в 1858 году. Автор проекта - Р. Готтгетрой (R. Gottgetreu). Во время пожара в августе 1859 года сгорел гостиничный архив и нынешняя администрация в лице коммерческого директора господина В. Роербейна (письмо от 18 февраля 1998 года) не смогла подтвердить дату пребывания Тютчева в гостинице. В тютчевское время адресом гостиницы был Максимилианштрассе 4. В 1903/04 гг. Хейлманн и Литтманн расширили здание гостиницы. Сегодня её адрес - Максимилианштрассе 17.

Гостиница «Четыре времени года».

В 1931 году дорогая гостиница «Четыре времени года» была слишком шикарной для нациста Ганса Лаутензака: *„Я мог бы, конечно, позволить себе роскошь остановиться в «Четырех временах года». Но благоразумнее, если мы, видные деятели партии, не будем слишком выставлять себя на показ*". Гостиница оказалась по карману более состоятельному герою романа Л. Фейхтвангера «Братья Лаутензак», баронессе Хильдегард фон Третнов. Автор ввёл гостиницу в фабулу романа, т. к. в ноябре 1923 года в ней действительно размещался штаб путчистов.

В годы мюнхенской жизни романиста в кругу его знакомых был драматург Генрих Лаутензак (сконч. в 1919 году). Возможно, Фейхтвангер наделил своего персонажа какими-то чертами реального однофамильца.

---

[1] См. статью «Генрих Ноэ».

- „ПАР - ВЕЛИКИЙ ЧАРОДЕЙ...“

Тютчев, энтузиаст-путешественник, с восторгом встретил появление в Европе чуда технической революции XIX века. В его переписке многократны восхищения новым видом транспорта (письмо из Веймара от 10/22 сентября 1841 года): „*Благодаря железным дорогам, часть которых уже завершена, все эти города* (Лейпциг и Дрезден) *приблизились друг к другу, как по волшебству*". В другом письме (из Дрездена от 27 сентября 1841 года) Фёдор Иванович не устаёт восторгаться достижением цивилизации: „*Надо согласиться, что пар - великий чародей, порою движенье так стремительно, так поглощающе, пространство так преодолено, сведено на нет, что трудно не поддаться чувству некоторой гордости*".[1]

В Мюнхене первый паровозный гудок был услышан 1 сентября 1839 года. Вокзал располагался на окраине города, на Марсовом поле, в предместье Максфорштадт. Здесь раньше проводились военные учения. 17 августа 1838 года парад баварских войск принимали Людвиг I и Николай I. Строений почти не было, площадь представляла собой просто большой луг. В связи с появлением вокзала это место сразу же стало оживлённым, здесь появились многочисленные увеселительные аттракционы-шапито.[2]

Первая 62-километровая колея соединяла Мюнхен с Аугсбургом. Через год дирекция дороги решила отметить первый юбилей и устроила рекламный рейс, Extrafahrt. Но достойно организовать его не сумела, т. к. в пути сломался паровоз. Тютчев подробно и эмоционально описывает жене происшествие: „*Прочитав вчера, во время своей утренней прогулки, объявление о назначенном на сегодня Extrafahrt по железной дороге, я увлёк в эту поездку Мальтицев... Мы уехали в 4 часа и должны были возвратиться в 6. Вместо этого мы вернулись в город, когда било 10 часов. Поистине, беспорядок, анархия, глупость, царящие в этом учреждении, трудно себе представить. Очевидно, Провидение, охраняющее детей и пьяниц, покровительствует этому предприятию. Только вмешательство Провидения способно оградить*

---

[1] Сходные восторженные впечатления о немецких железных дорогах высказывал Лев Толстой в феврале 1857 года в письме В. П. Боткину: „*Путешествия по железным дорогам - наслаждение, и дёшево чрезвычайно, и удобно. Германия, которую я видел мельком, произвела на меня сильное и приятное впечатление, и я рассчитываю пожить и не торопясь поездить там*“.

[2] Уже в XX веке, после Первой мировой войны, 10 мая 1919 года на Марсовом поле был открыт стационарный цирк для 4000 зрителей, «Krone» («Корона», нем.), существующий по сегодняшний день. Позже был выстроен новый вокзал ближе к центру города.

его от страшнейших несчастий... 4-5 тысяч человек в полнейшей тьме, у большой дороги, ожидали поезда с тем, чтобы броситься в него, как только он появится и вынуждены были брать вагоны приступом, боясь, что в случае неудачи придётся провести ночь под открытым небом, в 5 милях от Мюнхена. Вопли, толкотня, опасность упасть под колеса, какой-то дьявольский фейерверк, пущенный неизвестно для чьей забавы... всё это заставило меня пережить несколько мгновений, когда я искренне порадовался твоему отсутствию... Давка была такая, что маленькая горбунья, которую я тащил на буксире, чуть было не потеряла свой горб. Несколько сот человек возвратятся в Мюнхен не ранее завтрашнего утра. Но зато завтра, несомненно, подымется страшный ропот против дирекции. Если бы публика не была столь добродушна, ни одного стекла не уцелело бы завтра в окнах управляющего, г-на Маффе".

Выводы были сделаны: управляющий Йозеф-Антон фон Маффай (Maffei) основал локомотивный завод и с 1841 года на железных дорогах появились надёжные мюнхенские паровозы. Впрочем, описываемые неурядицы были редкостью и тютчевские восторги не уменьшались (письмо в следующем году из Веймара): "*Через некоторое время будет вполне закончена железная дорога между Лейпцигом и Берлином, и то путешествие, на которое доселе требовалось два дня, возьмет всего семь часов. Спустя некоторое время вся Германия, благодаря железным дорогам, займет на карте путешественника не больше места, чем занимает сейчас одна из её провинций*".

Тютчев полон впечатлений от путешествий по Европе (сентябрьское письмо 1842 года): „*Я также с большим удовольствием повидал Бельгию с ее великолепными городами и селеньями, представляющими на пространстве трехсот верст от Рейна до моря один непрерывный сад, который, благодаря железным дорогам, проезжаешь в восемь часов времени*". Совсем детский восторг (письмо из Берлина в июле 1847 года): „*Железные дороги в соединении с хорошей погодой - истинное очарование*". Тоже в октябрьском письме 1843 года из Мюнхена: „*Из Берлина, благодаря железной дороге, мне потребовалось всего семь часов, чтобы приехать в Лейпциг, оттуда один час до Альтенбурга...*".

Время притупляло новизну дорожных ощущений, и Фёдор Иванович иногда брюзжит (письмо из Москвы от 8 августа 1846 года): „*Как отвратительно пребывать трое суток в катящемся ящике! Так ясно тогда сознаешь, как ты глуп*". Тютчев восхищался новым видом транспортной связи и понимал ее большое экономическое, политическое и даже нравственное значение в условиях российских просторов.

Фёдор Иванович был первым пассажиром Орловско-Рижской железной дороги, которая проходила по Брянщине. 19 июля 1868 года он писал Эрнестине в Овстуг: „*...я хочу, во что бы то ни стало, вос-*

пользоваться железной дорогой, цивилизаторское влияние которой распространится даже на Овстуг, - и далее. - *Мне интересно посмотреть, насколько присутствие железной дороги изменит впечатление полной заброшенности и одиночества, которое неизменно вызывают эти серые избы и тропинки, теряющиеся в полях*". [Алексеев, 115]

20 августа 1851 года Фёдор Иванович обращает внимание президента Академии наук графа С. С. Уварова: „*Действительно, то, что Москва приблизилась к Петербургу на 15 часов езды, является не только любопытным и интересным фактом, но может по справедливости считаться важным политическим событием*". Тютчев полагает, что, т. к. западные общества духовно разобщены, то в Европе железные дороги сблизили и поставили лицом к лицу раздражённых друг другом людей. Тютчев настаивает: „*Мне сдаётся, что мы вправе смиренно думать, что у нас в России будет не так, что всем нам, пока мы существуем, предстоит бороться с одним, действительно, реальным врагом - пространством. Следовательно, мы можем льстить себя надеждой, что по милости этого духовного единства, в котором у нас, поистине, нет недостатка, все, что способствует нашему пространственному сближению, послужит лишь укреплению подлинного единства и к усилению мощности целого. Достаточно говорили о Русском Колоссе. В конце концов, признают, я надеюсь, что это - Великан, и великан, хорошо сложенный...*".

Государственное мышление Тютчева точно формулирует проблему. В условиях мирного развития государства гигантские пространства России при катастрофическом бездорожье препятствуют экономическому и духовному процветанию страны. Нужны дороги, которые предопределят *подлинное сближение* и *усиление мощного целого*. Только дороги могут спасти Россию от её реального врага, именуемого пространством.

Прав и Пушкин, который видел военно-стратегический аспект пространств России. В неотправленном полемическом письме Чаадаеву (19 ноября 1836 года): Пушкин высказывался: „*...у нас свое предназначение. Россия, ее необъятные пространства, поглотили монгольское нашествие*". Ратная история XIX и XX столетий подтвердила справедливость мыслей Пушкина о неодолимости врагами российских пространств. Тютчев не знал об этом письме Пушкина, но тексты обоих поэтов, совпадая по идее, идентичны даже текстуально. Пушкин тезисно продолжает своё письмо: „*Пробуждение России, развитие ее могущества, движение к единству...*"!

Прозорливость великих поэтов России предсказывала проблему феномена её громадности.

- КЁНИГСПЛАЦ

Кёнигсплац - самая значительная и красивая площадь Мюнхена. Людвиг I называл это большое пространство «Королевской площадью», имея в виду главенство новой площади над остальными площадями города.

Кёнигсплац в начале XIX века был большим лугом без застроек. С запада в плац входила Кронпринцштрассе, с востока - Кёнигсштрассе. Обе улицы позже были соединены и переименованы после поражения Наполеона под городом Бриенн (Brienne-le-Châleau) в Бриеннерштрассе. В более давние времена дорога через луг называлась *Фюрстенвег*, *Княжья дорога*. Западный конец Кронпринцштрассе упирался в площадь Кронпринцплац, переименованную в 1845 году в *Штигльмайерплац* в честь баварского скульптора-литейщика Й. Штигльмайера, отлившего для Каролиненплац из бронзы обелиск павшим в России 30000 баварцам.

Планирование площади, на которой, в конце концов, появилось всего три здания, началось ещё в наполеоновские времена, но затянулось до окончания войны. Идеи королевской семьи, главным образом кронпринца Людвига, было поручено претворять в жизнь молодому профессору Академии архитектору Карлу фон Фишеру (1782-1820). Фишер уже имел опыт застройки соседней площади, Каролиненплац. По первоначальному замыслу, явно под влиянием фельдмаршала-победителя Вреде, площадь отдавали военным. Здесь должны были располагаться: кадетский корпус, дом военных инвалидов (по аналогии с парижским), апостольская церковь и памятник погибшим на войне. Однако время не работало на память о войне. Постепенно начали доминировать гуманитарные акценты, появилась идея постройки королевской библиотеки. Позже эти замыслы определились в самостоятельную и стройную концепцию. О военных зданиях больше не вспоминали.

Людвиг был гражданским человеком. Любящий папа, король Максимилиан I (или почти по-домашнему Макс I), на войну старшего сына не посылал, берёг для короны.[1] Максимилиан I дал Людвигу блестящее образование, в том числе художественное. Кронпринц закончил два университета (Ландсхутский и Гёттингентский) и учился искусству в Италии. Людвиг был знатоком живописи, писал стихи, окружал себя художниками, поэтами, философами, скульпторами. Не состоящий нигде на официальной службе свободный архитектор Лео Клеце стал другом будущего короля (они познакомились в Италии). Благотворное влияние Кленце (1784-1864) на Людвига длилось всю жизнь.

---

[1] Младший брат Людвига, 19-летний принц Карл, успел воевать под командованием генерала Вреде.

Кронпринцем была собрана гигантская коллекция египетских, античных и римских скульптур в мраморе, бронзе, базальте. Многие скульптуры представляли собой копии, ценность которых была не ниже ценности оригиналов. Для этой коллекции требовалось специальное здание, Глиптотека. Людвиг объявил конкурс. В 1813 году три архитектора - фон Галлерштейн, фон Фишер и Кленце - предложили свои проекты Глиптотеки. Людвиг отверг все три. В 1816 году новые проекты предложили фон Фишер и Кленце. Людвиг не принял обоих. Но в том же году был принят, наконец, третий вариант проекта архитектора Кленце. Соперничество двух зодчих было в пользу друга Людвига. В 1820 году 38-летний фон Фишер скончался и эстафету застройки площади окончательно принял Лео Кленце.

Кёнигсплац (современное фото): Пропилеи, 1854-1862 гг., и Глиптотека (справа), 1816-1830 гг. Архитектор обоих памятников зодчества - Лео фон Кленце.

Для Глиптотеки предназначалась северная сторона Кёнигсплац. 14 лет длилось строительство музея и 30 сентября 1830 года архитектор докладывал королю, что к двадцатой годовщине Октоберфеста, дня королевского бракосочетания, музей открыт для обозрения. Работы по камню выполнялись сподвижником Кленце, мастером Антоном Рипфелем. Музей состоял из 13 залов: зал фавна, Диомеда, сфинкса, Аполлона, Александра и др. Посетители увидели «Афродиту» Праксителя (VI век до н. э.), «Медузу» и «Босоногого» Лизиппа (VI век до н. э.), «Пьяную старуху», «Мальчика с гусем», «Дочь Сократа », «Спящего Сатурна» и другие шедевры древности.

Дневник Александра Тургенева 1834 года заполнен восхищениями Глиптотекой: „*Осмотрел Глиптотеку: конечно, в первый раз великолепие и внутреннее украшение здания меня более поразило*[1], *ибо я не видел еще ватиканских сокровищ; но и теперь нельзя не подивиться средствам короля для сооружения такого храма одному из изящных художеств. ...Храм Эгины почти весь здесь в своих мраморах. Бахус - в зале своего имени - из дворца Барберини: все имена зна-*

[1] А. И. Тургенев посещал Мюнхен в 1832 году.

комые. В Европе ничто так не напоминает ватиканского музея, как эта Глиптотека". Тургенев бы ещё больше *подивился средствам короля,* если бы знал, как скудела баварская казна из-за увлечений короля искусством. Но потомки благодарны Людвигу за собрание в Мюнхене редчайших шедевров античности.

По концепции Кленце все строения на Кёнигсплац и композиция самой площади должны соблюдать гармонию античного зодчества. Южная сторона площади отводилась для здания в коринфском стиле, западная - для строения в дорическом стиле. В обрамлении площади предполагались жилые дворцовые строения. По обеим сторонам дороги, проходящей через площадь, планировались 4 фонтана. Но кронпринц Людвиг желал также, чтобы на будущей главной площади Мюнхена стояла церковь немецкого апостола Бонифация. В Италию был послан молодой архитектор, ученик Карла фон Фишера, Георг фон Цибланд (1800-1873), который после длительного изучения итальянской церковной архитектуры предложил в качестве прототипа римскую базилику St. Paolo fuori le mura (Св. Павел из камня). В 1829 году был утверждён художественным советом Академии (второй) проект церкви Св. Бонифация. Кленце настоял, чтобы фасад церкви был обращён не к Глиптотеке, а в противоположную сторону, на Карлштрассе. С тыльной же стороны церкви, т. е. фасадом на Кёнигсплац, по мнению Кленце, необходимо построить музейное здание выставок. В 1835 году, в день 25-летия бракосочетания королевской семьи, опять на Октоберфест, Людвиг I заложил камень в основание церкви Св. Бонифация. Её строительство было завершено только к 1850 году.

Проектирование музейного здания выставок было доверено также Цибланду, который это здание и церковь Св. Бонифация объединил в единый комплекс. В течение 1838-45 гг. на Кёнигсплац напротив Глиптотеки в коринфском стиле было наконец воздвигнуто здание выставок, получившее название «Музей античных собраний из керамики».

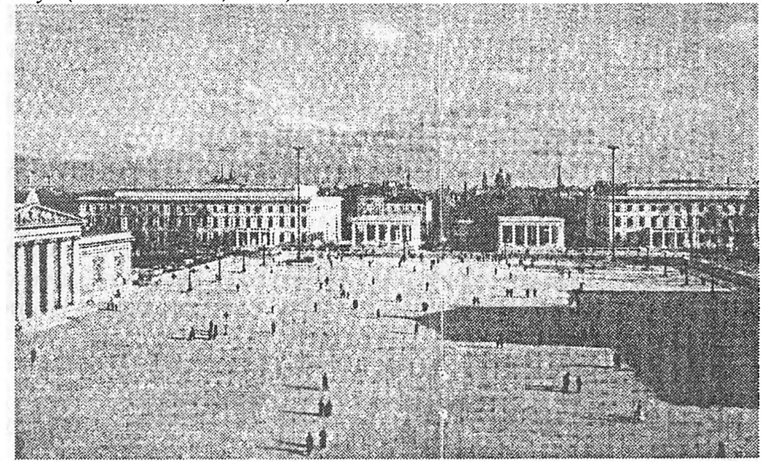
Георг фон Цибланд, способный архитектор, строительный инспектор королевского двора, гражданским строительством почти не занимался. В его активе церкви, часовни.

Западная часть площади была определена для гигантской арки-форта, Пропилеев, аналога афинских ворот в Акрополе. Пропилеи - вход на площадь и в город, были построены по проекту Кленце в дорическом стиле в 1854-62 гг. Пропилеи имели три въезда: центральный и два боковых. Центральным пользовались в особо торжественных случаях, боковыми - повседневно.

Въезжающему в Мюнхен путешественнику арка символизировала преемственность эллинских традиций. Путник должен был полагать, что въезжает в Новые Афины, «Афины-на-Изаре». Лучшие архитекторы Баварии - Кленце, Гертнер, Фишер, Шванталер, Цибланд -

изучали в Италии живопись и римскую архитектуру, в Греции - античное зодчество, выстраивали в Мюнхене в стиле греческого классицизма великолепные здания и памятники.

Гости из России сообщали свои впечатления: „*Мюнхен для искусств - вторая Флоренция. Король настроил зданий для них, достойных Рима: собрал в них все, что накупил в течение жизни в Италии и здесь <...> Город отстраивается и увеличивается во все стороны: везде площади; я бы назвал его площадным, если бы Мюних* (Мюнхен) *теперь не был Афинами Германии*" (А. Тургенев, 1834). „*Царь-художник и царь-поэт <...> много занимается украшением города и обогащением его памятниками искусств древности и германской старины <...> Мюнхен может быть признан приготовительным курсом к Риму*" (П. Вяземский, 1834).

Кёнигсплац (фото 1936 года). Слева на площади - колоннада Глиптотеки. Прямо - два почётных храма, к которым примыкают «Дом партии» (слева) и «Дом фюрера».

И духовным отцом Кёнигсплац, королём Людвигом I, и реальным создателем площади, зодчим Кленце, предполагалось, что на площади будут проходить большие форумы. Но тот накал страстей, который действительно здесь происходил, предсказать они не могли. На старинной картине - въезд короля Людвига II. Тысячи встречающих (счёт людей на этом пространстве только на тысячи) приветствуют короля. Это нормальный восторг. Или вот на другой картине толпы любопытствующих людей наблюдают гигантский цуг с Максимилиан-монументом. Действительно, очень интересно. Но Кёнигсплац был свидетелем и революционных катаклизмов 1848 года и 1918 года.

— Приход Третьего рейха ознаменовался для Кёнигсплац серьёзной реконструкцией. Площадь, как памятник просвещённой монархии первой половины девятнадцатого века, перестала существовать и получила название «Königlicher Platz». Зелёный покров был снят и заменён гранитными плитами для марширующих восторженных приверженцев нового порядка. В восточной части площади были фундаментально сооружены: «Дом фюрера», «Дом партии» и два почётных храма, Ehrentempel. Под храмами и «Домами» находились обширные подвалы с разветвлённой сетью коммуникаций, подземными ходами и бомбоубежищем на 450 человек. В «Доме партии» фюрер принимал итальянского дуче. Площадь стала местом многотысячных патриотических форумов NSDAP. В прессе площадь называли «Акрополь Германии». Гитлер заимствовал у Сталина всю атрибутику парадной краснознамённой шумихи главной площади СССР. Для полноты аналогии 9 ноября 1935 года на «Königlicher Platz» в оба Ehrentempel были торжественно перенесены саркофаги с останками 16 соратников фюрера, погибших в путче 9 ноября 1923 года. Храмы-мавзолеи были оборудованы ложами для правителей, принимающих парады.

Во время войны «Königlicher Platz» был объектом прицельного бомбометания. Глиптотека подверглась полному разрушению.

В 1946 году наземную часть храмов взорвали. Их цоколи доступны обозрению по сей день. Саркофаги исчезли. Зелёный покров восстановили. Старое название площади вернули. «Дома» переименовали: «Дом фюрера» в музыкальную школу, «Дом партии» - в Институт и музей графики и топографии. Подземные лабиринты остались в прекрасном состоянии. Их судьба является предметом многолетних дискуссий градостроителей и до сих пор пока не определена.

Площадь, вместо возбуждающих военно-политических форумов, занята теперь в духе времени грандиозными театральными шоу.

- ЛЕЙХТЕНБЕРГРИНГ

В тютчевские времена не было на карте Мюнхена трассы *Лейхтенбергринг*, т. е. *Кольца Лейхтенберга.* Кольцо названо именем герцогов Лейхтенбергских. С первым Лейхтенбергом, герцогом Евгением, Тютчев короткого знакомства свести не успел: герцог умер в Мюнхене 21 февраля 1824 года. Герцог, рожденный в 1781 году во Франции, ни указанных титула и имени по наследству не получал. Он обязан был своему восхождению сразу двум высоким особам. О второй особе ниже. Первая особа - мамин муж, т. е. отчим, который также не был ни герцогом, ни Лейхтенбергским. Отчим был просто Наполеоном. Наполеон любил Евгения и его сестру Гортензию, любил и их мать, свою первую жену, Жозефину.

Предыдущий супруг Жозефины, либеральный виконт де Богарнэ, генерал республиканской армии, внушал своим чадам дух антимонархизма и предпочитал дворянскому безделью трудовые ремесла. Евгений в соответствии с наставлениями отца осваивал столярное дело, Гортензия училась на портниху. Дети виконта не успели пополнить рабочий класс Франции, т. к. произошли события, изменившие не только их судьбу, но и судьбу всей Европы.

Летом 1794 года ворожея Мари-Анн Ленорман[1] сообщила Жозефине о предстоящей через 2 года смене фамилии и, что ее новым мужем станет молодой офицер, которому предстоят великие дела. Сеанс ясновидения происходил в тюрьме де ла Форс, в которой обе дамы и муж-виконт ожидали казни. Дождался печального финала только 34-летний Богарнэ...

Ведунья не подвела Жозефину и всё, конечно, произошло, как было предсказано: 27-летний корсиканец, генерал Бонапарт, зарегистрировал 9 марта 1796 года гражданский брак в парижской мэрии с 33-летней вдовой, виконтессой де Богарнэ, урожденной де ла Пажери. Генерал был беден. В брачном контракте в графе «Имущество» записал «Военное снаряжение», в случае своей смерти счел возможным обещать жене пенсию в размере лишь 1,5 тысячи франков в год. При разводе в 1809 году (по причине бездетности) пенсия была увеличена в 2000 раз, расстроенной бывшей супруге был подарен Рим, от которого практичная Жозефина отказалась. Желая оставаться в Париже, получила взамен дворец Мальмезон на Елисейских полях и охотничий замок Наварр. Рассказывают, что будто в названных строениях император иногда навещал еще любимую им первую жену, более того, что вообще только Жозефину всю жизнь и любил балованный женским вниманием Наполеон. Вполне возможно... Было что-то истинно возвышенное в этой прекрасной простой женщине, бедной дворянке, рожденной без титулов на острове Мартиника.

Несостоявшийся столяр Евгений под знамёнами отчима завоевал Италию и стал её вице-королем, а портниха Гортензия вышла замуж за брата отчима, Луи Бонапарта, и состояла с ним в браке, пока он был голландским королем... Во французской армии была популярна на слова Гортензии «Прощальная песня». Ну как не премировать короной![2]

---

[1] См. статью „*О чем ты воешь, ветр ночной?..*“

[2] Интересная подробность. Музыку к бравому маршу сочинил французский композитор Бертран. Мелодии была суждена долгая жизнь: её знали и баварцы, но исполняли на другие слова, которые в 1832 году написал баварский поэт Х. Донауер по случаю убытия военного отряда из Мюнхена в Грецию. Новый марш получил название «Прощание баварских воинов».

Наполеон был властолюбив, но не жаден. Он щедро дарил вассальные территории своим родственникам, друзьям, маршалам. Совсем в монаршем духе Наполеон стремился закреплять межгосударственные союзы династическими браками.

Баварию французский император не завоевывал. Стиснутая между соперничающими Австрией и Францией Бавария благоразумно предпочла примкнуть к последней. Хорошо вооруженная австрийская армия генерала Мака осенью 1805 года вступила в несговорчивую Баварию, желая наказать её, а заодно и французов. Двор и правительство курфюрста Макса в спешке покинули Мюнхен и выехали в Вюрцбург. Армия генерала Мака закрепилась в Ульме. 15 октября корпуса маршалов Нея и Ланна штурмом взяли высоты, окружавшие Ульм. 20 октября крепость Ульм и уцелевшие австрийцы со всеми военными запасами и знаменами сдались на милость победителю. 13 октября Наполеон въехал в Вену. Но Австрия, надеясь на союз с Россией, на так называемую «Третью коалицию», еще сопротивлялась. 2-го декабря у деревни Аустерлиц, в 120 километрах к северу от Вены, указанное военное сообщество перестало существовать: русские и австрийские армии потерпели сокрушительное поражение. Австрия отдала Баварии Тироль, Пруссия - Аншпах и другие земли. Бавария, не потеряв ни одного солдата, приросла территориями, увеличив свою площадь вдвое. 1-го января 1806 года Мюнхен был объявлен столицей Баварского королевства. Макс IV Йозеф, двадцать шестой баварский курфюрст династии Виттельсбахов (генеалогической линии Цвайбрюккен), становится королем Максом I Баварским, а через две недели пасынок Наполеона, Евгений Богарнэ, - зятем баварского короля, мужем его старшей дочери, 17-летней принцессы Августы-Амалии-Людовики-Георгии.

Вот такой калейдоскоп потрясающих событий произошел на европейском небосклоне всего за 3 месяца 1805 года.

Наполеон сошел со сцены истории, Евгений в качестве командира 4-го корпуса в составе «Великой армии» был в 1813 году изгнан из России и в 1814 году - из Италии. Вот тогда баварский король должен был облагородить генеалогию молодых супругов Богарнэ. Макс I, в бытность свою пфальцским курфюрстом, наследовал ландграфство Лейхтенберг. Данное ландграфство и еще некоторые земли без права самостоятельной внешнеполитической деятельности баварский король уступил в 1817 году своему зятю. Благодаря этой коллизии полузабытое старинное герцогство получило нового процветающего герцога. Муж баварской принцессы стал именоваться вполне подобающим для королевского семейства титулом: *герцогом Евгением Лейхтенбергским*. Столицей ландграфства был небольшой городок. И сегодня в Лейхтенберге всего 32 улицы. В 1818 году королевский зодчий Лео

Кленце выстроил в Мюнхене для семьи герцога дворец, сохранившийся до сих пор на Одеонсплац 4.[1] За 18 счастливых семейных лет у герцогов Лейхтенбергских родились 2 принца и 4 принцессы. В 1824 году 41-летний Евгений скончался. Его похоронили в Мюнхенском соборе Св. Михаила. Герцогство наследовалось, как положено, старшим принцем, каковым был 14-летний Карл-Август-Евгений-Наполеон. Юный герцог немного пожил, успел жениться, но на остальные утехи судьба времени ему не отпустила. В 1835 году герцог умер. Потомства он оставить не успел и очередным герцогом Лейхтенбергским стал его брат, 18-летний Максимилиан-Евгений-Иосиф-Август-Наполеон, или просто Максимилиан.

Известно, что во втором браке Наполеон хотел породниться с российской династией Романовых и даже выбрал себе в невесты великую княжну Анну Павловну, сестру императора Александра I. Воспротивилась браку мать-императрица. После позора Аустерлица отдать дочь французскому монстру! Анну Павловну срочно сосватали за герцога Ольденбургского. Наполеону же сообщили, что его предложение пришло после помолвки. Ну, а если бы породнились с Бонапартом? Возможно, и не было бы сожженной Москвы? Впрочем, известно, что родственные связи не помеха для войн. Да и сослагательное наклонение в истории - зряшное занятие...

В 1837 году король Людвиг I по приглашению императора Николая I направил в Россию для присутствия на военных учениях русской армии командира баварского кавалерийского полка 20-летнего герцога Максимилиана Лейхтенбергского. В Петербурге молодой кавалерист знакомится с 18-летней красавицей, великой княгиней Марией Николаевной, и в Баварии с 1839 года одним командиром стало меньше. Максимилиан Евгеньевич не был французским монстром, а только сыном его пасынка. Осенью 1840 года баварский курорт Тегернзее посетила упомянутая

Герцог Максимилиан Лейхтенбергский с супругой великой княгиней Марией Николаевной.

[1] В бывшем Лейхтенбергском дворце сейчас министерство финансов Баварии.

великая княгиня Мария Николаевна, к тому времени герцогиня Лейхтенбергская. Российский дипломат Фёдор Тютчев был гостем Марии Николаевны. „*Сегодня утром мы должны быть у оной Великой Княгини*", - сообщал Тютчев 3 сентября 1840 года. 21-летней дочери Николая I поэт презентовал совсем неверноподданническое приветствие:

Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта!
Не искушай его мечты! <...>
О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен!
Пускай любить он не умеет -
Боготворить умеет он!

Великая княгиня была воспета как Великая женщина! Молодая красавица герцогиня Лейхтенбергская благоволила к Тютчеву.[1] Принц Максимилиан Лейхтенбергский является одним из персонажей картины Филиппа Фольца и указан в списке под № 21. События, изображенные на картине датируются декабрем 1832 года, герцогом же Максимилиан стал в 1835 году. Так как в списке персонажей Максимилиан указан уже с герцогским титулом, то, очевидно, названный список составлен после получения им титула.[2]

Со смертью 13 мая 1851 года принцессы Августы, матери Максимилиана, завершилась история Лейхтенбергов в Баварии. Зато преуспевала российская ветвь. Франко-баварские герцоги Лейхтенбергские пришлись в России ко двору. Зять российского государя именовался Императорским высочеством, получил чин генерал-майора, был назначен шефом гусарского полка и впоследствии командовал 1-й гвардейской легко-кавалерийской дивизией.

Имя Максимилиана Лейхтенбергского в тютчевской переписке окрашено в нейтральные тона. Анна Фёдоровна Тютчева более определенно характеризует герцога: „*К несчастью, она* (великая княжна Мария Николаевна), *была выдана замуж в возрасте 17 лет за принца Лейхтенбергского, сына Евгения Богарнэ, красивого малого, кутилу и игрока*" и далее следуют невесёлые сплетни императорского Двора. Однако герцог был не только кутила. Максимилиан интересовался электричеством, горным делом, основал бесплатную лечебницу, известен как неплохой знаток живописи, материально поддерживал худож-

---

[1] Позже (в 1845 году) Мария Николаевна содействовала помещению дочерей Фёдора Ивановича, Дарьи и Екатерины, в Смольный институт и (в 1852 году) способствовала назначению старшей, Анны, фрейлиной к цесаревне Марии Александровне, жене будущего императора Александра II.
[2] См. статью «Тютчев и персонажи картины Ф. Фольца».

ников, был избран президентом российской Академии художеств, был также попечителем «Общество посещения бедных». Максимилиан серьезно содействовал техническому прогрессу и строительству железных дорог, построил недалеко от Петербурга паровозный завод, ему было присвоено звание почетного члена Академии наук.

В 1845 году Максимилиан продал Ватикану свое наследство в Папской области, окончательно утвердился в России и даже купил имение на Тамбовщине. От брака Марии Николаевны и Максимилиана родились семеро детей. Удивительно, но их старший сын, Николай Максимилианович (генерал-от-кавалерии и президент Российского минералогического общества) реанимировал для своей жены и потомства по женской линии титул графини Богарнэ. После смерти герцога Лейхтенбергского (в 1852 году) Мария Николаевна тайно, против воли императора, венчалась со шталмейстером Двора графом Г. А. Строгановым (1824-1879). Их дочь Елена (1861-1908) в первом браке была за В. А. Шереметьевым, родственником тютчевской семьи. Род герцогов Лейхтенбергских активен и сейчас, но уже за пределами России.

В капле воды отображается Вселенная. История рода герцогов Лейхтенбергских - осколок зеркала европейской истории, колечко в исторической связке Франция-Бавария-Россия. Leuchtenbergring - звено в магистрали мюнхенской кольцевой дороги...

- ОДЕОНСПЛАЦ

Увлекательное занятие - чтение старых газет. Масса новостей. Оказывается лотто-тото, брачные заявки, объявления о спросах-предложениях, рубрики бабушкиных рецептов и дедушкиных анекдотов уже публиковали почти 200 лет назад. Старая газета - пульс жизни прошлой эпохи, машина ушедшего времени. Разверните «Münchner Stadtzeitung» столетней давности: „*Настоящий мюнхенец знает, какая площадь олицетворяет портрет города, где объединены веселье и прохладное пиво, многоцветный покров прекрасных цветов в королевском саду и грациозная гирлянда башен*". Или тоже очень давний выпуск «Münchener-Conversation Blatt»: „*Здесь бьётся сердце города. Непринуждённая элегантность, мера и гармония создают атмосферу, которая проникает к Вам в душу*". Так восторженно писать можно только об Одеонсплац. Площадь Одеона меньше торжественной Королевской площади, Кёнигсплац, значительно моложе старинной Мариенплац, но на много привлекательней их обеих сочетанием изысканной аристократичности и демократизма. Такому облику площадь обязана времени своего рождения: первой трети XIX столетия. Точная дата появления имени площади на карте Мюнхена - 1827 год, но застройка началась на 11 лет раньше, при первом баварском короле Максе I Йозефе. В это время уже входил во вкус управления кронпринц Людвиг,

покровитель искусств, фактический основатель художественного Мюнхена. Баварию после освобождения от Наполеона ожидали годы мира. В Мюнхен были приглашены художники, зодчие, ученые. Славой пользовалась известная Баварская Академия изящных искусств, в работах которой сложились стили, традиции. В 1805 году зодчими Людвигом фон Скеллем и Карлом фон Фишером был разработан Генеральный план застройки Максфорштадта. Однако все 18 зданий на Одеонсплац строились по проектам приглашённого архитектора, друга королевской семьи, Лео Кленце (1784-1864).

Чужак Лео, его предки простолюдины из Ростока, приехал в Мюнхен в 1816 году (из Рима). Он не очень дружественно был принят местными архитекторами. Кленце сразу получил заказ от короля на строительство дворца на новой улице, Людвигштрассе, для королевского зятя, герцога Евгения Лейхтенбергского. Через три года на будущей магистрали появилось первое здание, аналог римского Palazzo Farnese, образец раннего мюнхенского классицизма. Новостройка всем понравилась. Позже дворец получил адрес Одеонсплац 4. Дворец был обставлен мебелью из парижского дворца Мальмезон, принадлежавший покойной матушке герцога, виконтессе Жозефине де Богарнэ. Дворец герцога Лейхтенбергского часто упоминаем в газетных новостях королевского двора.

После Второй мировой войны от здания сохранилась часть фасада и внутреннего убранства. В 1953-66 гг. межэтажные перекрытия заменили железобетонным каркасом. Уцелевшую мебель перенесли в Нимфенбургский дворец и в фойе Геркулес-зала. На фасаде министерства финансов, нынешнего хозяина дворца, установили мемориальную доску со сведениями об архитекторе и дате строительства. Фамилия Кленце названа с аристократической приставкой фон. Эта запись неточна. Она скорее выражение любви мюнхенцев к зодчему. Кленце получит грамоту баварского дворянина только в 1833 году.

Мюнхенские газеты от декабря 1832 года («Münchener Politische Zeitung» и другие) сообщают о празднествах по случаю избрания принца Отто на королевский престол Греции. Лучшее место для праздника - Одеонсзал в Одеонсдворце на площади Одеона. В древней Греции в Одеонах состязались музыканты, танцоры, певцы. Мюнхенский Одеонсдворец, также в стиле мюнхенского классицизма, Кленце построил в 1826-28 гг. по поручению короля Людвига I. Бальный зал на Герцогшпиталштрассе 1139 (сегодня дом № 12) был уже маловат для музыкальных празднеств. В роскошном Одеонсдворце с его великолепной акустикой расположилась по желанию короля высшая музыкальная школа. Дворец дал название площади, из которой устремилась главная улица Максфорштадта, Людвигштрассе. В 1944 году здание было уничтожено. На его месте (на Одеонсплац 3) в 1951-54 гг. выстроили другое красивое здание, но без Одеонсзала. Да и за-

чем нужен зал с концертной акустикой министерству внутренних дел? На западной стороне площади во времена Кленце, кроме упомянутых дворцов, было выстроено для мюнхенских аристократов в том же стиле еще 4 здания. Аристократизм строений данной части площади уравновешивался демократизмом её противоположной стороны. По замыслу зодчего в районе Гофгартена, Королевского парка, соблюдалась сложившаяся традиция зрелищного времяпровождения мюнхенцев. Еще в 1661 году возле Королевского парка был сооружен громадный павильон для турниров. К северной части строения примыкала картинная галерея (на Галериштрассе 4), которую в 1808 году несколько расширили. И вот в 1825-26 гг. Кленце перестраивает западную часть Гофгартена. Появляются новые ворота и стена сада, которые сегодня хорошо известны, и вместо турнирного павильона - здание Базара, выстроенное в стиле того же мюнхенского классицизма. Со стороны сада первый этаж здания оформлен в виде аркад.

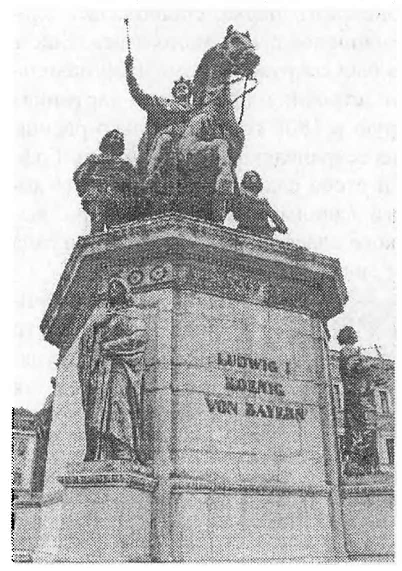

Аркады в Гофгартене, Королевском парке.

Российские гости часто описывают гуляния горожан в Гофгартене под аркадами: „*...с 3,5 до 5,5 гулял под аркадами с Тютчевым и с Шеллингом* ",- Александр Тургенев в дневнике от 11 апреля 1834 года. Мюнхенские парки часто упоминаются в переписке Тютчева и его современников. По приезде в Петербург Анна, старшая дочь Тютчева, с грустью вспоминала: „*Эта обстановка* (отеля «Демут» в Петербурге) *представляла печальный контраст с просторными и светлыми залами моего института в Германии, окруженного свежей зеленью сада с его липами и кустами роз*"[1]. [Тютчева, 61] Тютчев обратил в анекдот совсем несмешной случай своего голодного обморока, который произошел с ним в Гофгартене: „*Однажды,* - рассказывал Фёдор Иванович Ивану Гагарину, - *ваш дядя при-*

[1] Удивительное совпадение негативных эмоций, но несомненно случайное и по разным поводам, было у Анны и у А. С. Пушкина во время его пребывания в гостинице «Демут» в в ноябре 1829 года: „*На днях приехал в Петербург. Адрес мой у Демута... В Петербурге тоска, тоска...*“, (из письма С. Д. Киселеву 15 ноября 1829). [Иванов 1971]

гласил меня на обед; я думал, что к шести часам, и явился в ту самую минуту, когда вставали из-за стола. Поэтому я не обедал. На другой день жены моей не было и некому было заказать обед; я обошелся без обеда. На третий день я потерял привычку обедать, но силы мне изменили, и я упал в обморок в Гофгартене".

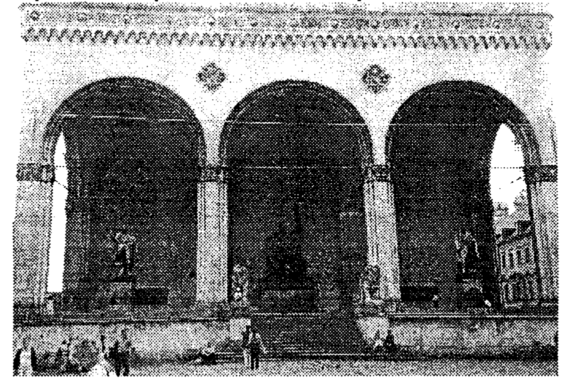
Памятник королю Людвигу I Баварскому на Одеонсплац.

Воспоминания Николая Греча того же времени: „*...достойны примечания аркады, идущие по западной и северной стороне площади* (возле Королевского парка). *В сих аркадах находятся большие фресковые картины важнейших событий из истории Баварии. Внешняя часть аркад, по лудовиковой улице* (Людвигштрассе), *занята, так называемым, базаром, в котором помещаются красивые и богатые магазины, кофейни и кондитерские*". Невысокое довольно длинное Г-образное здание Базара состоит из отдельных блоков, каждый из которых имеет свой почтовый адрес (Одеонсплац 6-18). Здесь были и кафе «Tambosi», и магазины дорогого фарфора, и в аркадах фрески учеников знаменитого Петера Корнелиуса (К. Ротманна, Г. Гассена, Л. Фольца (брата Ф. Фольца), Е. Фёрстера, И.-Г. Гитенсбергера, В. Каульбаха, В. Линдесшмидта, Е.-Н. Нойройтера), расписанные в 1826-30 гг. Время многое изменило, но, главное, сохранилась атмосфера домашней уютности этой части Одеонсплац. Не угасли фрески, не исчезло старое кафе «Tambosi». Сегодня здесь пивные «Tucher» и «Augustiner-Brdu». Рядом с ними салон причесок «Salzmann», магазин парижских мод «Eric Bompard», ателье мехов «Beck» , галерея «Füssel & Jakob», фильмказино, банки и пр., пр., пр..

Архитектурному ансамблю площади особый колорит придают мемориальные сооружения. Они устанавливались к юбилейным датам, которые мюнхенцы всегда чтят.

18 июня 1841 года в южной части Одеонсплац на месте развалин Швабингертора в 26-ю годовщину разгрома наполеоновских войск под Ватерлоо по поручению короля Людвига I архитектором Фридрихом Гертнером был заложен первый камень в основание «Feldherrnhalle», «Галереи баварских полководцев». Галерея сооружа-

лась по образцу флорентийской Loggia di Lanzi. 18 октября 1844 года, в 31-ю годовщину «Битвы народов» под Лейпцигом, скульптором Л. Шванталером в Галерее были установлены две бронзовые скульптуры, изображающие брабантского графа Тилли (1559-1632), командующего баварскими войсками в Тридцатилетней войне (1618-1648), и князя Карла Вреде (1767-1838). Того самого Вреде, который был командиром баварской дивизии в наполеоновской войне 1812-13 гг. и позже, в 1813-14, командовал группой баварско-австрийских войск в той же войне, но против Наполеона. Вреде был участником «Битвы народов». В романе «Успех» Леон Фейхтвангер иронизирует по поводу увековеченных генералов, „*из которых один не был баварцем, а другой - полководцем*". Знаменитый романист явно несправедлив к князю: Вреде обладал стратегическим чутьем. Вреде, как и Тилли, также не был баварцем, его предки шведского происхождения.

Одеонсплац. Галерея полководцев.

Людвиг занял баварский трон 13 октября 1825 года. В соблюдение традиции, принимая корону, новым королем были провозглашены главные принципы его предстоящего правления: *Справедливость* и *Настойчивость*, и декларировано покровительство *Религии*, *Науке*, *Искусству* и *Поэзии*. Людвиг считал, что следование названным лозунгам и принципам достаточно для благоденствия баварцев, но у них было другое мнение, и пришлось доживать Людвигу свой век с обидной приставкой экс: 20 марта 1848 года, Людвиг под давлением баварского парламента и общественного мнения вынужден был отказаться от престола в пользу кронпринца Максимилиана. Случай беспрецедентный в немецкой истории.

Максимилиан II был благодарным сыном: 25 августа 1862 года на Одеонсплац в день 76-х именин здравствующего экс-короля Людвига I Баварского был открыт ему бронзовый памятник, отлитый Ф. Миллером по проекту скульптора Макса Видманна. Бывший монарх изображен в римском одеянии на богатырском коне в сопровождении двух пажей: *Справедливого* и *Настойчивого*. В четырех углах поста-

мента - фигуры-аллегории: *Религия, Индустрия, Искусство, Поэзия.* Таким в памяти потомков должен был остаться Людвиг.

Несчастный Людвиг пережил старших царствующих сыновей, Максимилиана и Отто. Не забыли мюнхенцы Людвига и в 100-летний юбилей его рождения. К этой дате (в 1886 году) на Одеонсплац по поручению его третьего сына, принц-регента Луитпольда, на площадке перед Feldherrnhalle по проекту архитектора А. Зетца установлены монументальные флагштоки с гербами Баварии и Мюнхена. На одном флагштоке надпись: „*Справедливому и настойчивому королю Людвигу I Баварскому*", на втором - „*От верного Луитпольда, принц-регента Баварского*". В 1906 году, к 120-летней дате со дня рождения Людвига, также в период правления Луитпольда, в Галерее были установлены отлитые Руеманном могучие львы, олицетворение баварской силы.

После Первой мировой войны в Галерее была установлена мемориальная плита со следующим текстом: „*В мировой войне 1914/18 гг. воевали плечом к плечу с немецкими братьями для прочного мира и свободы 1400000 баварцев. 200000 погибли за отечество. Баварскими руководителями немецкой и союзной армий были: генерал-фельдмаршал кронпринц Руппрехт Баварский, генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский, генерал-полковник Феликс граф Ботмер*". Принцы Руппрехт и Леопольд - близкие родственники: племянник и дядя, члены королевской семьи. Феликс Ботмер - племянник Элеоноры Тютчевой.

Одеонсплац - сердце Мюнхена, а Feldherrnhalle - символ его души. Это знал в 1923 году и будущий фюрер Германии. Именно отсюда он стремился начать завоевание страны. От Галереи должен был начаться марш на Берлин. Но сначала надо было до неё дойти. Поход был приурочен к 5-й годовщине Германской революции. Его участники спекулятивно называли себя революционерами, а существующий строй контрреволюционным. Гитлер собрал около 2-х тыс. сторонников и вечером 8 ноября они двинулись от «Bürgerbräukeller», пивной в районе нынешнего Гастайга, и мимо Изартора вышли на Мариенплац и далее к площади Одеона. Рядом с Гитлером шагал генерал Людендорфф, кумир немецкой нации. Нация, правда, была не в курсе о роли кумира в капитуляции Германии в 1918 году.

Шествовали с митингами, преодолевая полицейские кордоны, громя еврейские лавки. Личный охранник Гитлера, Йозеф Берхтольд, владелец табачного магазина, поджёг табачный киоск своего конкурента, Абиша Грюншпана. Другой охранник, мясник Ульрих Граф, привел штурмовиков к магазину колбасных изделий Макса Лёвенталя. Сгусток патологической ненависти, именуемой нацизмом, может выплеснуться куда угодно, на любую цель и даже без цели. Данная психическая аномалия побуждается к уголовному действию возможностью безнаказного грабежа и насилия. На Одеонсплац, утром 9 ноября,

путь колонне преградила мюнхенская полиция. Последовала свалка. В перестрелке погибли 3 полицейских и 16 путчистов. Тяжело ранили Геринга. Гитлер бежал. В генерала Людендорффа не стреляли. Его арестовал лейтенант Макс Деммельмайер, командир полицейского заслона на Одеонсплац.

В тот же день, 9 ноября, от имени Gesamtministerium обнародовано следующее историческое «Сообщение»: „*В связи с путчем Гитлера-Людендорффа с целью смещения конституционного правительства разъясняем. Конституционное правительство существует дальше. Оно призывает все учреждения, полицию и баварский контингент рейхсвера оставаться верным своему конституционному правительству. Всех революционеров от службы отстранить. Кто противодействует, тот рассматривается, как предатель. Правительство ожидает, что баварский народ в городе и стране откажет пруссаку Людендорффу и его сообщникам, которые предприняли путч, чтобы втянуть баварский и немецкий народы в несчастья, которым нет названия. Дальнейшие сообщения последуют*".

В министерстве явно сидели пророки!

События на Одеонсплац были предостережением Провидения. Но Гитлер намёков судьбы не понял. Баварский и немецкий народы ждали ужасы уничтожения, Германию и Мюнхен - разрушения Содома и Гоморры... Подойдите сегодня к Feldherrnhalle. В брусчатке мостовой перед Галереей мемориальная медная плита: „*Солдатам баварской земельной полиции, ставкой которых против национал-социалистического путча 9. 11. 1923 года была их жизнь: Фридриху Линку, Николаусу Холлвегу, Максу Шрауту*".

Вечная слава и вечная память мюнхенцам, которые первые дали отпор фашизму!

В незавершенном трактате «Россия и Запад» Тютчев в 1944 году, оценивая сложившуюся тогда ситуацию в Германии, высказал гениальный прогноз её последствиям: „*Что меня наиболее поражает в современном состоянии умов в Европе, это недостаток разумной оценки некоторых наиважнейших явлений современной эпохи, - например, того, что творится теперь в Германии... Это дальнейшее выполнение все того же дела, обоготворения человека человеком... Как только надлежащим образом опознают присутствие этой стихии, так и увидят повод обратить более пристальное внимание на возможные последствия борьбы, завязавшейся теперь в Германии, - последствия, важность которых способна, для всего мира, достигнуть размеров неисследимых...*".

- ЗРЕЛИЩА. КОНЦЕРТЫ. ТЕАТР

Fasching - баварская масленица. Крестьяне празднуют в первые весенние оттепели расставание с голодной зимой. Традиционно соблюдение старинных языческих сценариев. В лицедействе танцев извечная борьба Добра со Злом. Весенним полевым работам мешает Ведьма-зима. Она хочет вернуть мороз и снегопады. Но это злодейство ей не удаётся: ничто не может остановить наступления весны. Молодой русский дипломат Фёдор Тютчев под впечатлением баварских празднеств написал стихи, которые сейчас знают все школьники России:

Зима не даром злится,
Прошла ее пора -
Весна в окно стучится
И гонит со двора.<....>
Зима еще хлопочет
И на весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет,
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая,
И, снегу захватя,
Пустила, убегая ,
В прекрасное дитя...
Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу.

Лицедейство, изображение действия в лицах, существовало во все времена. Оно изначально заложено в природе самой жизни. Главное требование к лицедейству - воздействующая зрелищность. С лицедейством древнего Fasching'а соперничает в религиозной Баварии только Passionsspiel - мистерия о предсмертных страданиях Иисуса в последние часы Его жизни. Когда и где точно состоялась премьера, никто уже не помнит. Историки считают, что еще в XIII веке в баварском городке Обераммергау нашлись все необходимые участники самодеятельного театра. Входные билеты не требовались: сценой была улица, по которой двигалась процессия, провожающая Иисуса в последний путь. Жители городка - „*народ, сшедшийся на сие зрелище*“ (*Лука*, 23, 48.). Воссоздавался Божественный сценарий с деталями, ранее неизвестными Всевышнему. Тютчев хорошо знал эти представления, считал их народным развлечением, религиозный смысл которого заслонялся эффектом зрелищности. В августе 1840 года их пыталась увидеть и Эрнестина. Тютчев ей писал в Тегернзее из Мюнхена: „*Я буду очень раздосадован, если из-за этой задержки* (встречи с великой княгиней Марией Николаевной, гостившей в Мюнхене) *тебе не придётся съездить в Аммергау, но, с другой стороны, сильно сомневаюсь, чтобы эта поездка доставила тебе большое удовольствие. Ещё в прошлый раз, когда туда ездили Мальтицы* (в июле того же 1840 года), *не было возможности достать комнатку в городке. Придётся ездить ночевать на два перегона дальше и вставать в три часа утра, чтобы попасть к началу представления. Найдётся ли развлеченье, которое ты согласилась бы оплатить такою ценою?*". [Тютчев 1984, 54]

ПРАВДА

ілюстрований часопис

Страсні видовища в Обераммерга

Сообщение о пассионшпиль в львовской газете «Правда» (на укр. яз.) 22 июня 1930 года: «ЗРЕЛИЩА СТРАДАНИЙ В ОБЕРАММЕРГАУ.
В Обераммергау, в Баварии, открылись представления зрелищ страданий Иисуса Христа. В первом представлении приняли участие представители баварской власти, папский нунций в Мюнхене и 5000 зрителей. Представление длилось восемь часов и произвело большое впечатление. Кроме картин Нового Завета, которые представляли жизнь и смерть Иисуса Христа, в зрелище было и немало картин и из Старого Завета. На фотографии сцена „Поцелуй Иуды“».

Летом 1900 года тут путешествовал русский поэт, художник-пейзажист Максимилиан Волошин. В рассказе «В Обер-Аммергау» Волошин живописно и подробно рассказывает о традиционных баварских зрелищах-мистериях. [Волошин, 19-29] Поэту показалось, что эти представления, остаток прекрасного средневековья, теряют в угоду любопытствующим праздным туристам свою первобытную свежесть и религиозную наивность. Расстроенный художник „*шёл с мешком за плечами по сырой горной тропинке по направлению к белевшим вдали Альпам Тироля. ...А в голове звенели слова Гейне* (из «Путешествия по Гарцу», пер. М. Михайлова):

Ухожу от вас я в горы,
Где живут простые люди,
Где свободный веет воздух
И дышать свободней груди.

В горы, где синеют ели,
Звонки, зелены, могучи,
Воды плещут, птицы свищут
И по воле мчатся тучи... "

Величие горной природы возвышало и очищало душу. Passionsspiel в Обераммергау дружелюбно описывал и Генрих Ноэ, первый переводчик сборника стихотворений Тютчева на немецкий язык.[1] Ещё со времен бытности Тютчева и до нынешних дней в Мюнхене отмечают одно грандиозное осеннее празднество, именуемое Октоберфест. Его происхождение не связано с религиозными традициями

[1] См. статью «Генрих Ноэ».

и является совершенно мирским изобретением графа Максимилиана Монжела, предприимчивого премьер-министра короля Макса I. В 1810 году граф из не совсем альтруистских побуждений предложил бракосочетать кронпринца Людвига и принцессу Терезу-Шарлотту-Луизу Саксонскую (из дома Хильдбург) в день св. Максимилиана, т. е. в День ангела короля, 12 октября, и устроить в этот день в честь короля и молодых военный парад и конно-спортивные состязания. В топком пространстве интриг Двора короля Макса французский граф чувствовал себя во главе баварского кабинета не очень прочно. Предчувствия в конце концов его не обманули. После изгнания Наполеона он расстался со своим креслом и доживал свой век по соседству с Тютчевым. Но теперь он удачными маневрами пытался упрочить свое положение. Идея графа была принята.

В октябре 1810 года на большом поле под Мюнхеном состоялись первые празднества, получившие название Октоберфест. На современном фото - парад знамен пивных фирм.

И вот солнечным воскресным днём на большом лугу состоялся грандиозный народный праздник, Фольксфест. Любимица короля, конная гвардия, под командованием майора Андреаса фон Далль 'Арми демонстрировала кавалерийское изящество и могущество. Состоялись соревнования в девяти видах конного спорта. Были победители и призы. Золотую медаль за мастерство жокейской езды получил 51-летний премьер-министр. Королевская семья и все 40 тысяч зрителей были в восторге от торжеств, которые длились до 17 октября. Король оплатил все расходы из личного кармана. Галантный король в честь невестки Терезы повелел называть луг, где проходил праздник, Терезиенвизе. Премьер-министр подготовил ещё один королевский указ, согласно которому день Св. Максимилиана, велено праздновать ежегодно. Так праздник в октябре стал традицией и получил название Октоберфест.

Было принято к этому дню готовить приятные события.[1] Спортивное сопровождение Октоберфеста существовало многие десятилетия. Но уже в 1811 году финансирование праздника взяло на себя

---

[1] См. статьи «Герцогшпитальштрассе» и «Кёнигсплац».

«Сельскохозяйственное общество Баварии» и в убытке не осталось. Производители продуктов питания стали одними из главных инвесторов Октоберфеста. Состязательность из области спорта постепенно перешла в область потребления, в основном вкуснейшего баварского пива. Лошади на Октоберфесте остались, но только битюги-тяжеловозы. Места конным соревнованиям на Терезиенвизе уже не было. Но сохранилось главное - дух народности.

Слава Октоберфеста далеко перешагнула границы Баварии. Увеселение народа, католиков и протестантов. баварцев и франконцев, швабов и жителей Пфальца, Пруссии, остальной Германии и Европы было главной заботой организаторов Октоберфеста. Король Людвиг I, сын Макса, придавал большое значение зрелищности празднества и назначал ответственными организаторами октябрьских празднеств лучших зодчих Баварии. В дни Октоберфеста столица Баварии празднично преображается, город заполняется гостями всех уровней достатка, от миллионеров до неисчислимого количества карманных воров. Празднество начинается грандиозным парадом десятков пивоваренных фирм пьющей Европы. Глава фирмы управляет колоссальной повозкой, запряженной восьмёркой тяжеловозов. На повозке десятки бочек с пивом, на которых восседают прекрасные дамы, раздающие кружки с пивом всем страждущим. Перед повозкой вышагивает оркестр и отряд охраны с оружием того времени, когда фирма была создана. Все одеты в старинные национальные костюмы. Длина парадной колонны - 8-10 километров. Шествуя по главным улицам Мюнхена парад завершается на Терезиенвизе. Орудийный салют возвещает о начале Октоберфеста. Так всегда было, так есть и теперь. Мюнхенцы любят Октоберфест, готовятся к нему. В старой мюнхенской песне поётся: „*Тот, кто настоящий мюнхенец, никогда не признается, как он любит свой Октоберфест*". Октоберфест стал традиционно международным праздником пивоваров. В тютчевской переписке об Октоберфесте нет ни слова, хотя известны его письма, написанные им дни праздника (например, от 13 окт. 1842 [Тютчев 1984, 71]).

Саркастичный Гейне писал из Мюнхена Карлу Варнгагену фон Энзе: „*...Здесь скверно: пошлая убогая жизнь, мелкие умы*, - и далее. - *И если бы изредка не происходили грандиозные явления вроде трагедий Михеля Бера или Шенка, то вынести этот скверный климат тривиальности было бы невозможно*".

Михель Бер (1800-1833) - поэт-романтик и драматург, автор элегий, сонетов, трагедий «Клитемнестра», «Невеста из Арагона», «Пария», «Меч и рука» и др. Его трагедия «Struensee» была талантливо поставлена на мюнхенской сцене. Музыку к ней написал брат драматурга, известный композитор Джакомо Меербер (1791-1864). Фабула пьесы построена на реальных событиях частной жизни датского двора. Сюжет не шекспировский, но имена современные и действительные.

Молодой немецкий врач Йоганн Фридрих Штруанзе, сын священника из Галле, волей обстоятельств оказался личным врачом датского короля Христиана VII. Известно, что лейб-медики пользуются влиянием на своих пациентов. Иоганна Щтруанзе эта соблазнительная возможность не миновала. Более всех под его влиянием оказалась королева... Из этого, разумеется, ничего хорошего не получилось. Спектакль вызвал неудовольствие датского правительства. Но король Людвиг I спектакль не отменил. Гейне в мюнхенской газете «Morgenblatt für gebildete Stände» опубликовал благоприятную рецензию на постановку «Struensee». С Бером были хорошо знакомы и Гейне, и Тютчев.

22 марта 1833 года молодой М. Бер скончался *„от нервной лихорадки“* [ТР], вероятно от острой вирусной нейроинфекции. Тютчев присутствовал на церемонии его погребения. Бер был похоронен на старом еврейском кладбище в Талькирхене под Мюнхеном. *„Красивое надгробие поэту Михаэлю Беру из Берлина было изготовлено мастером по камню Рипфелем по проекту тайного советника фон Кленце"*, - текст в адресной книге 1835 года. Памятник был изготовлен в стиле надгробий в часовне семейства Медичи (Флоренция), выполненных Микеланджело.

Михель Бер (1800-1833) - поэт-романтик, драматург, автор элегий, сонетов, трагедий. Художник Фогель. Берлин.

Другой драматург, Эдуард фон Шенк (1788-1841), упомянутый в письме Генриха Гейне, был министром культуры и двора и одновременно довольно успешным литератором и даже композитором. В 1828 году имена Шенка и Бера действительно стояли рядом. Гейне переоценил способности Шенка, о его творчестве ныне известно очень узкому кругу немецких литературоведов и еще более узкому кругу музыковедов. Театральные произведения Шенка («Смерть вора», «Анна и внук») ставились на сцене только в его бытность членом правительственного кабинета. Министр оставался чиновником. Из сорока его публикаций более половины составляют выступления и речи (по случаю открытия в 1835 году Музея славы «Walhalla», по случаю посещения через год королем Отто Греческим названного музея и др.). Сегодня наибольшую ценность представляют его «Биография М. Бера», «Переписка с М. Бером», «Воспоминания о М. Бере». Вероятно, Шенк в своих самооценках был доста-

точно скромен и осознавал несомненный более значительный талант Михеля Бера.

3-го декабря 1832 года Тютчев в числе членов дипломатического корпуса был на прощальном концерте, посвященном убытию сына Людвига, принца Отто, в Грецию, где он был избран на королевский престол: „*Вчера вечером в большом Одеонзале в присутствии Их Величеств короля Людвига I, королевы Терезы, короля Отто Греческого состоялся концерт камерной музыки княжеского Гогенцоллерн-оркестра... Большой успех имела подающая надежду 9-летняя Мария Весперманн, которая исполнила рондо для фортепиано*"[1]. [MPZ, 1832. Nr. 135. S. 1096] Подающая надежды Мария - дочь артиста королевских театра Вильгельма Весперманна и его жены Клары, известной баварской певицы[2]

В апреле 1834 года в Мюнхене гастролировал известный композитор-виолончелист Бернхард Ромберг (1767-1841). Ромберг был музыкантом европейского масштаба. Он гастролировал также и в России. Библиотека Баварии хранит 90(!) его произведений преимущественно для виолончели, иногда в сопровождении одного-двух вокалистов. 21 апреля в Одеонсзале состоялся его концерт. Присутствовали Тютчев и Александр Тургенев. Музыкальная тема - норвежские напевы. Под впечатлением мастерства исполнителя Тютчев создал шедевр «Арфа скальда».[3]

О страстном увлечении Тютчева театром упоминают многие близкие к Фёдору Ивановичу люди.

Талантливая сценическая игра будила его поэтическое воображение. Вместе с актером он входил в образ и потрясало его не актерское мастерство, которого он в этот момент уже не замечал, а само действо, участником которого он как бы становился. На мысль, изреченную со сцены, резонировали тончайшие струны его души. Истоки символизма в тютчевском творчестве следует искать во впечатлительном восприятии поэтом театрального искусства.

Эрнестина как-то удивлялась, что Тютчев прервал их совместное путешествие и уехал из Остенде в Брюссель только „*для того, чтобы увидеть на сцене знаменитую французскую трагическую актрису мадемуазель Рашель*". (Письмо от 8/20 августа 1842 года. [ЛН2, 206 (Пигарев, Динесман)]) Эрнестина оставалась в Остенде с малень-

---

[1] О событиях декабря 1832 года см. статью «Тютчев и персонажи картины Филиппа Фольца»

[2] К несчастью Марии, её мама Клара не дожила до выступления дочери в Одеонсзале. 24-летняя Клара Весперманн скончалась 5-го марта 1827 года. Министр культуры Баварии Эдурд Шенк произнёс трогательную траурную речь, написал кантату, посвященную ее памяти.

[3] См. статью «Первые встречи».

кой дочерью Марией и не рискнула присоединится к поездке мужа и брата, Карла Пфеффеля, в Брюссель. Ей оставалось только сожалеть, что она не увидела великую актрису, определившей целую эпоху в европейском театре второй четверти XIX столетия. Рашель была знаменита уникальным исполнением классических трагедийных ролей. Её называли королевой трагедии. Личность актрисы являла собой целую концепцию того, что такое театр. Молодая необразованная женщина с улицы поднялась на подмостки и завоевала сердца граждан всех сословий. На её спектаклях жаждали побывать простолюдины, чернь и короли. Зрительское преклонение перед её артистическим талантом было беспрецедентным. Феноменальное восхождение Рашели примечательно для уставшей от наполеоновских войн Европы. До новых катаклизмов было еще далеко. Тютчев должен был увидеть знаменитую актрису обязательно. Рашель - сценическое имя Элизабет-Рашель Феликс. О замечательной актрисе в российских источниках публикаций немного [Алданов], зачастую акцентирован не выдающийся её талант, а „клубничка" интима. [Дубинский] Между тем в мировой литературе Рашели посвящены десятки книг, особенно на английском и французском языках.[1] Биография Рашели - это рассказ об истории Золушки, но прекрасным принцем в этой истории был театр, в пламени страстной любви к которому сгорела юная принцесса.

Элизабет родилась 28 февраля 1821 года в городке Мумпф в верховьях Рейна французской Швейцарии вторым ребенком в бедной многодетной еврейской семье. В поисках заработка семья часто переезжала из города в город и на какое-то время задержалась в Лионе, где отец Якоб нашёл работу пожарника в театре. Этот слабый намёк судьба послала пока Якобу, который решил, что его старшие дочки вполне могут зарабатывать на жизнь уличными представлениями. Якоб научил Элизабет петь слезливые жалобные песенки под гитарный аккомпанемент старшей Софи. Немаловажным было привыкание юных исполнительниц к публичным выступлениям, к стремлению завоевания зрительского успеха. Софи была не по годам пышной розовощекой блондинкой, а Элизабет - смуглой тщедушной темноволосой девочкой. Сестры играли и пели у входа в кафе, посетители которого бросали им мелкие монетки. Если выручка была небольшой, отец мог и поколотить их. В 1831 году (Элизе 10 лет) семья перебирается в Париж. Однажды вечером, когда девочки выступали на площади Руайяль, на них обратил внимание один из прохожих. Вероятно, их уличный репертуар был не очень пристойным, т. к. прохожий, послушав исполнительниц, сказал Элизабет, что ему не нравятся слова её песенки. Элиза ответила,

---

1 Биография Рашели кратко изложена по материалам: [Chevalley], [Hagenauer], [Toussain du Wast] и других книг в переводе М. Жердиновской.

что она не знает лучших. Прохожий протянул ей золотой луидор и несколько исписанных листков: „*Возьми это, дитя мое, я люблю слушать уличные песенки*". Этим прохожим был Виктор Гюго. Одному из величайших писателей Франции в голову не могла придти фантазия, что через несколько лет между ним и нищенкой установятся дружеский отношения и его пьесы войдут в ее репертуар. (Рашель и Гюго будут вспоминать этот эпизод, который получит неординарное продолжение: великий писатель обратится к актрисе за материальной помощью...) Судьба ударила в гонг после другой случайной встречи, определившей её дальнейшую жизнь: пение уличных девчонок услышал господин Шорон, директор Оперного театра. Шорон набирал учеников в студию религиозного пения при Опере. К неудовольствию Якоба Шорон принял на обучение обеих поющих попрошаек. У Софи был приятный голос, у Элизы голос стал глуховатым и не певческим. Зато у нее обнаружился талант к декламации. Однажды Шорон застал девушку, когда та, облачившись в старую занавеску, сидя на столе, декламировала монолог Аталии из трагедии Расина. Откуда она знала Расина? Шорон познакомил Элизу с Сэнт-Олером, бывшим актером, а ныне директором школы драматического искусства в старом театре Мольера, расположенном между улицами Сэн-Дени и Сэн-Мартэн. Так началась сценическая жизнь будущей знаменитости. Она всегда будет благодарна Шорону за открытие для неё волшебного мира театра.

Преподаватели школы Сэнт-Олера учили всему: читать, писать, декламировать, а по воскресеньям и выступать, правда, в начале перед своими знакомыми и родственниками.

Элиза за два года учебы выучила и сыграла тридцать четыре роли из репертуара Мольера, Расина, Корнеля и Шекспира и стала признанной звездой театра. Американский актер Эдвин Форрест, проезжая через Париж, оставил свои впечатления об игре Элизы: „*Эта маленькая худая девушка со скульптурной фигурой и горящими глазами обладает поистине драматическим талантом. Если она не сгорит быстро, она станет удивительным явлением в искусстве*". Он предугадал судьбу и конец актрисы.

Известный французский актер Самсон увидел девушку в роли королевы Кастилии в пьесе Корнеля «Дон Санчо» и был поражен гармоничным грудным тембром ее голоса, производившим неизгладимое впечатление на всех слушателей, даже на людей, которые не понимали французского языка. Самсон и его жена стали опекать юную актрису. 7 января 1837 года родители еще несовершеннолетней 16-летней Элизы подписали контракт на четыре года с зарплатой три тысячи франков в год с последующим повышением до шести тысяч. При подписании контракта Элиза отказалась от фамилии отца *Феликс* и выразила желание впредь именоваться *Рашелью*, т. е. её второе имя стало её фамилией. Отныне под этим именем она останется в Истории. Примеру Раше-

ли последовала и Софи, которая переименовала себя в другую библейскую героиню - *Сару*. Однажды на спектакле «Цинна» Корнеля в театре появился Карл X с королевой и герцогом Орлеанским. После представления король милостиво протянул руку актрисе, а назавтра слуга в ливрее принес в семью Феликсов конверт, в котором находились 1200 франков. Семья покинула тесную квартиру на ул. Траверсьер-Сэнт-Оноре и купила новую более просторную возле театра и загородный дом в Монтморанси.

Рашель Феликс.
Портрет Августа Шарпантье, 1840.

На спектаклях с участием Рашели театр был всегда переполнен до отказа. Во Французскую Комедию пускали бесплатно. Рашель сводила с ума парижан исполнением «Марсельезы». Актрису называли «Музой Свободы», «Богиней Революции». Рашель медленно выходила из-за кулис, в белой тунике, с трехцветным знаменем в руке. Зал тотчас замирал: „*Древняя статуя!*“. «Марсельезу» она не то пела, не то декламировала. О ней говорили, будто она усилием воли умеет останавливать биение своего сердца. Лицо у нее становилось смертельно бледным, глаза наливались кровью, а брови, по словам очевидца, „*становились змеями*“. При куплете „*Amour sacré de la Patrie...*“ Рашель в экстазе падала на колени, обвивала себя трехцветным знаменем, и ее поза, трагический жест длинных рук, складки туники и флага в этот момент торжества искусства становились моделью для художников и скульпторов Франции. Театр бесновался, делегации подносили цветы, слышалось только: „*Изумительно!..*“, *Непостижимо!..*“. Рашель была, прежде всего, актрисой и «Марсельезу» она исполняла, как исполняла одну из коронных своих ролей в «Федре» Расина. Поэт Альфред Мюссе, почитатель актрисы, посвящал ей стихи, написал восторженную статью о Рашели в «Revue des Deux Monde». Самые известные парижане, тонкие ценители мастерства и красоты Рашели: Гюстав Флобер, Виктор Гюго, Александр Дюма, Оноре де Бальзак, были покорены талантом совсем юной девушки, но для Рашели самым главным в жизни был театр. Молодой Гюстав Флобер утверждал, что в пьесах Корнеля и Расина не было актрисы, равной Рашели. Принц Георг Гогенцоллерн восхищался её игрой в роли Елизаветы в «Марии Стюарт».

В мае 1841 года 20-летняя Рашель получает первое приглашение на гастроли заграницу. Королева Виктория, недавно вышедшая замуж, приглашает Рашель в Виндзорский замок. В 1842 году, в год совершеннолетия, её репертуар дополнятся ролями из «Марии Стюарт», «Андромахи», «Полиэкты», «Арианы», «Сида». Во всех ролях Рашель была бесподобна и вызывала неизменный зрительский успех. Теофиль Готье писал: „*Рашель рождена античностью и ее бледная кожа кажется сделанной из греческого мрамора*".

В этом 1842 году у нее опять гастроли в Англии, которые завершились 15 июля, а уже 18 июля начались гастроли в Бельгии. С 22 июля до 29 августа Рашель выступала в Брюсселе в трагедиях Корнеля («Гораций»), Расина («Андромаха», «Баязет»), Шиллера («Мария Стюарт»), Вольтера («Танкред») и других. В Брюссель примчались Тютчев и Карл Пфеффель. Оба были восхищены актрисой. Бельгийские газеты сообщали о триумфах, сопровождающих каждый спектакль с участием Рашели, что эти спектакли „*привлекают зрителей из самых отдаленных районов Бельгии*". Одной из самых лучших ролей Рашели называли Роксану («Баязет»), но „*самым блестящим ее триумфом*" считали роль Марии Стюарт. 31 августа Рашель выехала дилижансом из Брюсселя в Париж. 9 сентября русский дипломат Балабин пришел в театр, чтобы пригласить её на гастроли в Россию. Но в Петербург Рашель приедет только осенью 1853 года.

Вся семья Рашели работала в театре. Сестры: Сара (Софи), Аделаида, Диана и Ребекка были в ее труппе, брат Рафаэль выполнял обязанности директора-импресарио, отец Якоб - оставался по-прежнему пожарником. За 11 последующих лет в личной жизни Рашели будет много любовных бурных историй. Генрих Гейне шутил, что Якоб за кулисами сцены оберегал гениальную дочь от армии соблазнителей. Рашель обладала редким влекущим шармом женского обаяния. Однажды к ней ворвался граф Александр-Флориан-Жозеф Валевский, сын Наполеона и польской графини Марии Валевской. Коленопреклоненному графу Рашель в любви не отказала. После более двух лет совместной жизни, 3 ноября 1844 года, у них родился сын, Александр-Антуан-Жан. В брак с графом, несмотря на его настойчивые просьбы, Рашель вступать не пожелала, опасаясь, что семья заслонит театр, который оставался ее главной страстью. 26 января 1848 года родился второй сын, Габриель-Феликс, отцом которого был Артур Бертран. Рашель была хорошей матерью, любила своих сыновей, дала им хорошее воспитание и образование. Она решает, что мальчики должны принять католичество, веру своих отцов, понимая, что так им

будет легче в жизни.[1] 27 мая 1849 года парижские газеты объявили, что в Итальянском театре состоится представление с участием мадмуазель Рашель и знаменитой певицы Полины Виардо. Места были раскуплены по цене золота. Гюго не без зависти говорил, что Рашель теперь очень богата и „*за один вечер зарабатывает 10000 франков*". Начинается период зрелости актрисы. Париж у ее ног. Министры и финансисты, артисты и писатели собираются каждый четверг в ее отеле на улице Трюдон или в ее ложе в Комеди-Франсез. Скульпторы Полле, Поль Гайар, Клезингер, Бари делают ее скульптуры. Художники Поль Деларош, мадам Фредерик О'Коннель рисуют ее портреты. В театре «Комеди-Франсез» и сегодня висит один из портретов Рашели, написанный О'Коннель. Любвеобильный Гюго пишет ей с подтекстом: „*...В пьесах, где Вы играете, меня привлекает не трагедия, а трагедийная актриса...*". Ламартин благодарит ее за то, что она „*...предоставила ему возможность аплодировать гению поэзии в наивысшем его творении*". Беранже называл ее „*драматическим феноменом*" и „*волшебницей*". Делакруа отмечал ее высокую духовность. Во всем мире Рашель была признана воплощением французского духа, его послом в странах Европы. Триумфально в 1852 году прошли гастроли Рашели в Пруссии, куда она была приглашена королем Фридрихом-Вильгельмом. На большом приеме в Потсдаме Рашель играла роль Камиллы в пьесе Корнеля «Гораций». В числе зрителей присутствовали также русская императрица Александра Фёдоровна и датский принц Фредерик. Позже присоединился и Николай I. Король после спектакля поздравил Рашель: „*Я потрясен Вашей игрой*". Рашель играла еще отрывки из «Федры» и «Адриенны Лекуврер». Позднее Рашель вспоминала, как прусский король подошел к ней с отнюдь не с тираническим выражением лица и сказал: „*Мадмуазель Рашель, Вы еще более велики, чем Ваша репутация*". Александра Фёдоровна также пришла поздравить ее. Николай I через графа Орлова передал Рашели два изумительных опала, обрамленных бриллиантами, которые по мнению самой Рашели стоили десять тысяч франков. Король, сказал, что она может располагать оперой Берлина для своего бенефиса, и предоставил в ее распоряжение свою личную карету. Он одарил актрису драгоценностями и вручил двадцать тысяч. После Берлина состоялись выступления Раше-

---

[1] Старший сын, Александр, внук Наполеона, выбрал дипломатическую карьеру и был консулом в Салониках, Палермо и Валенсии. За участие в войне 1871 года получил Орден Почетного Легиона. В январе 1893 года он был назначен Генеральным консулом в Неаполе, где оставил лучшие воспоминания. Умер в Турине 31 августа 1898 года. Габриэль стал морским офицером. Он также принимал участие в войне 1871 года и также за героизм получил Орден Почетного Легиона. Умер в 1889 году в Браззавиле (Конго), где он состоял на французской дипломатической службе.

ли в Франкфурте, Висбадене, Мюнхене. В Мюнхен труппа прибыла 13 октября 1853 года (Тютчев уже жил в Петербурге), а 22 октября в Мюнхен приехала Эрнестина [StA, Polizeikartenregister Nr. 38461] и, к сожалению, выступления Рашели не застала. Для гастролей в столицу Баварии было выбрано явно неудачное время. Импресарио Рафаэль не знал, что в эти дни в Мюнхене происходят традиционные осенние торжества Октоберфест и никакие события не могут отвлечь мюнхенцев и их гостей от долгожданного праздника пива. Рашель выступала в роскошном королевском театре Кувилли, но аншлага не было. Она писала матери: „*Мюнхен кажется мне грустным и лишенным интереса...*" У Рашели был страшный недуг - туберкулез, но несмотря на обострившуюся болезнь, она решила ехать на гастроли в Россию, куда ее пригласил лично царь Николай. В начале осени 1853 года Рашель останавливается в Варшаве. Она симпатизировала Польше, ее старший сын был наполовину поляком. Санкт-Петербург встретил Рашель с восторгом. Ее комнаты всегда были усыпаны цветами. Император пригласил ее играть Адриенну Лекуврер в своем гатчинском дворце. После спектакля Рашель получила поздравления от царя вместе с брошью, украшенной бриллиантами и жемчугом. Первого января 1854 года Анна Тютчева, фрейлина Двора, кратко записала в дневнике: „*Вечером я сопровождала великую княгиню во Французский театр, где Рашель была великолепна в роли m-me Тартюф*“. На одном обедов Рашель с мертвенно-бледным лицом и скульптурными жестами спела в экстазе «Боже, царя храни». Царская семья и великие князья, рукоплескали с таким же восторгом, как парижские революционеры аплодировали Рашели за исполнение «Марсельезы». Рашель была вне политики...

В восторженном письме Рашель писала, что ей подарили столько золота, сколько французы потеряли во время войны 1812 года и теперь русские возвращают его обратно Франции. По выходе из театра её ждут поклонники, которые спорят, кто понесет сани, в которые она садится, к ее ногам бросают ценные меха, в ее апартаментах царит вечная весна от цветов, ей предлагают свои сердца и дружбу. Бенефис в Москве принес ей целое состояние. Тютчев в октябрьском письме Эрнестине в Мюнхен сетовал на дороговизну билетов: „*Вчера вечером Рашель дебютировала в «Федре», в Михайловском театре. Я там не был по уважительной причине. Цены страшно высоки, как в Итальянской опере, но я рассчитываю на одно или два приглашения в ложу. Ее брат Феликс, именующий себя директором, выговорил ей за несколько месяцев, которые она проведет в России, пустяшную сумму в 400 тысяч франков*“. [Тютчева СН,59.] Выросшая в бедности и нужде, Рашель не унаследовала из своего голодного детства столь типичные черты нищенок, как жадность и скупость. Она, бывшая парижская попрошайка, отдавала российским инвалидам и бедным часть своего гонорара.

В. А. Инсарский, один из руководителей «Общества посещения бедных», вспоминал: „*В пользу «Общества» играли всевозможные музыканты, пели всевозможные певцы и певицы, и даже знаменитейшая из знаменитостей - незабвенная Рашель - играла для нас лучшие сцены из своего репертуара*“. [Инсарский] Тютчев вновь увидел Рашель в роли Марии Стюарт, и опять был восхищен. Его характеристикам Рашели уделено много места в письмах к Эрнестине в Мюнхен от 1/13 и 24 ноября: „*...зала всегда переполнена. ...она имеет такой же успех и вне сцены, благодаря блестящему разговору и величественной осанке. ...она теперь на вершине успеха. Этим триумфом она обязана своей последней роли, а именно Адриен Лекуврер, потому что до сих пор ее видели в классической трагедии. Успех ее стал гораздо более искренним и все увеличивается*“. Но это были уже не первые восторженные впечатления, которые вызывала игра молодой Рашели: „*Это все та же превосходная артистка, но ее игра не возбудила уже того восхищения, которое я когда-то испытал в Париже и Брюсселе. Вот один из случаев, когда сам замечаешь свой упадок*“. [Тютчев СН, 59-61] В Париж Рашель возвращалась опять через Варшаву. После России были еще триумфальные гастроли в Америке. Ее здоровье совсем пошатнулось. Благотворно на некоторое время подействовал на нее теплый климат Гаваны. Совсем больная Рашель приехала в Ниццу. Болезнь снова обострилась. Члены еврейской общины были приглашены к умирающей. В последний день 1857 года на 47 году жизни выдающаяся актриса Франции скончалась в Каннах. 4 января 1858 года по еврейскому обряду тело было подготовлено к путешествию в Париж, куда траурный кортеж прибыл 9-го января. Ее похоронили на еврейском участке кладбища Пер-Лашез. Главный раввин Парижа М. Исидор сказал, что Рашель, великая дочь Франции, осталась верной религии своих родителей. Последний долг отдал усопшей и граф Валевский, который любил её всю жизнь. В истории французского и мирового театра Рашель осталась трагедийной великой актрисой. Георг Гогенцоллерн написал: „*Несравненная гениальная актриса Рашель останется в нашей памяти как факел; ее магический взгляд, грацию и чистоту дикции невозможно забыть. Игра Рашели - это великое потрясение в жизни тех, кто ее видел*". Такой она осталась и в памяти Фёдора Ивановича Тютчева. Иван Гагарин, бывший сослуживец Тютчева, вспоминал после его кончины, что Фёдор Иванович относился к той категории людей, „*которые так страстно любят театр, что готовы подвергать себя лишениям, обходиться даже без обеда, лишь бы только бывать в театре*". [ЛН2, 48 (Осповат)]

МЮНХЕНА

Фёдор Иванович прожил за рубежом 22 года, дважды вступал в брак, оба раза с родовитыми аристократками-вдовами. Имена некоторых немецких родственников и друзей Тютчева сохранены в мемориале Мюнхена. В прогулках по сегодняшнему Мюнхену часто встречаются названия улиц, носящих имя родственников Тютчева, его друзей, приятелей, знакомцев. Кратко перечислим некоторые. В 1898 году в мюнхенском районе Нойхаузен одна из улиц была названа фамилией младшего брата Элеоноры Тютчевой Максимилиана Ботмера (1816-1878). В нынешнем справочнике в статье о Ботмерштрассе к имени Максимилиана добавлено имя его сына Феликса (1852-1937).

Один из районов Мюнхена, Тауффкирхен, назван именем видного немецкого дипломата, графа Карла Тауффкирхена (1826-1895), женой которого была Эрнестина, старшая дочь барона Карла Пфеффеля. С 1891 года в Лехеле существует улица знаменитой семьи графов Лерхенфельдов из Кёферинга, родственников Амалии Лерхенфельд (в браках Крюденер и Адлерберг). Графы были потомственными дипломатами, включая отца Амалии, графа Максимилиана (1772-1809), её брата, также Максимилиана (1799-1859), и т. д. вплоть до Веймарской республики, в кабинете которой граф Хуго Лерхенфельд ()1871-1944) занимал пост министра иностранных дел. В 1887 году, через 11 лет после смерти графа Франца Поччи (1807-1876), свояка Эрнестины, появилась в Людвигсфорштадте улица его имени. С 1897 года в Лехеле есть Оеттингенштрассе, улица имени военного министра князя Людвига-Карла Оеттинген-Валлерштейна (1791-1870), соседа Тютчевых на Бриеннерштрассе 17, упомянутого в известном письме от 21 апреля/3 мая 1836 года. С 1897 года в Швабинге - улица имени великого реформатора Баварии графа Максимилиана Монжела́ (1759-1838), близкого знакомого Фёдора Ивановича. В 1886 года в районе Изартора (Лехель) существует Тиршплац, а с 1890 года - в этом же районе улица имени профессора Тирша. Тютчев был хорошо знаком с Фридрихом Тиршем (1784-1860), инициатором возведения принца Отто на греческий престол. В 1857 году одну из улиц Максфорштадта переименовали в Шеллингштрассе. Влияние идей мюнхенского натурфилософа профессора Фридриха Шеллинга (1775-1854) сказывалось на мировоззрении Тютчева. Не забыт „тевтонический философ“ Якоб Бёме (1575-1624). Его учения произвели большое впечатление на европейскую философию и было высоко оценено Тютчевым. Улица его имени появилась в 1925 году в районе Рамесдорф. В Изарфорштадте именем профессора философа Франца Баадера (1765-1841) в 1878 году названы улица и площадь. Мюнхенский знакомец Федора Ивановича знаменит как стойкий последователь мистических взглядов Якоба Бёме. Имя Эдуарда Шенка

(1788-1841), министра-стихотворца, знакомого Тютчева и Гейне, присвоено в 1910 году одной из улиц Мильбертсгофена.

С 1947 года в окраинном районе Мюнхена, Пазинге, существует Варнгагенштрассе, названная в честь супругов Варнгаген фон Энзе: Карла (1785-1858) и Рахель (1871-1833), берлинских литераторов, знакомцев Тютчева и Гейне. Имя драматурга Михаэля Бера (1800-1833), автора нашумевшей трагедии «Struensee», увековечено в 1947 году в названии небольшой улочки, в том же Пазинге. Тютчев хорошо знал драматурга, присутствовал на его похоронах (в Талькирхене под Мюнхеном). Гейне в 1828 году писал рецензию на «Struensee». В Оберменциге, пригороде Мюнхена, с 1959 года названа улица именем композитора Джакомо Меербера (1791-1864), брата Михаэля Бера. Меербер написал музыку к «Struensee». К 160-летию со дня рождения Генриха Гейне (1797-1856), в 1957 году, мюнхенский окраинный район Лайм обогатился улицей великого немецкого поэта. «Leuchtenbergring» - «Кольцо Лейхтенберга», уличная магистраль в городском районе Штайнхаузен в восточной части Мюнхена, на карте столицы Баварии появилась в 1960 году. Фамилия герцогов Лейхтенбергских хорошо знакома семье Тютчевых. Лейхтенберги оставили значительный след в истории Баварии и России. В названии улиц Мюнхена запомнены имена знакомцев Тютчева: короля Людвига I (Людвигштрассе с 1822 года), принцев Карла (Карлштрассе с 1808) и Отто (Оттоштрассе с 1815). В отличие от прочих знаменитых людей Баварии, члены королевской фамилии увековечивались при жизни. В топонимике Мюнхена щедро отображена эпоха Людвига I Баварского, время русского поэта Фёдора Тютчева. В 1997 году деятели культуры Мюнхена по инициативе Центра «MIR» обратились к обер-бургомистру Христиану Уде с ходатайством о названии одной из улиц города именем русского поэта.

Мюнхенский мэр, в целом доброжелательный и толерантный чиновник, с распростертыми объятиями ходатайства не принял, не созрел. Прошли четыре года. В Мюнхене Центром «MIR» были изданы две книги о Тютчеве: [Полонский 1998] и двуязычно [Полонский 1999], принятые хорошо в Германии и России. Татьяна Лукина, руководитель Центра, почувствовала изменение политических настроений в мюнхенском магистрате и направила запрос в городскую фракцию социал-демократов, сопроводив его дополнительными обоснованиями. 6-го июля 2001 года Татьяна Евгеньевна получила копию следующего письма (перевод автора):

„Госпоже Габриэле Фридерих, референту мэра Мюнхена. Россмаркт 3, 80331 Мюнхен.

Уважаемая госпожа Фридерих, в 2003 году Россия празднует 200-летие со дня рождения великого русского поэта Федора Тютчева. Федор Тютчев для русских также многозначителен, как Александр Пушкин. 20 лет своей жизни Тютчев отдал Мюнхену: с 1822 по 1837 в

качестве советника посольства русского правительства при Баварском королевстве и с 1839 по 1844 как частное лицо. Тютчев открыл русской культуре поэзию Гете, Шиллера, Гейне, Уланда, Ленау. Друзьями Тютчева были поэт Гейне, философы Шеллинг, Баадер, ученый Тирш, архитектор Кленце. В качестве дипломата Тютчев содействовал возведению принца Отто, на греческий престол. Фёдор Тютчев в Мюнхене дважды вступал в брак. Обе его жены принадлежали к благородным дворянским семьям Баварии. По поводу 200-летия даты рождения поэта, принимая во внимание его многолетнее творчество, труды в столице земли и большое значение, которое имеет его деятельность для русского народа, я хотела бы просить Вас, найти возможность для названия одной из мюнхенских улиц именем этой великой личности. Это было бы прекрасным жестом по отношению к Центру русской культуры «MIR», который объединяет большинство жителей Мюнхена, тяготеющих к русской культуре. В сентябре с. г. «MIR» празднует 10-летие своей деятельности, которая проводилась с большим успехом, несмотря на постоянные финансовые трудности. Я надеюсь получить от Вас сообщение по этому вопросу.

Моника Реннер, советник по культурно-политическим вопросам фракции SPD города Мюнхена".

SPD - правящая социал-демократическая партия, к её мнению надо прислушаться. Через три недели, 30.07.2001, госпожа Габриэла Фридерих сообщила в Центр «MIR»:

„*Госпоже Татьяне Лукиной, Шеллингштрассе 117, 80798 Мюнхен. Многоуважаемая госпожа Лукина, благодарю Вас за содержательную книгу «Следы русских в Баварии». По Вашей инициативе уже в 1997 году были написаны объёмистые работы, подтверждающие необходимость присвоения имени Фёдора Тютчева мюнхенской улице. Я надеюсь, что в 2003 году мы будем достойно почитать 200-летие со дня рождения этого значительного русского поэта. В Мюнхене уже существуют улицы имени знаменитых русских: Василия Кандинского, Александра Шмореля*[1] *и Марианны фон Верёвкин. Я уверена, что имя Фёдора Тютчева также будет добавлено к этому списку. Габриэла Фридерих, референт мэра Мюнхена*".

Итак, власти города сделали, наконец, шаг навстречу: первая новая улица Мюнхена будет именоваться Fjodor-Tjutschewstrasse!!

---

[1] Александр Шморелль, студент Мюнхенского университета, член подпольной организации «Белая Роза», родился 16.09.1917 года в Оренбурге, в семье врача, Гуго Шморелля, мать - Наталья Петровна Введенская, казнен в Берлине 13.07.1943.

ТВОРЧЕСТВО Ф. И. ТЮТЧЕВА В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Постепенное повышение интереса к личности, поэзии и публицистике Тютчева в Германии отображает ту же тенденцию, которая соответственно происходила в России: общественное признание не торопилось. В настоящей статье прослеживается нарастание этого интереса на немецкой земле в XIX и XX столетиях, сообщается о литераторах, которые уделили часть своей жизни изучению творчества Ф. И. Тютчева, стремились к его популяризации. В статье не всем именам оказано равное внимание. Некоторые из сообщенных сведений носят только справочный характер. С разной степенью подробности приведены жизнеописания немецких авторов. Заинтересованному читателю предоставляется возможность самостоятельно детальнее ознакомиться с указанными первоисточниками. Работы переводчиков и исследователей, чей вклад в тютчевоведение более значителен, исследованы полнее. Читатель может ощутить тенденцию прогрессирующего увеличения во времени числа публикаций, посвящённых Тютчеву. Это является неоспоримым доказательством того, что Тютчева в Германии печальная участь забвения не ожидает.

- АПОЛЛОНИУС МАЛЬТИЦ

Первые немецкоязычные изложения стихотворений Тютчева принадлежат коллеге и свояку Фёдора Ивановича, поэту барону Аполлониусу Мальтицу (Apollonius Maltitz, 1795-1870), мужу Клотильды.[1] Барону пришлись по душе два тютчевских стихотворения: «Весенняя гроза» („*Люблю грозу в начале мая...*") и „*Недаром милосердным Богом...*". Оба произведения увидели свет в 1858 году под названиями «Frühlingslied» («Весенняя песня») и «Der Vogel» («Птица») в сборнике стихотворений Мальтица «Vor dem Verstummen» («Перед тем, как умолкнуть»). Сборник был издан в Веймаре, где барон состоял на русской службе в качестве поверенного в делах. Российская миссия находилась в доме Гёте. 63-летний Мальтиц готовился к кончине, которая не миновала его через 12 лет. На титульном листе был начертан эпиграф «Место поэта» (перевод автора):

Нам остается дать совет:
Пусть видят все, слагает ли ещё Поэт
Иль сломлен страхом он
И труд его уж прекращён?

---

[1] См. статью «Клотильда».

Мальтиц сочинял рифмованные посвящения именитым особам, монархам Николаю I и Людвигу I, которым преподносил свои вирши. Он хорошо знал русскую литературу и переводил на немецкий язык поэзию Пушкина («Ангел и черт»), Лермонтова («Казачья колыбельная»). Под влиянием пушкинских стихотворений Мальтиц написал в стиле баллад небесталанный цикл «Из русской истории»: «Olegs Ross» («Конь Олега»), «Swjatoslaws Schädel» («Череп Святослава»), «Isiaslaws Tod» («Смерть Изяслава»).

В западноевропейской поэзии была популярна лебединая тема, восходившая в немецком фольклоре к легендам о святом Граале и Лоэнгрине. Не отставал и Мальтиц, сочинивший 5 посвящений любимой птице («Schwan und Falke», «Der Schwan» и др.). По мотивам стихов Мальтица Тютчевым было написано стихотворение «Лебедь» („*Пускай орёл за облаками...*"), в котором проводились параллели между *Лебедем*, поэтом-лириком, и *Орлом*, поэтом-бойцом. В первом образе угадывался сам Тютчев, во втором предполагается Байрон. Вероятно, под влиянием тютчевского стихотворения «Silentium!» Аполлониус написал одноименное произведение, но получилась длинная рифмованная пьеса, читателем которой мог быть только сам автор. Перу Мальтиц принадлежат 23 книги! К концу творческой жизни он издавал по 2-3 сборника в год. Имя поэта Мальтица сейчас малоизвестно и сохранилось только в старых литературных справочниках.

- ГЕНРИХ НОЭ

„Я приветствую с Севера певца..."
Генрих Ноэ

Первый серьёзный вклад в перевод тютчевской поэзии на немецкий язык был опубликован в 1861 году мюнхенским библиотекарем Генрихом Ноэ (Heinrich Noé). Совершенно очевидно, что молодой ассистент, в отличие от Мальтица, не мог издать за собственный счёт отдельную книжку, содержащую 74 перевода. Сегодня в фондах мюнхенской городской библиотеки хранится уникальный экземпляр сборника стихотворений Тютчева на немецком языке: «Feodor Iwanowitsch Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Versmaassen des Originals dem Russischen nachgebildet von Heinrich Noé / München, 1861. Stadtbibliothek München, Sign: 27 635». На шмуцтитуле - дарственный автограф переводчика: „*Herrn Hofrath von Pfistermeister als schwaches Zeichnen seiner Ergebenheit und Dankbarkeit der Verfasser. München, 1 Januar 1862*".[1]

---

[1] «Лирические стихи Фёдора Ивановича Тютчева в стихотворном размере оригинала воспроизвёл Генрих Ноэ / Мюнхен, 1861. Городская библиотека» „*Господину советнику двора фон Пфистермайстеру как слабый знак своей преданности и благодарности сочинителя. Мюнхен, 1 января 1862*".

Кто такой Пфистермайстер? Франц Сераф фон Пфистермайстер (1820-1912) - кабинет-секретарь Людвига II Баварского, главный распорядитель королевских финансов. Пфистермайстер, спасая казну, не пожелал финансировать разорительные запросы короля в угоду пожеланий монаршего любимца композитора Рихарда Вагнера, за что в 1866 году строптивый кабинет-секретарь остался без должности. Однако непомерные средства (~130 тыс. гульденов) для постановки гигантских оперных спектаклей не шли ни в какое сравнение с малыми затратами, необходимыми для издания небольшого сборника. Естественно, что скромный простолюдин Генрих Ноэ не мог обратиться к могущественному приближённому короля с просьбой об оказании материальной помощи для публикации стихотворений русского поэта. Ходатайствовать должен был аристократ, которого хорошо знал Франц фон Пфистермайстер и который мог убедить кабинет-секретаря в полезности этих затрат. Таким дворянином был единственный человек, барон Карл фон Пфеффель, свояк Тютчева, известный и влиятельный журналист.

Новогоднее признание в *преданности и благодарности сочинителя*, дает основание полагать, что Пфистермайстер высоко оценил тютчевскую поэзию и выполнил свой долг перед немецкой культурой.

Тютчевы вернулись из Германии в Россию 3 октября 1844 года. Вернулись навсегда. Но зарубежные поездки, в том числе и в Германию, продолжались. В Мюнхене остались друзья, немецкие родственники. Духовно близким человеком для Фёдора Ивановича был брат Эрнестины, Карл Пфеффель. Известно, какое взаимное уважение питали друг к другу муж Эрнестины и её брат. Семья баронов Пфеффель из поколения в поколение отличалась культурными традициями. Сам Карл Пфеффель стал известным и авторитетным журналистом. Ещё в 30-е годы кру́гом общения молодых тогда Фёдора Ивановича и Карла Пфеффеля была элита баварской культуры. В дневнике историка Александра Тургенева, гостившего в Мюнхене в 1832 и 1834 годах, имена Тютчева и Пфеффеля упоминаются рядом с именами известных немецких учёных, писателей, дипломатов (Шеллинга, Тирша и др.). Тургенев даже пошутил как-то, что со времён развалин Рима вряд ли собирались вместе столь славные собеседники. Несомненно, Карл Пфеффель получил из Петербурга первую книжку стихов Тютчева, изданную в 1854 году, и надо полагать, что эти стихи не были положены на полку забвения. Импульсом к переводу стихотворений на немецкий язык послужил, вероятнее всего, кратковременный приезд Тютчева в Мюнхен летом 1859 года.

Генрих Ноэ (1835-1896).

Письмо Эрнестине от Фёдора Ивановича из Мюнхена 15/27 июня 1859 года: „*Милая моя кисонька, я вернулся вчера вечером в Мюнхен с твоим братом и Гюбером* (Hubert - сын Карла Пфеффеля), *проведя сутки в Тегернзее <...> Я выеду отсюда сегодня вечером или, может быть, завтра утром*".

Тютчев сообщает, что остановился он в гостинице «Четыре времени года». Гостиница находилась на Максимилианштрассе 4. Под этим же названием на том же месте гостиница существует и сегодня, её адрес: Максимилианштрассе 17.[1]

С кем встречался Фёдор Иванович, кроме семьи Пфеффеля, в течение 14/26-16/28 июня, сейчас установить трудно. Тютчев, например, не мог не навестить на Театинерштрассе 11 российского посланника Дмитрия Северина, крестного отца своих младших детей. Северин жил этажом ниже Карла Пфеффеля. [AT, 1858] Дом на Театинерштрассе находился не более 400 м от гостиницы.

На Резиденцштрассе 6, это тоже очень близко, проживала семья барона Сетто[2], где 25 лет тому назад Тютчев встречался с Эрнестиной. В дневниках А. Тургенева имя Сетто часто упоминаемо. С этой семьёй в ближайшие годы (в 1862) Пфеффелям через младшую дочь Каролину предстояло породниться. [BayHSA, Frhr., P13]

Со многими друзьями и родственниками Тютчев мог увидеться за один день и две ночи, предшествующие его отъезду из Мюнхена. Но вероятна встреча и с одним незнакомцем, будущим переводчиком упомянутой книжки стихов Тютчева, Генрихом Ноэ. Судя по восторженному «Предисловию», которое предпослано переводам, непосредственное воздействие обаяния Фёдора Ивановича на Генриха Ноэ, повидимому, всё же состоялось:

---

[1] См. статью „«Чёрный орёл» и другие гостиные дома".

[2] О фамилии Сетто см. примеч. в статье «Первые встречи».

„Предисловие

Русский поэт Теодор фон Тютчев (по-русски Федор Иванович Тютчев), лирические стихи которого я перевёл в стройную немецкую метрику, заслужил в течение двух десятилетий жизни в своём отечестве и других славяноязычных странах доброе имя задумчивого и задушевного умного лирика. В отношении его жизни можно сказать немного. Он сын русского дворянина из старинного дворянского рода. Родился в 1803 в Москве. Он учился там же и уже в свои 22 года был принят русским посольством в Мюнхене. Здесь оставался он в качестве атташе (с вынужденными перерывами из-за отпусков) до 1836 года. В том году он оставил Мюнхен в должности секретаря посольства. В Мюнхене в 1827 году он сочетался браком с вдовствующей госпожой фон Петерсон. В Турине Тютчев служил в течение некоторого времени в должности поверенного в делах. Вскоре из-за кончины жены он уехал из Турина. Затем Тютчев жил некоторое время, как частное лицо, в Мюнхене, где женился вторично. Его женой стала вдова, госпожа фон Дёрнберг, рождённая фон Пфеффель. В 1843 году Тютчев переехал в Петербург, где по сей день определён на службу в министерстве иностранных дел. Его отдельные стихи первоначально печатались в журналах «Современник», «Беседа» и др. Собранные вместе они впервые были изданы в Санкт-Петербурге в 1854 году. О характере этой поэзии, которая переведена также на большинство славянских языков, можно сказать, что она преподносит верное отображение современной русской души с её контрастами и противоположностями, с её размахом лирической способности, с её усталостью от суеты. Образованность и развитие Тютчева - всесторонни. Подобно тому, как его родина с одной стороны близка к Западной Европе, а другой стороной обращена к Востоку, так и его восприятие впитало в себя и отзвуки западноевропейских песен, и параболическое богатство восточной фантазии. Его вера в параллельное и взаимное проникновение природы и духа, в метафизическое значение творения привели бы нас к выводу о его философском квиетизме[1], если бы не мешал этому свет его изначальной индивидуальности, возникающий то тут, то там. Он - космополит. И сквозь отшлифованные утонченные мелодии его лирики, услышанной во многом у западных народов, звучат и грустные минорные тона, истекающие в бесконечном изобилии в родных напевах его народа.

---

[1] Квиетизм - поиск спокойствия души в Боге. Модное в XVIII-XIX вв. философско-мистическое учение, представляющее религию, как полное самоотрицание и покой души, погружающейся в Бога и живущей одним этим чувством. Папа Римский осудил квиетизм и отлучал от церкви его проповедников.

Как все мягкие натуры, он очень чувствителен, живет притягивающими и отталкивающими фантазиями и грёзами, приводящим к метаниям. В его стихах чувствуется и язвительное, испорченное настроение Гейне, и проникновенность шиллеровского идеализма. Беспокойное мироощущения поэта не воспринимает ничего, кроме красоты. Он - прирожденный лирик, певец настроения.

Желаю этой книжечке выйти в свет и вставить еще одно, новое, крохотное колечко в большой цепи, соединяющей души, вопреки разделяющим их оболочкам. Мюнхен, март 1861. Переводчик".

Стиль изложения и точность оценок предполагают серьёзную эрудиция автора, хорошее знание личности и творчества Тютчева. А ведь в июне 1859 года, когда предположительно к переводчику должны были попасть стихи Тютчева (они могли оказаться у него и ранее), Генриху Ноэ ещё не исполнилось 24-х лет! И хотя совершенно очевидно, что сведения о Тютчеве изложены Генрихом Ноэ не со слов Фёдора Ивановича[1], важен факт приоритетности появления на Западе краткой биографической и критико-литературоведческой справки о русском поэте задолго до публикаций российских биографов. Санкт-Петербургское издание 1854 года «Стихотворений» Тютчева вышло вообще без предисловия и справки о поэте.

В 1859 году юный Генрих Ноэ занимал скромную должность ассистента в королевской библиотеке на Людвигштрассе. (Ноэ жил на нижнем этаже в доме, принадлежавшем библиотеке, по Шёнфельдштрассе 17а, небольшой улочке, возле государственного архива, примыкающего к зданию библиотеки). Читателями библиотеки вполне могли быть члены семьи барона Пфеффеля. Дочери барона были ровесницами Генриха Ноэ и, хотя их социальное положение с Ноэ было неравным (Ноэ не был дворянином), но сходство культурных запросов у этих молодых людей вполне могло способствовать их сближению. Несомненно, пользователем библиотеки был и сам барон Карл. Поэтому очень вероятно, что при достаточной близости с семьёй барона Ноэ написал «Предисловие» всё-таки со слов маститого журналиста и единственного литератора из тютчевского окружения в Мюнхене, Карла Пфеффеля, который имел хорошее представление о творчестве русского поэта и высоко ценил его личность. Книжка переводов тютчевских стихов открывается не упомянутым выше «Предисловием», а другим авторским текстом: сонетом-посвящением, в котором поэт представляет поэта. В отечественной поэзии известно немало обращений к Тютчеву, в зарубежной - одно единственное. Немецкий юноша-переводчик, восхищенный творчеством Тютчева, сразу, с первой страницы, вводит читателя в атмосферу высокой поэзии. В восторженном

[1] См. статью «Венчание».

словотворчестве у Ноэ рождается мифологический образ волшебной страны джиннов, которая влечет русского поэта (изложение автора):

Я приветствую с Севера певца,
Он поет не о стране, которая его родила,
Не о глуши, им унаследованной,
Не о сумерках, в которых рождается восход.

Он ищет и находит слова своим песням
В трудных звуках, совершенных и удивительных,
В небесах божественно-светлых и ясных,
Где обитают души со всего мира.

Вечные источники южной красоты
Обратили его на путь поисков
И манят в страну добрых джиннов,

Где негасимое творящее солнце
Без мирской мрачности вращается быстрее
И излучает ему пламенное вдохновение.

74 тютчевских стихотворения стали доступны на немецком языке. Знали книжку Ноэ любители поэзии и следующих поколений. Тому свидетельством следующий пример. Среди переводов есть стихотворение «Der Schwan», перевод тютчевского стихотворения «Лебедь» („*Пускай орел за облаками...*"). Немецким поэтом придумана метафора, которой нет в тютчевском оригинале:

Des Elementes Spiegel wallen,
So rein, wie du, an dich heran.

Любопытно, что метафору „*Des Elementes Spiegel...*", означающую стихию мироздания, позаимствовал позже у Ноэ другой переводчик этого же стихотворения Тютчева, Фридрих Фидлер (1905): „*Rein dir dein Element geweiht...*". Близкая метафора встречается и у Доротеи Гиллер фон Гертринген (1934). Желание Ноэ осуществилось: его книжка не была забыта и вставила свое заметное колечко в цепь времён.

В 1828 году Тютчев с первой женой, Элеонорой, её младшей сестрой Клотильдой и братом Николаем совершили путешествие в Тироль (через Зальцбург) к знаменитой горе Унтерсберг (1972 м). Согласно преданию, здесь покоится император Карл Великий.[1] Созерцание красоты Альп возле горы Унтерсберг вдохновило Тютчева на цикл стихотворений, два из которых («Снежные горы» и «Утро в горах») вошли в сборник, оказавшийся у Ноэ.[2] Возможно, что именно эти сти-

---

[1] Одна из мюнхенских улиц в 1901 году названа Унтерсбергштрассе.
[2] Ныне путешествие от Зальцбурга в район плато Унтерсберг на пригородном автобусе № 55 составляет 35 минут.

хи оказались той последней каплей на весах судьбы молодого Ноэ в окончательном выборе им жизненного пути.

Генрих Ноэ родился 16 июля 1835 года в семье мюнхенских государственных служащих. Он учился в Мюнхене и Эрлангене естествознанию и языкам и вскоре владел в совершенстве 18(!) языками, в частности, кроме русского, знал южнославянские языки. После шести лет практикантских занятий в королевской библиотеке Ноэ стажировался один год в библиотеке Британского музея и в 1864 году после защиты диссертации в Эрлангене получил научную степень доктора философии.

Книжка переводов Тютчева 1861 года была первым печатным трудом Ноэ и, увы, единственным опытом его публичной поэзии. Одарённость яркой и незаурядной личности переводчика Тютчева простиралась далеко за пределы стихотворчества. Ноэ становится профессиональным писателем и в качестве такового пишет десятки толстых книг. Почти все они посвящены путешествиям. Генрих Ноэ живёт среди южных славян Краины, Истрии, Далмации, Боснии. Позже его рассказ об этих странствиях займет 600 страниц 4-го тома «Немецкой альпийской книги». Поэзии Ноэ не оставлял. Его стихи, как озёра на картах Альп, вкраплены в многочисленные рассказы о путешествиях, воспеваемых им всю оставшуюся жизнь. Исходил пешком Ноэ также горы Франции и горы Испании.

Странствовал Генрих сначала с друзьями, к которым позже присоединилась жена Катарина (она была моложе супруга на 10 лет), ещё позже - дочери Мария-Вальбурга и Лидия.

В своих увлекательных повествованиях Ноэ красочно описал горную природу, обычаи народов, их фольклор. Читатель узнавал о климате, геологических структурах и полезных ископаемых, о местной флоре и фауне. Ноэ ищет и находит тропы Истории, пути, по которым передвигались народы и войска завоевателей (Ганнибала, Наполеона). Его своеобразные энциклопедии иллюстрировались лучшими художниками альпийских стран - Баварии, Австрии, Швейцарии, Италии: Карлом Шмидом, Томасом Ендером, Теодором Альфонсом, Джузеппе Канелла и многими другими. Ноэ хорошо знал творчество Гейне и многие впечатления Ноэ созвучны романтичным наблюдениям гейневского «Путешествия по Гарцу» (1826).

Пример образного описания Генрихом Ноэ Лунного озера, Мондзее, в австрийских Альпах [Noe 1867, S. 21]: „*В диких движениях тумана луна то появлялась, то исчезала. Широкая поверхность озера поднималась и опускалась в пузырчатом свете. Дрожащий рассвет стоял длинной линией горизонта, где он развивался и искривлялся в воде и камнях. Но нам казалось, что лучше видеть священное озеро в свете созвездий. Вряд ли есть еще где-нибудь в горах озеро, чьи берега появляются удивительным способом преображений и превращений от*

света луны в глади водной поверхностью. Озеро, если хотят его узнать, нужно увидеть только в этом сиянии", - это проза переводчика Тютчева. Но как не похож её образный язык на журналистский стиль автора вышецитированного «Предисловия».

У Ноэ есть рассказ о горе Унтерсберг. Вот начало этого рассказа: „*Как-то шёл я летним утром через холодное ущелье Новых Ворот. Я хотел выйти из болота, над которым возвышался синий Унтерсберг. На фоне неба выделялась только маленькая снежная плоскость, которая блестела своими рёбрами*". Поэт Ноэ впечатлительный наблюдатель картин горной природы, не довольствуется повествовательной формой описания. Генрих, бывший стажер библиотеки Британского музея, хорошо знал древний англо-саксонский эпос. [Noe 1867, S. 15] Созерцание Унтерсберга вызывает в его памяти образы из «Беовульфа», слова Хродгара, главного персонажа эпоса (перевод автора):

Мрак населяют только духи
В оврагах волчьих, небольших утёсах,
Болотах топких и опасных.
В ночные пропасти потоки рвутся,
Все островки смывая.

Щедрой палитрой художника Ноэ изображает далее картину утра в горах (подстрочник автора):

Чуткий и внимательный слух
Улавливает рожденье нового дня!
Весело врывается утро,
Оно трубит и провозглашает о себе;
Глаза удивлены, слух изумлён:
Слышится неслышимое...

За 39 лет до Ноэ, в январе-феврале 1828 года, в этих же местах путешествовал Тютчев. Торжественная утренняя красота гор возбудила сердце русского поэта:

Лазурь небесная смеётся,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьётся
Долина светлой полосой.
Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат

Этот тютчевский стих «Утро в горах» хорошо знал Ноэ еще в 1860 году. Кстати, чёрным мрамором, взятым возле горы Унтерсберг, были облицованы тогда ступени к бронзовому обелиску павшим в

России баварцам. И Тютчев, и Ноэ хорошо знали этот памятник, установленный на Каролиненплац. В «Bayerisches Seebuch» («Книге о баварских озёрах») есть небольшая глава «Ammersee», в которой Ноэ уделяет полстранички религиозным процессиям с игровыми представлениями из жизни Иисуса Христа, Passionspiel, традиционно разыгрываемым еще с XIII века в летний сезон каждый десятый год. Лицедейства, происходящие, известны далеко за пределами Баварии. Район селения Обер-Аммергау (в долине реки Аммер, впадающей в Аммерзее, озера недалеко от Мюнхена) на время религиозных празднеств собирает многочисленных туристов со всей Европы.

Ноэ основывает туристские альпийские общества в Австрии, Швейцарии, Мюнхене. Он переезжает из Мюнхена в Вену и с 1875 года начинает выпускать там «Alpenzeitung», а с 1894 года - «Laibachter Zeitung».

Переводчик Тютчева, Генрих Ноэ, умер 26 августа 1896 года в больнице альпийского городка Боцен, на севере Италии. На боценском лютеранском кладбище установлен ему памятник. Книги Ноэ, признанного классика немецкой литературы о путешествиях, издаются по сей день.

- ФРИДРИХ ФИДЛЕР

XIX век не был щедр на публикации творчества Фёдора Ивановича ни в России, ни в Германии. Достойно Тютчев был признан XX столетием.

В 1905 году в Лейпциге издательство «Phillip Reclam», специализирующееся на выпуске серий малоформатных „*грошовых*" книжек, опубликовало сборник переводов UB-4721 (UB - Universal-Bibliothek), в который вошли 146 стихотворений Тютчева. Переводчик - удивительный немецко-русский поэт Фридрих Фидлер (Friedrich Fiedler), по-русски: Фёдор Фёдорович (отец поэта также был Фридрих).

80-ти страничному тексту предшествовало предисловие, названное «Eine biographische Skizze», «Биографический набросок», всего в 40 строк, менее 2000 знаков. «Набросок» подписан двумя немецкими буквами *H. H.* Возможным анонимом являлся сам переводчик. Он хорошо был знаком с тютчевоведами начала столетия: П. Быковым, Г. Чулковым, В. Брюсовым, Р. Брандтом. Ещё здравствовали члены семьи второго поколения Тютчевых, литераторы и другие многие лица, которые помнили Фёдора Ивановича, но автор предисловия предпочёл короткие заимствования из публикаций И. Аксакова, Н. Некрасова, И. Тургенева, скопировал ряд их неточностей и, чувствуя неполноту «Набросок», зашифровал себя безликим *H. H.* Вероятно, Фидлер представлял трудности для П. Быкова и др. в самоограничении рамками столь краткого предисловия.

Фёдор Фёдорович Фидлер родился 4/16 ноября 1859 года в Петербурге. Учился в реформатской церковной гимназии. В 1880-84 гг. изучал германо-романскую филологию и историю литературы в петербургском университете. После завершения обучения он преподавал немецкий язык и литературу в гимназиях и реальных училищах (в женской гимназии княгини Оболенской[1], приюта св. Елены, Екатерининского приюта и др.). В 1896-1900 гг. в гимназии Я. Гуревича его учениками были братья Гумилёвы, Дмитрий и Николай. [Азадовский, Тимчин]

В 1885, 1891, 1894, 1896 гг. и в первое десятилетие XX века Фёдор Фёдорович путешествовал по Германии, Австрии, Швейцарии, северной Италии, лично познакомился со многими немецкими литераторами.[2] В предпасхальную субботу 1/14 апреля 1906 года Фидлер гостил в Мюнхене у Вильгельма Ензена (Wilhelm Hermann Jensen), новеллиста, драматурга, лирика, редактора. Фёдор Фёдорович установил прочные связи с издательством «Phillip Reclam». Данное издательство, вероятно, единственное в Германии, которое благополучно процветает с 1867 года по сей день.

Влюблённый в русскую литературу Фидлер главным целью своей деятельности сделал её пропаганду в Германии. Ещё в 1879 году названное издательство выпустило в переводе Фидлера антологию стихотворений Пушкина, Крылова, Кольцова, Лермонтова. В 1883 году Фидлер издал там же свою драму «Нерон». Позже последовал шквал переводов: в 1885 - стихи Кольцова, в 1886 - «Борис Годунов», в 1888 - фонвизиновский «Недоросль», в 1889 - антология поэзии «Русский Парнас», в 1881 - драмы Пушкина, в 1893 - стихи Лермонтова, в 1894 - «Ревизор» Гоголя, в 1895 - стихи графа Алексея Толстого, в 1896 - Никитина, в 1897 - Пушкина, в 1898 - Надсона, в 1901 - Майкова, в 1902 - Некрасова, в 1903 - Фета, в 1905 - Тютчева, в 1907 - антология «Русские поэтессы». В его опубликованных дневниках 1888-1916 гг. упомянуты более 1600 литераторов-современников и исторических лиц. Многократно названо имя Ф. И. Тютчева. 9-го февраля 1902 года Фидлер был в Екатерининском институте на литературном диспуте: „*Когда я пришёл, как раз Константин Л. проводил лекцию о Тютчеве. Лектор признавал Тютчева не только великим лириком России, но и всего мира. В течение ужина он продолжал свою оценку ценностей. В его изложении с Тютчевым сравним только Баратынский*“. [Fiedler, 295]

---

[1] Княгиня Мария Оболенская основала гимназию своего имени в 1870 году. Внучка княгини, Мария Викторовна Самыгина (урожд. Мережковская, род. в 1922 году в Эстонии), после Второй мировой войны жила в Мюнхене в бывшем доме писателя Томаса Манна.

[2] Позже царская охранка заподозрит интернационального поэта в шпионаже и её назойливые преследования серьёзно подорвут его здоровье.

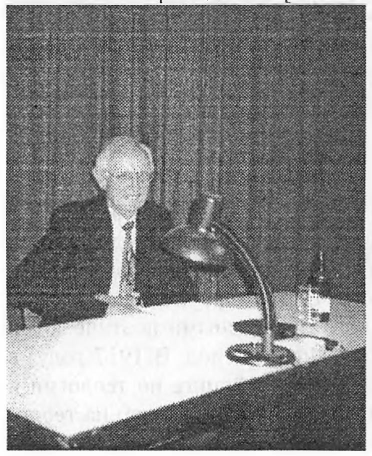
Фидлер вошел в историю русской литературы не только как её популяризатор и переводчик, но и как известный петербургский литератор. На двух родных языках он писал стихи и драматические произведения, которые часто подписывал псевдонимами *Альм*, *Флориан*. Фидлер был дружен с А. Чеховым, М. Горьким, В. Короленко, К. Случевским, Д. Маминым-Сибиряком, И. Куприным, Л. Андреевым, Клавдией Лукашевич, К. Чуковским, А. Кони, В. Немировичем-Данченко. Им оставлены воспоминания об А. Майкове, Я. Полонском (стихи которого он также переводил на немецкий язык). Скончался Фридрих Фидлер в Петербурге в 1917 году.

Об этом немецком россиянине, энтузиасте-собирателе портретов писателей, их рукописей, каламбуров, карикатур, изречений написаны рассказы. Его творчество стало предметом научных исследований. В 1965 году берлинский славист Х. Порт (Heinz Pohrt) защитил диссертацию «Leben und Wirken Friedrich Fiedlers als Übersetzer russischer Literatur (1878-1917)» («Жизнь и труды Фридриха Фидлера как переводчика русской литературы в период 1878-1917 гг.»).

- ЛЮДОЛЬФ МЮЛЛЕР

Выше упоминался немецкий славист Людольф Мюллер. Д-р Мюллер знаменит не только литературоведческими исследованиями «Слова о полку Игореве», творчества Симеона Полоцкого, Ломоносова, Кантемира, Хомякова, Достоевского, Владимира Соловьёва, Маяковского, Есенина, Евг. Винокурова, но и прекрасными поэтическими переводами поэзии Тютчева. Профессор Мюллер (род. В 1917 году) в зимнем семестре 1935/36 гг. начинал учебу в Лейпциге по теологии и философии, в 1937 году продолжал обучение в Галле (Заале) на теологическом факультете. Следующий учебный год изучал педагогику, теологию и философию в реформистском высшем учебном заведении в Зароспатаке (Венгрия). В зимнем семестре 1938/39 года Мюллер вновь студент Галльского университета. Здесь он впервые познакомился профессором Дмитрием Чижевским, лекции которого по славистике и философии вызывают его повышенный интерес. Первую лекцию Дмитрия Ивановича студент Людольф Мюллер посетил 26 января 1939 года. В личном дневнике Мюллера многократны записи о лекциях Чижевского с эмоциональной окраской: „*Очень интересно!*“, „*Как всегда хорошо!*“. [Müller 1999] С тех пор славистика стала призванием молодого Людольфа. С августа 1939 года по сентябрь 1945 недоучившийся студент был военнослужащим немецкой армии. Людольф русский язык учил в России в качестве солдата оккупационных войск.

Уже тогда читал в оригинале прозу Пушкина, Гоголя, Толстого.[1] С зимы 1945/46 гг. Мюллер завершал образование в Гейдельбергском университете, изучал славистику, германистику, философию. Доктор Людольф Мюллер руководил кафедрами славистики в университетах Киля и Тюбингена. Ему принадлежат переводы на немецкий язык практически всех стихотворений Тютчева, включая и те, которые были написаны по-французски. Почти 400 переводов (точно 391!) уже несколько лет готовы к публикации, но пока увидели свет лишь немногие, разбросанные по отдельным сборникам, посвящённым русской лирике. 10 стихотворений Л. Мюллера напечатаны в немецкоязычных статьях А. Полонского. [Polonskiy] Профессор Мюллер отобрал 150 самых значимых переводов, которые предназначены для XXI века. Дрезденское издательство «Thelem» планирует к выпуску долгожданный двуязычный сборник стихотворений Тютчева с подробными примечаниями переводчика. [Müller 2001]

Профессор Людольф Мюллер читает свои переводы стихотворений Тютчева в обществе «MIR» в Мюнхене (октябрь 1998).

Д-ру Людольфу Мюллеру принадлежат большие и малые открытия в творчестве любимого им русского поэта. Среди переведенных им стихотворений есть и самое первое тютчевское стихотворение «Любезному папеньке». Это еще не шедевр, но уже очевидно незаурядное поэтическое дарование юного стихотворца. Многие десятилетия стихотворение входит почти во все тютчевские сборники. Его читали тысячи россиян, десятки редакторов и литературоведов, но только высокопрофессиональный немецкий переводчик-славист профессор Л. Мюллер обратил внимания, что в первой строке последнего четверостишия после слова *себя* отсутствует союз повторения *да* (в смысле *и*). Вот как должна читаться вторая половина стихотворения в редакции переводчика:

---

[1] Одна из улиц города Хайлигенштадт названа именем отца Людольфа Мюллера, также Людольфа Мюллера, «Bischof-Ludolf-Müller-Weg». На табличке разъяснено: «Д. Людольф Мюллер, 1882 – 1959, епископ евангелической церкви, суперинтендент Хайлигенштадта, участник движения Сопротивления». [Мюллер]

„Детей и подданных любовью окруженный,
На лицах вкруг себя да радость узришь ты,
Так солнце, с горней высоты,
С улыбкой смотрит на цветы,
Его лучами оживленны".

В 2002 году в известном мюнхенском издательстве «Otto Sagner» в 16-м сборнике «Die Welt der Slaven» («Мир славян») была опубликована статья д-ра Л. Мюллера «Zu Tjutschews Gedichte „О вещая душа моя"». Статья посвящена смысловым акцентам в названном стихотворении. Статья дискуссионная. Инициатор дискуссии Александр Николаев, автор примечаний к ПСС Тютчева. [Тютчев 1987, с. 400] Стихотворение было впервые опубликовано в «Русской беседе» в 1857 году и вошло в сборник 1868 года. Николаев считает, что в данном издании была неправильно внесена запятая в пятую строку после слова «*Так*», т. е., по мнению Николаева пятая строка должна иметь вид «*Так ты жилица двух миров...*» (имеется в виду душа), т. к. слово «*Так*» здесь употреблено Тютчевым в смысле «*также*», «*подобно этому*». С таким понимаем не согласны английский филолог Либерман [Liberman] и д-р Л. Мюллер. Оба тютчевоведа считают, что удаление запятой изменяет не только смысл стихотворения, но и ломает его ритмику.

- СБОРНИКИ ПЕРЕВОДОВ XX ВЕКА

В последней четверти XX столетии известны публикации сразу четырех сборников творчества Тютчева на немецком языке. В 1988 году в Берлине издательство «Neues Leben» выпустило в серии «Poesiealbum» 32-страничную брошюру № 249, содержащую 43 стихотворения в переводе поэта У. Грюнинга (Uwe Grüning). [Grüning] Составителем и автором подстрочника являлся славист Клаус Мюллер (Грюнинг русского языка не знает). Графическое оформление издания - Регины Бух. На титульном листе крупными мазками изображено сучковатое дерево, под которым угадывается стилизованный фонтан, на дереве - сова с человекообразной головой. В такой аллегории видится авторам поэзия Фёдора Ивановича. На 1-й странице цитируется Н. Некрасов и К. Пигарёв. В тексте полустраничного предисловия акцентируется переводческое творчество Тютчева, дружба с Гейне и Шеллингом.

В 1992 году появился ещё один фундаментальный сборник «Ach, wie so tödlich wir doch lieben» («О, как убийственно мы любим»). [Nostitz] Стихи изданы двуязычно в Мюнхене в переводе барона Зигфрида фон Ностица (Siegfried von Nostitz, 1906-1993). Книга имеет «Предисловие» переводчика и «Послесловие» слависта-тютчевоведа Г. Дудека (Gerhard Dudek). Между двумя этими статьями 142 стихо-

творения. Полный объём книги - 319 страниц, содержит талантливые стихи поэта-любителя: барон до пенсии был дипломатом (в Турции, Алжире, Сан-Франциско и Швейцарии).[1] Ностиц не знал русского языка, он был пленён Тютчевым по подстрочнику, который написал его друг Э.-Ф. Зоммер (Erich-Franz Sommer, 1912-1996), тоже дипломат (в США, Южной Африке, Австрии и Швейцарии).[2] Фактическим составителем книги барона Ностица был д-р Зоммер. Ему же принадлежат небесспорные смысловые акценты. Например, тютчевское восторженное восклицание: „*Что устоит перед дыханьем // И первой встречею весны!*" Ностиц (по Зоммеру) переводит скромным вопросом, снижающим эмоциональный замысел оригинала: „*Was kann vor seinem Hauch bestehen, // Vor Frühlings Augenblick?*" („*Что может выдержать перед дуновением, // Перед взглядом весны?*"). Зато Ностиц реабилитирует себя переводом „*О, как убийственно мы любим...*" - „*Ach, wie so tödlich wir doch lieben...*".Барон близко к сердцу принял тютчевский текст и сила страсти русского поэта была передана на немецком языке. Современные немецкие литературные лексиконы в статьях о Тютчеве цитируют указанную строку Ностица, полагая, что она наилучшим образом характеризует личность и поэзию Фёдора Ивановича.

В 1993 году в переводе швейцарского слависта X. Фербера в Цюрихе был издан двуязычный сборник «Die letzte Liebe. Последняя любовь». [Ferber] Составитель У. Шмид включил в денисьевский цикл 26 стихотворений, заимствованных из книги «*Ф. И. Тютчев.* Полное собрание стихотворений», изданной в Ленинграде в 1987 году. В «Примечаниях» и «Послесловии» швейцарские слависты показали хорошее знание российских литературоведческих статей по тютчевской тематике. Обложка книги оформлена художницей В. Шмид (Verena Schmid): на фоне грозового неба Елена Денисьева доверчиво склонила голову на

---

[1] Доктор Зоммер в 1995 году рассказывал автору о биографическом нюансе пожилого барона: Ностицу повезло под занавес бытия пережить вторую молодость. После многих десятилетий разлуки он вновь встретил даму сердца, с которой в юности не мог соединить свою жизнь. Любовная лирика Тютчева, особенно денисьевскиая эпопея, резонансно откликнулась в душе барона.

[2] Доктор Зоммер родился в Москве, высшее образование получил по германистике, истории, философии; в 1937 году выехал в Германию, где завершал образование в Кенигсберге и Берлине по восточно-европейской истории и славистике, стал переводчиком в ведомстве Риббенторпа. В ночь на 22 июня 1941 года он зачитывал советскому послу Деканозову меморандум о начале войны. Бывший московский студент из всей русской поэзии более всего любил стихи Тютчева. В книге «Das Memorandum» Зоммер подстрочником второй строфы стихотворения «Цицерон» („*Блажен, кто посетил сей мир...*") комментирует события 1941 года. [Sommer]

плечо Фёдора Ивановича. В российских изданиях такая композиция не встречается.

Любопытное исследование писем Тютчева, в которых упомянуто его пребывание в Швейцарии, опубликовано Е. Нечепоруком в книге «Das russische Entdeckung der Schweiz: Ein Land in dem nur gute und ehrbare Leuten Leben» («Русское открытие Швейцарии: страна, в которой живут только хорошие и уважаемые люди») [Netscheporuk.].

- АНТОЛОГИИ

Отдельные тютчевские стихотворения часто публиковались в многочисленных изданиях Германии. В 1920 году братья Элиасберги, Александр (1878-1924) и Давид (1891-1921), опубликовали в Лейпциге антологию русских поэтов «Русский парнас». [Элиасберг] В 312-страничном сборнике опубликованы стихи 65 поэтов, начиная от Ломоносова. В тексте 25 стихотворений Тютчева. Сразу после титульного листа «Парнас» открывается тютчевским «Цицероном», стихотворением-эпиграфом, но «Цицерон» здесь не эпиграф к сборнику, это эпиграф эпохе. 1920 год – время послевоенной разрухи, голода, подавленной революции, националистической эйфории люмпенов. И вот *средь бурь гражданских и тревоги...* и *заката звезды кровавой* раздается оптимистичный набат:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые:
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.

Мюнхенское издательство «Orchis» в 1923 году при энергичной поддержке Томаса Манна выпустило альбом портретов 157-ми русских литераторов. Издание подготовил Александр Элиасберг. [Eliasberg 1923] В альбом включен портрет Тютчева, написанный художником С. Александровским с известной петербургской фотографии Г. Деньера 1864 года. Коллекцию тютчевской иконографии данный портрет, к сожалению, не обогатил.

В «Введении» Т. Манн выражает уважение русским писателям: „...*Вот они проходят перед нами, герои этой, полной столь жизненного значения, носители русской мысли, все до единого борцы и герои души, мученики великой ответственности перед идеей человечества! Возможно ли перелистывать эти страницы иначе как с благоговением и потрясением? Прибавлю: с очень личным и интимным потрясением*“. В завершении будущий лауреат Нобелевской премии (1929) писал: „*А ваша книга, г-н Элиасберг, да будет новым знаком содружества двух великих, страждущих и полных будущности народов. Мюнхен, 21. XI. 1922. Томас Манн*“. Ближайшую будущность *двух*

великих страждущих народов Т. Манн не угадал: в 1933 году он вынужденно эмигрировал в США. В 1923 году поэт Отто фон Риземанн (Otto von Riesemann) перевёл «Бессонницу» („*Часов однообразный бой...*"), «Слезы» („*Слезы людские, о слезы людские...*") и „*О чем ты воешь ветр ночной...*" в точной ритмике тютчевского оригинала. Этот трудный перевод был сделан по просьбе русско-немецкого композитора Николая Метнера (Nicolas Medtner). Композитор Метнер - автор многих романсов на слова Тютчева. Он родился в Москве 24 декабря 1879 года, в 1892 году поступил в московскую консерваторию, в 1908 году стал её профессором. В 1921 году Николай Метнер выехал в Германию, выступал с концертами в Англии, Франции, Польше, СССР, США, Канаде. В 1935 году композитор переехал в Англию, где скончался 13 ноября 1951 года. Ноты с двуязычным текстом упомянутых стихотворений Тютчева были изданы нотным издательством Циммерманна во Франкфурте в 1923 году. В этом же сборнике опубликованы ещё два музыкальных произведения Метнера на стихотворения Фета в переводах О. Риземанна.

Летом 1934 года в посредническом издательстве «Otto Harassowitz» в Лейпциге был опубликован первый сборник «Русские поэты» из серии «Выбранные славянские поэты». Серия подготавливалась в Славянском институте при Фридрих-Вильгельм-Университете в Берлине под руководством выдающегося профессора Макса Фасмера (Max Vasmer, 1886-1962), главы школы немецкой славистики в 1910-50 гг., составителя и редактора многих русских лексиконов, в том числе «Этимологического русского словаря». Имя создателя сборника «Русские поэты» - Доротея Гиллер фон Гертринген (Dorothea Hiller von Gaertringen).[1] В 119-страничном сборнике 200 стихотворных переводов 15 поэтов: А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, графа А. К. Толстого, А. Фета, А. Майкова, В. Соловьева, Ф. Соллогуба, Вяч. Иванова, К. Бальмонта, З. Гиппиус, В. Брюсова, М. Лохвицкой, А. Блока, С. Есенина. Большего всего переведено стихотворений Тютчева: 44! В «Предисловии» есть следующие примечательные строки: „*Своеобразное, непосредственно доступное немцам обаяние русской поэзии очаровало меня уже к 25-ти годам, когда я оставила первые стихи. В 1930 году господин профессор Фасмер меня основательно и долго побуждал вернуться к переводческому опыту и подготовить собрание поэтического перевода. Я с радостью взялась за этот труд, когда узнала первого*

[1] Доротея, дочь известного на рубеже XIX-XX столетий берлинского профессора-филолога барона Фридриха Гиллера фон Гертрингена, знатока античной литературы, переводчика с латыни и древнегреческого. Она получила хорошее образование и тонкое душевное воспитание. На титульном листе упоминаемого сборника её посвящение отцу: „*Quod spiro et placeo, si placeo, tuumst*" („*Чем дышу и что чувствую, всё от тебя*", лат.).

поэта, которого он мне предложил. Это был Тютчев. И как обещал профессор Фасмер, все мои старания оплатились познанием творчества поэта уровня мировой литературы“.

Книга дополнена предисловием и примечаниями редактора, т. е. самого М. Фасмера. В 1956 году к 50-летнему юбилею творческой деятельности главы немецкой славистики Свободным Берлинским университетом был издан специальный журнал, в котором опубликованы статьи по славистике 70-ти учеников профессора Фасмера, в том числе Д. Чижевского, Д. Герхарда, Л. Мюллера. Была в сборнике и статья слависта по фамилии Н. фон Бубнофф (Nikolai von Bubnoff) из Гейдельберга «Tjutschevs philosophische Dichtung» («Философская поэзия Тютчева»). В тексте полностью или частично поэтически изложены 30 стихотворений Тютчева в переводе С. фон Бубнофф (Serge von Bubnoff) и В. Грёгера (Wolfgang Groeger). Наибо́льший интерес читающей Германии к русской поэзии был проявлен в последнюю четверть XX столетия. В 80-е гг. были изданы несколько разных сборников с одинаковым названием «Russische Lyrik».

В 1981 с переизданием в 1987 году мюнхенско-цюрихское издательство «Piper» выпустило книгу «Russische Lyrik. Gedichte aus drei Jahrhunderten» («Русская лирика. Стихотворения трёх столетий»). Составитель и автор большой вступительной статьи «Die Macht des Wortes» («Сила слова») - известный российский литературовед-германист член-корреспондент Баварской академии изящных искусств Ефим Эткинд (1918-1999). Немецкий почитатель русской лирической поэзии получает хорошее представление о её трёхсотлетней истории: в однотомнике 537 стихотворений 130-ти лучших поэтов России, в том числе и поэтов эмиграции. [Etkind] О всех авторах сообщены биографические сведения. Кроме 69 немецкоязычных первоисточников, составитель привлекал также для переводов известных ему поэтов-славистов. Всего опубликованы стихотворения 91 переводчика! Содержание структурировано на 26 разделов: «Барокко и классицизм», «Сентиментализм и ранний романтизм» и т. д. Стихотворения Пушкина, Дельвига, Грибоедова, Баратынского и Языкова составитель включил в рубрику «Золотое время русской поэзии». Поэзия Веневитинова, Полежаева, Козлова, Лермонтова и Тютчева отнесена к «Вершине романтизма» («Der Höhepunkt der Romantik»). Тютчевских стихотворений - 20: 8 - в переводах Л. Мюллера, 4 - Р.-Д. Кайля (Rolf-Dietrich Keil), 3 - Ф. Фидлера, 2 - Д. Герхарда (Dietrich Gerhardt), и по одному Бруно Гоеца (Bruno Goetz), Г. фон Гайслера (Henry von Heisler) и Вячеслава Иванова. Немецкие обработки Р.-Д. Кайля, Д. Герхарда (слависта из Гамбурга), и 4 перевода Л. Мюллера публикуются впервые, остальные заимствованы из других работ. Так 4 перевода Л. Мюллера ранее были напечатаны в его монографии «Russische Gedichte über Gott und Welt, Leben und Tod, Liebe und Dichtertum»

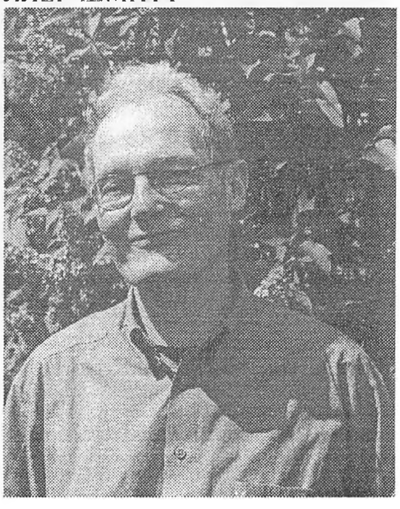
(«Русские стихи о Боге и мире, жизни и смерти, любви и поэзии») [Müller 1979], перевод Б. Гоеца взят из его статьи «St. Petersburg im Spiegel der russischen Dichtung» («Санкт-Петербург в зеркале русской поэзии»).[Goetz] Ефим Эткинд включил в сборник также переводы двух тютчевских стихотворений: «Последний катаклизм» (переводчик Г. фон Гайслер) и „*На древе человеческом высоком...*" (переводчик Вяч. Иванов), которые публиковались в Мюнхене в 1963 году (с переизданием в 1978) в книге «Lyrik des Abendlandes» («Лирика Востока»). Книгу подготавливал коллектив славистов: Hans Hennecke, Curt Hohoff, Rarl Vossler, Georg Britting.

Двуязычный журнал «Deutsch-Russischer Kurier» публиковал цикл статей А. Полонского «Поэт Фёдор Тютчев. Der Dichter Fedor Tjutschew».[Polonskiy DRK] Журнал ориентирован на читателей немецкоязычных стран Европы. Немецкий текст статей был воспроизведен в переводе главного редактора Р. Шютта (Reinhold Schütt). Поэзия Тютчева представлена 21 стихотворением в переводах З. Ностица (15 переводов), Г. Ноэ и У. Грюнинга (по 2 перевода), А. Мальтица и Ф. Фидлера (по одному).

В том же 1997 году издательство общества «Центр русской культуры «MIR» в Мюнхене» опубликовало на немецком языке сборник «Russische Spuren in Bayern» («Следы русских в Баварии»), в который была включена большая статья о Тютчеве: *Polonskiy, A.* Der Dichter Tjutschew - die Münchner Jahre. [Polonskiy] Статья содержала 22 стихотворения Тютчева в переводах: Л. Мюллера (12 переводов), З. Ностица (5 перевода), У. Грюнинга и А. Мальтица (по 2 перевода), Г. Ноэ (1 перевод). Переводчик текста статьи писатель Ф. Хитцер (Friedrich Hitzer). Поэтическое внимание к Тютчеву было обращено выпускником мюнхенского Института переводчиков литератором П. Обергубером (Peter Oberhuber). В журнале мюнхенского литературного архива «Archenoah» в статье «*Polonskiy, A.* Fjodor Tjutschew - ein russischer Diplomat und Dichter in München» напечатано переведённое им стихотворение „*Когда сочувственно на наше слово...*". Там же в переводе Л. Мюллера „*Все отнял у меня казнящий Бог...*". [Polonskiy 1999] Славист Обергубер много переводит с русского и чешского языков. Соблюдая в настоящем изложении хронологическую последовательность истории публикаций отдельных переводов тютчевских стихотворений отметим последний в XX веке сборник, изданный семинаром по славистике Тюбингенского университета в зимний семестр 1999/2000 гг. Семинар был посвящён пушкинскому юбилею. В сборнике 39 стихотворений Пушкина дополнены стихотворением Тютчева «29 января 1837 года». Автор поэтических переводов - профессор д-р Людольф Мюллер. [Müller 2000] У переводчика есть излюбленная тема в русской лирике, которой он остался верен и в названной публикации, озаглавив сборник: «Стихи о Боге и мире, жизни и смерти, любви и поэзии».

--- РИХАРД МЮЛЛЕР-ШМИТТ

Старейшее немецкое издательство «Philipp Reclam» не забыло о 125-летии со дня кончины Фёдора Ивановича Тютчева и включило в ежегодный литературный календарь 1998 года статью о русском поэте. Автор статьи Р. Мюллер-Шмитт (Richard Müller-Schmitt). В статье кратко сообщены биографические сведения, даны оригинальные оценки жанров творчества поэта, анализированы приёмы стихосложения, цитированы высказывания Л. Толстого и В. Набокова, рассказано о создании романсов на слова Тютчева. [Müller-Schmitt] Статья дополнена двуязычными текстами стихотворений «Осенний вечер» и «Silentium!» в переводе Рудольфа Поллаха. Стиль статьи предполагает хорошее знание автором излагаемого материала. Скромный Р. Мюллер-Шмитт вполне мог завершить статью собственными поэтическими переложениями стихотворений Тютчева на немецкий язык: господином Рихардом сделано 27 переводов тютчевских стихов. О Мюллере-Шмитте, перефразируя известного поэта, можно сказать, что он самостоятельно в совершенстве овладел русским языком только для того, чтобы читать и переводить поэзию Тютчева.

Р. Мюллер-Шмитт - поэт, писатель, переводчик, редактор издательства «Philipp Reclam jun.». В юности Рихард „сам себя выучил русскому языку", чтобы читать и переводить Ф. И. Тютчева.

В 1965 году 14-летний ганноверский гимназист „*сам себя научил русскому языку*" и перевёл тютчевское стихотворение «Весенние воды».

Биография Мюллера-Шмитта отражает область интересов интеллигентного молодого немца возрождающейся послевоенной Германии, освободившейся от нацистского прошлого. С 1969 году призванием Рихарда стали русский язык и литература, которыё он изучал в университетах Фрайбурга (Брайсгау) и Франкфурта-на-Майне. В этих университетах он совершенствовал также немецкую филологию и освоил английский язык и литературу, в 1977-80 гг. работал в гессенском Фонде мирных и конфликтных исследований (Франкфурт-на-Майне), был аналитиком советской внешней и военной политики. Мюллер-Шмитт переводил с русского на немецкий язык статьи и кни-

ги (в том числе и русского зарубежья): З. Шаховской «В поисках Набокова», Ю. Мальцева «Вольная русская литература 1956-85 гг.», Н. Зарудина «Тридцать ночей на винограднике», публиковался в немецком издании журнала «Континент» (под псевдонимом Gösta Maier).

С 1984 года Мюллер-Шмитт трудится в качестве редактора в издательстве Philipp Reclam jun. в Дитцингене. Вот отрывок его письма на русском языке: „*...Вместе с коллегой Дитмаром Янгле* (Dietmar Jangle) *сочиняю маленькие литературные очерки в нашем ежегодном Literatur-Kalender. В 1998 году я таким образом имел честь и наслаждение представить немецкому читателю моего любимого Тютчева*". [Müller-Schmitt, 2001]

Мюллер-Шмитт живёт недалеко от Штутгарта, в городке Людвигсбург, он отец пятерых сыновей, многолетний член русского литературного клуба в Штутгарте.

--- ПЕРЕВОДЫ РОССИЙСКИХ ГЕРМАНИСТОВ

Изысканная культурность и высокая квалификация русской переводческой школы снискали ей мировой авторитет. Известны замечательные переводы тютчевской поэзии на немецкий язык, выполненные российскими германистами.

Доцент литературного института им. А. М. Горького Владимир Микушевич (род. в 1936 году), поэт, философ, литературовед, переводчик с немецкого, английского, французского, итальянского, армянского, автор книг и статей о русской и мировой поэзии, об истории мировых религий и искусства, автор поэтических переводов. Владимир Борисович во власти глубокомыслия тютчевской поэзии безукоризненно перевёл на немецкий язык стихотворение „*Я лютеран люблю богослуженье...*". Ритмика перевода идеально совпадает с ритмикой тютчевского стиха. Переводчик точно сохранил ироничный настрой текста. [Микушевич 1995-1]

В. Б. Микушевич, увлеченный глубиной стихотворения «Silentium!», исследовал истоки тютчевских идей, изложенных в поэтической форме. [Микушевич 1995]

Интересным многогранным литератором была Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек (1893-1975). М. Л. Гаспаров посвящает ей исследование «Неизвестные переводы стихотворений Тютчева на немецкий язык М. Е. Грабарь-Пассек». [Лотман] Мария Евгеньевна выросла в семье преподавателей Юрьевского университета, с детства немецкий язык был вторым языком. Её дипломная работа о философии Владимира Соловьева на «Высших женских курсах В. Герье» в Москве определила направление её филологических вкусов и придала импульс к разностороннему познанию античной и европейской литературы и философии. Мария Евгеньевна автор монографии «Античные сюжеты

и формы в западноевропейской литературе», переводчик Феокрита и позднеантичных писателей, знаток Гёте и Т. Манна, переводчик А. Мицкевича («Конрада Валенрода» в 1920 году), автор «Синтаксиса» известного учебника «Грамматика немецкого языка для 9-10 классов средней школы» (в 1946 году вышло 8-е издание!). Самым любимым поэтом Марии Евгеньевны был Тютчев. В вышеназванной статье опубликованы её переводы 6 стихотворений («Mal'aria», «Silentium!», из Гейне в обратном переводе „*Из края в край, из града в град...*" и др.). М. Л. Гаспаров подчёркивает, что переводы М. Е. Грабарь-Пассек очень точны, что они верны лучшим традициям русской переводческой культуры.

- ПЕРЕВОД ПУБЛИЦИСТИКИ

Удивительное дело: Тютчев-публицист в Германии известен едва ли не более, чем Тютчев-поэт. Кстати, аналогичная ситуация сложилась и в России при жизни Фёдора Ивановича. Глобальные проблемы взаимоотношений России и Запада основательно разрабатывались в статьях Тютчева. Опубликованные на французском языке, они были прочтены всей культурной Европой и стали предметом обсуждения европейской прессой. Спустя 150 лет мюнхенские газеты отмечали годовщину их первых публикаций: *Хенце, Йохим*. Ранние идеи гласности в доме на Каролиненплац 1: мечты в тени обелиска. 150 лет назад Фёдор Тютчев написал известное эссе «Россия и Германия». [Hentze]

В 1992 году берлинский экономист М. Хармс (Michael Harms) издал свой перевод всех публицистических статей Тютчева. Книга «*Fjodor Tjutschew.* Russland und der Westen. Politische Aufsätze» была подготовлена на хорошем научном уровне и вышла первым выпуском в серии «Stimmen aus Russland» («Голоса из России»). [Harms] В основательном 15-страничном предисловии издателя-переводчика «Dichtung und Politik» («Поэзия и политика») исследуются политические взгляды поэта Фёдора Тютчева, использованы многие российские и немецкие первоисточники, цитируются стихи в переводах Ф. Фидлера, У. Грюнинга и самого М. Хармса. Книга открывается статьей Валерия Брюсова: «Fjodor Tjutschew - Ein biographischer Essay (1911)» («Фёдор Тютчев - биографическое эссе»). Далее следуют работы - предмет издания: «Russland und Deutschland (1844)» («Россия и Германия»), «Russland und die Revolution (1848)» («Россия и революция»), «Das Papsttum und römische Frage aus russischer Sicht» (1850) «Папство и римский вопрос с русской точки зрения», «Über die Zensur in Russland (1857)» («О цензуре в России»). Завершается работа статьей Ивана Аксакова (в сокращении), названной М. Хармсом «Tjutschews geschichtsphilosophische Ansichten (1873/74)» («Историко-философские взгляды Тютчева»). В соответствии с правилами научных изданий в

конце следуют главные биографические события жизни Фёдора Ивановича и указатель имён, встречающихся в упомянутых статьях. Данная книга явилась заметным вкладом в помощь немецким тютчевоведам в изучении многогранного творчества русского поэта.

- ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Уже с первых десятилетий XX века поэзия Тютчева попала под пристальное внимание литературоведов. В 1921 году русско-немецким историком литературы, упомянутым выше А. Элиасбергом, была написана и в начале следующего года издана в Мюнхене книга с интригующим названием «Русские литературные истории в отдельных портретах» [Eliasberg 1922] В 192-страничной книге - 17 глав, 10-я глава посвящена Тютчеву.

Книгу открывает «Сопроводительное слово» (Geleitwort) Д. Н. Мережковского, названное им «Европа исчезает?» («Europa fuit?») Дмитрий Николаевич пространно рассуждает, как соотносится Россия и Европа, Восток и Запад, цитирует Достоевского и Толстого. Эти сентенции интересны, но к теме книги отношения почти не имеют. Однако 43-летнему Элиасбергу импонирует внимание, оказанное его труду известным поэтом и философом.[1] Статья о Тютчеве проникнута любовью к русскому поэту. Элиасберг хорошо знал поэзию Тютчева, часто цитирует в собственном переводе, в переводах И. Гюнтера (Johann v. Guenther) и В. Грёгера. „*Тютчев - выдающийся поэт России, стоящий рядом с Пушкиным, моложе которого был только на 4 года*, - так начинает Элиасберг статью о Тютчеве, - *родственный по духу современник Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, фактически оставался неизвестный россиянам в течение всего 19-го столетия,* - Элиасберг с горечью продолжает. - *В новейшей литературной истории его имя едва упоминают. В 1910 году Мережковский жаловался, что стихи Тютчева в книготорговле почти не востребуются*". Вероятнее всего, что статей В. Соловьева [Соловьев] Элиасберг не читал, но хорошо знал статью А, Некрасова [Некрасов] и большую работу И. Аксакова [Аксаков 1884], которую часто цитирует (копируя ошибки её автора). Особое восхищение у Элиасберга вызвало мюнхенское издание тютчевских стихов в переводе и с оригинальным «Предисловием» Генриха Ноэ. [Noe 1861] Однако, упоминая названные работы, Элиасберг их не компилирует. Он серьезно изучает жизнь и творчество Тютчева: „*В России для Тютчева, который лучшие свои годы провел за*

[1] Д. Н. Мережковский немецким языком владел недостаточно и А. Элиасберг был постоянным переводчиком его творчества.

границей, заключалось все великое с все святое". Суждения Элиасберга подчас резкие и спорные, в них чувствуется влияние Мережковского: „*Политически душой и телом Тютчев принадлежал к славянофилам, которых он поддерживал и украшал. ...В соотношении внешних форм его стихотворений с художественными средствами Тютчев был далеко впереди своего времени. Он привносил часто редкую рифму, внутреннюю рифму, ассонансы и другую изысканность, которая для его современников была непонятна. Он был учителем искусства стихосложения для поэтов. Современные русские лирики почитают в Тютчеве выдающегося Мастера*".

Бывший россиянин Александр Элиасберг получил филологическое образование в Мюнхене. Литературоведческие работы Элиасберга, пропагандирующие русскую литературу, не ушли в забвение и издаются по сей день.

В 1946 году в Карлсруэ (с разрешения американской администрации) была издана книга «Русская поэзия. Обзор и переводы». Автор Р. Планк (Rudolf Plank, 1886-1973). [Планк] Седьмая глава раздела «Обзор» называется «Представители „чистого искусства"» и посвящена Тютчеву, Фету, Майкову, Мею, графу А. К. Толстому, Апухтину. Мнение Планка о Тютчеве: „*Значительным представителем „чистого искусства" был Тютчев, который после Пушкина и Лермонтова занимал третье место в русской поэзии. Особым почитателем этого поэта был Тургенев. Поэзия Тютчева необычна и богата мыслями, отличительна поэтической мудростью. Она волнует сферой сверхестественного и, хотя поэт был большим мастером в этой сфере, он считал, что язык недостаточный инструмент для выражения человеческих мыслей с помощью слов*". Далее Планк в собственном переводе цитирует «Silentium!». Также в собственном переводе во втором разделе книги опубликованы два стихотворения Тютчева: «Последняя любовь» и „*Эти бедные селенья...*". В работе часто упоминается А. Элиасберг.[1] Многие известные немецкие ученые-слависты: Д. Чижевский (Dmytro Tschyzevskij) [Tschyzevskij 1933], Л. Мюллер (Ludolf Müller, Tübingen), С. Якобзон (S. Jakobsohn) [Jakobsohn], А. Бем (Alfred Bem). [Bem] и мн. др. посвятили Тютчеву исследовательские работы, которые публиковались в солидных научных изданиях: «Zeitschrift für

---

[1] Планк известен многими поэтическими переводами русской лирики (он родился в Киеве и с детства хорошо знал русский язык), а также научными идеями в области синтеза знаний. Планк был разносторонне образован, автор лирических стихотворений, в совершенстве владел французским языком, с которого также много переводил, имел две ученых степени: доктора технических и философских наук, был профессором университетов в Данциге (1913-24) и в Карлсруэ (1925-54), в которых преподавал термодинамику.

slavische Philologie. Dr. Max Vasmer ord. Professor an der Universität, Berlin» («Журнал славянской филологии под редакцией профессора университета д-ра Макса Фасмера, Берлин»), «Germanoslavica», «Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas», «Osteuropa» и др., некоторые из которых издаются и сегодня. В 1958 году по случаю 800-летия Мюнхена был выпущен юбилейный сборник, посвященный наиболее значительным событиям и личностям в истории баварской столицы. Только Фёдор Иванович Тютчев был единственным иностранным поэтом, удостоенным чести оказаться в названном издании: в сборнике опубликована большая статья слависта Вильгельма Леттенбауэра «Русский поэт Фёдор Тютчев и Мюнхен» (Wilhelm Lettenbauer, Freiburg) [Lettenbauer]. В 1954 году в Берлине была защищена диссертация, в которой диссертант А. Керндль (Alfred Kerndl) выяснял значение поэзии Г. Гейне в творчестве М. Лермонтова и Ф. И. Тютчева. [Kerndl] После Второй мировой войны это была первая литературоведческая диссертация, в которой изучались связи немецкой и русской поэзий в XIX веке. В берлинском «Журнале славистики» в 1958 году была опубликована статья Герхарда Дудека «Гармоническое сочетание философского и художественного в поэзии Ф. И. Тютчева» [Dudek] Через 4 года Г. Дудек докладывал материал статьи на 4-м Международном съезде славистов в Москве. В 1992 году почитатель тютчевской поэзии профессор Герхард Дудек был инициатором организации литературного вечера памяти Тютчева в «Lyrik-Kabinett», литературной библиотеке Мюнхенского университета. В 1974 году сравнительное исследование о Тютчеве и Гёте было опубликовано на немецком языке филологом М. П. Алексеевым в восточноберлинском сборнике «Статьи четырёх десятилетий». [Alekseev]

Вклад в немецкое тютчевоведение сделан крупным славистом д-ром Гансом Роте (Hans Rothe) из Кёльна. Известны его работы в области польской и болгарской славистики (в 1978 году им в Софии защищена докторская диссертация по болгарской литературе). Им написаны исследования о европейском путешествии Н. М. Карамзина (1968), о религии и культуре отдельных регионов России в XVIII веке (1984), о немцах в России (в серии «Немецкая самобытность на Востоке», № 27, 1996). Особенно большое внимание д-ром Роте уделено творчеству Гончарова, Тургенева, Достоевского (1981, 1991). В 1978 году в поле научного зрения д-ра Роте попало философское стихотворение Тютчева „*Не то, что мните вы, природа...*“. Статья называлась «„*Nicht was ihr meint, ist die Natur...*“: Tjutschev und das «Junge Deutschland»». [Rothe] Статья исследует взаимоотношения Тютчева и группы писателей, называвших себя «Молодая Германия». К этой группе примыкал также Г. Гейне. Автор статьи находит сходство анти гегельянских мотивов в понимании природы в названном стихотворении Тютчева и в книгах Г. Гейне «Романтическая школа» и «К истории

религии и философии Германии», написанных соответственно в 1833 и 1834 годы. Правота д-ра Роте могла быть косвенно подтверждена, если бы достоверно была известна датировка появления тютчевского стихотворения, которая условно принимается не ранее мая 1836 года. В любом случае гипотеза кёльнского слависта оригинальна и другими учеными ранее не исследовалась. В 1977 году в 14-м томе «Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas» была опубликована литературоведческая статья Г. Роте о лирике Тютчева, посвящённой природе. Все тютчевские тексты цитируются в оригинале. В 1994 году немецкая филология к 65-летию д-ра Роте издала юбилейный сборник его основных трудов и учеников юбиляра. Мюнхенское издательство Wilhelm Fink в 1982 году выпустило оригинальное научное пособие, сборник статей 18 ученых-славистов, обладающих даром немецкого стихосложения, под редакцией одного из авторов, К.-Д. Зееманна «Russische Lyrik. Eine Einführung in die literaturwissenschaftliche Textanalyse». [Seemann] Труд посвящён эталонному русскому поэтическому языку. На 390 страницах подробнейшим образом изучаются 24 стихотворения 16 русских поэтов. Круг читателей книги - слависты. О Тютчеве две статьи одного автора: Й. Клейна (J. Klein). Им же переведены стихотворения «Последняя любовь» и «Весенняя гроза». Автор скрупулёзно изучает напевность, рифму и ритмику тютчевской поэзии. В том же 1982 году 10-й том журнала «Wiener slawistischer Almanach» публикует литературоведческое исследование вышеупомянутого гамбуржца Дитриха Герхарда «Tjutschev als Duellant». [Gerhardt] Д. Герхард подробно анализирует тютчевские переводы из Гёте, полагая, что оригиналы по силе поэтического осмысливания и звучания проигрывают переводу. Особенно автора заинтересовала тема «Пушкин и Тютчев». Д. Герхард, отмечая работы российских тютчевоведов: Н. Александровской (филолога 20-х гг.), Ю. Тынянова, А. Битова, К. Пигарева и многих других, в которых выясняются отношения между двумя поэтами России, излагает и свою точку зрения. В конце статьи следуют 9 стихотворных переводов автора: 5 из поэзии Тютчева (4 опубликованы впервые), 3 - Пушкина, одно - А. Апухтина «Памяти Ф. И. Тютчева». В 1977 году 14-й том журнала «Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas» был посвящён 65-му дню рождения Дитриха Герхарда.

В 1983 и 1994 гг. издательство «Philipp Reclam» в традиционном карманном формате опубликовало толстый 736-страничный сборник «Russische Lyrik von den Anfängen bis zur Gegenwart. Russisch/Deutsch» («Русская лирика от начала до настоящего времени. На русском и немецком языках»). На русском языке - стихотворный текст, на немецком - нерифмованный подстрочник с попыткой сохранения ритмики оригинала. Всего под одной обложкой собрано 280 произведений девяноста авторов. Переводческий коллектив - группа автори-

тетных ученых-славистов: В. Биркенмайер (Willy Birkenmaier), К. Боровски (Kay Borowsky), Г. Райхерт-Боровски (Gisela Reichert-Borowsky), Л. Мюллер (Ludolf Müller), Р. Поллах (Rudolf Pollach), Л. Титова (Lidia Titowa), Д. Вёрн (Dietrich Wörn). Почти все из Тюбингена. (В. Биркенмайер, автор исследования о российских гражданах, обучавшихся в гейдельбергском университете, работает в Институте переводчиков при названном университете.) «Введение» к сборнику - исследование на 18 страницах Л. Мюллера об истории русской лирики с древнейших времён. Книгу открывает «Слово о полку Игореве» в переводе Л. Мюллера. 8 стихотворений Тютчева переведены Р. Поллахом. В завершении книги помещены биографические справки о поэтах сборника.

Хороший подарок историкам, филологам, литературоведам сделало мюнхенское издательство «Wilhelm Fink» двумя прекрасно оформленными книгами в красочных суперобложках. Первая издана в серии «Westöstliche Spiegelungen» («Западно-восточные отражения») и называется «Russen und Russland aus deutscher Sicht 19. Jahrhundert: von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800-1871)» («Русские и Россия в немецком видении XIX века: от рубежа столетия до образования страны (1800-1870)»). Она вышла под руководством российского писателя-эмигранта Льва Копелева. Ему принадлежит введение «Zunächst war Waffenbrüderschaft» («В начале было братство по оружию») и статья «Heinrich Heines russische Phantasie» («Русские фантазии Генриха Гейне»). [Kopelev, Wiegand] Всего в книге 30 статей немецких русистов (историков и литераторов). Л. Копелев пишет о дружбе Г. Гейне и Ф. Тютчева и взаимном влиянии на их творчество. О Тютчеве пишет и другой автор сборника, Г. Виганд (Günther Wiegand), в статье: «Mittler der Dichtung, des Geistes der Zukunft - Karl August Varngagen von Ense» («Посредник поэзии и духовности будущего - Карл Август Варнгаген фон Энзе»). Вторая книга вышла под названием «Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht 19. Jahrhundert: von der Jahrhundertwende bis zu den Reformen Alexander II.» («Немцы и Германия в русском видении XIX века: от рубежа столетия до реформ Александра II»). Книга содержит 32 статьи немецких и российских авторов. Тексты редактировали два литератора: немецкая славистка Д. Геррманн (Dagmar Herrmann) и известный российский филолог Александр Осповат. [Herrmann, Ospovat] Оба редактора опубликовали в сборнике свои статьи: Д. Геррманн о Герцене, А. Осповат - о Тургеневе и о Тютчеве. Статья о Тютчеве называется: «Fjodor Tjutschev über *„deutsche Zustände“*» («Фёдор Тютчев о *„состоянии дел в Германии“*»). Немецкий читатель знакомится с политическими статьями и стихотворениями Тютчева, в которых выражена точка зрения российского дипломата на ситуацию в Германии. На призыв Бисмарка к насильственному объединению германских земель Тютчев отвечает: *„Славянский мир, сомкнись тесней...“*. Стихотворение «Два единства», заключающее

статью, публикуется двуязычно в переводе Г. Зигеля (Holger Siegel). По теме статьи дана обширная библиография российских, английских и немецких первоисточников.

- ЛЕКТОРИЙ ПАМЯТИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Творчество Ф. И. Тютчева на немецком языке представлено в Германии также в концертных и лекционных программах. на государственных радиоканалах В ноябре 1995 года с рассказом о русском поэте по штутгартскому радио Südwestfunk выступил профессор Людольф Мюллер. Ниже текст его речи (перевод автора):

„*За почти 200 лет в немецкоязычном пространстве был проявлен широкий интерес к знакомству с русской литературой. Великие прозаики от Пушкина и Гоголя до Гончарова и Тургенева, Достоевского и Толстого, до Пастернака и Айтматова, драматургии Чехова, особенно также поэзии Пушкина, далее Лермонтова и в нашем столетии Александра Блока и Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой и Марины Цветаевой не только нашли живой интерес немецких читателей в многочисленных переводах, но они подчас пробудили их увлечённость и любовь ко всей русской культуре. Однако один русский поэт XIX столетия для нас оставался почти незнаком, который в России был действительно величайшим лириком и высоко оценен: Фёдор Тютчев*“ (цитируется по статье, приложенной к частному письму д-ра Л. Мюллера от 3-го мая 1997 года к автору). Все исследования одного из ведущих славистов Германии проникнуты любовью к русской культуре.

13 мая 1999 года в эфире баварского радио прозвучала 45-минутная передача «„Herausweh“ nach München. Fjodor Iwanowitsch Tjutschew Dichter, Heine-Freund, Frauenheld» («Тоска по отъезду в Мюнхен. Фёдор Иванович Тютчев, поэт, друг Гейне, герой женщин»). В радиоспектакле 5 ролей: Рассказчик-Декламатор, Комментатор, «Тютчев», Цитирующий Мужчина, Цитирующая Женщина. Исполняются романсы Рахманинова на стихи Тютчева. Декламируется тютчевская поэзия в переводах У. Грюнинга, Л. Мюллера, З. фон Ностица и Л. Есбеер (Lina Esbeer) (стихотворение «Весенние воды»). Автор сценария - писательница д-р Моника Шаттенгофер (Monika Schattenhofer). Д-р Шаттенгофер к славистике отношения не имеет, русского языка не знает. Основным материалом, который произвёл на неё впечатление, была статья «*Polonskiy, A.* Der Dichter Fjodor Tjutschew - Münchner Jahre». [Polonskiy] В радиопередаче обильно цитируется заимствованный текст, звучит поэзия Тютчева в прекрасных переводах Г. Ноэ, З. Ностица, Л. Мюллера, У. Грюнинга. Один из персонажей сценария называет имя автора первоисточника текста.

Во многих городах Германии существуют государственные и общественные организации и объединения, являющиеся центрами русской культуры, например, в Дрездене (Немецко-русский институт, рук. д-р В. Шелике), Лейпциге (Е. Рудольф), Берлине, Нюрнберге (клуб «Вдохновение», рук. Т. Свирская), Гамбурге, Штутгарте (общество «Русская Германия», рук. д-р В. Вол) и др. Очаги русской культуры в Мюнхене представлены Восточно-Европейским институтом, восточноевропейским отделом Баварской государственной библиотеки, русской библиотекой Толстовского фонда, Lyrikkabinett'ом при факультете славистики Людвиг-Максимилиан-Университета, русскоязычным клубом «Город» (рук. Н. Вишневская), обществом «MIR», называющим себя «Центр русской культуры «MIR» в Мюнхене» (рук. Т. Лукина). «Центр» ориентирован в основном на немецких граждан, тяготеющих к русской культуре. К 200-летнему юбилею Ф. И. Тютчева «MIR» издал иллюстрированный календарь на немецком языке.

В «MIRe» с докладами о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева выступали: искусствовед Лада Николенко, бывший дипломат д-р Э.-Ф. Зоммер, филолог-славист д-р Л. Мюллер. Членом «MIRa» был и переводчик барон З. фон Ностиц. Нередки в программе «MIRa» литературно-музыкальные концерты о Тютчеве на немецком языке. В 1998 году к 125-й годовщине кончины поэта был поставлен спектакль по сценарию А. Полонского «Женщины в жизни и поэзии Тютчева» (перевод д-ра Й. Тумзер, обработака для сцены К. Вирц и Т. Лукиной). Спектакль исполнялся в разных городах, в т. ч. в Этнографическом музее во время «Дней Москвы в Баварии» в 1999 году. Музыку к спектаклю написал Б. Бернштейн. Романсы на слова Тютчева исполняла на русском языке О. Агеева.

29 июля 2000 года, к 127-летию со дня кончины Фёдора Ивановича Тютчева, в мюнхенском театре «Spielhaus» также по сценарию А. Полонского был поставлен одноактный спектакль на русском языке «Земное Провиденье!..», посвященный любви Поэта и Эрнестины. Главная тема - Весна и Рок, предопределение Его и Её друг другу. В спектакле три роли: Ведущий (А. Полонский), Эрнестина (Т. Лукина) и Поэт (засл. арт. России Эрнст Зорин). Гитаристами Е. Кленовой и Л. Крыловой в спектакле исполнялись романсы на слова Тютчева.

21 марта 2002 года к 180-летию со дня приезда Тютчева в Мюнхен (в 1822 году) в упомянутом театре «Spielhaus» состоялся спектакль памяти первой жены поэта Элеоноры: «Вы найдете нас на Каролиненплац» (автор А. Полонский). Мюнхенцы хорошо знают площадь Каролины и теперь эта площадь ассоциируется у них с именем Тютчева. Звучала поэзия, написанная поэтом в период его первого брака, исполнялись романсы. Зрители узнали о драматической истории первого венчания Фёдора Ивановича. В концерте приняли участие: А. Полонский (Рассказчик), Т. Лукина (Элеонора), А. Дуданова (сопрано), М. Кравчук (рояль), Е. Кленова (гитара.).

Группа экскурсантов из России, Украины, Германии, Дании на вилле «Haus Adlerberg am See» в Тегернзее. В первом ряду в центре - владелица виллы госпожа Брингильда-Фрида Люкс, рядом справа - руководитель бюро путешествий «Глобус» Тамара Райх, в центре второго ряда (за спиной г-жи Люкс) – экскурсовод Аркадий Полонский.

Руководитель туристского бюро «Глобус» Тамара Райх и А. Полонский составили план путешествий на сезон 2002/2003 года, посвященный 200-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева. В юбилейный год туристам предлагается посещение тютчевских мест в Европе (с лекционным сопровождением А. Полонского): Милана, Турина и Генуи, Ниццы, Венеции и Рима, Женевы и Линдау, Навплии (Греция), плато Унтерсберг («тропа Тютчева», недалеко от Зальцбура), православной часовни на холме Ротенберг (Штутгарт), Тегернзее (Мюнхен).

В рамках этого плана в 2002 году уже состоялось первых несколько поездок. 14 июля 2002 года русскоязычные туристы из многих городов и стран Европы отправились в Тегернзее, курортный городок под Мюнхеном. Здесь на вилле «Haus Adlerberg am See» в 1888 году угасала „прекрасная Амалия“, юношеская любовь Фёдора Ивановича Тютчева. 14 июля 1840 года Тютчев писал родителям: „После России это моя самая давняя любовь“. Экскурсантов из Мюнхена тепло приняли владельцы виллы доктор Петер-Ганс Люкс и его супруга Брингильда-Фрида. В комнате Амалии декламировалась поэзия Тютчева, написанная в Тегернзее. Стихотворение „Я помню время золотое...“, посвященное поэтом Амалии, прозвучало у ее надгробия на кладбище в Роттах-Еггерн. Туристы возложили цветы на могилы Амалии и ее мужа российского графа Николая Адлерберга.

В сентябре 2002 года туристы отправились в Навплию, временную греческую столицу. Греция освободилась от 700-летнего турецкого ига, но страну раздирали внутриполитические распри, инициируемые бывшими союзными державами по антитурецкой коали-

ции. С августа по ноябрь 1833 года Тютчев находился здесь с трудным командировочным заданием: ему предстояло убедить юного греческого короля Офона (Othon, от немецкого Otto), сына Людвига I Баварского, проводить более лояльную к России внешнюю политику. Россия ранее поддержала кандидатуру принца Отто Баварского на вакантный греческий престол и выделила значительные денежные суммы для молодого королевства. Но Отто-Офон усилиями Регентского совета был фактически изолирован от управления страной и командировка Тютчева была провалена.[1]

В конце ноября 2002 года состоялась встреча баварцев с северной Италией. Фёдор Иванович всегда с восторгом писал о народе, культуре, природе Италии, посвящал Италии стихи, переводил итальянских поэтов. Города северной Италии - Генуя, Турин, Милан – прошли пёстрой полосой через биографию Тютчева: в Турине 9 сентября 1838 года скоропостижно скончалась Элеонора (Фёдор Иванович в 1837-38 гг. выполнял обязанности поверенного в делах при Туринском дворе). Как писал В. Жуковский, она умерла „мученической смертью". За одну ночь 35-летний Тютчев превратился в седого старика и таким остался до конца дней. Поклонники тютчевской поэзии Турина собираются в культурном обществе «Русский мир». Руководитель общества – активная обаятельная синьора Анна Роберти. Её верный помощник филолог-русист профессор-ассистент Болонского университета синьор Пьеро Каццолли. В Милане состоялась интересная встреча с профессором Эриданом Баццарелли, переводчиком тютчевской поэзии на итальянский язык, а также с синьорой Анной Сиони, руководителем культурного общества «Россия-Италия». Неизгладимое впечатление произвела Генуя. Здесь создавались тютчевские посвящения Эрнестине: «1-е декабря 1837 года» и «Итальянская вилла». Недалеко от Штутгарта на холме Ротенберг находится часовня-мавзолей. Здесь покоится прах королевы Вюртембергской, российской великой княгини Екатерины Павловны. 21 мая 1841 года в часовне венчался В. Жуковский. Тютчев посетил Ротенберг на 12 лет раньше. Красивый ландшафт, не нарушенный присутствием человека, возбуждает поэтические чувства:

Над виноградными холмами
Плывут златые облака,
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река -

Взор, постепенно из долины
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.
<…>

---

[1] См. статью «Тютчев и персонажи картины Ф. Фольца»

На автографе стихотворения Эрнестиной ошибочно указано, что местом создания стихотворения является баварский городок Ротенбург Rotenburg. Ошибку обнаружил в 1937 году выдающийся немецкий философ и филолог-славист Дмитрий Иванович Чижевский.[1]

«Тропа Тютчева» ждёт туристов в походе на плато Унтерсберг (под Зальцбургом). В феврале 1828 года здесь путешествовали Фёдор Иванович с братом Николаем и сестры Элеонора и Клотильда. Под впечатлением альпийской природы создавался стихотворный цикл «Сквозь лазурный сумрак ночи...» и другие стихи этого времени. Первый переводчик тютчевской поэзии, Генрих Ноэ, был восхищен тютчевским видением природы. Он посвятил свою жизнь изучению Альп, написал о своих путешествиях много книг, которые издаются по сей день и являются энциклопедическим источником знаний об Альпах.[2]

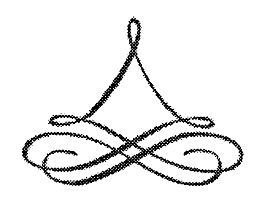
Душевное состояние Фёдора Ивановича зимой 1864-65 гг. в Ницце передано в трагических строках:

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет - и не может...

Нет ни полета, ни размаху –
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

Боль и бессилие: скончалась „последняя любовь поэта", Елена Александровна Денисьева, трудное примирение с Эрнестиной, неудачное замужество любимой дочери Марии... Это тяжелое время в жизни Тютчева – тема путешествия в Ниццу.

18-го ноября 2002 года берлинский еженедельник «Русская Германия» (№ 46/431) опубликовал статью А. Полонского «По тютчевским местам в Европе». Статья завершалась словами: „Путешествуйте по тютчевским местам. Дышите целебным воздухом Тютчева".

[1] См. статьи «Жизнь в Мюнхене» и «Дмитрий Чижевский».
[2] См. статью «Генрих Ноэ».

ТЮТЧЕВ И ПЕРСОНАЖИ КАРТИНЫ ФИЛИППА ФОЛЬЦА

Начало декабря 1832 года вошло в летопись Мюнхена не зимними холодами, не биржевыми сводками, не обострившимися отношениями с последователями ордена иезуитов, а взрывом патриотических страстей: 17-летний принц Отто Баварский, второй сын короля Людвига I, отправлялся на царство в Грецию, где он 8 августа того же года был избран на греческий престол.

Многовековая борьба Греции за свою независимость от турецкого ига полна драматизма. В первой половине XIX века европейские державы военными и политическими методами продвигали решение греческого освобождения. Значительно была ослаблена греческая зависимость от Турции после разгрома турецкого флота наваринской бухте 20 октября 1827 года кораблями России, Англии и Франции. По Адрианопольскому договору (между Россией и Турцией 14 сентября 1829 года) Турция вынуждена была признать греческую автономию. Решением Лондонской конференции (в феврале 1830 году) суверенитет Греции был расширен: Греция получила право на христианского князя в качестве главной персоны страны. Правда, князь - еще не король, но уже все-таки суверен. Лондонская конференция не возражала против кандидатуры саксонского принца Леопольда на вакансию первого греческого суверена. Через месяц, 21 марта 1830 года, принц передумал, т. к. появилась возможность стать первым бельгийским королем, да и греческое православие ему было не к чему. В отсутствие суверена Грецией управлял председатель правительства, Иоанн Каподистрия, но ему не повезло: он серьезно мешал соперничающим группировкам и 9 октября 1831 года был убит. Иоанн граф Каподистрия (1776-1831) происходил из старинного корфского рода, в 1802 году был государственным секретарем Ионической республики, с 1813 года служил в русской Дунайской армии, входил в состав российских делегаций на международных конгрессах с повесткой дня по греческому вопросу (Венской в 1814 году, Парижской в 1816 году). Прозападные группировки Греции обвиняли И. Каподистрия в русской авторитарной манере правления. [Murken]

Одним из крупнейших событий европейской жизни 30-х гг. было международное соглашение между Грецией и Баварией при участии России, Англии и Франции об избрании 17-летнего сына Людвига I, принца Отто, королем Греции. Проект соглашения разрабатывался профессором мюнхенского университета д-ром Тиршем. Последние

несколько лет Тирш отрабатывал детали плана, согласовывая уточнения с заинтересованными сторонами. Существенный нюанс идеи Тирша - обязательность несовершеннолетия иностранного претендента на греческий престол. При этом юноша-король по плану Тирша должен управлять страной с помощью регентского совета, который должен формироваться из влиятельных лиц его родины. Предполагалось, что к моменту достижения совершеннолетия молодой король созреет для самостоятельного правления страной. Со стороны России дипломатическую поддержку обеспечивал Фёдор Иванович Тютчев.[1] 13 февраля 1832 года великие державы в Лондоне согласились с кандидатурой принца Отто Баварского в качестве будущего греческого короля. 8 августа Национальное собрание Греции избрало сына Людвига на греческий престол. В октябре 1832 года в Мюнхен прибыли посланники Национального собрания: адмирал Андреас Миаулис, генералы Костас Ботцарис и Димитриос Плапоутас, с просьбой к Отто выполнить пожелание Национального собрания.

„...*6 декабря 1832 года юноша-король отправился на царство в чужую страну. О трогательности расставания молодого человека с родителями и подданными писали все газеты. Оно было истинно волнующим со слезами на глазах у всех провожающих: „Молодой потомок дома Виттельсбахов, второй королевский сын, восходит на греческий престол. Король Отто сегодня утром в 10 часов последовал в путь к своему славному назначению в Грецию в сопровождении Их Величеств короля и королевы и Его королевского Высочества кронпринца. Улицы столицы, по которым следовало королевское шествие, кишели бесчисленными людьми, желавшими продлить в памяти дорогое лицо всеми любимого королевского сына. Не было глаз без печали и сердца, неохваченного искренней тоской от противожелаемой разлуки. Греция принимает бесценный дар от Баварии, она принимает короля Отто, суверена, который одарен добрым редчайшим сердцем...*“. [MPZ] Ещё одна цитата: „*Вчера в 10 часов утра из Двора королевской резиденции выехал кортеж. Но уже за час до этого собралось большое количество жителей Мюнхена. Его Величество король Отто ехал в карете своих родителей. Сзади ехали кареты свиты. Весь кортеж медленно следовал по главным улицам столицы и выехал из города по мосту через Изар. Их королевские Величества королева и король Отто были искренне во власти тяжелого прощания. Присутствующие были свидетелями захватывающей сердце грустной сцены. Ни у одного из провожающих не было сухих глаз...*“. [MCB]

Присутствовал ли Тютчев на проводах Отто? С определенной долей уверенности на этот вопрос можно ответить отрицательно. В

---

[1] Более подробно о дипломатической деятельности Ф. И. Тютчева в этот период см. [Динесман]

опубликованной переписке Тютчева отсутствует какое-либо его мнение по поводу столь неординарного события. Но как впечатлительно Фёдор Иванович реагировал через 10 лет на другое событие, в историческом плане менее важное: приезд в Мюнхен принцессы Марии 11 октября 1842 года. 17-летняя дочь принца Вильгельма Прусского за шесть дней до того обвенчалась в Берлине с кронпринцем Максимилианом Баварским, старшим сыном Людвига, и в качестве кронпринцессы прибыла в Мюнхен на постоянное место жительства.[1] Её приезд совпал с ежегодными осенними празднествами, Oktoberfest, и с предстоящим её собственным днем рождения, 15 октября. Тютчев тогда писал: „*Людвигштрассе представляла собой великолепное зрелище: на всем своем протяжении она казалась вымощенной человеческими головами, столь тесно прижатыми одна к другой, что они казались неподвижными, а затем, когда по мере приближения экипажа принцессы они приходили в движение - в мерцательном движении толпы было нечто столь мощное и бурное, что его нельзя было наблюдать без некоторого головокружения. Я никогда не видел ничего подобного*“.

...Тютчев, ни в одном из частных писем эмоционально не окрашивает упоминание о короле Отто. Ни один из современников Фёдора Ивановича не свидетельствует о личной положительной оценке Тютчевым событий 6 декабря 1832 года.

Людвиг I желал, чтобы потомки узнали о его времени через образы картинной живописи. Король не ошибся: почти все картины, созданные художниками Двора, время пощадило. Были созданы более десяти иконографических Отто-памятников, в том числе несколько полотен с изображением групповых портретов. Интерес представляет произведение придворного художника Филиппа Фольца (1805-1877), которое живописец назвал «Прощание короля Отто I Греческого с Мюнхеном 6 декабря 1832».

Фольц - мастер миниатюры, ученик знаменитого художника Петера Корнелиуса, друг не менее известного скульптора Людвига Шванталера, вырос в семье художников. Имена его прадеда, отца, брата и племянницы указаны в современных художественных лексиконах. Свой жизненный путь Филипп Фольц завершит в качестве директора художественного музея «Новая Пинакотека».

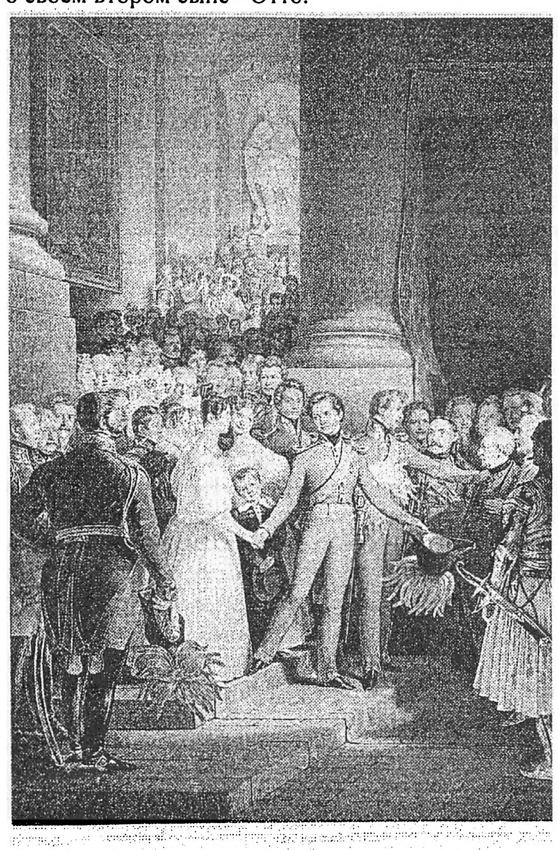
В названном музее залы 4 и 4-а посвящены баварско-греческим отношениям в 30 гг. Тут экспонируется небольшая картина художника Филиппа Фольца размером всего 62,3 x 48,5 см. На ней изображен король-подросток Отто I Греческий в окружении большой

---

[1] В браке с Максимилианом Мария-Фридерика-Франциска-Августа (1825-1880) родила в 1845 году будущего короля Людвига II Баварского и в 1848 году принца Отто.

группы лиц, цвета баварского дворянства. Персонажи плотно расположены на площадке и ступеньках широкой парадной лестницы королевской резиденции. Персонажей много, но главных только двое: мальчик и мать. Толпы придворных для них не существует. Мама тревожна, у неё тяжелые предчувствия, которые не обманут. На картине все восемь её детей, но судьба королевы Терезы - до конца дней своих молить Всевышнего только о своём втором сыне - Отто.

На картине Людвиг возбужден и активен. Он стоит рядом с сыном, но обращается к греческой депутации, которую выразительно напутствует. Рассматривая полотно, вживаясь в действие, зритель ощущает, что *прощание Отто с баварским Двором*, так названа картина живописцем, не основная её тема. Хотя взгляды большинства персонажей устремлены на баварского принца, чувствуется искусственность ситуации. Слишком много людей изображено ради лицезрения расставания двоих. Всмотритесь: Отто прощается только с королевой, а не со всем Двором.

Фрагмент картины Филиппа Фольца «Прощание короля Отто I Греческого с Мюнхеном 6 декабря 1832». Мюнхенский музей «Новая Пинакотека» (1833).

Известно, что, выполняя поручение Людвига, художником были написаны эскизные варианты. На первом эскизе персонажей только двое: королева Тереза и её сын принц Отто. Они прощаются друг с другом в её покоях. Сцена интимно-трогательная, не для посторонних. Оба опечалены предстоящей разлукой. Однако художник передал сцену прощания чересчур прямолинейно. Во втором варианте без изменения поз прощающихся были добавлены свидетели: король и еще 14 придворных.

Эскизы не удовлетворили заказчика. Людвиг хотел, чтобы на полотне был весь или почти весь Двор. И тогда Фольц, великолепный миниатюрист, сохранив композицию интимности первого эскиза, переместил событие из покоев в парадный вестибюль (со стороны Хофгартена), где разместил, соблюдая табели о рангах, еще более 50 персон: 12 членов королевской семьи, 8 фрейлин и камергеров, 2-х гуманитариев (профессора Тирша, главного инициатора возведения баварского принца на греческий престол, и архитектора Кленце, единственного, кто дворянскую приставку *фон* пока ещё не имел), 2-х священников, 3-х министров, 10 офицеров всех званий (от обер-лейтенанта князя Турн-унд-Таксиса до фельдмаршала князя Вреде), 3-х членов регентского совета, 3-х депутатов греческого Национального собрания, баварских и греческих адъютантов и других господ. См. список персонажей в кн. [Röttgen].

Перед нами на картине портреты главных персон Баварии первой трети прошлого века. На этом групповом портрете нехватает надписи: „*Потомкам на память*". Все изображенные Фольцем лица выполнены тонкой кистью талантливого мастера и достаточно узнаваемы. Честолюбие короля было вполне удовлетворено. Были достигнуты одновременно две цели: на картине запечатлен размах историчности события в жизни династии и изображён его, Людвига, Двор.

Данная картина, воплощая идею групповых портретов с Людвигом I в центре внимания, открыла целое направление в живописи баварских художников. Появятся полотна: «Король наблюдает за строительством колосса «Бавария»», «Король среди стеклодувов», «Король присутствует при строительстве «Walhalla» («Галереи славы»)», «Король в «Обществе мюнхенских художников»» и др. Без сомненья российский дипломат Фёдор Тютчев, завсегдатай дипломатических раутов, приёмов, балов в высшем свете, знал королевский Двор хорошо, со многими персонами, изображёнными Фольцем, был лично знаком. Упомянем коротко лишь о некоторых.

Председатель регентского совета Йозеф Людвиг граф АРМАНСПЕРГ(1787-1853), персонаж № 4. Граф Армансперг изображен на ней в числе лиц, приближенных к королю Людвигу. Такая композиция соответствовала реалиям Двора декабря 1832 года. В последующие годы ситуация изменится, но об этом будет известно только немногим

современникам. Во времена совместной учебы в ландсхутском университете Армансперг сблизился с королем, тогда еще кронпринцем. Молодому Людвигу импонировал забияка и дуэлянт Йозеф Армансперг. Энергичный граф в 21 год был гражданским комиссаром в армии, в 27 - помощником князя Вреде на Венском конгрессе, в 30 лет - директором финансовой палаты в Аугсбурге, в 39 - министром внутренних дел и финансов, позднее министром иностранных дел. Граф женился в 29 лет на фрейлине королевы Терезы, баронессе фон Вайхс, влияние которой при дворе после замужества быстро возросло. [Seidl] Политические и финансовые таланты графа вознесли его на вершину карьеры - председателя регентского совета при короле Отто. Граф Армансперг стал фактическим единоличным правителем Греции, но правил он в сторону Запада. Честолюбивый граф даже возжелал женить юного Отто на своей дочери. [Котсовилис] Греческого короля Армансперг берег для себя... Франция недоумевала о причинах расстройства брака с Отто одной из принцесс Орлеанского дома. Но Людвиг отказался от родства с бывшим однокашником.

1 König Otto von Griechenland
2 König Ludwig I. von Bayern
3 Generalmajor Carl von Heideck
4 Joseph Ludwig Graf von Armannsperg
5 Staatsrat Georg Ludwig von Maurer Fürst von Oettingen-Wallerstein
6 Geheimer Legationsrat Karl August von Abel
7 Griechischer Geistlicher
8 Oberbaurat Leo von Klenze
9 Hofrat Professor Dr. Friedrich Thiersch
10 Hauptmann Josef von Asch, Adjutant des Königs Otto
11 Hauptmann Friedrich Graf von Saporta, Adjutant des Königs Otto
12 Oberst Franz Graf von Paumgarten
13 General Costa Bozaris
14 Admiral Andreas Miaulis
15 General Dimitri Koliopulos Plaputas

16 Prinz Luitpold, der spätere Prinzregent
17 Prinzessin Mathilde
18 Königin Therese, Gemahlin König Ludwigs
19 Amalie Freiin von Rottenhoff
20 Maximiliane Freiin von Mandl
21 Prinz Max von Leuchtenberg
22 Sophie Gräfin von Gravenreuth
23 Maria Theresia Grärin von Deroy
24 Generalmajor Constantin Fürst von Löwenstein-Wertheim
25 Oberstleutnant Joseph Fürst von Thurn und Taxis
26 Generalleutnant Karl Graf zu Pappenheim
27 Innenminister Ludwig Crato Carl Fürst von Oettingen-Wallerstein
28 Carl Graf von Rechberg
29 Clemens Graf von Törring-Seefeld
30 Generalmajor Anton Freiherr von Glimppenberg
31 Staatsrat Bernhard von Grandaur
32 Generalkommissär Carl Graf von Seinsheim
33 Generalleutnant Max Graf von Preysing
34 Oberleutnant Alexander von Hagens
35 Generalleutnant Franz Graf von Pocci, Obersthofmeister der Königin
36 Domprobst Johann Georg von Oettl, Erzieher des Königs Otto
37 Carl Ludwig Philipp Freiherr von Kessling, Oberststallmeister
38 Friedrich August Freiherr von Gise, Staatsminister des königlichen Hauses und des Äusseren
39 Generalfeldmarschall und Generalinspekteur Carl Philipp Fürst von Wrede
40 Generalfeldmarschall Prinz Karl, Bruder König Ludwigs
41 Kronprinz Maximilian, der spätere König Max
42 Antonia Freiin von Täuffenbach mit dem Prinzen Adalbert und den Prinzessinen: Adelgunde, Hildegard und Alexandra

BILD 18 auf Seite 98. Abschied des Königs Otto von seiner Familie von Philipp Foltz

Список персонажей картины Филиппа Фольца из путеводителя Штеффи Рёттген: «Афины - Мюнхен. Баварский национальный музей»

Известно, сколько проблем России и хлопот Тютчеву доставил неудачный выбор королем Людвигом I состава регентского совета. В августе-ноябре 1833 года Тютчев был командирован в Грецию. Исследователи выяснили, что Тютчев должен был восстановить утрачен-

ную связь с королем Отто[1]. Король под влиянием графа был изолирован не только от российской, но и от баварской дипломатии. Тютчев должен был попытаться разрушить эту изоляцию. [Динесман]

Уже через несколько месяцев не вполне самостоятельного юношу-короля регентство ориентировало лицом к Западу. Соперничество держав за влияние на судьбу Греции было не в пользу России. В командировку Тютчев отправлялся неохотно и с заданием фактически не справился. В служебном отчете Тютчев образно писал: „*Волшебные сказки изображают иногда чудесную колыбель, вокруг которой собираются гении-покровители новорожденного. После того, как они одарят младенца самыми благодетельными своими чарами, неминуемо является злая фея, навлекающая на колыбель ребенка какое-нибудь пагубное колдовство, имеющее свойством разрушать или портить те блестящие дары, коими только что осыпали дружественные силы. Такова приблизительно история греческой монархии. Нельзя не признать, что три великие державы, взлелеявшие её под своим крылом, снабдили её вполне приличным приданным. По какой же странной, роковой случайности выпало на долю баварского короля сыграть при этом роль злой феи? И право, он даже слишком хорошо выполнил эту роль, снабдив новорожденную королевскую власть пагубным даром своего Регентства! Надолго будет памятен Греции этот подарок „на зубок" от баварского короля*“. [ЛН2, 44 (Осповат)] Тютчев был блестящим политическим аналитиком и это его предсказание сбылось в полной мере. Провидец Тютчев предчувствовал печальный финал затеи Тирша.

Ориентация председателя совета, графа Армансперга, в сторону Запада вызвала серьезную российскую озабоченность, которая была доведена до сведения министерства иностранных дел Баварии и короля Людвига I. Король Людвиг писал сыну: „*Пользуясь представившейся мне верной возможностью, пишу тебе, горячо любимый Отто, что надеюсь получить от тебя письмо, если Тютчев, который все еще находится в Триесте в карантине*[2]*, прибудет сюда. Постарайся, чтобы из-за поведения регентства Россия не превратилась бы во врага Эллады, ибо, воспользовавшись своим большим влиянием, она может сильно повредить ей, в особенности, если откажется предоставить последнюю треть займа. Симпатия графа Армансперга к трехцветной Франции мне известна*". [ЛН2, 450 (Глассе)]

---

[1] Немецкое имя Otto в дипломатической переписке было изменено на греческое Othon.

[2] На обратном пути из Греции в Мюнхен Тютчев из-за эпидемии холеры оказался в триестском карантине, где его слуга, Жозеф, скончался от холеры

В проекте донесения министру Нессельроде о своей поездке Тютчев писал: „*Прошло около 10-ти месяцев, как регентство взялось за дело, и оно уже успело на целые годы испортить будущность Греции*". Тютчев считал, что внешняя политика Греции должна быть более жестко подконтрольна баварскому королю и предлагал возле Отто поместить более надежного человека. И далее мнение Тютчева: „*Я уже не говорю о том, насколько такое лицо, надлежащее выбранное, могло бы оказать пользы нашим дипломатическим сношениям и каким коррективом оно послужило бы для нас по отношению к регентству*". Позже король Людвиг заменит Армансперга на Игнаца фон Рудхардта, но время будет уже упущено. Армансперг после смещения еще займется политической деятельностью, но прежнего авторитета уже не будет.

Тайный действительный советник КАРЛ АВГУСТ ФОН АБЕЛЬ (1788-1859), официальный представитель короля Людвига I в регентстве (персонаж № 6). После завершения деятельности регентства Абель в течение 10 лет (1837-1847) будет министром внутренних дел и в качестве такового ему предстоит в 1844 году улаживать одну газетную шумиху, к которой оказался причастен Тютчев. Поводом послужило письмо в аугсбургскую газету «Allgemeine Zeitung» анонимного немецкого путешественника из России с содержанием критики порядков в русской армии на Кавказе. В письме, в частности, сообщалось, что в России будто бы отдают крепостных в солдаты за такие провинности, которые во Франции считаются преступлениями, препятствующими к несению военной службы. Российская миссия в Мюнхене выразила протест министру иностранных дел барону фон Гизе, который обратил внимание на этот эпизод министра внутренних дел Абеля. Абель в свою очередь призвал к большей осмотрительности редактора газеты и поручил Департаменту цензуры разобраться в случившемся. В той же газете было опубликовано ответное письмо за подписью Тютчева, который тогда на дипломатической службе уже не состоял, а проживал в Мюнхене в качестве частного лица. Тютчев страстно выступил в защиту русских солдат, которых аноним уподобляет преступникам. Карьера Абеля завершилась в Турине, где он представлял интересы Баварии.

Член регентского совета генерал КАРЛ ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ХАЙДЕК, он же Хайдеггер (1787-1861), - персонаж № 3. В регентстве Хайдек должен был заниматься военными вопросами Греции, но гены предков, художников по шёлку, оказались сильней и генерал оставил потомкам много удачных зарисовок современной ему Греции. В последние годы жизни Хайдек целиком посвятил себя живописи, традиционному увлечению своей фамилии. Хайдек явно симпатичен Фольцу и королю. На картине он изображён стоящим ближе к Людвигу, чем к Арманспергу. Женился Хайдек только в 46-летнем возрасте (20 марта 1833 года) на Каролине Биндер, а 11 июня того же года в семье Хайде-

ков родилась дочь, тоже Каролина, или по домашнему Лина. Лина была ровесницей детей Тютчева. Известно её письмо (с неустановленной датой) к старшей дочери Фёдора Ивановича, Анне Аксаковой.

Знакомство Тютчева с баварским дипломатом генерал-майором князем КОНСТАНТИНОМ ЛЁВЕНШТЕЙН-ВЕРТХАЙМОМ, персонажем № 24, состоялось задолго до событий декабря 1832 года. В феврале 1826 года князь и Фёдор Иванович вместе возвращались в Мюнхен из Петербурга. Оба были свидетелями декабрьских волнений 1825 года в северной столице России. Их рассказы в кругу дипломатов передавались по дипломатическим каналам иностранным правительствам. Сохранилось донесение вюртембургского посланника своему королю с содержанием этих сообщений. [ЛН2, 435 (Глассе)] В июле 1826 года декабристам были вынесены судебные приговоры, на которые последовала поэтическая реакция Тютчева «14-ое декабря 1825». Считая выступление декабристов безрассудным, Тютчев называет царизм *вековой громадой льдов, зимой железной.*

В апрельских 1834 года дневниковых записях Александра Тургенева князь Лёвенштейн-Вертхайм и его жена Агнес, урожд. принцесса Гогенлоэ-Лангенбург, упоминаются в неровной тональности. [ЛН2, 63-98 (Азадовский, Осповат)] 25 апреля ничего необычного: „...*Вечер, обошед домá, провел у гр. Сетто. ...говорил с принцессой Лёвенштейн*“. 27 апреля до полудня также без сюрпризов: „...*Гулял с* (Амалией) *Криденер и с* (принцессой) *Лёвенштейн*“. Зато в тот же день после полудня: „...*мы разговорились* (с Карлом Пфеффелем) *о притворстве Лёвенштейна и жены его*“. В этой реплике скрыто какое-то неприятие семьи князя не только Тургеневым, но и мюнхенским обществом, в том числе, вероятно, и королем, главным сценаристом картины, поставившим князя спиной к зрителю. Оригинальная манера - писать портрет со спины! Чем насолил князь королю? Жена князя, *притворщица* Агнес, родовитая принцесса, на картину и вовсе не попала. Может быть всё дело в жене!! Психологи учат: если вас демонстративно не замечают, значит вы в центре внимания...

В дневнике 1834 года Александр Тургенев упоминает в одной записи Тютчева и генерал-лейтенанта графа КАРЛА ЦУ ПАППЕНГЕЙМА, персонажа № 26: „*26 апреля. ..Заходил к Тютчевым. Обедал у графа Папенгейма, командира здешних войск*“. Тургенев заходил к Тютчевым на Каролиненплац 1 и к Паппенгейму на Бриеннерштрассе 19. С 6 сентября 1839 года до 24 февраля 1840 года Тютчев будет жить ещё ближе к Паппенгейму: на Бриеннерштрассе 18, во втором доме Кирхмайера. В отличие от Тютчева, проживавшего в доме, снятом в наём, граф цу Паппенгейм жил в собственном небольшом дворце, построенном по проекту архитектора Лео фон Кленце.

Обер-гофмейстер короля граф КАРЛ ФОН РЕХБЕРГ, персонаж № 28, причастен к жизни Тютчева через свое окружение. Выше

уже упоминалась жена графа, Ипполита, художница-любительница. В феврале 1840 года, Тютчев переедет на Оттоштрассе 6, его соседом в этом же доме, но выше этажом, будет граф Август Рехберг (родственник ранее упомянутого однофамильца), государственный советник, генерал-комиссар, президент высшего апелляционного суда.

Любопытная история произошла с персонажем № 31 по списку Рёттген, кабинет-секретарем БЕРНХАРДОМ ФОН ГРАНДАУРОМ (1776-1838). Появление на картине Фольца этого лица объясняется его несомненным влиянием при Дворе: Грандаур занимал в правительстве значительный пост кабинет-секретаря и вёл финансовые дела королевской семьи.

Бернхард фон Грандаур (1776-1838). Фрагмент литографии. Мюнхенский городской музей.

Проследить знакомство Грандаура с Тютчевым не удаётся. Но истории было угодно связать эти два имени уже в наше время. Дело в том, что миниатюрный портрет в профиль без достаточно четкой деталировки внешности 58-летнего Грандаура на картине Фольца несколько схож с известными портретами молодого Тютчева. Это сходство ввело в заблуждение современного английского слависта-литературоведа д-ра Рональда Лэйна. Лэйну не удалось разыскать список портретов картины Фольца и круг узнаваемых им лиц был невелик. Д-р Лэйн предположил, что единственный персонаж в очках, изображенный в профиль в четвертом ряду левой части картины, очень похож на Тютчева. В блестящей статье «Кто изображен на картине Филиппа Фольца?» Лэйн провел почти криминалистическую экспертизу в пользу своей гипотезы. [ЛН2, 441 (Лэйн)] Доказательства Лэйна были столь убедительны, что редакция «Литературного наследства» сочла избыточным корректное предупреждение Лэйна о неполной достоверности идентификации изображений Тютчева и портрета неизвестного Лэйну лица и ссылалась в других материалах на статью английского исследователя, как на факт безусловно доказанный.

В публикации д-р Лэйн благодарит мюнхенского искусствоведа д-ра Барбару Эшенбург за оказанную, но, увы, нерезультативную помощь в поиске списка персонажей картины Фольца. Между тем, в

библиографии упомянутой книги о короле Отто Греческом, соавтором которой являлась также госпожа Эшенбург, указана книга Штеффи Рёттген с вышеприведенным списком портретов картины Фольца. В запасниках музея, где работала тогда госпожа Эшенбург, находилась литография портрета Грандаура, выполненная Готлибом Бодмером в 1834 году с картины неизвестного мастера. [MSM] На литографии изображен в анфас не по возрасту моложавый Грандаур. Его облик, действительно, несколько напоминает Тютчева...

Главная причина ложных выводов английского слависта заключалась в принятии сомнительной гипотезы о фотографической документальности художественного произведения, каким является живописное полотно Ф. Фольца.

Фрагмент картины Ф. Фольца «Прощание Отто Греческого...». Персонаж в очках – кабинет-секретарь Бернхард фон Грандаур.

В администрации Двора самым удивительным человеком был обер-гофмейстер королевы Терезы, граф ФРАНЦ ФОН ПОЧЧИ. Франц Поччи (1807-1876) - известный баварский литератор (персонаж № 35). Король Людвиг I приблизил его ко Двору. Однако в историю баварской культуры Франц Поччи вошёл не как обер-церемонимейстер Двора, а как детский поэт и писатель, лирик, иллюстратор книг, переводчик, композитор, драматург, один из создателей театра марионеток (театра «Папы Шмида»), который существует по сей день. Сын Франца, Фридрих, женился на второй дочери Карла Пфеффеля, Марии (1838-1927), племяннице Эрнестины Тютчевой. [BayHSA Frhr., P13]

Министр Людвиг князь фон ОЙТТИНГЕН-ВАЛЛЕРШТЕЙН (персонаж № 27) в тютчевской переписке упоминается в известном письме от 20-21 апреля/2-3 мая 1836 года к князю Ивану Гагарину. Люди Валлерштейна оказывали помощь Элеоноре при попытке её самоубийства.[1] Князь состоял в родстве с баронами Дёрнберг, бывшими по первому браку родственниками Эрнестины Тютчевой [BayHSA Frhr., D1834 (Dörnberg)]. Князь был министром внутренних дел с 1832

[1] См. статью «Семейные проблемы».

года по 1837 год, а также занимал министерские посты в последнем правительстве при короле Людвиге.

Отношения между Тютчевым и профессором ФРИДРИХОМ ТИРШЕМ (персонаж № 9) были официальными, но доброжелательными. Чувствовалась некоторая дистанция, определяемая, вероятно, различием в возрасте (Тирш был почти на двадцать лет старше Фёдора Ивановича). Возможно, были и более глубокие причины, препятствующие сближению этих людей.

Александр Тургенев во время пребывания в Мюнхене записал в дневнике 1 апреля 1834 года: „*...познакомился с Тиршем, от коего имею какое-то отвращение по участию или по влиянию, которое ему приписывают в гибели Каподистрии*". Аналогичные записи в дневнике встречаются несколько раз. Ранее Тургенев встречался с братом покойного руководителя Греции, Августином, который настаивал на причастности Тирша к убийству Иоанна Каподистрия. [ЛН2, 76 (Азадовский, Осповат)] Тирш выпустил книгу, в которой негативно отзывался о Каподистрия.

Известны четыре письма Тютчева Фридриху Тиршу (1784-1860). [Тютчев 1984, 11, 12, 73] Два письма были написаны в 1829 году в связи с подготовкой плана по возведению принца Отто на греческий престол. В февральском письме 1830 года Тютчев обращал внимание Тирша на явно инспирированную западными державами статью в одной турецкой газете (и перепечатанной аугсбургской «Allgemeine Zeitung») о том, что только Англия и Франция в противоположность России являются *благородными помощниками* в поддержке борющейся Греции. Через 12 лет, в декабре 1842 года, Тютчев в короткой записке благодарил Тирша за статью в поддержку России: „*...Вот первые разумные и правдивые слова о России, сказанные в европейской печати*". С октября 1840 года по октябрь 1842 года Тютчев и Тирш были соседями: Тютчев снимал квартиру на Карлштрассе 54, дом Тирша имел номер 11. При существовавшей тогда нумерации строений Тютчев и Тирш жили через дорогу. На нынешней улице имени Тирша, Тиршштрассе, профессор-эллинист никогда не жил. На Тиршштрассе 11 в наши дни находится известная Толстовская библиотека. По этому же адресу в 1932 году находилась редакция газеты «Völkischer Beobachter», центрального органа национал-социалистической немецкой рабочей партии.

Известно, что Тютчев был знаком с выдающимся немецким зодчим ЛЕО ФОН КЛЕНЦЕ (1784-1864), персонажем № 8. [ЛН2, 313 (Пигарев, Динесман)] Кленце в историческом плане - личность самая значительная из всех изображенных Фольцем. Простолюдин Лео Кленце сотворил себя сам. Нетитулованное дворянство получил только

в возрасте 49 лет, 27 мая 1833 года[1]. [BayHSA, Edelleute, K60 (Klenze)] Кленце на гербе изобразил себя длинношеим пеликаном, заботливо кормящим четверых пеликанят (Кленце вырастил четверых детей). Его родословная с большими пробелами была кое-как реконструирована от начала XVII века: Христиан Клентце из Ростока, предок Лео, был вахмистром в период Тридцатилетней войны. [Hefner] Старший сын, Ипполит, профессией которого стала служба в армии, был продолжателем фамилии Кленце. Но род Кленце в начале XX веке угас. Гены немецкого зодчего дали короткий всплеск в его внуке-художнике Ипполите (1849-1892) и не проявились более в его потомках.

По проекту Кленце в Мюнхене и Баварии выстроены десятки замечательных зданий, украсивших городские ландшафты. Его зодческий талант был многогранен. Кленце строил всё. В его списке: королевская резиденция, Национальный театр[2], Пропилеи и Глиптотека на Кёнигсплац, Befreiungshalle - галерея освобождения от Наполеона в Кельхайме (совместно с Гертнером), Walhalla - галерея великих людей Германии в Регенсбурге, бронзовый обелиск павшим в России 30-ти тыс. баварцам, надгробие немецкому поэту и драматургу Михаелю Бееру на еврейском кладбище в Талькирхене, православный иконостас в Сальваторкирхе, придворная церковь Всех Святых, дворцы графа Арко, кронпринца Максимилиана и многое, многое другое. Большинство зданий выстроено в древнегреческом стиле.[3] В 1838 году российский император Николай I гостил в Мюнхене, посетил Пинакотеку, Глиптотеку, познакомился с Кленце. Последовало приглашение в Петербург для строительства Нового Эрмитажа. Семь раз посетил немецкий зодчий северную столицу России. Строительные работы начались в 1842 году, а 5-го февраля 1852 года Новый Эрмитаж был открыт для посетителей. Помогали Кленце известные баварские художники и скульпторы Г. Хильтенбергер, Й. Хальбиг, а также многие рабочие-специалисты. Некоторые из рабочих стали „невозвращенцами". Немецкого зодчего наградили орденами Святой Анны с бриллиантами и Святого Станислава. За заслуги перед городом архитектору Лео фон Кленце в 1862 года было присвоено звание «Почетного гражданина главного города Баварии - Мюнхена». До Кленце такой чести было удостоено только три человека: Георг фон Центнер за проект бавар-

---

[1] Вероятно, цитируемый список персонажей составлен значительно позднее, во всяком случае после 27 мая 1833 года, т. к. в списке фамилия Кленце указана уже с дворянской приставкой *фон*.

[2] Первоначально театр по образцу римского пантеона был построен фон Фишером в 1811-18 гг., но в 1823 году, через три года после смерти архитектора, театр сгорел и был построен заново в 1823-1824 гг. по проекту Л. Кленце.

[3] См. статьи «Кёнигсплац» и «Одеонсплац».

ской конституции (1820), Йозеф фон Фрауенхофер за большой вклад в области физики в Баварской Академии наук (1824) и упомянутый выше Людвиг фон Ойттинген-Валлерштейн, баварский государственный министр (1837). Одна из улиц Мюнхена (в Изарфорштадте) названа именем Кленце. (Кленце на этой улице не жил. Адресом его проживания была Фюрстенштрассе 1 в Максфорштадте. [AT])

Естественно, что в соответствии с главным замыслом Людвига I, наибольшую группу (12 человек) на картине Фольца составляют ЧЛЕНЫ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ. Тут главные персоны страны: король Людвиг (1786-1868) и его жена, королева Тереза (1792-1854), и их восьмеро детей: Максимилиан (1811-1864), Матильда (1813-1862), Отто (1815-1867), Луитпольд (1821-1912), Адельгунда (1823-1914), Хильдергард (1825-1865), Александра (1826-1875), Адальберт (1828-1875). По желанию короля на картине также изображены: брат, принц Карл (1895-1875), и 15-летний племянник, Максимилиан герцог Лейхтенбергский (1817-1852). Отсутствие в Мюнхене в декабре 1832 года братьев и сестер Людвига дало ему повод не увеличивать количество персонажей на перегруженной портретами небольшой картинной площади. Однако мачеха, вдовствующая королева Каролина, жила в это время в Мюнхене...

С принцем КАРЛОМ, братом Людвига I, персонажем № 40, Фёдор Иванович был хорошо знаком, часто встречался с ним в неофициальной обстановке. В июле 1840 года Тютчев сообщал родителям из Тегернзее: „*Эти дни мы вовсю предавались празднествам благодаря госпоже Крюденер; она приехала сюда месяц тому назад, и намедни мы справляли ее именины. Заботу обо всем взял на себя принц Карл, брат короля*“.

К судьбе короля ОТТО ГРЕЧЕСКОГО (персонажа № 1) Тютчев оставался равнодушным, упоминания об Отто в его переписке только информативны и неэмоциональны. (В Греции имя короля произносили Офон, от Othon) Отношение Тютчева к проекту Тирша от первоначально нейтрального позже сменилось явно негативным.

Россия выделила большие субсидии Греции (для расчета с турками). Тютчев во время своей командировки обсуждал с молодым королём условия его женитьбы на дочери Николая I, Марии Николаевне. Брак с Великой Княгиней усиливал бы влияние России. По условиям бракосочетания король Отто должен был принять православие, государственную религию Греции. Но Отто по совету отца уклонился от изменения вероисповедания. По замыслу Людвига Отто или его дети предполагались запасными наследниками баварской короны. Людвиг I панически боялся прерывания прямого

престолонаследия.[1] В результате на греческом престоле остался католик и этот факт предопределил дальнейшие проблемы. Повзрослевший Отто, наконец, расстался с регентским советом, но особых государственных способностей не проявил. В сентябре 1843 года в Афинах вспыхнуло восстание, после чего король Отто вынужден был созвать Национальное собрание, которое приняло новую конституцию. Тютчев писал родителям в октябре: „*Здесь* (в Мюнхене) *я нашел всех весьма озабоченными событиями, только что происшедшими в Греции. Опасаются не только за особу короля Оттона, сколько за его авторитет, за его королевскую власть, и, что до меня, я считаю эти опасения вполне основательными. Но что интересовало бы меня гораздо более, нежели события, совершающиеся в Афинах, это то, что делается в Овстуге*". Овстуг - имение Тютчевых на Брянщине. На греческом престоле король Отто удерживался долго, 30 лет, и очень надоел грекам. Однажды они попросту не пустили в порт королевский корабль. 23 октября 1862 года Отто вернулся в Баварию. 26 июля 1867 года экс-король греческий умер от дифтерита ещё нестарым (52-летним) в баварском городе Бамберге...

Финал идеи Тирша - возведения на греческий престол иностранца, был трагичен. После свержения Отто его место занял 17-летний фаворит Англии, принц Вильгельм Георг Датский, который нарек себя королем Георгом I Греческим. Новый король женился на русской великой княгине Ольге Константиновне, внучке Николая I, и, выражая, вероятно не без влияния супруги, благорасположенность к

---

[1] В истории Виттельсбахов (ветви Цвайбрюккен) такой случай уже был. 16 февраля 1799 года скончался баварский курфюрст Карл IV Теодор, после которого не остались мужчины-престолонаследники. Новым курфюрстом тогда стал брат Карла, Макс IV из Пфальца, отец Людвига I. Людвиг боялся повторения прецедента и предвидел его почему-то уже в следующем поколении. Будущее показало, что его опасения были небезосновательны. Через 18 лет после его смерти произошло то, чего он страшился: 13 июня 1886 года в связи с гибелью бездетного Людвига II (внука Людвига I), королем номинально был объявлен больной и также бездетный брат Людвига II, 38-летний Отто (1848-1916). Право на регентство могли получить дети второго сыны Людвига I, Отто Греческого, но... Отто Греческий и его жена принцесса Амалия Ольденбургская, к сожалению, потомства не произвели. В силу вступил запасной вариант Людвига I. На картине Филиппа Фольца на переднем плане изображен мальчик (персонаж № 16), безучастный к торжественности события. Это 11-летний принц Луитпольд, третий сын короля Людвига I. Луитпольду с 1886 года по 1912 предстояло стать принц-регентом Баварии. Это будут самые счастливые годы в жизни страны. Луитпольд будет отцом следующего короля, Людвига III. Корона, слава Людвигу I, осталась в семье. Но судьба Людвига III была нерадостной, он стал последним баварским королем: повлиять на события революционного 1919 года дальновидный Людвиг I был уже не в силах...

России, в благодарность русской печати наградил орденом Спасителя писателя Ивана Аксакова, зятя Тютчева. Выбор кандидата на орден с точки зрения российских властей был не очень удачным и Аксаков сначала даже растерялся от такой неожиданной чести, но Фёдор Иванович рекомендовал орден принять. [ЛН1, 313 (Пигарев)] Георгу удалось царствовать целое полустолетие, но в отличие от Отто, умершего вдали от Греции, Георг I был убит в 1913 году в Салониках.

Король ЛЮДВИГ I БАВАРСКИЙ указан в списке действующих лиц картины Фольца под № 2. В тютчевской переписке король упоминается многократно. Имя Тютчева встречается и в королевских письмах.

20-30 годы XIX века, времени правления Людвига I, были в Баварии годами расцвета культуры, искусства и даже демократии. В начале 40-х годов счастливая звезда короля стала клонится к закату. Процесс расцвета перешел в стадию затухания. Многие деятели стали покидать Мюнхен и переезжать в столицу Пруссии, Берлин.

Нерадостным было завершение правления короля Людвига I. Король-романтик, король-стихотворец под давлением ландтага и народных волнений сложил с себя королевские полномочия.

Мария Элиза Гилберт, она же Лола Монтес (1818-1861).
Художник Й. Штилер. 1847. Мюнхен.

Не последнюю роль в падении короля сыграли его отношения с некой танцовщицей Лолой Монтес, назвавшей себя испанской из Севильи 1823 года рождения.

Позже было установлено, что её настоящая фамилия Мария Элиза Гилберт. Достоверно известен ее отец - лейтенант Гилберт. Остальные данные, связанные с ее рождением, покрыты мраком. По одним источникам Элиза шотландка из Монрозе, родилась в 1820 году, ее мать урожденная Оливер. По другим - Элиза родом из ирландского города Лимерик, она внебрачная дочь креолки Оливеррас, родилась в 1818 году. Эта версия более привлекательна, т. к. Элиза была смуглой брюнеткой. Дальнейшая ее биография более

известна. После двух лет брачной жизни в колониальной Индии, в 1840 году, Элиза приехала в Европу. В Париже появилась ее испанская легенда и новое имя. Экстравагантное поведение Элизы-Лолы вызывало скандалы и в конечном счете завершилось высылкой. В 1844 году в поле ее влияния попал Франц Лист.

В 1846 году она приехала в Мюнхен. 14 октября 1846 года на представлении в Королевском театре ударил гонг звёздных часов Лолы: прелестная псевдоандалузка обратила на себя внимание любвеобильного Людвига I. 60-летний король, всё ещё ценитель и поклонник женской красоты, бросил к ногам танцовщицы свое могущество. Через месяц Людвиг выправил завещание и назначил Лоле ежегодную ренту 2400 гульденов (после своей смерти). Еще через год король пожелал, чтобы Лола именовалась графиней фон Ландсфельд. Вышеупомянутый министр Карл фон Абель (персонаж № 6 на картине Ф. Фольца) подал в отставку. Новый министр, князь Ойттинген-Валлерштейн (персонаж № 27), бывший сосед Тютчева в 1836 году, удовлетворил желание короля. Лола получала от Людвигу стихи, восторги и, наконец, особняк (на Барерштрассе 19), принадлежавший лично королю. Танцовщица умело использовала свое влияние для политических интриг и собственного обогащения. Людвиг стал предметом насмешек в народе и прессе.

Австрийский писатель Альфред Мейснер, приятель Гейне, вспоминал: „Это было время, когда Лола Монтес занимала своими похождениями все страницы мюнхенских газет. Вендей был вне себя от негодования. В милостях, которыми осыпал красивую испанку король Людвиг, Вендей усматривал поношение немецкого духа и опасался, как бы новая мадам Помпадур не возымела чрезмерного влияния на немецких мужей и немецкие обстоятельства. Гейне, напротив, от души забавлялся, более того, мне кажется, его даже радовала та власть, которая забрала красивая плясунья над родиной Гёрреса и Деллингера в городе Monacho Monachorum. Он предвидел предстоящую схватку между балетными пачками и клобуком и даже вынашивал мысль изложить всю эту историю в комической поэме..."[1].[Дмитриева]

---

[1] Якоб Вендей, член Франкфуртского национального собрания, основатель «Союза справедливых». Йозеф Гёррес, профессор истории мюнхенского университета, издатель «Рейнского Меркурия», крайний националист. Образны впечатления об его лекциях некоторых гостей из России. Историк А. И. Тургенев: „*...слышал и Гёрреса, отступника от либерализма*". [ЛН2, 71 (Азадовский, Осповат)] Русский дипломат В. П. Титов: „*Гёррес, напротив, читая или, лучше сказать, скандируя свои лекции, похож на пифию, качающуюся на своём треножнике и оживлённую не духом, а каким-то чадом истины. <...> воображение сильное и неправильное. <...> Большие мысли часто мелькают <...> в тумане и невесть куда бредут и откуда*".

Разразился колоссальный скандал. На улицу вышли студенты. На время был закрыт университет. Усиление баварской оппозиции, использовавшей неудачные политические и экономические действия короля, а также революционное движение в Германии и Европе привели к редкому эпизоду в истории баварской правящей династии - добровольному отречению короля: 20 марта 1848 года Людвиг I передал корону сыну, кронпринцу Максимилиану, который стал королем Максимилианом II.

Людвиг не мог забыть Лолу и продолжал ей писать стихи. 8 мая 1851 года из Рима[1]: [Thies]

Корону я потерял из-за тебя,
Но я не питаю к тебе злобы,
Ты родилась к моему несчастью,
Ты была ослепительным сжигающим светом!

Дальнейшая биография Лолы - не менее авантюрный и увлекательный роман. Она с редкостной энергичностью меняла мужей, города, континенты. Её жизнь завершилась успокоением на нью-йоркском кладбище 17-го января 1861 года. Запись на надгробии: «Элиза Гилберт, 42-х лет», т. е. рождена она была все-таки в 1818 году матерью креолкой... Людвиг пережил любовницу на 7 лет, он скончался 29 февраля 1868 года в Ницце. Вполне возможно, что в зиму 1864-65 гг. Тютчев коротал время на Лазурном берегу со старым знакомцем, экс-королем Баварии...

...Завершая рассказ об истории картины Филиппа Фольца и её персонажах, следует отметить, что монарх картину придворного живописца одобрил. Однако историчность события, по его мнению, была запечатлена недостаточно полно. И тогда другому художнику, Петеру фон Гессу, была заказана ещё одна картина, на которой зритель мог бы

(См.: Там же, с. 64.) Игнац Деллингер, католический теолог, инициатор кампании в прессе против Гейне, в результате которой король Людвиг в 1828 году не решился утвердить Гейне профессором Мюнхенского университета. Деллингер - организатор в 1871 году антипапского Конгресса старокатоликов. По настоянию Тютчева Иван Аксаков тогда написал письмо Деллингиру, в котором было выражено отношение к этому Конгрессу. [ЛН1, 371 (Пигарев)]. „Monacho Monachorum" („монах монахов", лат.), город Monacho Monachorum - игра слов, означающая католическую ортодоксальность Мюнхена, название которого происходит от слова *монашек.*

[1] В 1829 году Людвиг сделал земельное приобретение в Риме, купив виллу ди Мальта с прилегающими к ней садами и с видом на собор Св. Петра (неподалеку от виллы Людовизи). „*...Здесь, в Риме я отдыхаю от забот и обязанностей монарха. Искусство и природа - постоянные мои сотрапезники*", - писал тогда король в Веймар Гёте. [Эккерман] Вилла ди Мальта через 20 лет послужила убежищем низвергнутого монарха.

увидеть ликующих греков при встрече с их молодым королем. Гесс был до того более известен как художник-баталист, автор 12-ти полотен о сражениях французской армии в войне 1812 года. Гесс был польщен приглашением короля и выполнил его желание. Он написал картину: «Въезд короля Отто Греческого в Навплию 6-го февраля 1833 года». Навплия - морской порт, временная столица Греции. Гесс превзошел себя: на колоссальном пространстве полотна 273 х 416 см изображены сотни людей. Гарцующий юноша в сопровождении свиты адъютантов, регентского совета, греческой депутации, отряда конной охраны торжественно сходит на берег. Среди сопровождающих российский контр-адмирал барон Риккорд и командир фрегата «Анна» капитан Селиванов(?!). Стоящие на рейде эскадры флотов России, Англии и Франции салютуют королю Греции. Восторженные греки, наконец, освободились от долгого турецкого правления. Картина прекрасная, но, с точки зрения Людвига, необходимо также запечатлеть, как мудро управляет новый король своим королевством. И Гесс пишет еще одно полотно, тоже большое, 248 х 410 см: «Приём короля Отто Греческого в Афинах 12-го января 1835». Возле ворот Акрополя Отто общается с народом. К этому времени на мюнхенской площади Кёнигсплац ещё не были выстроены Пропилеи, аналог афинских ворот, и мюнхенцы могли увидеть на картине Гесса прообраз будущего архитектурного украшения города. Обе картины Гесса понравились королю, но они всё же имели один недостаток: на них не был изображен сам баварский сюзерен. И тогда Гесс пишет третью картину: «Людвиг I, король Баварии, в кругу семьи рассматривает картину Гесса «Въезд короля Отто Греческого в Навплию 6-го февраля 1833 года»». Пожалуй, эта картина единственная, которая соответствует реалиям: король действительно часто рассматривал полюбившееся ему творение Гесса. Две первые работы Гесса демонстрируются сегодня в 4-м зале «Новой Пинакотеки», последняя - сохраняется в музейных запасниках... Короли, президенты, диктаторы и прочие лидеры стимулируют мифотворчество, хорошо зная его живучесть. Миф - красивая сказка, поддерживает веру в благополучие, а значит и могущество мифотворца. Не исключением был и Людвиг. Всё, что изобразили придворные живописцы Фольц и Гесс, - фантазия короля и художников. Действительность была иной.

Газетные репортажи 1832-33 гг. корректируют версию Людвига I. Они сообщают, что в день отъезда торжественного прощания Отто с Двором не было! «Münchener-Conversation Blatt», среда, 5 декабря 1832 года: „*Шестого утром в 9 часов состоится отъезд Его Величества короля Отто. Прощальная аудиенция уже позади*(!)“. За три дня до отъезда королевской семьёй был дан обед в честь греческой делегации. Депутатам и их адъютантам вручили ценные подарки. Тирш,

Кленце и многие другие, изображенные на картине Фольца, на обед приглашены не были...

За два дня до отъезда состоялся прощальный концерт в Одеонзале. В день отъезда расставание родителей с Отто произошло не в королевской резиденции, а в 12-ти километрах южнее, между поселками Перлах и Хегенкирхен в районе нынешней Розенхаймер-Ландштрассе. Греческая депутация и регентский совет не были спутниками короля Отто, а выехали позже. Вместе с королем они в Навплию не прибыли. Не сопровождали греческого короля и военные союзные эскадры. Отто был доставлен в Грецию на английском крейсере «Мадагаскар». Простим Людвигу его миф. Он любил Баварию и своих детей: 4-х принцев и 4-х принцесс. Ни один из них не был им столь обильно увековечен в памятниках культуры, как Отто. На 12-м километре южнее Мюнхена, где состоялось трогательное расставание короля-юноши с родителями, и начался отсчет самостоятельной жизни юного монарха, следующего в неведомую ему страну, Людвиг приказал установить памятную колонну. 20 октября 1833 года католический священник и греческий архимандрит освятили закладку, а 13 февраля 1834 года торжественно открыли Отто-колонну, сооруженную в дорическом стиле знаменитым мастером по камню Антоном Рипфелем. Высота колонны 8,75 м, венчает её бюст короля Отто в стилизованной греческой одежде. По проекту Фридриха фон Цибланда сооружены в 1836 году «Отто-часовня» в Киферсфельдене (городке, в котором родился Отто, район Зальцбурга), а годом ранее - часовня «Монумент Терезы» в Бад Айблинге (недалеко от города Розенхайм в Баварии). В часовне «Монумент Терезы» изображена королева Тереза в момент прощания с Отто. Королева молила у Бога покровительства её второму сыну, уехавшему 17-летним юношей на королевский престол в Грецию. Молитвы помогли: Отто царствовал 30 лет, пока жива была мама... Не стало мамы и у Предвечного оказался недосуг уделять внимание королю Греческому..: Все памятные Отто-сооружения запечатлены на отчеканенных коллекционных монетах, серебряных талерах. Всего при Людвиге I с октября 1825 года по ноябрь 1841 года отчеканено по различным поводам 29 памятных монет: 24 медных монеты номиналом от 2 до 24 крейцеров и 5 серебряных монет номиналом в 3 гульдена.

ТЮТЧЕВ В ТРУДАХ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ

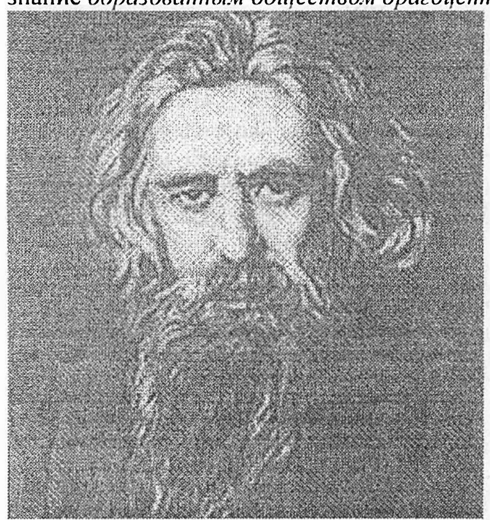
При жизни Тютчева были изданы два тонких сборника его стихотворений общим тиражом около 3-х тыс. экземпляров (в 1854 и 1868 гг.). Интерес к его поэзии проявляла главным образом столичная интеллигенция. В 1840 году Некрасов решительно выступил против репутации Тютчева как „второстепенного поэта". [Некрасов] В1883 году, т. е. спустя 10 лет после кончины Фёдора Ивановича, последовала публикация стихотворений в издании «Русского архива», затем в 1886 году были одновременно усилиями Эрнестины и того же «Русского архива» изданы сразу две книги (соответственно «Сочинения» и «Стихотворения»), после которых последовала затянувшаяся пауза в 13 лет.´[Тютчев] Очевидна была утрата интереса к поэту. Участь забвения постигла многих литераторов XIX столетия.

Но творчество Тютчева ожидала иная судьба. Необыкновенное по глубине наследие Тютчева, обращенное к мирозданию, высшим потенциям души, художественному восприятию красоты природы, привлекло внимание русских философов. Лирико-философская поэзия Тютчева, пронизанная дуализмом восприятия природы, мира порядка и мира хаоса, взаимодействия макрокосмоса Вселенной и микрокосмоса души, находила живой отклик в произведениях русских мыслителей. В произведениях поэта ими прочитывались неординарные откровения, черпались подтверждения на общественные и литературные процессы, на основы духовности человека и общества.

Первым в утверждении имени Тютчева задал тон выдающийся русский поэт и философ Владимир Соловьев (1853-1900). Его статья в 1895 году «Поэзия Ф. И. Тютчева» [Соловьев] привлекла внимание философов его поколения: В. В. Зеньковского (1881-1962), Ф. А. Степуна (1884-1965), В. И. Иванова (1866-1949), Г. В. Флоровского (1893-1979), С. Л. Франка (1877-1850), Д. И. Чижевского (1894-1977) и других. В их работах изобилуют ссылки и цитирования (нередко без упоминания имени автора), заимствования идей и их дальнейшее развитие, глубокие исследования тютчевского творчества. Именно в трудах русских философов Тютчев вошел в XX век.

- ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

Статья Соловьева о Тютчеве, опубликованная в 1895 году, обратила серьезное внимание литераторов России на творчество Фёдора Ивановича Тютчева, которого автор любовно называет „*несравненный поэт, наш поэт*“. [Соловьев] Говоря о поэзии как о литературном жанре, Соловьев пишет: „*...в небольшой области русской литературы существуют такие сокровища, которыми мы не пользуемся и которых почти не знаем. Самым драгоценным из этих кладов я считаю лирическую поэзию Тютчева. Этого несравненного поэта, которым гордилась бы любая литература, хорошо знают у нас только немногие любители поэзии, огромному большинству даже «образованного» общества он известен только по имени, да по двум-трём (далеко не самым лучшим) стихотворениям, помещаемым в хрестоматиях или положенными на музыку*“. Прошло чуть более 20 лет после кончины Фёдора Ивановича и Соловьев констатирует полузабытость и слабое знание *образованным обществом драгоценного* творчества Тютчева.

Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900).

Соловьев сравнивает миропонимание Шиллера и тютчевское видение природы. Для Шиллера „*природа прекрасна в воображении древних, а на самом деле она лишь мертвая машина*“, часовой механизм с законом всемирного тяготения. Большинство художников и поэтов принимают такое механическое понимание за абсолютно научное и при этом убеждены, что красота есть субъективная иллюзия.

Для Тютчева и без греческой мифологии мир полон величия и красы. Тютчев „*не только чувствовал, а и мыслил, как поэт*“, в убеждении истинности поэтического воззрения на природу и цельности творчества, как гармонии между мыслью и чувством, вдохновением и сознанием. Прямым ответом шиллеровскому похоронному гимну мнимоумершей природе служит стихотворение Тютчева „*Не то, что мните вы, природа...*“. Соловьев принимает позицию Тютчева: весь види-

мый мир это не собрание деланных вещей, „*а продолжающееся развитие или рост живого существа*“. Соловьев утверждает: дело поэзии, как и искусства вообще, не в том, чтобы украшать действительность приятными вымыслами, а в том, чтобы воплощать в ощутительных образах тот самый высший смысл жизни, как идею добра: „*Следовательно, прав наш поэт, когда прекрасное он сознательно принимал и утверждал не как вымысел, а как предметную истину, и, чувствуя жизнь природы и душу мира, был убежден в действительности того, что чувствовал*“.

Соловьев последовательно доказывает, что тютчевское восприятие природы более глубоко, чем у Гете: „*Конечно, Тютчев не рисовал таких грандиозных картин мировой жизни в целом ходе ее развития, какую мы находим у Гете, но и сам Гете не захватывал, быть может, так глубоко, как наш поэт, темный корень мирового бытия, не чувствовал и не осознавал так ясно ту таинственную основу всякой жизни, природной и человеческой, основу на которой зиждется и смысл космического процесса, и судьба человеческой души, и вся история человечества*“. Следует один из важнейших результатов статьи: „*Здесь Тютчев действительно является вполне своеобразным и если не единственным, то, наверное, самым сильным во всей поэтической литературе. В этом пункте - ключ ко всей его поэзии, источник ее содержательности и оригинальной прелести*“.

Соловьев подробно анализирует в тютчевском творчестве символы Вселенной: „*День*“, *блистающий покров, земнородных оживленье, души болящей исцеленье*, и „*Ночь*“, *древний хаос*, отрицательную беспредельность, зияющую бездну всякого безумия и безобразия, демонические порывы, восстающие против всего положительного и должного. В этой двойственности глубочайшая сущность мировой души и основа всего мироздания. В тютчевском творчестве присутствует очень важное наблюдение: умение через частное увидеть общее. Соловьев пишет: „*Частные явления суть знаки общей сущности. Поэт умеет читать эти знаки и понимать их смысл. ...Главное проявление душевной жизни человека, открывающее ее смысл, есть любовь, и тут опять наш поэт сильнее и яснее других отмечает ту самую демоническую и хаотическую основу, к которой он был чуток в явлениях внешней природы*“.

Соловьева пленяет сложнейшая философская мысль, пронизывающая тютчевскую поэзию: „*...чем светлее и духовнее поэтическое создание, тем глубже и полнее было прочувствовано и пережито то темное, недуховное, что требует просветления и одухотворения*“.

Следует совершеннейший парадокс, понятный только одному Соловьеву, пережившему тяжелую личную драму: „*Жизнь души, сосредоточенная в любви, есть по своей основе злая жизнь, смущающая мир прекрасной природы. ...Эта злая и горькая жизнь убивает и гу-*

бит. ...И это не есть случайность, а роковая необходимость земной любви, ее предопределение".

Соловьев подводит читателя к самым ответственным акцентам: „*«Злая жизнь», превращающая саму любовь в роковую борьбу, должна кончиться смертью. Но в чем же тогда смысл существования? Смысл природы был в создании разумного существа - человека. Но разум в природном человеке оказывается лишь формальным преимуществом; он не в силах овладеть самой жизнью, сделать ее разумною и бессмертною; назло разуму и на погибель человека поднимается и в нем демоническое и хаотическое безумие. Как в мировом процессе природы темное начало хаоса преодолевалось внешним образом, чтобы произвести светлое мироздание, увенчанное явлением человеческого разума, так теперь та же самая темная основа, открывавшаяся на новой высшей ступени в жизни и сознании человека, должна быть побеждена внутренним образом, в самом человечестве и при его собственном содействии. ...Если мое сознание, как форма, может вместить бесконечное, то зачем же мне искать другой формы? ...Носитель мирового смысла не может иметь смысл вне себя*". Главный итог: „*Смысл человека есть он сам, но только не как раб и орудие злой жизни, а как ее победитель и владыка*".

У выдающегося философа Владимира Соловьева были выдающиеся ученики.

- ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Вячеслав Иванович Иванов, один из наиболее образованных русских литераторов, знаток и переводчик с греческого, итальянского, французского, немецкого. Иванов - поэт и философ, литературовед и критик, один из основателей эстетического символизма.

Иванов часто цитирует Тютчева, исследует его творчество, аргументирует свои идеи выдержками из его поэзии. Иванов говорит, что парадоксом-признанием „*Мысль изреченная есть ложь*" Тютчев, ненароком обличая символическую природу своей лирики, обнажает и самый корень нового символизма: болезненно пережитое современною душой противоречие — потребности и невозможности „*высказать себя*". Оттого поэзия самого Тютчева делается не определительно сообщающей слушателям свой заповедный мир „*таинственно-волшебных дум*", но лишь ознаменовательно приобщающей их к его первым тайнам. Нарушение закона „*прикровенной*" речи, из воли к обнаружению и разоблачению, отмщается искажением раскрываемого, исчезновением разоблаченного, ложью „*изреченной мысли*"... И применима ли, наконец, формальная логика слов-понятий к материалу понятий-символов? Между тем живой наш язык есть зеркало внешнего эмпирического познания, и его культура выражается усилением логи-

ческой его стихии, в ущерб энергии чисто символической, или мифологической, соткавшей некогда его нежнейшие природные ткани — и ныне единственно могущей восстановить правду „*изреченной мысли*". И это не самолюбивая ревность, не мечтательная гордость или мнительность, — но осознание общей правды о наставшем несоответствии между духовным ростом личности и внешними средствами общения: слово перестало быть равносильным содержанию внутреннего опыта. Попытка „*изречь*" его — его умерщвляет, и слушающий приемлет в душу не жизнь, но омертвелые покровы отлетавшей жизни.

В поэзии Тютчева по Иванову русский символизм впервые творится, как последовательно применяемый метод, и внутренне определяется, как двойное зрение и потому — потребность другого поэтического языка. В сознании и творчестве одинаково поэт переживает некий дуализм — раздвоение, или, скорее, удвоение своего духовного лица. Душа - *жилица двух миров*, пребывает *в двойном бытие*. Состояние души поэта - *тревога двойного бытия...* („*О вещая душа моя...*"). [1]

Вячеслав Иванович Иванов (1866-1949). Рисунок Татьяны Львовны Толстой. 1948. Рётель.

Творчество также поделено между миром „*внешним*", „*дневным*", охватывающим нас в „*полном блеске*" своих „*проявлений*", — и неразгаданным, ночным, миром, пугающим нас, но и влекущим, потому что он — наша собственная сокровенная сущность и „*родовое наследье*",— миром „бестелесным, слышным и незримым", сотканным, быть может, „*из дум, освобожденных сном*".

Тот же символический дуализм дня и ночи, как мира чувственных проявлений и мира сверхчувственных откровений, встречаем мы у Новалиса. Как Новалису, так и Тютчеву привольнее дышится в мире ночном, непосредственно приобщающем человека к „*жизни*

[1] Идея дуализма внутреннего и внешнего миров, микрокосмоса и макрокосмоса, восходит к философии Я. Бёме (1575-1624). О философии Я. Бёме см. статью „*О чем ты воешь, ветр ночной?..*". В немецкой поэзии *тревога двойного бытия* прозвучала в «Фаусте»: „*Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust...*" („*Ах! Две души живут в моей груди...*").

божески-всемирной". Но не конечною рознью разделены оба мира: она дана только в земном, личном, несовершенном сознании:

В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И неподвижною средою,
Деля, не съединяет их?

В поэзии они оба вместе. И зовут их ныне *Аполлоном* и *Дионисом*. Они неслиянны и нераздельны. И в каждом истинном творении искусства ощущаемо их осуществленное двуединство. Но Дионис могущественнее в душе Тютчева, чем Аполлон, и поэт должен спасаться от его чар у Аполлонова жертвенника:

Из смертной рвется он груди
И с беспредельным жаждет слиться.

Чтобы сохранить свою индивидуальность, человек ограничивает свою жажду слияния с „*беспредельным*", свое стремление к „*самозабвению*", „*уничтожению*", „*смешением с дремлющим миром*", — и художник обращается к ясным формам дневного бытия, к узорам „*златотканного покрова*", наброшенного богами на „*мир таинственных духов*", на „*бездну безымянную*", т. е. не находящую своего имени на языке дневного сознания и внешнего опыта...

И все же, самое ценное мгновение в переживании и самое вещее в творчестве есть погружение в тот созерцательный экстаз, когда „*нет преграды*" между нами и „*обнаженною бездной*", открывающейся в Молчании.

Есть некий час всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда, при этой ноуменальной открытости, возможным становится творчество, которое мы называем символическим: все, что оставалось в сознании феноменального, „*подавлено беспамятством*":

Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах.

Такова природа этой новой поэзии — сомнамбулы, шествующей по миру сущностей под покровом ночи.

Иванов обильно цитирует строки из полюбившихся ему тютчевских стихотворений:

Настанет ночь, и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой...
То глас ея: он нудит нас и просит.
Уж в пристани волшебный ожил челн...

Среди темной „*неизмеримости*" открывается в поэте двойное зрение. „*Как демоны глухонемые*", перемигиваются между собою светами Макрокосм и Микрокосм. Что вверху, то и внизу:

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины;
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Понимание поэзии, как отражения двойной тайны — мира явлений и мира сущностей, находим в тютчевском стихотворении «Лебедь»:

Она между двойною бездной
Лелеет твой всезрящй сон, —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

Итак, поэзия должна давать „*всезрящий сон*" и „*полную славу*" мира, отражая его „*двойною бездной*" — внешнего, феноменального, и внутреннего, ноуменального, постижения. Поэт хотел бы иметь другой, особенный язык, чтобы изъяснить это последнее.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?

Но нет такого языка; есть только намеки, да еще очарование гармонии, могущей внушить слушающему переживание, подобное тому, для выражения которого нет слов.

Игра и жертва жизни частной,
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божески-всемирной
Хотя на миг причастен будь.

Слово-символ делается магическим внушением, приобщающим слушателя к мистериям поэзии. Так и для Боратынского — „*поэзия святая*" есть „*гармонии таинственная власть*", а душа человека — её „*причастница*"... Как далеко это воззрение от взглядов XVIII века, еще столь живучих в Пушкине, на адекватность слова, на его достаточность для разума, на непосредственную сообщительность „*прекрасной ясности*", которая могла быть всегда прозрачной, когда не предпочитала — лукавить!

В июне-июле 1920 года В. И. Иванов получил путёвку в московскую здравницу для «Работников науки и литературы», где жил совместно со своим старым другом со времён *башни* М. О. Гершензоном (1869-12925). В одной комнате надолго оказались два интересных самобытных человека, два старых диспутанта. Их долгие беседы о литературе нашли своё письменное воплощение в книге «Переписка из разных углов», опубликованной в 1921 году и повторно в Англии в 1971. Корреспонденты обменялись шестью письмами, каждое из которых представляет самостоятельный интерес. Темы их интеллектуальных споров касались философии, символизма. Поэзия Тютчева всегда органично присутствовала в их переписке.

Вяч. Иванов, 17 июня 1920: „*Бог не только создал меня, но и создаёт непрерывно, и ещё создаст. И если не покинет меня, то создаст и формы своего дальнейшего во мне пребывания, т. е. мою личность*, - и далее. - *Я не зодчий систем, милый Михаил Осипович, но не принадлежу и к тем запуганным, которые всё изреченное мнят ложью. Я привык бродить в «лесу символов», и мне понятен символизм в слове не менее, чем в поцелуе любви*“.

Тютчевский «Silentium!» прочно вплетается в вязь текущей мысли. 15 июля 1920 года, последнее письмо: „*Не довольно ли, дорогой мой друг, компрометировали мы себя, каждый по-своему: я - своим мистицизмом, вы - анархическим утопизмом и культурным нигилизмом, как обоих определило и осудило бы «компактное большинство» (словцо Ибсена) современных собраний и митингов. Не разойтись ли нам по своим углам и не затихнуть ли каждому на своей койке? «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь». Я не люблю злоупотреблять этим грустным признанием Тютчева; мне хочется думать, что в нем запечатлелась не вечная правда, а основная ложь нашей расчлененной и разбросанной культурной эпохи, бессильной родить соборное сознание, эпохи, осуществляющей предпоследние выводы исконного греха «индивидуации», которыми отравлена вся историческая жизнь человечества — вся культура*“.

При содействии наркома Луначарского Иванов уехал в Баку, где занял должность профессора Азербайджанского университета на кафедре классической филологии, но читал также курсы по греческой трагедии, исторической и теоретической поэтике, по Данте, Ницше, Достоевскому, Пушкину, Толстому. Среди аспирантов Вячеслава Ивановича оказался 24-летний М. С. Альтман, близкий знакомый М. А. Волошина и Н. С. Гумилева, будущий известный филолог и писатель. Названный аспирант сразу оценил величие интеллекта, образованность и высокую культуру профессора и взял на себя нелёгкий труд гётевского Эккермана. Через многие годы появилось ценнейшее свидетельство «Разговоры с Вячеславом Ивановым». [Альтман] В течение четы-

рех лет Моисей Семёнович вёл подробный дневник бесед с патроном. Книга Альтмана - энциклопедический кладезь знаний о религии, философии, литературоведению, поэзии, теории стихосложения, о любви в литературе и жизни...

Упоминания о Тютчеве в книге многократны. Запись 26 сентября 1921 года: „*Альтман: — «У чукчей нет Анакреона, // К зырянам Тютчев не придет». Фет мне кажется в этом совершенно неправым. Что мы знаем о зырянах, чтоб так уверенно судить? - Нет, — возразил В., — к зырянам Тютчев не придет и в самом деле. Дело в том, что каждый великий поэт не создатель языка, а сам создание. Поэтому вне стихии своего языка не может поэт создать великого. Анакреон может быть только в Греции и на известной ступени ее развития. И это вовсе не обидно для поэта быть созданием, а не создателем. Вот Микеланджело создал Давида, и я предпочел бы быть каменным Давидом, а не живым Микеланджело. Где теперь Микеланджело, в какие элементы претворился, а Давид стоит во Флоренции, нетронут и неколебим. Да, к тому же камень и не страдает, хотя и изображает страданье*". Очень точно определил Вячеслав Иванович значение Тютчева: великий Поэт - создание Создателя.

В истории весьма деликатных русско-польских отношениях Вячеслав Иванович придерживался как бы мнения Пушкина о распрях с поляками, как о семейной вражде:

Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда.

Через 80 лет после Пушкина Иванов понимал глубже корни взаимного неприятия: „*Славянам же искони на роду написаны рознь и междоусобие. Недаром стародавние песни и былины славян изобилуют рассказами о братских ковах. Триста лет назад взял грех на душу брат Лех: пошел на русского брата, чтобы не вещественно лишь, но и духовно разорить его и как бы исторгнуть из него живое сердце*". («Славянская мировщина». [Иванов 1985, 191 и далее])

Вячеслав Иванович подчёркивает: „*...И тут очевидным становится, что славянство, как энергия культурная, для позитивной мысли анахронизм, для немецкого разумения юродство или вечное детство, что наше лучшее, - то, где сокровище наше, - не от мира сего, хотя мы и не перестанем бороться с этим миром, доколе на нем не отпечатается наше чаяние, - что идея славянская по преимуществу задание духа*".

Иванов не умалчивает о религиозных несогласиях, но его доводы чрезвычайно толерантны: „*То, что в Польше окрашивалось в цвета западной церкви, закономерно окрасилось на Руси в колорит церкви восточной, и эта верность обоих движений родной каждому стихии религиозного сознания единственно обусловила почвенность и*

живучесть обоих". И далее: „*Подобно тому, как поляки отдавали свое дело в руки того Христа, который простирал к ним объятия с ветхих «кальвариев» их родины, - наши славянофилы, как Хомяков и Достоевский, возвышались до правды вселенской в своем чаянии оправдания русских святынь*". Вот теперь наступает очередь главного союзника Иванова - Тютчева: „*Кто, как он, чувствовал историческую трагедию славянства?*". Следуют выборочные цитирования из стихотворения «В альбом Ганке» („*Вековать ли нам в разлуке?..*"):

Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы...
А случалось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь,
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь.

Тютчев почитал естественным и вожделенным воссоединение Чехии с восточной церковью, но он не простирает этих пожеланий на Польшу. Если кто из русских искренне плакал над Польшей в острейшие мгновения раздора, - это был он...". И опять тютчевский аргумент из оды «На взятие Варшавы в 1931 году»:

Но прочь от нас, венец бесславья,
Сплетенный рабскою рукой!
Не за Коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой:
Другая мысль, другая вера
У русских билися в груди...

Иванов называл Тютчева предшественником и во многом учителем Достоевского. Но совершенно очевидно, что Тютчев и Иванов были единомышленниками: „*И странное жутко и светло пророчат другие, необычайные, почти непонятные слова Тютчева, реальный смысл которых теперь лишь приоткрывается современными событиями, являющими тайную связь в судьбах России между искуплением вины её перед Польшей и осуществлением старинной уверенности, что - как выражал ее Достоевский - «Царьград рано или поздно должен быть наш»*". И далее слова тютчевского пророчества:

Тогда лишь в полном торжестве,
В славянской мировой громаде
Строй вожделенный водворится,
Как с Русью Польша помирится.
А помирятся ж эти две
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и в Цареграде.

Вышеупомянутая статья Владимира Соловьева [Соловьев] дала творческий импульс для продолжения исследований о понимании мировоззрения Тютчева через раскрытие философского содержания его поэзии, о мотивах космоса в тютчевском творчестве. Появились статьи А. Горенфельда (1903), А Волынского (1904), В. Брюсова (1911), Д. С. Дарского [Дарский].

- СЕМЁН ФРАНК

В 1913 году читателям была предложена обширная литературоведческая и философская статья С. Л. Франка о космическом чувстве в поэзии Тютчева. Статья публиковалась на русском (дважды) и немецком языках. [Франк 1913], [Франк 1923], [Frank]

Семен Людвигович Франк (1877-1950). Художник Л. В. Зак. Берлин, 1936.

Известный философ протоирей Василий Зеньковский, современник Франка, так характеризовал Семёна Людвиговича: „*По силе философского зрения Франка без колебания можно назвать самым выдающимся русским философом вообще, - не только среди близких ему по идеям... Я без колебания должен сказать, что считаю систему Франка самым значительным и глубоким, что мы находим в развитии русской философии*".

Имя Тютчева в трудах Франка встречается многократно. Семён Людвигович хорошо знал творчество Тютчева и тонко чувствовал его философскую основу. Он часто сетовал на незаслуженную малоизвестность Тютчева на Западе. В статье «Русское мировоззрение» Франк пишет: „*Наша проникновенная прекрасная литература, как известно, одна из самых глубоких, философски постигающих жизнь. Помимо таких общеизвестных имён, как Достоевский и Толстой, достаточно вспомнить Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Гоголя*".

О чём бы ни писал Франк - постоянны ассоциации с тютчевскими строками. В обоснование своих доводов Франк цитирует стихи Тютчева, даже не называя имени поэта, полагая *a priori*, что каждый его читатель, несомненно, знает, о ком идёт речь: „*...всюду возрождаются и вновь открываются человеческому взору признаки, свидетельствующие, что мир есть не мертвый хаос косных материальных частиц, а нечто гораздо более сложное и живое, - тот упрек, который русский поэт послал современным людям:*

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как в впотьмах,
Для них и солнца, знать, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.

- этот упрек повторяют уже и многие представители научного знания. Мир не есть мертвая тишина или хаос косной материи, „не слепок, не бездушный лик"; мир есть великое живое существо и вместе с тем единство множества живых сил". Это выдержка из книги «Смысл жизни» (Париж, 1926). Франк цитирует стихотворение 33-летнего Тютчева: „*Не то, что мните вы, природа...*". Стихотворение было признано крамольным и опубликовано в «Современнике» без двух строф, удалённых цензурой. Через несколько страниц Франк вновь цитирует Тютчева, не называя его имени: „*Откуда этот разлад между человеческой душой и всем миром, в состав которого входит и она сама?*

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?"

Четверостишие из стихотворения „*Певучесть есть в морских волнах...*" написано Тютчевым через 29 лет после предыдущего. Франк раскрывает действительность отношения Тютчева к слиянию личного сознания с Космосом. Это слияние может быть как светлым и ясным возрождением души, так и в своей противоположности - жутким, полным *невыразимой тоски* погружением во тьму хаоса. Франк далее цитирует:

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, -
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Это стихотворение выражает позицию уже 62-летнего Тютчева. Поэт сознаёт всю глубину пропасти между его *призрачной жизнью* и *полным созвучьем*, царящим в природе. Диалектика мышления Тютчева в восприятии мироздания и месте человека в нём построена на противопоставлении двух частей всеединства: горнего, светлого радостного начала и покоя в отрешенности, увядании и страдании. Утверждение и приятие жизни связано с отрешенностью от жизни и тем самым с возвышением над ней. Тютчев открывает в существе окружающего мира родство со стихийно-мятежным и пассивно-страдающим началом человеческого бытия. Франк улавливает этот мотив мировоззрения Тютчева в его поклонении примиряющей красоте природы.

Далее Франк излагает осмысливание философами мировой космической жизни: „*Лишь христианские мистики и теософы, как Яков Бёме и Франц Баадер*[1], *имели это глубокое чутьё, которое от-*

---

[1] Якоб Бёме (1575-1624), немецкий философ-мистик, оказал большое влияние на развитие немецкой философии. Франц Ксавер фон Баадер (1765-1841), последователь теософских идей Бёме, профессор теологии мюнхенского университета (с 1826), член Баварской академии наук, сторонник саморазвития Бога в человеке.

крывает глаза на мир и даёт прозревать в нём видимое подобие невидимых сил и в его мнимослепых законах - воплощение разумных закономерностей духовного бытия". И следует примечательная фраза: „*...лирика русского поэта Тютчева может считаться поэтическим переложением теософии Бёме*".

В работе «С нами Бог» Франк пишет об очищающем одухотворяющем воздействии красоты, которое он называет *религиозным опытом*. Франк иллюстрирует свою мысль многими примерами, начиная последовательно с раннехристианских времён: „*...когда послы князя Владимира, которым было поручено отыскать истинную религию, побывали на богослужении в соборе Св. Софии в Константинополе, они выразили свои впечатления в словах: „Мы не знали, где мы находимся, на земле или на небе". Философски точнее было бы выразить это впечатление так: „Пребывая на земле, мы имели опыт приобщенности к небесному бытию". Вполне можно поверить преданию, что это впечатление было решающим при обращении русского народа в христианство*". Франк приводит примеры из более близкого ему XIX века. Гуляя по Парижу, писатель Глеб Успенский, человек чуждый религиозности и понимания значения красоты, угнетённый думами о материальной и правовой несправедливости русского народа, случайно забрёл в Луврский музей и вдруг увидел Венеру Милосскую. Франк комментирует впечатления Успенского: „*Уныние от сознания безнадёжности жизни, в которой царит нравственная неправда, сменилась вдруг ощущением, что есть всё же на свете настоящая правда - та правда человеческого достоинства и величия, которая воплощена в образе Венеры Милосской. ...Сам того не ведая, он испытал в содержании красоты античной статуи религиозный подлинный опыт, принесший ему духовное возрождение*". Завершил Франк череду примеров наиболее выразительно, сознательно нарушив хронологию их изложения: „*С этим впечатлением* (Глеба Успенского) *совпадает впечатление другого русского писателя, тонкого эстета Тютчева, который в пессимистическом рассуждении о суетности и трагизме человеческой жизни и судьбе европейского человечества делает существенную оговорку: «Конечно, Венера Милосская несомненнее принципов 89-го года»*".

В статье «Русское мировоззрение» Франк, называя Тютчева крупным поэтом-мыслителем, исследует его творчество. В стихотворении „*О чем ты воешь, ветр ночной?..*" Франк восхищён тютчевским пониманием психологизма природы: „*Вой ночного ветра и тёмные жалобы душевных глубин есть проявление одной и той же космической сути бытия. Природный хаос - наше материнское лоно - таится в глубине нашей собственной души и поэтому он при всей его таинственности откликается в каждом человеческом сердце. Аналогичным образом описывая в нескольких стихотворениях ночь, поэт показыва-*

ет, что бездны ночи родственны безднам души. День это „золотой покров, накинутый над бездной", который „святая ночь ...свила". И человек оказывается „лицом к лицу пред пропастию темной".

В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнает наследье родовое.

В другом стихотворении, которое посвящено, если так можно выразиться, метафизической сути грез, мы встречаем характерное сравнение:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами.

Греза есть таким образом не субъективно-внутреннее образование человеческой души; напротив, все содержание нашего бодрствующего сознания, чувственно-предметная реальность мира являются лишь маленькой частью бытия, которое, как земля океаном, омывается грезами - необозримой областью мистического бытия".

Далее Франк вновь возвращается к Тютчеву, как к наиболее яркому выразителю русского мировоззрения: „*Мировоззрение уже упомянутого великого русского поэта Тютчева также удивительно проникнуто глубоким метафизическим чувством природы. Русская религиозность, с одной стороны, вообще вобрала в себя, частично благодаря посредничеству византийской церкви, антично-греческий, космически-онтологический элемент, а с другой - она этим самым абсорбировала отголоски древнего славяно-языческого культа природы*".

Литературно-исторические интересы Франка были чрезвычайно разносторонни. Он уделял исследовательское внимание Блоку, Гоголю, Достоевскому, Лермонтову, Некрасову, Толстому, Пушкину.

С 1933 по 1949 гг. в разных европейских журналах были опубликованы 5 небольших статей, названных позже «Этюды о Пушкине». В этих работах Франк во многом изменил свое отношение к Пушкину, которого ранее рассматривал как „чистого" поэта. Формированию данной утилитарной точки зрения когда-то способствовали такие авторитеты, как Д. Мережковский, В. Вересаев, В. Брюсов, видевших в Пушкине только гениального мастера искусства стихотворства и утверждавших, что в поэзии Пушкина мало стихов, в которых поэт раскрывает свое миросозерцание. Достоевский называл Пушкина „*языческим поэтом*". В зрелые годы Франк занимает активную противоположную позицию, раскрываемую в упомянутых «Этюдах». Франк призывает авторитет Тютчева в подтверждение своих оценок личности Пушкина: „*Пушкину в течение всей его жизни не удавалось то, что иногда удается и средним людям, менее страстным, чем он: духовное*

умиротворение нравственной практической жизни, исцеление от душевного мятежа. Как метко сказал Тютчев, обращаясь к памяти поэта: «Ты был богов орган живой, // Но с кровью в жилах... знойной кровью». Лишь на смертном одре он достиг последнего, полного нравственного очищения и просветления". [Франк 1949] Франк имеет в виду прощение Пушкиным своего убийцы.

Высокая Поэзия, по мнению Франка, это поэзия, создаваемая Божественным вдохновением. У Пушкина в «Памятнике»: „*Веленью Божию, о муза, будь послушна...*".

У Тютчева в манере длинного предложения:

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам -
Небесная к земным сынам...

- ВАСИЛИЙ ЗЕНЬКОВСКИЙ

Часто опирается на идеи Тютчева В. В. Зеньковский, автор крупной работы «Русские мыслители и Европа». [Зеньковский] Судьба Василия Васильевича типична для русского философа, не принявшего догмы псевдосоциализма. С 1915 года он профессор психологии Киевского университета, в 1918 году министр вероисповедания в украинском правительстве гетмана Скоропадского (в кабинете Лизогуба), и далее ему достаются все тяжкие дороги русской эмиграции: с 1920 года Белград, Прага, с 1942 - священник, протоирей, ректор русской духовной академии в Париже. Протоирей Василий - автор фундаментального четырехтомника «История русской философии».

В работе «Русские мыслители» Зеньковский характеризует Тютчева как славянофила-шеллингианца, „*шедшем своим самостоятельным путем*", и сообщает о серьезности тютчевских статьях: «Россия и Германия» (1844), «Россия и революция» (1848) и «Папство и римский вопрос» (1850), в которых „*с чрезвычайной силой и отчетливостью выражено ощущение антихристианского начала в Европе. ...Тютчев глубоко ощутил силу и значительность революционных настроений в Европе, а, главное, ощутил их историческую законность и производность от всего духовного мира Запада*". Зеньковский обильно цитирует названные статьи: „*За три последних века историческая жизнь Запада, пишет Тютчев, необходимо была непрерывной войной, постоянным приступом, направленным против всех христианских элементов, входивших в состав старого западного общества. Никто не сомневается, указывает Тютчев в другом месте, что секуляризация*[1] *- последнее слово этого положения дела*". В основе этого пагубно-

[1] Секуляризация - обращение из духовного состояния в мирское.

го отделения жизни и творчества от Церкви лежит то глубокое „*искажение, которому христианское начало подвергалось от навязанному ему Римом устройства... Западная Церковь сделалась политическим учреждением*“. Зеньковский развивает по Тютчеву свою мысль: „*Есть лишь одна светлая и радостная надежда и она связана с Россией, с Православием. Тютчев не отделяет одно от другого*“. Протоирей Василий согласен с Фёдором Ивановичем, но...: „*В дни, когда пишется эта книга* (1929 год), *мы знаем, что предсказание Тютчева исполнилось: революция вступила в ожесточенную и непримепимую борьбу с христианством. Но Тютчев одного не предчувствовал, что ареной этой борьбы будет сама же Россия, что революция овладеет Россией и борьба ее с христианством будет борьбой не Западной Европы с Россией, а борьбой двух начал за обладание русской душой*“.

Ссылаясь на Тютчева, Зеньковский завершает на оптимистичной ноте: „*Церковь знает и то, что и теперь судьбы христианства на Западе все еще находятся в руках Римской церкви, и она твердо надеется, что в день великого воссоединения эта Церковь возвратит ей неповрежденным этот священный залог*“.

- ФЁДОР СТЕПУН

Довольно заметной личностью в среде русских зарубежных философов был профессор Фёдор Степун. Отец Степуна, выходец из Пруссии, мать - скандинавского происхождения, но Фёдор Августович был воспитан на идеалах отечественной культуры. Во время Первой мировой войны Степун служил артиллерийским офицером в русской армии. Перед войной он учился в Гейдельбергском университете и в 1909 году защищал диссертацию по религиозной философии В. С. Соловьева.[1] В 1922 году Степуна выдворили из Советской России в Германию. Высокая образованность и совершенное знание немецкого языка позволили Фёдору Августовичу занять профессорскую должность в Дрезденском университете, откуда в 1937 году он был изгнан нацистами за чрезмерное славянофильство. С 1945 года Степун вновь профессор, теперь мюнхенского Людвиг-Максимилиан-Университета. Перу Степуна принадлежат почти 30 книг и 150 статей, изданных на русском и немецком языках.

У Степуна нет отдельной публикации, в которой исследовалось бы творчество Тютчева, но в его литературоведческих и философ-

---

[1] Уже в процессе завершения работы над диссертацией Степун охладел к предмету своей защиты, особенно к аскетической этике Соловьева, и ограничился только философией истории. По мнению Степуна, рационалистическая система Соловьева входит в противоречие с пророческим духом его лирики. [Степун 1956]

ских работах о В. Жуковском, В. Иванове, А. Пушкине, А. Толстом, С. Франке имя Тютчева часто упоминаемо в контексте изложения. В статье об Алексее Тостом Фёдор Августович, подчёркивая что, „*инстинктивно-физиологическое отношение Толстого к природе кладет совершенно особый отпечаток на все обильно рассыпанные в его рассказах природоописания*“, далее пишет: „*Природа Толстого ни минуты не есть некая духовно мистическая реальность, некий лик, некое живое существо, какою ее знали и раскрывали Тютчев, Владимир Соловьев и Достоевский*“. [Степун 1914]

Общие ассоциации со стихотворениями Тютчева возникают у Степуна при исследовании философской направленности лирики Вячеслава Иванова: „*Своею философичностью она отдаленно напоминает Тютчева, но как поэт Иванов, с одной стороны отвлеченней и риторичнее, а с другой, - перегруженнее и пышнее Тютчева*“. [Степун 1949]

В 1962 году в небольшой статье о Пушкине Степун пытается проникнуть в духовные глубины творчества поэта: „*Конечно, в Пушкине нет того, что своею религиозной и философской особенностью и сложностью пленяет Европу в творчестве Толстого и Достоевского. Но видеть недостаточную русскость в том, что Пушкин, созерцая мир, не превращает свое созерцание в философское миросозерцание нельзя. ...можно сказать, что Толстой и Достоевский писали каждый по-своему о народе, а в творчестве Пушкина говорит прежде всего сам народ*“. [Степун 1962] В цитируемой статье ее автор, анализируя пушкинское стихотворение «Пророк», в завершение вдруг решается на антитезу: „*...Знаменитые строчки Тютчева «Мысль изреченная есть ложь» он* (Пушкин) *никогда не повторил бы, во всяком случае, не отнес бы к своему творчеству. Он определенно любил свет разума, его божественную ясность*“, т. е. Фёдор Августович предположил, что, если бы Пушкин читал «Silentium!», то реагировал бы негативно. Но в данном случае не требуется сослагательного наклонения, т. к. Пушкин хорошо знал это знаменитое стихотворение: оно находилось среди стихов, направленных Тютчевым издателю «Современника» через Ивана Гагарина. Мимо Степуна прошло незамеченным письмо князя Ивана от 12/24 июня 1836 года, в котором тот сообщал Фёдору Ивановичу о положительной реакции Пушкина и его окружения на полученные стихотворения: „*Я был в восхищении, в восторге, и каждое слово, каждое замечание, в особенности Жуковского, все более убеждало меня, что они* (Жуковский и Вяземский) *верно поняли все оттенки и всю прелесть этой простой и глубокой мысли. ...Через день о них узнал и Пушкин, я его видел после того; он ценит их как должно и отзывался мне о них весьма сочувственно*“. Степун не обратил внимания, что среди 16-ти стихотворений, опубликованных в сентябрьском III-м томе 1836 года журнала «Современник», было и «Silentium!» (на одиннадцатом месте). Но в «Современнике» была вторая публикация стихотворе-

ния. Впервые «Silentium!» публиковалось еще в 1833 году в газете «Молва» [Летопись 1999, 123] и эта публикация также могла быть замеченной Пушкиным.

Почему же лабиринты рассуждений привели известного философа к выводу, что Пушкин никогда бы идею знаменитой строчки „*не отнес бы к своему творчеству* “? Ведь тютчевская идея более глобальна, чем возможная (с точки зрения Степуна) самооценка Пушкиным собственного творчества. Вероятной причиной такого поворота мысли Фёдора Августовича является его охлаждение к своему бывшему кумиру В. С. Соловьеву, который среди *драгоценных кладов* русской литературы особо выделял поэзию Тютчева, умалчивая о творчестве других выдающихся поэтов России.

Вообще, Степун не отличался хорошим знанием творчества Тютчева. Так в связи с кончиной своей матушки, захороненной по лютеранскому обряду, Федор Августович умиротворенно замечает: „*Тютчев писал «Я лютеран люблю богослуженье...»*“, т. е. Степун дальше первой строчки названное стихотворение не читал. Если бы он вник в стихотворный текст, то понял бы ироничное отношение поэта к лютеранству и вряд ли бы его цитировал к скорбному случаю.

Политическое творчество Тютчева исследовал известный историк культуры, философ, принявший священство, Георгий Васильевич Флоровский. [Флоровский] О Тютчеве он пишет: „*Великий тайнозритель природы Тютчев и в истории остался прозорливцем. Политические события были для него тайными знаками, символами подспудных процессов в глубинах. По ним он разгадывал последние тайны исторической судьбы. История обращалась для него в Апокалипсис*“. Георгий Васильевич цитирует поэта: „*Господь пишет огненными знаками на небесах, почерневших от бурь*“ и добавляет: „*В этом отношении Тютчев был скорее западным человеком*“. Далее вновь цитирование знаковых мыслей Тютчева: „*Давно в Европе существуют только две действительные державы: Революция и Россия. Эти силы стоят теперь друг перед другом, и завтра, быть может, столкнутся. Между ними ни сговор, ни соглашение невозможны*“. Вся история Запада основана на непрерывной революционной традиции. Весь Запад есть Революция, есть восстание и апофеоз человеческого «Я». В этом единство Запада и это есть единство революции. Запад открывается Тютчеву как великое духовное единство, не смотря на разделения и раздоры. История Запада вся сжимается в «Римский вопрос». Папство сделало попытку организовать царство Христово как мирское царство. Большую статью Флоровский заключает словами: „*...мировое призвание России осуществляется не внешним, но внутренним подвигом. «Христианским царством» Россия может стать и без Царьграда, стать «царством правды и милости». В этом не сомневался и сам Тютчев*“.

- ДМИТРИЙ ЧИЖЕВСКИЙ

„Несомненно, Тютчев принадлежит к самым значительным русским поэтам".

Д. Чижевский «Тютчев и немецкий романтизм» (1927)

Личность Дмитрия Ивановича Чижевского (1894-1977), выдающегося немецко-русско-украинского философа и филолога-слависта, исследователя славянских культур, известна немногим специалистам. Дмитрий Иванович, признанный глава немецкой славистики в 60-70 гг., прожил в Германии почти 50 лет, был соратником Макса Фасмера в 20-40 гг., преподавал в университетах Галле, Йены, Марбурга, Гейдельберга.

Родился Дмитрий Иванович 23 марта 1894 года в городе Александрия Херсонской губернии в дворянской семье. Изучал философию и русскую филологию в 1911-13 гг. в Петербургском университете и в 1913-18 гг. в Киевском университете Св. Владимира. В Киеве преподавали философию известные профессора: Василий Зеньковский (автор капитального труда «История русской философии») и Алексей Гиляров. С 1919 года Дмитрий Иванович начал свою научно-педагогическую деятельность в Киевских высших учебных заведениях в качестве доцента. Однако политические взгляды молодого ученого не соответствовали доктринам новой власти, и в 1921 году он вынужден был эмигрировать. Чижевский решил совершенствовать своё образование в Германии. В «Автобиографии», сохранившейся в Галльском университетском архиве, Дмитрий Иванович пишет о себе: *„Зимний семестр 1921/22 гг. я обучался в университете в Гейдельберге, а с летнего семестра 1922 года до зимнего семестра 1923/24 гг. - в университете во Фрайбурге (Бресгау), где изучал, прежде всего, философию".* С 1924 года до 1932 гг. Чижевский преподавал в Украинском педагогическом институте в Праге, завершив свою карьеру в этом учебном заведении в должности экстраординарного профессора. В 1929 году Дмитрий Иванович защитил там же в докторантуре работу «Гегель и Французская революция». С 1932 года в Галле и с 1935 года также в Йене Чижевский занимал должность лектора славистики. О колоссальном диапазоне его знаний даёт представление следующая выдержка из «Автобиографии»: *„Кроме лингвистических курсов (по русскому, украинскому, болгарскому, польскому, чешскому, словацкому языкам) я прочел в Галле и Йене, среди прочих, и следующие лекции: - история древнерусской литературы (XI-XVII вв.), - история новейшей русской литературы (XVIII-XX вв.), - немецкая поэзия и немецкая философия в России, - влияние войны и революции на русский язык, - сравнительная грамматика славянских языков, - церковно-славянский*

язык, - Украина: страна, население, история культуры, - история польской культуры и духа, - славянские мистики, - идейные течения в России XVIII и XIX вв. - восточнославянское народоведение, - немецкие влияния на духовную жизнь славян, начиная с XVII в., - история протестантизма у славян, - древнерусская агиография и др. Кроме уже состоявшихся защит диссертаций моих учеников по славистике как второй специальности, в настоящее время закончены три диссертации, которые я инициировал и которыми руководил: «Проповеди Симеона Полоцкого с литературной точки зрения», «Украинские новеллы Н. Гоголя» и «Ночь в поэзии польского романтизма»". В завершение следует перечисление научных обществ, членом которых состоял Чижевский: «Кантовское общество» (Галле), «Гегелевский союз» (Гаага), «Немецкое общество славянских исследований» (Прага), «Славянский институт» (Прага), «Лингвистический кружок» (Прага), «Украинское общество им. Т. Шевченко» (Львов) и др. Чижевский был также соредактором бернского журнала «Архив по истории философии» и автором всех философских статей Всеобщей Украинской Энциклопедии, издаваемой во Львове в начале 30-х гг.

При поступлении на преподавательскую должность в Галльский университет в октябре 1931 года Чижевский в заявлении ссылался на рекомендации ведущих славистов Германии и Австрии. Вот выдержки из некоторых рекомендательных писем.

Профессор Макс Фасмер (Берлин) обращается к ректору Галльского университета: „*Уважаемый коллега! ...я хотел бы сообщить Вам, что по моей инициативе в конкурсе на занятие русского лектората в Галле примет участие украинский профессор Чижевский. Этого человека я считаю во всех отношениях достойным занятия данной должности. Если бы его удалось привлечь в Галле, то славянская философия и история литературы преподавалась бы у Вас на таком уровне, о котором Вам мог позавидовать любой германский университет*".

Профессор Э. Гуссерль (Фрайбург): „*...мой бывший ученик украинско-русского происхождения доктор Чижевский подал прошение о занятии Галльского лектората славянских языков. Я позволю себе обратить Ваше внимание и всего круга коллег, интересующихся философией культуры, на эту необычайную личность. Он основательнейше образованный, самостоятельно мыслящий философ, исходя из своей славистики увлечённый преимущественно Гегелем, и в то же время находящийся под влиянием феноменологии, при этом характеризующийся достойной удивления широтой учености, охватывающий различные области культуры*".

На занятие должности претендовали ещё несколько славистов, при этом одному из них протежировал сам министр науки, искусства и народного образования. Профессор Э. Гуссерль, понимая, с каким

противодействием может столкнуться кандидатура его ученика, добавляет к характеристике Чижевского важную фразу: „*Надёжный друг Германии и её науки*". Министр согласился с мнением ведущих ученых и 14 октября 1931 года последовало зачисление Дмитрия Ивановича. В приказе по философскому факультету отмечается, что выбор пал на Чижевского, т. к. факультет „*придает большое значение тому, чтобы лектор русского языка был в состоянии не только осуществить введение в русский язык, но и прежде всего владел бы историей русской литературы и русской мысли, был бы способен донести до слушателей русскую психологию и русскую душу и тем самым дать понять им конечные движущие силы деяний, желаний и страданий русских людей*". Эти уважительные слова написаны деканом доктором философии профессором Максом Шнайдером.

Через два года Чижевский блестяще защищает диссертацию «Гегель в России». В диссертации, в частности, исследуется влияние немецкой мистики и гегелевской философии в России, влияние Гегеля на взгляды Ивана Киреевского, рассматриваются отдельные представители русского гегельянства, в том числе, Н. Станкевич, М. Бакунин, Т. Грановский, И. Тургенев, А. Герцен, К. Аксаков, Ю. Самарин. Диссертация получила высокую оценку философов Германии.

Отзыв А. Гельба, экстраординарного профессора философии и психологии: „*Впечатляет каждая глава, поразительное знание материала, солидная и осторожная манера работы и широта кругозора автора. Лично я обязан изучению этой работы - по недостатку знаний специальной литературы не имея возможности остановиться на всех частностях - множеством моментов для исторического и систематического понимания таких фигур как Бакунин, Белинский, Тургенев, Герцен, а также для оценки таких идейных течений как славянофилы. Поэтому я рекомендую принятие выдающегося, в высшей степени значительного в историко-проблемном отношении исследования*".

П. Менцер, профессор философии, автор монографии о немецкой метафизике,: „*...я хочу предложить в согласии с господином Адельмаром Гельбом следующую оценку: выдающееся, значительное в историко-философском отношении исследование*".

10 января 1935 года ректор профессор д-р Эмиль Верман и декан Макс Шнайдер подписали: „*...на основании выдающегося, значительного в историко-философском отношении исследования «Гегель в России» и выдержанного с отличием 5 июля 1933 года экзамена* (ректорат) *присваивает кандидату Дмитрию Чижевскому из Александрии (Украина) титул доктора философии*". В конце 20-х гг., начале 30-х гг. намечались контакты Чижевского с советскими издательствами философской. По просьбе Чижевского главный редактор «Архива истории философии» А. Штайн (Швейцария) заказывал каталоги фи-

лософской литературы из Москвы и Киева. Предполагались публикации Чижевского в украинских издательствах. Дмитрий Иванович кривить душой не мог. После опубликования в 1930 году в «Современных записках» его критической статьи «Кризис советской философии» зыбкие контакты советского официоза с ним полностью прекратились.

Так советская страна потеряла, а Германия приобрела уникального ученого-слависта.

Публикация исследований глубинных историко-философских связей немецкой и славянских культур создали Чижевскому авторитетное положение в немецкой науке. Дмитрий Иванович любил обе свои родины: Россию, где он родился и с которой вынужденно расстался в 1921 году, и Германию, где Чижевский столь прочно самоутвердился. Но тоталитарные режимы обоих отечеств он не принял. Гитлеризм к белой русской эмиграции относился терпимо, полагая её врагом большевизма. Достоверно известны антинацистские взгляды Чижевского. «Новый порядок» в Европе, насаждаемый Гитлером, Дмитрий Иванович безоговорочно не воспринимал. Но для нового самоутверждения на гипотетической третьей родине душевного запала не было. Дмитрий Иванович решил остаться в Германии. Чижевский вскоре понял, что совершил большую ошибку. Дмитрий Иванович и его друзья, прогрессивные интеллигенты, не могли предполагать, что процесс переплавки сознания немецкого народа будет столь активен и, к сожалению, результативен. Жена Чижевского, Лидия Израилевна Маршак, с дочерью Таней вынуждены были уехать в США.[1]

В нацистской Германии неарийские родственные связи не приветствовались.[2] Деятельность Чижевского была под пристальным наблюдением властей. 19 апреля 1937 года был объявлен указ об увольнении всех преподавателей, находящихся в родственных отношениях с евреями. Такие лица отныне переходили в категорию *нежелательных*. Положение Дмитрия Ивановича становилось более, чем драматичным. Декан Макс Шнайдер занял опасную для себя позицию. Он активно стал на защиту *нежелательного* преподавателя и пишет в министерство: „...*То, что здесь нет никаких преувеличений, полностью*

---

[1] Автор признателен д-ру Владимиру Янцену, ассистенту кафедры философии Мартин-Лютер-Университета городов Галле и Виттенберга, за сообщение малоизвестных сведений о Д. И. Чижевском и разрешение их публикации. [Янцен]

[2] Поэт-антифашист Готфрид Бенн описал в повести «Двойная жизнь» аргументы геббельсовских пропагандистов против смешанных браков: „«*Представьте себе, что компрессор с „даймлер–бенца" ставят на вшивый „опель". Что будет? Ничего не будет. Машина не поедет». Так просто и доходчиво объясняли нам бессмысленность смешанных браков между арийцами и неарийцами*". [Бенн]

доказано всей прежней деятельностью Чижевского, который вскоре после занятия своей должности получил на нашем факультете докторский титул. Через некоторое время по соглашению между прусским и тюрингским министрами образования он занял должность лектора русского языка также и в Иенском университете. Эту напряжённую двойную работу он выполняет с величайшим успехом. Возможное увольнение Чижевского было бы поистине невосполнимой утратой для нашего университета. Когда осенью 1931 года ...лекторат был объявлен вакантным, на его занятие, кроме Чижевского, претендовало ещё пять человек; но никто из них даже отдалённо не шёл в сравнение с необычайными научными способностями Чижевского. Найти ему полноценную замену представляется нам сегодня совершенно невозможным".

Демонстративное выступление М. Шнайдера - факт беспрецедентный. Министр образования Саксонии от столь смелого демарша декана даже растерялся и самостоятельно принимать решение не рискнул. Свои сомнения о целесообразности изгнания русского доктора философии он переадресовал в Берлин. Бюрократическая машина скрепя сработала и ответ от рейхсминистра по делам науки, образования и культуры Бернхарда Руста последовал только через три месяца, 27 июля: „*По согласованию с господином имперским и прусским министрами внутренних дел я воздержался от принятия мер, требуемых указом от 19 апреля 1937 года в отношении внепланового лектора русского языка доктора Дмитрия Чижевского*".

В такой удобооптекаемой формулировке чиновничий аппарат нацистской Германии разрешил не применять к Дмитрию Ивановичу изуверский закон. Однако в покое Чижевский не был оставлен, свободное передвижение по стране, даже для целей служебных командировок, гестапо ему не разрешало. Ему было также отказано в занятии преподавательских должностей в Берлине (по приглашению Макса Фасмера) и Братиславе.

Дмитрий Иванович, занимая должность лектора русского языка, читает обширные курсы по истории культуры, философии, религии, искусства славян, является научным руководителем диссертационных работ.

1945 год. Вторая мировая война завершалась. Город Галле должен был оказаться в советской зоне оккупации, и Чижевский предпочёл выехать в западные зоны. С 1 декабря 1945 года Дмитрий Иванович был зачислен преподавателем славистики в Марбургском университете. Здесь им написаны: «Страхов, Достоевский, Ницше», «История древнерусской литературы. Киевская эпоха», «Начала и завершения идеологических эпох», «Своеобразие русского языка» и др. Однако положение для него здесь сложилось явно неблагоприятное: сплетни, склоки, доносы были типичны для послевоенного неустояв-

шегося преподавательского коллектива маленького городка. В результате военного поражения Германия физически утратила многих ученых. Вакансии высших учебных заведений занимали часто случайные люди, заинтересованные в условиях послевоенной разрухи и безработицы в сохранении сносного заработка. Русский интеллигент Чижевский пришелся не ко двору в Марбурге. В университете было личности, подобной Максу Шнайдеру. Против Чижевского была поднята злостная кампания. Кому-то было выгодно объявить его советским шпионом! Обещанной ординатуры он не получает.

Расстроенный Дмитрий Иванович по совету друзей, Романа Якобсона и протоиерея Василия Зеньковского, в 1949 году уезжает в США. Здесь он встретился с женой и дочерью. В Гарвардском университете Чижевский занял должность гостевого профессора славистики. Его деятельность приводит к оживлению исследований в области философии, лингвистики, истории литературы. Дмитрий Иванович пишет «Очерк сравнительной истории славянских литератур», «Шиллер в России», «Историю украинской литературы» и ещё более ста работ! Ныне упомянутый факультет носит имя Дмитрия Ивановича Чижевского. Драма Чижевского состояла в том, что он, немецко-славянский ученый, сформировавшийся в Европе, найти себя в Соединенных Штатах не смог. Обещанной должности ординарного профессора он так и не получил. Чижевский, крупномасштабная личность, таковым не был признан в Америке русской и украинской диаспорами. Дмитрий Иванович не воспринимал поверхностности американской культуры, невоздержанно публично критически о ней отзывался, нажил себе новых недругов, навлёк очередные расследования и стал искать пути возвращения в Германию. Ученица Чижевского, д-р Наталья Ребер, рассказывала, что Дмитрию Ивановичу много вредил его вспыльчивый холерический характер.

В 1956 году Гейдельбергский университет приглашает Чижевского с планами создания для него персональной ординарной профессуры. Дмитрий Иванович приехал, но данное заверение деканат выполнить не смог, ибо Чижевскому было уже более 60 лет. Это означало, что права на получение пенсионного обеспечения у него нет и не будет, т. е. он должен пожизненно работать. И он работает, как всегда энергично. При университете Дмитрий Иванович создаёт Институт славистики и становится первым его директором. Он развивает активную деятельность по воспитанию нового поколения немецких славистов, среди которых заметное место занимают Людольф Мюллер, будущий профессор Тюбингенского университета, Дитрих Герхард, ныне крупнейший филолог-славист, проживающий в Гамбурге. Чижевский создает свою школу. Этот период его немолодой жизни очень плодотворен. Им написаны: «Святая Русь. История русской мысли X-XVII вв.», «О стилистике древнерусской литературы», «Рай и Ад. Русская

книжная живопись», «Россия между Востоком и Западом. История русской мысли XVIII-XX столетий» и многие десятки других важнейших работ, в т. ч. «История русской литературы XIX века».

По свидетельству д-ра Л. Мюллера, одним из любимейших поэтов Дмитрия Ивановича был Фёдор Иванович Тютчев. Вероятно, не последнюю роль в серьёзном увлечении Чижевским поэзией Тютчева сыграла дружба с философом С. Франком, ученика Владимира Соловьева. Франк был автором большой работы о поэзии Тютчева, опубликованной в Германии еще в начале 20-х гг. Во времена своего пребывания в Гарвардском университете Чижевский посвятил памяти Франка статью «С. Л. Франк, как историк философии и литературы». (См. также [Чижевский 1990].) Главные акценты статьи сделаны на исследовании Франком философского глубокомыслия поэзии Тютчева. Чижевский пишет: „*Тютчев, которому посвящена наиболее интересная историко-литературная статья Франка, во всяком случае, приближается к типу «поэтов-мыслителей», и раскрытие философского содержания его произведений, конечно, особенно привлекательно для философа*". Далее Чижевским кратко излагается философское понимание Франком поэзии Тютчева: „*Франк исходит из само собою напрашивающегося определения поэзии Тютчева, как поэзии проникнутой космическим чувством, в котором для поэта сливаются в объективные данности и его душа, т. е. мир, «космос» и человек*".

Ещё в 1927 году профессор Украинского педагогического института в Праге Дмитрий Чижевский публикует в берлинском ежегоднике М. Фасмера «Zeitschrift für slavische Philologie» значительное исследование «Тютчев и немецкий романтизм». [Tschyzevskij 1927]

Первый абзац статьи: „*Несомненно, Тютчев принадлежит к самым значительным русским поэтам. Однако все литературные работы о нём лишь ни что иное, как попытки, побуждения, очерки. Некоторые статьи (например, Р. Бранда) даже опубликованы только как незавершённые материалы. Не мало конечно было попыток преподнести и усмотреть философское сознание в полной глубине тютчевской мысли. Но даже эти попытки, которые предоставляли Тютчеву значительное место в истории русской философской мысли, не побуждали к литературным исследованиям*".

В тексте статьи Чижевский цитирует стихотворения Тютчева по малоизвестному сборнику, изданному в Берлине в 1923 году в старой русской орфографии. Бескомпромиссный Дмитрий Иванович не удовлетворён известными ему работами о Тютчеве, которые были напечатаны в России к 1927 году. Им упомянуты публикации И. Аксакова (1874), В. Соловьёва (1895), В. Брюсова (1900, 1903, 1911), А. Горенфельда (1903), А. Волынского (1904), Д. Дарского (1914), Т. Райнова (1923), Г. Чулкова (1922, 1923) и др.

·Zu einem Gedicht Tjutčevs 329

Там в горнем неземном жилище...	Горé, как божества родные...
и легче и пустынно чище струя воздушная течет...	как животворно на вершине бежит воздушная струя...
	река воздушная полней течет меж небом и землею, грудь дышит легче и вольней...
	... как бы благодать, разлитую в воздухе, чувствую я...
Туда взлетая, звук немеет, лишь жизнь природы там слышна...	... звук уснул... Есть некий час... всемирного молчанья... Затих повсюду шум и гам...

Vor allem das Erwachen der geheimnisvollen Stimmen („жизнь природы там слышна ...“) beim Einschlafen der Klänge des Tages findet Parallelen in mehreren Nachtgedichten Tjutčevs: „волшебно-немой, он веял легко над гремящею тьмой“; vgl. aber besonders: „певучесть есть в морских волнах ...“, und das ganze Gedicht „Так в жизни есть мгновения ...“ Wir

Фрагмент статьи Д. И. Чижевского «Об одном стихотворении Тютчева».

Чижевский тонко чувствовал поэтическое слово на немецком и славянских языках, хорошо в оригинале знал немецкую поэзию, прослеживал параллели в творчестве Тютчева и поэтов Германии. Удивительные сходства образов он находил у Тютчева и Гёте, Брентано, Новалиса, Айхендорффа, Шуберта, Мальтица. Уделено место и влиянию Шеллинга на поэзию Тютчева.[1] Через 10 лет, в 1937-м столь драматичном для Дмитрия Ивановича году, Чижевский возвращается к тютчевской теме. Речь идёт о помете к стихотворению „*Над виноградными холмами...*“. Дело в том, что Эрнестиной (вероятно, с неточно понятых слов мужа; автограф с пометой рукой Эрнестины хранится в РГАЛИ) указано, будто это стихотворение написано в *Ротенбурге*. Именно со ссылкой на эту помету стихотворение тиражируется во всех изданиях XIX-XX столетий. Однако Чижевский обратил внимание на несоответствие образов стихотворного текста и реального пейзажа Ротенбурга, якобы города в Баварии. Дмитрий Иванович знал, что Бавария виноград не разводит. Он предположил, что в стихотворении имеется ввиду населённый пункт со сходным названием, в котором Тютчев мог бывать по дороге во Францию. Действительно, недалеко от Штутгарта на холме *Ротенберг* находился одноимённый приход. В середине прошлого века географического пункта «Ротенберг» на картах не было. Несколько семей немногочисленного селения-прихода занимались исключительно виноградарством. В 1820 году на холме был сооружен мавзолей с захоронением королевы Екатерины Вюртембергской, российской великой княгини, дочери императора Павла I. Проездом в Париж или обратно Фёдор Иванович мог посетить столь знаменательное для русского человека место.

---

[1] В 1990 году был опубликован труд В. Топорова, в котором получили значительное развитие идеи Д. Чижевского, изложенные в упомянутой статье. [Топоров]

Исследованию уникального творенья „*Над виноградными холмами...*" посвящена статья Чижевского «Об одном стихотворении Тютчева». [Tschyzevskij 1937] Дмитрий Иванович хорошо знал работы ведущего советского тютчевоведа Георгия Чулкова, однако контактов с ним, вероятнее всего, не было. Можно предположить, что и Георгий Иванович Чулков не был знаком с работами немецкого слависта. В названной статье Чижевский полемизирует с Чулковым. Он удивлён, почему в чулковской «Летописи» отсутствует путешествие Тютчева через Штутгарт. [Летопись 1933] Д. Чижевский считает, что такую же ошибку допустил И. Аксаков, внимательно изучивший творческую биографию Ф. И. Тютчева. Дмитрий Иванович предполагает, что в результате частых копирований текст стихотворения утратил пунктуацию оригинала, и он предложил свою версию первоначального варианта.[1]

В каталоге достопримечательностей Ротенберга «Россия в Вюртемберге. Русская церковная утварь из часовни в Ротенберге» опубликовано на немецком языке стихотворение Тютчева „*Над виноградными холмами...*" в переводе ученика Д. Чижевского поэта и исследователя творчества Тютчева д-ра Людольфа Мюллера. [Katalog 1991]

По мнению Д. Чижевского, стихотворение „*Над виноградными холмами...*“ является значительной вехой в творчестве Фёдора Ивановича, оно наиболее полно аккумулирует поэтическую зрелость Тютчева. Эхо образов данного поэтического шедевра перекликается с метафорами других более поздних тютчевских стихотворений. Чижевский находит тому много подтверждений. Так, например, *померкшая река* и *река в померкших берегах* („*Я помню время золотое...*“), *звук немеет* и *звук уснул* („*Тени сизые смесились...*") и т. д.

Тема стихотворения „*Над виноградными холмами...*“ нашла своё продолжение в работе коллеги-ученицы Чижевского, славистки Галльского университета Софьи Виндиш, которая в 1939 году, развивая мысль Д. Чижевского, обнаруживает общность поэтического мира Тютчева и Пушкина. [Windisch] Виндиш иллюстрирует параллели в стихотворении „*Над виноградными холмами...*“ и стихотворением «Монастырь на Казбеке», которое было написано Пушкиным в 1829 году во время путешествия в Арзрум и опубликовано в 1831 году в альманахе «Северные цветы».

Чижевский собирал материал для книги о русских поэтах. Замысел ее издания осуществить не удалось. Но в архиве Дмитрия Ивановича д-р Владимир Янцен обнаружил черновик проекта книги «Russische Dichter: Puschkin - Tjutschev - Gogol’ - Dostoevskij - Esenin - Majakovskij». В «Предисловии», датированном 10 ноября 1955 года (Чи-

---

[1] См. статью «Жизнь в Мюнхене».

жевский в это время работал в Кэмбриджском университете), он писал, что идея возникла ещё в 1928 году и что теперь почти все статьи уже опубликованы, но требуется заново переписать только статью о Тютчеве. Здесь же находилось и незаконченное исследование стихотворения «Андрею Николаевичу Муравьеву» („*Там, где на высоте обрыва...*“), написанного в августе 1869 года в Киеве. Чижевский обратил внимание на сходство образов этого стихотворения, особенно первой строфы, со стихотворением, созданным 30-ю годами ранее, „*Над виноградными холмами...*“:

Там, где на высоте обрыва
Воздушно-светозарный храм
Уходит ввыспрь - очам на диво,
Как бы парящий к небесам;
Где Первозванного Андрея
Еще поднесь сияет крест,
На небе киевском белея,
Святой блюститель этих мест, -

К стопам его свою обитель
Благоговейно прислоня,
Живешь ты там - не праздный житель, -
На склоне трудового дня.<...>

Воздушно-светозарный храм - это Андреевская церковь, она построена над Днепром на обрыве Старокиевской горы. Тютчев восхищался красотой древнерусского города: „*Он в восторге от своей поездки и привез оттуда несколько поэтических строф, рисующих его впечатления от пребывания в этом городе катакомб*“.[1]

18 августа 1869 года А. Н. Муравьёв благодарил Фёдора Ивановича за *звучные стихи*: „*Искренне благодарю Вас, многоуважаемый Фёдор Иванович, за Ваше поэтическое послание, которое очень пришлось мне по сердцу как выражение доброго Вашего обо мне суждения, изложенного в звучных Ваших стихах. Меня это весьма тронуло и утешило и еще более приковало меня к скале Андреевской, которую Вы так живописно изобразили. По истине справедлив стих Шиллера: „Die König' und die Poëten // Wohnen auf Menschenhöhen*“. („Короли и поэты живут на вершинах человеческого духа“.) *Так и Ваш чудный стих парит по горнем высотам! Благодарю Вас еще раз и прошу не*

[1] А. Н. Муравьев (1806-1874), литератор, поэт, с 1819 года воспитанник С. Е. Раича. В августе 1869 года Тютчев гостил в Киеве у Муравьева. Катакомбы - сеть древних пещер искусственного происхождения. Андрей Николаевич похоронен в цокольном этаже Андреевской церкви. Цитировано письмо Эрнестины из Овстуга от 1/13 сентября 1869 года к брату Карлу Пфеффелю в Мюнхен. [ЛН2, 405 (Пигарев, Динесман)]

забывать киевского отшельника, если не соберетесь его посетить. Остаюсь душевно Вам преданный. А. Муравьев".

У Муравьева *поэтическое послание* вызывает ассоциации с шиллеровскими строками, которые наиболее точно определяют поэтическую сущность стихотворения Тютчева.

Чижевский хорошо знал Киев и после изучения истории стихотворения „*Над виноградными холмами...*" сразу уловил поэтическую общность упомянутых двух стихотворных текстов. Изыскания Дмитрия Ивановича стали темой к сожалению неопубликованной статьи о Тютчеве. В отечественном литературоведении изложенная идея Чижевского никогда ранее не возникала.

В 1966 году коллеги Чижевского Дитрих Герхард, Виктор Вайнтрауб и Ганс-Юрген цум Винкель опубликовали в мюнхенском издательстве «Wilhelm Fink» к 70-летию Дмитрия Ивановича юбилейный сборник «Orbis Scriptus». Объём книги - 1000 страниц! Труд задуман как прижизненная дань достижений мировой славистики выдающемуся философу и филологу. В совершенно уникальном издании содержатся на 13 языках статьи 91-го автора, соратников и учеников Чижевского из 56-ти городов Европы и США.

Статьи упорядочены по немецкому алфавиту фамилий авторов. Содержание книги представляют работы, посвящённые древнеславянским языкам и литературе, литературным и философским направлениям XIX-XX столетий, а также персонально творчеству А. Блока (Роман Якобсон из Кембриджа), М. Волошина (К. Тарановский из Кембриджа), Ю. Олеши (William E. Harkins из Нью-Йорка), А. Пушкина (J. Thomas Shaw из г. Мэдисон), Л. Толстого (Wilhelm Lettenbauer из Фрайбурга и Georg Gibian из Нью-Йорка), Ю. Тувима (Зоя Юрьева из Нью-Йорка), М. Цветаевой (Friedrich Scholz из университета немецкого города Гермерсгейм) и многим другим.

Свояк Чижевского (брат жены) Яков Маршак, житель Лос-Анжелеса, поместил статью «Economics of language». Шесть текстов на русском языке и один на украинском написаны американскими авторами.

По восемь публикаций предложили университеты Гейдельберга и Праги. Статьи пражских славистов - на чешском, русском и немецком языках. А. В. Флоровский из Праги - автор исторической справки о политике Петра I в Эфиопии. В 1947 году им же опубликовано исследование «Русские в Мариинских Лазнях». На 30-й странице он сообщает о пребывании Тютчева в июле 1834 года в Мариенбаде. [Летопись 1999, 145]

Протоирей Георгий Флоровский из Принстона написал статью о философских чтениях Владимира Соловьёва в Петербурге. Он сообщает об истории открытия Петербургского Отдела Общества Любителей Духовного Просвещения, где лекции читал В. Соловьёв. В отличие

от Московского духовного Общества петербургское было светским. Ходатайство об его открытии (в 1871 году) подписали Ф. И. Тютчев, Ап. Майков, А. Георгиевский (родственник Е. Денисьевой) и другие общественные деятели.

Большая работа Д. Герхарда посвящена В. Жуковскому. Автор цитирует материалы Василия Андреевича, неизвестные русскому читателю. Включена в мемориальный сборник и статья покойного друга Дмитрия Ивановича Фёдора Августовича Степуна (Мюнхен) «Das Wesen des Symbolismus» («Суть символизма»). Два американских автора посвятили статьи Ф. И. Тютчеву: James Ferrel из г. Ann Arbor (недалеко от Детройта) «On the problem of unity in stanzaic poetry with especial reference to Tjutcev's solutions» и чикагский славист Ralph E. Matlaw «Tjutcev's punctation and Tjutcev's texts».Тютчевская тема не оставляет Дмитрия Ивановича, но теперь он воплощает свои замыслы в трудах учеников. В 1968 году ученица Чижевского Альмут Шульце (Almut Schulze) защищает диссертацию «Tjutcevs Kurzlyrik. Traditionszusammenhänge und Interpretationen» («Короткие лирические стихотворения Тютчева. Традиционные связи и интерпретации»). Объём работы выходит за пределы обычных диссертаций. Этот большой труд был опубликован в 25-м томе издаваемого Чижевским в Мюнхене журнала «Forum Slavicum». [Schulze] Диссертантка знала русский язык, хорошо изучила тютчевоведческие исследования, изданные в России, обильно цитирует их, а также работы американских филологов. Основной предмет исследования диссертации – выяснение места поэзии Тютчева в русской литературе XIX столетия. А. Шульце применяет разработанный Чижевским метод сравнительного анализа творчества различных литераторов в каждом жанре.

Во введении к первой главе определена главная направленность научных изысканий А. Шульце: „*Короткие лаконичные формы стихотворений Тютчева как примета его лирики обращали на себя внимание современников. Понятие краткости охватывает не только сути тютчевского стиля. Скорее это богатство и неоднородность звуков, которые отличают его стихи. При ближайшем рассмотрении его малые произведения оказываются многоплановыми и разнообразными. Поэт и критик Н. А. Некрасов указывал на эту тютчевскую способность к концентрированию*“. В известной статье Некрасов так оценивал творчество Тютчева: „*Все эти стихотворения очень коротки, а между тем ни к одному из них решительно нечего добавить*“. [Некрасов] И. С. Аксаков удачно называл стихи Тютчева *пиесами.*

Основная идея диссертации подсказана работами Ю. Тынянова, развивающими некрасовские оценки. Шульце цитирует (обратный перевод автора): „*Монументальные формы 18-го столетия разрушились, и продукт этого разрушения - тютчевский фрагмент, который смотрится на фоне огромных державинских форм словно в уменьши-*

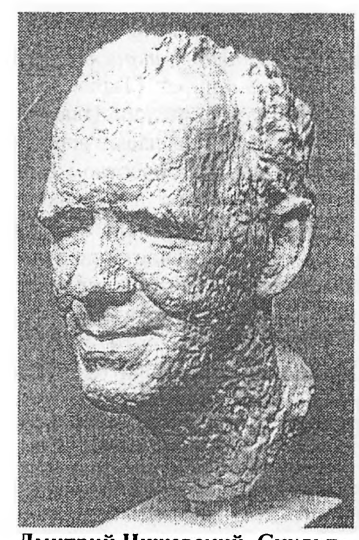
тельном стекле. Концентрируя свои силы в малом пространстве, Тютчев создает микроскопические оды: «Видение», «Бессонница», «Цицерон» и другие“. [Тынянов, 378]

Поэтика Фёдора Ивановича в семи главах подробно изучалась и детально сравнивалась в жанрах лирики, эпиграмм (в т. ч. греческих), од, изречений с творчеством Батюшкова, Пушкина, Катенина, Грибоедова, Кюхельбекера и других поэтов. Обильно приводились мнения Тынянова, Пумпянского, Пигарева, американского исследователя Грегга. Основательность работы была замечена филологами Германии, и литературоведческие справочники в статьях о Тютчеве отсылают любознательных читателей к диссертации Альмут Шульце.

Интересно, что через сорок два года после публикации А. Шульце практически те же идеи Тынянова инициировали на кафедре русской литературы Тартуского университета (Эстония) исследования литературоведа Романа Лейбова, ученика Юрия Лотмана, завершившиеся защитой в 2000 году диссертации: «„Лирический фрагмент“ Тютчева: жанр и контекст». Лейбов цитирует Тынянова: „*Фрагмент как средство конструкции был осознан тонко и Пушкиным; но «отрывок» или «пропуск» Пушкина был «недозаконченностью» большего целого. Здесь же он* (фрагмент) *становится определяющим художественным принципом*“. [Тынянов, 43] В диссертации уделено, в частности, много места истории публикации тютчевских стихотворений в «Современнике». [Лейбов, 17-25] Разбор работы Лейбова выходит за рамки настоящего труда, но без сомнения названная диссертация является значительным дальнейшим вкладом в зарубежное тютчевоведение. Научный руководитель диссертанта - А. Л. Осповат, известный российский исследователь жизни и творчества Ф. И. Тютчева. В диссертации Р. Лейбова в списке цитированной литературы работы Дмитрия Чижевского и Альмут Шульце не названы.

Жизнь Дмитрия Ивановича Чижевского угасала. Перегрузки, болезни, преклонный возраст о себе напоминали более, чем часто. В США скончалась жена Лидия Израилевна, его бесценный друг еще со времен их совместной антицаристской подпольной деятельности. Противоречия с большевизмом в 1921 году привели их обоих в эмиграцию. К Чижевскому приехала дочь Таня. Она историк. Доктор Л. Мюллер частый гость у Дмитрия Ивановича. Чижевский предлагает Л. Мюллеру стать его продолжателем в Гейдельберге, возглавить институт славистики.

Весной 1977 года 83-летнего Дмитрия Ивановича направляют в геронтологическое отделение гейдельбергской клиники. 18 апреля его не стало. Философ Чижевский не пожелал захоронения ни по одному церковному обряду и был кремирован.

Дмитрий Чижевский. Скульптор Миртала Бентов (Пилипенко). Бельмонт, Массачузеттс.

20 мая 1978 года, через год после кончины Дмитрия Ивановича, в Старом актовом зале Гейдельбергского университета состоялась церемония, посвященная его памяти. В «Ежегоднике Гейдельбергской академии» напечатана речь Людольфа Мюллера об ушедшем учителе: „*...Его потрясающая эрудиция породила впечатление о его необыкновенной любознательности и всезнании. Подробное изучение его сущности, его мышления, его трудов вызывает удивление огромностью накопленных библиографических, литературных, философских и историко-религиозных знаний. Его неисчерпаемая память даже на смертном одре была питаема беспрерывным чтением. Его жизненные интересы распространялись на все явления. Его острый разум открывал связи и распознавал цепочки аргументов, разгадывал путаницу и ошибочные решения. Его любящее и дорогое сердце в необозримо-большом богатстве бесценной духовности умело отличать мишуру от драгоценного, плевела от пшеницы, смертельный яд от питательного хлеба и освежающего вина*“. [Müller 1999]

В 2002 году мировая славистика отмечала 25-летие со дня кончины Д. И. Чижевского. 13–15 июня «Словенска книговня» (Прага) созвала научную конференцию «Дмитрий Чижевский. Личность и творчество». На конференции были заслушаны доклады на чешском, русском, украинском, английском и немецком языках сорока ученых-славистов из Чехии, России, Украины, Канады, США, Германии об исследованиях Дмитрия Ивановича в области философии и славянских культур. Среди участников конференции были и д-ра Людольф Мюллер (Эберхард-Карлс-Университет, Тюбинген) и Владимир Янцен (Мартин-Лютер-Университет городов Галле и Виттенберга). Д-р В. Янцен сделал сообщение о судьбе книжных собраний и архивов Д. Чижевского в Германии.

„О ЧЕМ ТЫ ВОЕШЬ, ВЕТР НОЧНОЙ?..“

„Совокупность явлений и действий, особым образом связывающих человека с тайным существом и силами мира, независимо от условий пространства, времени и физической причинности; это есть мистика реальная или опытная...“.

Владимир Соловьев [ЭС, 1896. Т. XIX, 454]

Двенадцатилетнему Фёдору принадлежат стихи, зрелости которых мог бы позавидовать любой маститый поэт:

Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб.
Добро иль зло творю - о том не рассуждаю.
Я много отдаю, но мало получаю,
И в имя же свое собой повелеваю,
И если бить хочу кого,
То бью себя я самого.

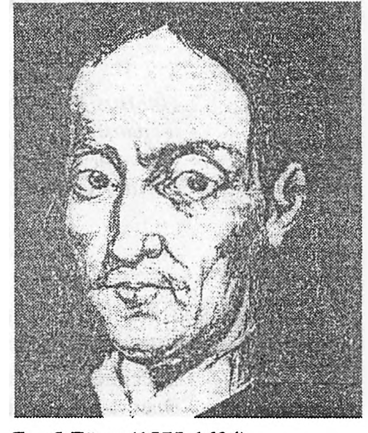
Экспрессия дуализма с рефлексией на автора: всесилен и слаб, властелин и раб, добро и зло в одном человеке, повелитель и экзекутор самого себя. Очевидно, что это перевод, но кто действительный автор? Ясно, что текст оригинала прежде чем произвести впечатление на юного поэта был высоко оценен учителем Фёдора Семёном Раичем. О каком первоисточнике идет речь?

В начале XIX века в Германии был переиздан труд философа Якоба Бёме «Три принципа божественных знаний», написанный за двести лет до того. В 1815 году в Санкт-Петербурге была издана «Christosophia или путь ко Христу, в десяти книгах, творение Иакова Бёме, прозванного тевтоническим философом». Перевод, предисловис и комментарии были выполнены А. Лабзиным. Любознательным учителю и его ученику названная работа Бёме была вполне доступна.

Примечательно размышление Бёме о дуализме души. Человек осознает себя принадлежащим одновременно к двум мирам: к светлому миру, в котором он сам образ и подобие Божье, велик и могущественен, царственно свободен, и к темному миру, в котором он ничтожен и слаб, рабски зависим от неизвестных обстоятельств, он капля в море загадочной стихии: „*Взирай человек, как в одном лице твоем смешано земное и небесное, и носишь ты в себе как земной, так и небесный*

образ: и затем претерпеваешь ты жестокую муку и несешь на себе уже адов образ, который прорастает в Божественном гневе из муки вечности". (Цитируется по [Böhme, Band 3. «Die drei Prinzipien göttlichen Wesen». S. 280.])

Вот те строки, которые были переложены на язык поэзии подростком Фёдором Тютчевым. В более поздней, уже зрелой поэзии, Тютчев многократно обращается к образам, навеянным философией Бёме.

Якоб Бёме (1575-1624).

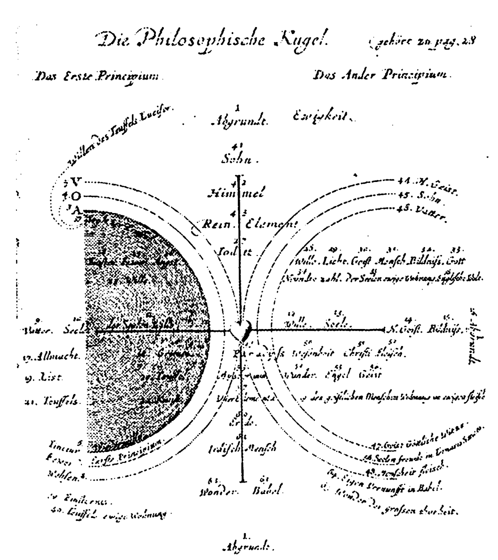
Кто он такой Якоб Бёме, под влиянием учений которого находилась европейская духовность XVII-XIX веков?

Бёме родился в 1575 году недалеко от Гёрлица (в Альтзейденберге) в семье бедных крестьян. Родителями он был обучен грамоте. На значительное образование денег недоставало. Его учили башмачному ремеслу, но мальчик пристрастился к серьёзному чтению. Книги ему попадались разные. Особенно большое впечатление произвели труды натурфилософа-мистика Вайгеля (1533-1588) и выдающегося исследователя Парацельса (1493-1541), врача, каббалиста, алхимика, астролога. Книги разбудили любознательность Якоба. Святое Письмо он уже знал хорошо и Учение об Иисусе принял всем сердцем, но его пытливость оставалась неудовлетворенной. Библейская картина мироздания юному ремесленнику казалась неполной, связь между Ветхим и Новым Заветами чересчур схематичной, духовные основы Учения детализированы не достаточно. Вопросов было много. Зачем, например, Богу понадобилось сотворить человека? Какого пола был Адам до появления Евы, да и нужна ли была Ева вообще? Как соотносятся Иисус и Адам? И прочее, прочее, прочее...

Знания Якоба не были отягощены богословскими догмами средневековья. Недостаточность образования юноша пытался компенсировать собственными изысканиями. В своих фантазиях молодой башмачник восполнял пробелы Святого Учения. В почти фольклорном звучании творил он новые основы христианского мироустройства, более стройного и духовного. Потомки назовут его язык варварским.

В Якобе пробуждалось божественное вдохновение: „*По собственным моим силам, я столь же слеп, как и всякий другой человек, и столь же немощен, но в духе Божьем видит врожденный дух мой сквозь все, однако же непостоянно, а тогда лишь, когда дух Любви*

Божьей прорывается через мой дух, и тогда становится животная природа и Божество единым Существом, единым разумением и светом единым. И не я один таков, а таковы все люди“. [Böhme, Band 2. «Aurora». S. 260]

Философский шар Бёме. Тёмная и светлая стихии жизни.

Якоб скромен. В терминах герметических знаний[1], каббалы, астрологии, алхимии и других непризнанных христианством сомнительных наук он на библейской основе создал общие основы пантеизма и религиозно-этического дуализма. Бёме дерзновенно в своем учении о Первочеловеке сблизил Христа и Адама. [Böhme, Band 5. «Mysterium magnum». S. 420.] Он разработал совершенно новые теософские учения: об андрогинном происхождении человека, об андрогинной первооснове души[2], о Софии - Божьей Премудрости, о единстве души и природы, о свойствах вещей и другие теории, необычные для своего времени. Его наблюдательный ум само-

---

[1] Герметизм – комплекс оккультных наук древней Греции, Персии, Египта. Слово герметизм происходит от имени Гермеса, бога знаний, в т. ч. тайных знаний. Гермес был единственным богом всеведущим и всезнающим, провозвестником высшего знания, скрываемого от людей. Он считался творцом и демиургом всего Космоса, устроителем Вселенной. Астрологические книги Гермеса посвящены космографии, порядку расположения звезд, времени появления Луны и Солнца. Гермес был покровителем таинств, магии, алхимии, обладал познаниями троякой философии мира и прозван *Трижды Величайшим из Великих*, Гермесом Трисмегистом. В Египте Гермес имел имена *Тот, Тути*. Друзья Тютчева, графы Лерхенфельды, прозывали Тютчева *Туту*.

[2] Андрогин - некое абстрактное высшее существо, обладающее одновременно свойствами мужчины и женщины. Понятие андрогина впервые введено в каббале. В живой природе свойства андрогинности встречается у некоторых цветов.

учки необычайно развился: „*Я не нуждаюсь ни в ваших приемах и способах, ни в ваших формулах, ибо не от вас научился я этому: у меня есть другой учитель - и учитель этот вся* ***Природа****. Не от человека или через человека, а у самой Природы учился я своей философии, астрологии и богословию*“. [Böhme, Band 2. S. 255.]

Французский математик, теолог и философ Блаз Паскаль (1623-1662) повторял эту же мысль Бёме о двойственности человеческой природы: „*Ни одна другая религия, кроме христианства, не осознала, что человек есть творение высочайшее и, в то же время, наиболее ничтожное*“.

Венцом созидания Бёме было учение о космичности человека, о макро- и микрокосмосе. По Бёме человек не дробная часть вселенной, не осколок её, а сам целая, хотя и малая вселенная, микрокосмос, в котором отображены все свойства макрокосмоса, вселенной большой, т. е. и макрокосмос, и микрокосмос взаимно отражены друг в друге и взаимовлияют друг на друга! Эти идеи трансформированы из «Изумрудной Скрижали», основы мистерий в герметизме: «*То, что находится внизу, подобно находящемуся наверху и обратно, то, что находится наверху, подобно находящемуся внизу, ради выполнения чуда единства. И так все вещи были и произошли от одного, точно так же все вещи начались в этой единственной вещи, посредством применения*».

Феноменальное творчество Бёме оборвалось с его кончиной на 49-м году жизни 17 ноября 1624 года (в Гёрлице).

Наполненные мистицизмом учения Бёма церковь не поняла и не приняла. Автор при жизни подвергался преследованиям, его сажали в тюрьму. Однако книги Бёме уже в XVII веке завоевывали многочисленных читателей. Жителям Германии, Голландии, Франции, Англии труды Бёме стали доступны на их родных языках, и европейцы поновому познавали красоту духовного мира через своеобразные открытия Бёме. В XVII и XVIII столетиях его последователи, бёмисты, основали секту «Ангельские братья». Распространителем идей Бёме в Англии было «Общество филадельфов». Известны аналогичные общества и в других странах.

Необразованный немецкий сапожник завоевал умы христианской Европы. Бёме, современник Галилея, Кампанеллы, Кеплера, Бруно, Декарта, Монтескье, творчески воспринял достижения их мысли и сам явился источником новых знаний для Лейбница, Ньютона, Фихте, Гегеля, Шеллинга, Фёйербаха, Ницше, Шопенгауэра, Юнга и даже Эйнштейна (Бёме предвосхитил теорию поля). В истории мировой культуры его имя стоит в одном ряду с названными выдающимися представителями человечества.

Влияние надконфессиональной мистики Бёме испытали все выдающиеся философы. Гегелевская триада (тезис, антитезис и синтез)

образно предвосхищена у Бёме в символе „*триединства*", получившим у него всеобщее значение: сумрачный огненный мир, яркий мир любви и света, видимый внешний мир. Многие высказывания Бёме выражают диалектическое существо вещей: „*Все, что имеет начало, имеет и конец*", „*Природа раскрывается в соревновании*", „*Жизнь возвышается над смертью, добро над злом, и зло, в свою очередь, над добром*".

Философ-идеалист Георг Гегель (1770-1831) так оценил Бёме: „*Его варварская форма изложения и выражения представляет собой борьбу его духа, его сознания с языком; содержанием этой борьбы является глубочайшая идея, указующая путь объединения абсолютнейших противоположностей*".

Мнение философа-материалиста Людвига Фейербаха (1804-1872): „*Якоб Бёме хотел нам разъяснить, как возникают Солнце, Луна и звёзды, огонь и вода, горы и камни, звери и люди, чесотка и проказа, короче, он хотел нам раскрыть все тайны астрономии, физики, геологии, физиологии и патологии. ...Его значительное содержание мыслей находится в связи не только со Спинозой и Картезиусом, но главным образом с философией нового времени*".

Известное влияние Бёме испытали Маркс и Энгельс, которые для обозначения жизненного духа, напряжения, муки (в смысле *мучение*) материи использовали термин из лексикона Бёме *Qual*.

В Россию книги Бёме проникли в конце XVII века, когда в Москву приехал его последователь, священник Кульман. Наивный пастор ничего дурного в мыслях не имел, только хотел просвещать россиян, а те по проискам недружественного духовенства взяли его да и сожгли. [ЭС, т. 5, 6. С. 415.] Факт редкий в русской истории, но действительный. В России существовал закон о соблюдении чистоты православия. Попытка обращения православного россиянина в иную веру, в частности, в иудаизм, каралась сожжением. [Законы] Учение Бёме было сплошь нашпиговано терминами каббалы и при религиозном фанатизме некоторых ретивых священнослужителей вполне могло быть воспринято как иудейское. Российские инквизиторы пытались сжечь несгораемое – идеи. В конце того же XVII века появились (подпольно!) славяно-русские переводы сочинений Бёме. В заглавии текстов было написано: „*иже во святых отца нашего Иакова Бемена*". Сохранились сведения, что некоторые из этих переводов тайно печатались в типографии известного просветителя Н. И. Новикова. В XVIII веке сочинения Бёме пользовались большой популярностью в лекциях московского профессора И. Г. Шварца (1782). Влиятельным распространителем идей Бёме в XIX веке были А. Ф. Лабзин, ученик Шварца, и С. И. Гамалея, правитель канцелярии московского главнокомандующего. [Гамалея]

Тютчев был восхищен мистической философией Бёме: *„Этот Яков Бём - один из величайших умов, которые когда-либо проходили земное поприще“*, - из письма к Д. Н. Блудову. [ЛН1, 178 (Кузина)] Частым собеседником Тютчева в Мюнхене был натурфилософ Фридрих Шеллинг (1775-1854), наследовавший от Бёме ряд идей. В Мюнхенском университете преподавал философию активный последователь и пропагандист мистических учений Якоба Бёме, профессор Франц Баадер (1765-1841). Баадер посещал Россию (в 1822 году), был дружен с берлинским знакомцем Тютчева Карлом Варнгагеном фон Энзе.

Вяч. Иванов и С. Франк прослеживают в творчестве Тютчева идеи космического чувства и дуалистического восприятия природы из мистической философии Бёме. В стихотворении «День и Ночь», написанном не позднее начала 1839 года, поэтическое изложение ощущений двойственности природы. Микрокосмосу и макрокосмосу присущи два состояния, символизируемые светлым и тёмным временем суток. Понятный детерминированный мир, мир законов Паскаля, Кеплера, Ньютона, в котором причины и следствия четко определены, правила конкретны, известны и ненарушаемы, - это светлый мир *Дня*. Под его *златотканым покровом* скрыт другой мир, *мир таинственных духов*, мир хаоса, непознаваемых загадочных явлений, страха перед вечностью. Это мир *Ночи*. В мире *Ночи* незримыми нитями связаны жизнь и бездна, бытие и темные потусторонние силы:

На мир таинственных духо́в,
Над этой бездной безымянной
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День - сей блистающий покров -
День - земнородных оживленье
Души болящей исцеленье,
Друг человека и богов!

Но меркнет день - настала ночь;
Пришла и с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ней и нами -
Вот отчего нам ночь страшна.

Природа бесконечна и непостижима, всесилен тот, кто подчинит Время. Тютчев знал ироничные строки Бёмё (подстрочник автора): *„Кому Время как Вечность // И Вечность как Время, // Тот свободен // От всех вздоров“*. [ЛН1, 179 (Кузина)]

От учений Бёме до оккультизма - меньше, чем один шаг.

Но немецкий философ был не единственным, кто повлиял на формирование мистических взглядов молодого Тютчева.

Гадалка Мария-Анна Ленорман в бельгийской тюрьме в 1821 году.

...С конца 20-х гг. Фёдор Иванович довольно часто посещал Париж. Он ещё застал там известную ясновидящую и прорицательницу Мари-Анн Ленорман (1772-1843), называвшую себя „*Сивиллой из Парижа*“. [Dimitriadis] Мари-Анн была и писательницей. Большинство книг Ленорман сжег ее племянник Александр, но 17 сочинений сохранились, и они вполне были доступны Тютчеву, например, фундаментальный труд об успехах современного ясновидения «Пророческие воспоминания Сивиллы», о посленаполеоновской реставрации династии Бурбонов «Ангел-хранитель Франции над могилой Людовика XVIII», о будущем русской монархии «Тень Екатерины II над могилой Александра I» и другие не менее интригующие пророчества. [Lenormand]

Предсказания парижской Сивиллы будоражили воображение поэта. Тютчеву рассказывали, что к Ленорман обращались люди всех сословий французского общества. Её слава вещуньи была столь велика, что к ней в дом за советами обращались известные политики и военные, священники и представители высшего света. Например, салон Мари-Анн посетил как-то Меттерних. Вместе с мадам де Сталь, ранее не верившей в прорицания, услугами салона пользовался всемогущий Талейран. В свое время побывал у Ленорман и Наполеон, тогда еще малоизвестный генерал. Мари-Анн предупредила Бонапарта, что его „*счастье составит женщина-вдова, разлука с которой принесёт страданья*". История с Жозефиной Богарнэ подтвердила это предвидение.

Карты и сверхъестественное чутье раскрывали Ленорман ужасную картину будущего Франции. Она угадала трагедию Людовика XVI, но и восстановление династии.

Однажды в квартиру к Ленорман на улице Турнон постучали три господина. Это были будущие главные персонажи истории Франции: Марат, Робеспьер и Сэн-Жюст. Они еще и сами не знали о той роли, которую им предстоит сыграть в судьбе страны, но ведунье уже был известен их рок. Раскинув карты, Мари-Анн не осмелилась произ-

нести ни слова. Марат ободрил ее: *„Не бойтесь, мы умеем жить и умеем умирать"* и положил вознаграждение. Она отбросила плату: *„Раз вы настаиваете, я скажу вам: через год вы все умрете насильственной смертью. Вы, Марат, умрете первым"*. ...13 июля 1793 года Марат был убит.

Робеспьера объял ужас. Началось! Он решает снова посетить Ленорман, он надеется услышать что-то успокаивающее, но карты Мари-Анн подтвердили смертельный приговор. 17 июня 1794 года Ленорман неожиданно арестовали. На ордере, предъявленном при задержании, она разглядела подпись Робеспьера: струсивший диктатор пытался обмануть судьбу. Мари-Анн ожидал эшафот. Её препроводили в тюрьму де ла Форс. (Здесь ей довелось познакомиться с фигуранткой своих ясновидений - Жозефиной де Богарнэ.) Робеспьер и Сэн-Жюст не избежали предсказанной им участи...

31 марта 1814 года объединенные армии стран, противников наполеоновской Франции, вошли в Париж.

Первый визит галантный император Александр нанес Жозефине, второй - мадмуазели Ленорман: русский монарх, увлекался оккультизмом. Ленорман очаровала государя.

В коллекции тютчевских мистических историй была и встреча царя с Сивиллой. Известная мемуаристка А. О. Смирнова-Россет, с которой был дружен Фёдор Иванович, так вкратце передала его рассказ об этом эпизоде.

Мари-Анн сразу узнала Александра: *„Вы умрёте вдали от Вашей столицы, - произнесла Ленорман глядя на огромные карты, - после Вас наступит продолжительное и мирное царствование, конец которого будет беспокоен. Теперь я вижу лишь пламя и огонь"*. [Смирнова-Россет, 372] «А вы будете повешены», - ответила в том же 1814 году Ленорман будущему декабристу С. И. Муравьеву-Апостолу на его вопрос о своей судьбе. [Вознесенская]

Ленорман приветствует возвращение Бурбонов. Вместе со сторонниками короля она направляется к площади Дофина, где начинается стихийный праздник, ее узнают: *„Это мадмуазель Ленорман, она предсказала этот день!"*.

К Ленорман нельзя относиться как к заурядной гадалке. Её феномен был принадлежностью французской жизни и культуры. Необъяснимый контакт с таинственными силами, непонятное с точки зрения здравого смысла безошибочное знание предстоящих событий повлияли на формирование мистического направления в литературе и философии. Сбывавшиеся её пророчества были сильным аргументом в пользу мистицизма. Влияние Ленорман на умы современников было без преувеличения огромным.

Не избежало его и русское общество. Императорский двор был буквально одержим спиритическими сеансами - столоверчениями,

и другими сверхъестественными, как сказали бы сейчас, паранормальными явлениями. Дочь Тютчева Анна, фрейлина будущей императрицы Марии Александровны, писала в свой дневник 29 сентября 1853 года: „*Факт тот, что столы вертятся, и что они пишут... Не подлежит, однако, сомненью, что получаемые ответы неопределенны и банальны: как будто духи, прибегающие к этому странному способу общения с людьми, боятся скомпрометировать себя... Столы, предназначенные к тому, чтобы служить средством общения с духом, имеют доски величиной не более дна тарелки, сердцевидной формы и стоят на трех ножках, из которых одна снабжена карандашом. Эта игрушка неизбежно поддается малейшему нажиму со стороны руки, якобы магнетизирующей стол, и легко проводит знаки на бумаге, которая принимает сообщения духов. Отсюда один шаг до невинного обмана, который невольно создается в уме увлеченного магнетизера...*". Анна Фёдоровна пытается понять и как-то объяснить самой себе явления, свидетелем которых являлась: „*Человека странным образом тянет ко всему сверхъестественному, и он необычайно легко обманывает себя самым честным образом, вот чем объясняется широкое влияние Калиостров*[1] *всех времен, и это создает огромный успех пишущих столов... я твердо верю в сверхъестественное, но именно поэтому я не могу допустить, чтобы сверхчувственный мир стал в зависимость от нашего воображения и нашей воли, чтобы люди делали из него салонную забаву*".

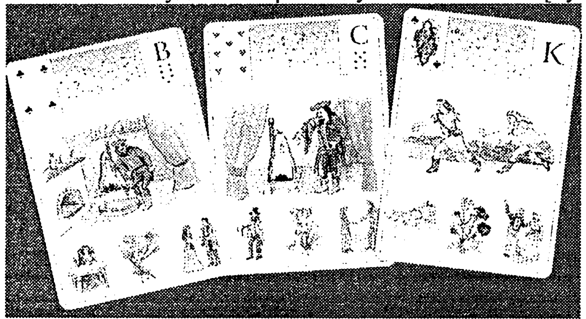
Дань широко распространенному среди образованных россиян мистицизму отдал и Ф. И. Тютчев. Фёдор Иванович, почитатель Бёме, в загадочных явлениях видел подтверждение той картине мироздания, в которой сосуществуют логичный порядок и хаос тёмных сил. Спиритическим увлечениям отца уделено много места в дневнике Анны за второе полугодие 1853 года. Вот запись от 14 ноября: „*Он с головой увлечен столами, не только вертящимися, но пророчествующими. Его медиум находится в общении с душой Константина Черкасского, которая поселилась в столе после того как, проведя жизнь далеко не правоверно и благочестиво, ушла из этой жизни не совсем законным образом (утверждают, что он отравился)*". [Тютчева, 122-129]

Князь Константин Александрович Черкасский, о ком Тютчев был много наслышан и с кем, вероятно, лично знаком, определенно не являлся для Фёдора Ивановича интересной личностью. Слава Черкасского была скандальной. Князь, картежный игрок, промотавший наследство, скрывался от кредиторов и полиции. Его таинственная вне-

---

[1] Калиостро Алессандро (подлинное имя – Джузеппе Бальзамо, 1743-1795), - знаменитый международный авантюрист, выдававший себя за мага. Был изобличен и изгнан из России. Осужден в Италии пожизненно как франкмасон. Погиб в тюрьме Сан-Лео.

запная кончина вызвала в обществе слухи и разные кривотолки: то ли он наложил на себя руки, то ли в два дня убрался от какой-то болезни. Граф М. Д. Бутурлин в «Записках», опубликованных спустя сорок четыре года, сообщая о таинственной смерти князя, добавлял, что одновременно в Париже при столь же необъяснимых обстоятельствах ушла из жизни сестра Черкасского - С. А. Рябинина. Софья Александровна якобы незадолго до своей кончины выразила недовольство духом покойного митрополита Филарета, к которому обратилась за советом в поисках удовлетворения душевной жажды. [Бутурлин]

Карты Мари-Анн Ленорман.

Непонятные случаи обыденной жизни чрезвычайно привлекали Фёдора Ивановича. В общем смятенная душа князя Черкасского была подходящей посредницей между вертящимся столом и миром иным. „*Странно,* - иронизирует Анна, - *что дух этого стола, как две капли воды, похож на дух моего отца; та же политическая точка зрения, та же игра воображения, тот же слог*". [Тютчев 1933-34, 480]

Однажды мистический дух стола разыгрался не на шутку и сочинил четверостишие, приличествующее патриотической эйфории, охватившей русское общество в преддверии Крымской войны:

Дни настают борьбы и торжества,
Достигнет Русь завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трех столиц.

3/15 октября 1853 года Тютчев писал Эрнестине: „*...Я вернулся из Царского, куда ездил за новостями, но все, что мне удалось узнать, это - подробности, правда, очень любопытные, о* ***вертящихся и пишущих столах*** (выделено в тексте – А. П.) *по-видимому, только одни столы и занимаются текущими событиями, ибо именно стол, отвечая на мой вопрос, написал мне самым красивым своим почерком, что в будущий четверг, т. е. 8/20-го этого месяца, появится манифест с объявлением войны. Итак, два важных вопроса должны будут сразу разрешиться самое позднее через пять дней (ибо сегодня 3/15 октября): во-первых, - вопрос о войне, а затем о том, - правду ли говорят*

столы". [Тютчев 1984, 197] Почерк медиума показался Фёдору Ивановичу красивее собственного... Чутье дипломата с подсказки неодушевленного стола не обмануло Тютчева: война Турции была действительно объявлена 20-го октября 1853 года!

Между тем над семейной жизнью Фёдора Ивановича собрались не менее грозовые тучи, чем на российском политическом небосклоне. Два выше поставленных вопроса Тютчев дополняет еще одним: „*Хотелось бы мне прибавить и третий, разрешение коего не перестает занимать меня посреди катастроф и чудес, но когда я спросил у стола насчет тебя, он набросал под моей рукой лишь фестоны и арабески, что меня вовсе не удовлетворило. Льщу себя надеждой, что в течение ближайшей недели я буду лучше осведомлен более обычным, но зато более точным путем - посредством письма, полученного по почте*". Лукавая ирония. Тютчев прятал за ней беспокойство, его тревожило, какое решение примет Эрнестина об их дальнейшей совместной жизни. Жена знала о любовном увлечении Фёдора Ивановича молодой Еленой Денисьевой. Тютчев напрасно ожидал от стола успокоительного ответа. Его не последовало. Замысловатые узоры *фестонов и арабесок* наводили на грустные размышления. Следующее *письмо, полученное по почте,* пришло уже не из Овстуга, а к печали Тютчева из Мюнхена... Бытие дало трещину, свет отделился от тьмы, покой от мятежности, любовь заветная, но, увы, увядающая, от *волшебной страстной ночи* любви омутной и завлекающей...

„*Что до папы, то он раздирается между Восточным вопросом и Эрнестиной*" - без эмоций констатирует Дарья в марте-апреле 1854 года. [ЛН2, 262 (Пигарев, Динесман)] Фёдор Иванович успокоится только через полгода, с возвращением Эрнестины из Германии. Страсти немного улягутся и он (в августе 1858 года) посвятит жене «Успокоение», перевод из Ленау.[1]

...Старшая дочь Анна любила отца, но к его занятиям спиритизмом относилась не только скептически, но и негативно. Она - истинная христианка, преданная благочестию и молитве. Недаром за глаза её прозвали „*всероссийской лампадкой*". Не могла она принять и оккультные увлечения двора: это не в ладах с христианством: Будущее в руках Божьих, оно не подвластно ни положению звёзд, ни сочетанью выпавших карт, ни колебаниям вертящихся столов.

Между дочерью и отцом назревал конфликт: „*Мы часами говорили об этом столе, отец страшно рассердился за мой скептицизм*". Анна упрекала Фёдора Ивановича в „*нетвердости в области религиозных убеждений и нравственных принципов...*". На неё большее впечатление произвели слова умирающей Софьи Николаевны Карамзиной, в компании с Фёдором Ивановичем ранее увлекавшейся спири-

---

[1] См. статью «Письма любви».

тизмом: „*Софи позвала свою горничную и сказала ей: «Даша, побожись сказать Тютчеву, чтобы он перестал заниматься столами, а то ему худо будет. Это большой грех перед Богом»*". (Из письма Анны младшей сестре Екатерине от июля 1856 года. [ЛН2, 284 (Пигарев, Динесман)])

Фёдор Иванович не уделял внимания религиозному воспитанию детей. Оно было делом Эрнестины. Оставаясь католичкой, та вырастила чад в духе русского православия. Дети Тютчева высоко ценили интеллект отца, но глубинные тайники его души были им непонятны, недоступны. Тютчевское религиозное мышление они воспринимали неполно и упрощено. Домашние сетовали, что церковь Фёдор Иванович посещает редко. Дочери, Анна и Дарья, не раз обсуждали поведение Фёдора Ивановича и тема недостаточной, с их точки зрения, религиозности и нравственности отца нередко звучала в семье.

Дарья, правда, понимала родителя лучше: „*...у папы ум благородный и глубокий, и если бы он стал на путь истины и все его привязанности, все его существо обратились бы к Богу, он смог бы любить людей христианской любовью, но в таком случае привязанности, связывающие людей одной крови, уже не смогли бы существовать для него - слишком мало у него себялюбия и слишком много аналитического ума*". (Письмо к Анне 19/31 августа 1855 года [ЛН2, 276 (Пигарев, Динесман)])

Струны сердца Дарьи более, чем у других сестер, резонансно откликались на душевные настрои отца: „*...его поэтическая суть поражает меня и очаровывает, - он точно совершенный инструмент, который отзывается на малейшее дуновение*". (28 августа/5 сентября 1855 года. [ЛН2, 278 (Пигарев, Денисман)])

У Анны, характеризующей ум Фёдора Ивановича, как „*такой пламенный, такой блестящий, такой острый, парящий так смело в сферах мысли и особенно воображения*", постепенно ослаблялись духовные связи с отцом. Она тяготела более к „*трезвому и рассудительному*" уму своей патронессы, великой княгини Марии Александровны: „*Какой душевный мир я испытываю, когда после этих столкновений с отцом, я нахожусь опять с ней, какое успокоение нахожу при соприкосновении с этой душой, чистой и прямой, с этим умом рассудительным и трезвым! Для нее религия не есть игра воображения, это сосредоточенная и серьезная работа всего ее внутреннего существа*". А для Тютчева религия, оказывается, лишь игра воображения! Ну и ну...[1]

---

[1] Исследованиям религиозных мотивов в поэзии Ф. И. Тютчева посвящены работы многих литературоведов России и Германии. См.: [Долгополова 1995], [Микушевич 1995], [Жирмунская], [Müller 2000].

Анна все более отдалялась от отца. В 1865 году о душевно сломленном после смерти Денисьевой Тютчеве Анна в менторском тоне писала Екатерине: „*Папа обижен на всех нас, и на меня особенно, за то, что не находит у нас сочувствия своему горю... но я не могу ни встать на его точку зрения, ни приобщиться к строю его мыслей. Все это кажется мне фальшивым*“. В июльских 1865 года дневниковых записях Анна с горечью отмечает: „*Я никогда не могу говорить о своем сокровенном с отцом, и потому, несмотря на привязанность его ко мне и мою к нему, несмотря на все хорошее, что я признаю в нем, я чувствую себя так глубоко и непоправимо чуждой ему*“. [ЛН2, 367, 375 (Пигарев, Динесман)]

Анне был чужд весь „*строй его мыслей*“, она не понимала, что Фёдор Иванович, увлекаясь мистикой столоверчения, пытается проникнуть в таинство возникновения нового знания о мироздании. Разуму поэта тесны собственные границы и тот пытается их расширить.

Еще в Мюнхене Тютчевым было написано стихотворении «Безумие»: за горизонтом разума „*безумье жалкое живет*“, это как бы сумасшествие, но в действительности безумию понятны знания, недоступные здравомыслию. Безумие мнит, что всё ему ведомо. Оно

<...> То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

Тютчев не был борцом за отстаивание своего мировосприятия природы. Он не искал единомышленников и оставался одинок. С Анной возникали бесполезные споры и болезненные для обоих столкновения. Он открывается лишь преданной Эрнестине, да и то осторожно. 16/28 ноября 1853 года Фёдор Иванович пишет ей в Мюнхен: „*...если бы я не боялся, моя киска, внушить тебе опасения за мой рассудок, я должен был бы рассказать тебе о некоторых явлениях, свидетелем коих я был с несколькими другими лицами, - явлениях, которые следовало бы иметь смелость назвать их именами, но смелости этой мне не достает. Я видел, я осязал чудо, столь же действительное, столь же неоспоримое, как и всякая другая действительность. Что бы ему не верить, я должен был бы отвергнуть свидетельство своих внешних чувств, но боязнь людского мнения еще сильнее, чем очевидность*“.

6/18 апреля 1854 года в дневнике Анны совершенно необыкновенные сведения: „*Мой отец находится в состоянии крайнего возбуждения, он весь погружен в предсказания стола, который по поводу*

восточного вопроса и возникающей войны делает множество откровений, как две капли воды похожих на собственные мысли моего отца, - далее на полном серьёзе. - *Стол говорит, что Восточный вопрос будет тянуться 43 года, что он разрешится только в 1897 году, когда потомок теперешнего императора вступит на константинопольский престол под именем Михаила I.*".

Правдоподобная мешанина морочила Фёдора Ивановича. Правда, не все предсказания стола попадали в „молоко". Были и такие: „*Наполеон III погибнет; после его смерти во Франции вспыхнет анархия, и красные на время возьмут верх, но скоро будут раздавлены*". [Тютчева, 135-136] Да это же почти в точности история Парижской Коммуны и франко-прусской войны! Стол чудесно предсказал то, что предчувствовал Фёдор Иванович.

Тютчев для Вяземского был абсолютным авторитетом в прогнозировании политических событий. По поводу напряженности, предшествующей Крымской войне, Вяземский в феврале 1854 года спрашивал Плетнева: „*Хотелось бы мне послушать Тютчева. Что говорит он о всем этом и что из этого предвидит?*". [ЛН2, 260 (Пигарев, Денисман)]

О даре пророчества поэта часто пишут жена и дочери Фёдора Ивановича. „*Я совершенно поражена острой проницательностью его взгляда на будущее и на предстоящий ход истории. Но помимо его гения философского, исторического и пророческого, его поэтическая суть поражает меня и очаровывает*" - так восторженно и любовно Дарья писала об отце 23 августа/5 сентября 1855 года. Тема предчувствий довольно частая в поэзии и переписке Тютчева.

Брак Фёдора и Элеоноры был по-своему счастливым, но любовь была односторонней: „*...никогда ни один человек не любил так, как она меня*" (Тютчев родителям в 1837 году). Элеонора боролась за счастье своей семьи. Ее бытие подвергалось смертельному риску. Духовно и физически она устала от этой борьбы. Ослабевшая Элеонора угасла... Тяжелым грузом на сердце Фёдора Ивановича была вина перед Элеонорой, которой он не мог ответить такой же любовью, какую она питала к мужу. В переводе гейневского стихотворения «Кораблекрушение» предвидение трагического крушения идеалов.

В ключе тютчевской идеи противопоставления и неразрывности Любви и Смерти звучит стихотворение „*С какою негою, с какой тоской влюбленный...*" (1838), которое заканчивается словами, обращенными к Эрнестине:

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась
Иль в сон иной бы перешла.

Им обоим, Фёдору и Эрнестине, предназначалась общая *будущность*. Этих провидческих строк не знала „*последняя любовь*“, Елена Денисьева, которая настаивала на своей *будущности* с поэтом. Тютчев был старше Денисьевой на 23 года. Но его тревожило предчувствие, что из жизни Леля уйдет молодой. Предчувствие, к несчастью, оправдалось: 4-го августа 1864 года Елена Александровна скончалась от скоротечной чахотки. Горестный Тютчев 8/20 декабря писал из Ниццы поэту Якову Полонскому: „*...и я тогда же, помнится, говорил ей: «Боже мой, ведь может же случиться, что все эти воспоминания - все это, что и теперь уже так страшно, придется одному из нас повторять одинокому, переживши другого», но эта мысль пронизывала душу - и тотчас же исчезала*“. [Тютчев 1984, 272] В неразрешимо-противоречивый узел связались отношения Тютчева с Денисьевой. Он знал, что на эту любовь „*нет Божьего согласья*“. Фёдор Иванович предвидел ужасную развязку и страшился её.

В общей судьбе Фёдора Тютчева и его второй жены, Эрнестины, происходил целый ряд событий, мистически-загадочная закономерность которых целенаправленно выстраивала линии жизней обоих супругов. Удивителен калейдоскоп многих „своевременных случайностей“. Например, вопреки своим желаниям в роли доброго ангела нечаянно выступал недружественный министр, граф К. Нессельроде. Министра раздражали острословие и эпиграммы поэта. Но решения министра давали противоположный эффект!

Граф отказывал посланникам И. Потемкину и Г. Гагарину, опекавшим Фёдора Ивановича, в их просьбах о его переводе из Мюнхена, понимая, что они просили во благо Тютчеву. В 1837 году Нессельроде направил Тютчева на службу не в Вену, куда на вакансию Фёдор Иванович подавал прошение, а в Турин. Благодаря этим отказам Фёдор оставался в Мюнхене рядом с любимой, а назначение в Турин был вообще большой удачей, т. к. очень близко от Турина, в Геную, еще ранее переехала Эрнестина! Воистину „*Нам не дано предугадать, // Как наше слово отзовется...*“!

Поразительны обстоятельства первой встречи Фёдора и Эрнестины на Fasching'е 1833 года: вещее прощание барона Дернберга на балу (барон Тютчеву: „*Поручаю Вам мою жену*") и последовавшая через два дня его кончина. Судьба неуклонно способствовала соединению Фёдора и Эрнестины и жестоко-неумолимо, иногда беспощадно-трагически, противодействовала их разлуке.

Рождение высокой поэзии Тютчева органично вплетено в роковые коллизии его семейной жизни.

Тютчевскому творчеству в XIX столетии грозила участь забвения. Многие писатели и поэты через 25-50 лет оказывались полузабытыми или вовсе утраченными для культуры. При жизни Фёдора Ивановича его имя в литературной критике упоминалось редко:

Д. Дубенский (1828), И. Киреевский и А. Пушкин (1830), Н. Некрасов (1840).

Угрозу памяти Тютчева поняла Эрнестина. Она знала высказывание И. Тургенева, который, отдавая должное поэтическому таланту её мужа, предрекал: „*...популярности мы не предсказываем г. Тютчеву*“. [Тургенев] С ним солидаризовался и А. Фет, друг Фёдора Ивановича: „*к зырянам Тютчев не придет*“. Афанасий Афанасьевич писал В. Гаевскому 20 июля 1884 года: „*...мое Солдатенковское издание в 2400 экземпляров в 10 лет не разошлось. То же с великим Тютчевым*“. [ЛН2, 431 (Пигарев, Динесман)]

Единственное упоминание Белинского о Тютчеве встречается лишь в примечании статьи о Д. Давыдове. [Белинский ПСС] В статье о русской поэзии Гоголь назвал Тютчева в числе других поэтов, у которых „*собственный поэтический огонь и благоуханные движения душевные*“ зажжены Пушкиным. [Гоголь]

Зато в 1846 году о Тютчеве примечательно писал критик Валериан Майков: „*...переводы* (Плещеева) *из Гейне напомнили нам одного русского поэта, которого никто не помнит. В мое время, лет десять назад, его стихи и обратили на себя внимание людей со вкусом и поэтическим тактом. ...Видеть забвение истинно-поэтических произведений еще прискорбнее, чем видеть появление бездарных виршей, вооруженных самолюбивыми претензиями. Стихотворения, о которых мы говорим, напечатаны в «Современнике» 1836 и 1837 гг. под названием «Стихотворения, присланные из Германии» и принадлежат автору, подписавшему буквами «Ф. Т.». Там они и умерли... Странные дела делаются у нас в литературе!*“. [Гиппиус] Только в 1884 году появилась большая литературоведческая и биографическая статья И. Аксакова «Биография Ф. И. Тютчева». Но Тютчева уже начали забывать, и статья была замечена лишь узким кругом любителей поэзии.

Все силы Эрнестина потратила на достойное посмертное издание полного собрания стихотворений мужа. На рубеже столетий благодаря этим публикациям сочинения Тютчева попали под самое пристальное внимание поэта и религиозного философа Владимира Соловьева, первооткрывателя философичной многогранности тютчевской поэзии. Идеи Тютчева питали русскую философскую мысль. Известно, что популярность определяется не количеством публикаций, а числом ссылок на них. Ученики и последователи В. Соловьева, философы С. Франк, Вяч. Иванов, В. Зеньковский, Г. Флоровский, Д. Чижевский и др., практически в каждой работе аргументировали свои выводы примерами из тютчевской поэзии. Благодаря Эрнестине XX век услышал, понял и принял Тютчева. В этом была ее главная миссия перед Россией. Никто другой из тютчевского окружения с таким высшим предназначением не справился бы... Линия мистических загадок

не прекратилась с завершением бытия Фёдора Ивановича и его близких.

В XX столетии жила баварская баронесса Пия Риттер-цу-Грёнештайн (1926-1997), которая оказалась праправнучкой одновременно обеих жен Тютчева: Элеоноры и Эрнестины! Мать баронессы, урожденная графиня Мария Монжела, была потомком Элеоноры (Мария приходилась также внучкой Ивану Озерову (дадьнему родственнику Тютчева), а отец баронессы, барон Иоганн Ридерер фон Паар-цу-Шёнау, - потомком Эрнестины. Уникальный объединенный генотип передан баронессой через ее пятерых детей в будущее... (У этих пятерых сейчас своих двенадцать!) Дочь Пии, Тереза, живет в Мюнхене. Ее муж, граф Норберт фон Штильфрид-унд-Ратониц, праправнук графини Ипполиты Рехберг, последней владелицы рехбергского дворца на Гакенштрассе 7. В этом доме в 1828 году жил Г. Гейне, а в 1844 году – Тютчев. 9-го марта 1838 года Ипполита, прапрабабка Норберта, написала в Женеве портрет Тютчева, единственное живописное изображение Фёдора Ивановича за все 20 лет его проживания в Мюнхене

В мюнхенском цикле Тютчевым были созданы наиболее зрелые стихотворения глубокого философского содержания. Одно из них „*О чем ты воешь, ветр ночной?..*“. Поэт в тревоге обращается к ночной непонятной стихии. Рождаются мысли, наполненные беспокойством, в природе и душе шевелится темный хаос... „*О! бурь заснувших не буди...*“: загадкам мироздания нет разгадок! Стихотворение вдохновило композитора Николая Метнера на создание сразу двух сочинений: романса и романтической сонаты, одних из лучших музыкальных произведений тютчевианы:

О чем ты воешь, ветр ночной?
О чем ты сетуешь безумно?
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке -
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О! страшных песен сих не пой!
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О! бурь заснувших не буди -
Под ними хаос шевелится!..

ЭПИЛОГ

На древе человеческом высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!

Ф. И. Тютчев. «Памяти Гете». 1832.

Гигант Гёте был для Тютчева олицетворением немецкого гуманизма. Среди переводов иностранной поэзии на русский язык гётевское творчество было на первом месте. Тютчевский отклик на кончину Гете (в 1832 году) - эпиграф к жизни и творчеству самого Тютчева, слова, которые могут быть начертаны на памятнике русскому поэту, эпитафия Тютчева самому себе. Тютчев принял от Гёте эстафету философского восприятия мирозданья в поэтической форме. Иван Тургенев в «Современнике» проводил параллели между личностями Тютчева и Гёте: „*...г-н Тютчев, принадлежащий к поколению предыдущему, стоит решительно выше своих собратьев по Аполлону. ...от его стихов не веет сочинением, они все кажутся написанными на известный случай, как того хотел Гёте, т. е. они не придуманы, а выросли сами, как плод на дереве*". Музыкально-лирическая простота поэтического изложения ощущений и неординарного восприятия природы, душевного внутреннего мира у Тютчева уникальна и не имеет аналогов в мировой поэзии. Поэту была дана феноменальная способность творения Гармонии Слова, талант совершенства смыслового содержания и поэтической формы, соответствия высоких замыслов и стройности их изложения. Его предназначенье - возвышать души, *лить примирительный елей* на бунтующее море стихийного пламенного человеческого раздора («Поэзия» 1850). Некрасов считал Тютчева равным Пушкину: „*...с третьего тома «Современника» начали появляться стихотворения, в которых было столько оригинальности мысли и прелести изложения, столько, одним словом поэзии, что казалось, только сам издатель журнала* (т. е. Пушкин) *мог быть автором их. Но под ними весьма четко были выставлены буквы Ф. Т. и носили они одно общее название «Стихотворения, присланные из Германии». ...мы решительно относим талант господина Ф. Т. к русским первостепенным поэтическим талантам*". Отсутствие у Тютчева тщеславных желаний - жажды известности, уважения, общественного признания - совершенно поразительны. Иван Гагарин писал Александре Бахметьевой осенью 1874 года: „*В этом хилом теле обитал ум, принадлежащий к числу самых замечательных. Нисколько не ценя себя выше других, он, казалось, не относился серьезно к самому себе. Он признавал, что является в высшей степени unpraktisch* („непрактичный" нем.), *весьма этим огорчался, но знал, что тут ничем не поможешь, и вознаграждал себя тем, что питал некоторое презрение к натурам положительным и практическим*, - далее И. Гагарин пишет. - *Его не при-*

влекали ни богатства, ни почести, ни даже слава. Самым глубоким, самым заветным его наслаждением было наблюдать зрелище, которое представляет мир, с неутомимым любопытством следить за его изменениями...".Первый сборник под названием «Стихотворения Ф. Тютчева», изданный по настоянию и под редакцией И. Тургенева, был опубликован только в 1854 году. Тютчеву - 51 год. Ещё в марте 1850 года Фёдор Иванович писал М. П. Погодину о неохотности издания своих стихов: „*Вы меня балуете вашими одобрениями и могли бы опять пристрастить к виршам, но какой может быть прок в гальванизированной музе?*". Через 18 лет(!) тому же адресату последовало, наконец, ожидаемое послание, но в тютчевской манере:

Стихов моих вот список безобразный –
Не заглянув в него, дарю им вас,
Не совладал с моею ленью праздной,
Чтобы она хоть вскользь им занялась...
В наш век стихи живут два-три мгновенья,
Родились утром, к вечеру умрут...
О чем же хлопотать? Рука забвенья
Как раз свершит свой корректурный труд.

Данные четверостишия были написаны на шмуцтитуле сборника тютчевских стихов 1868 года, втором прижизненном издании, когда автору было уже 65 лет! Погодин многозначительно ответил поэту, что его стихи „*...родясь утром, не умирают вечером, потому что чувства и мысли, их внушающие, принадлежат к разряду вечных*".

Надо отдать должное августейшим особам, которые с большим уважением относились к тютчевской поэзии. Дочь Тютчева Дарья в декабре 1860 года писала, что к ней обратилась императрица Мария Александровна: „*Вот книга, принадлежавшая императрице.*[1] *Она будет вам дорога́. Мне очень хотелось бы иметь такой же экземпляр стихотворений вашего отца*". Через полгода аналогичная просьба: „*Мне хотелось бы иметь копию стихов вашего отца, которые растрогали государя* (Александра II). *Надеюсь, что их напечатают, но нужно это сделать помимо вашего отца*". Ей принадлежала первая книжка Тютчева 1854 года.

Удивительные суждения высказывали Дарья Федоровна Тютчева о своем отце: „*...Он представляется мне одним из тех недоступных нашему пониманию изначальных духов, что исполнены разума, проницательности и огня.. Он совершенно вне всяких законов и общепринятых правил!*".

Любящая Эрнестина во все времена нелёгкой совместной жизни всегда неизменно отстаивала авторитет мужа. Она более, чем другие люди, понимала неординарность личности Тютчева. В её письмах никогда не встречаются бытовые наслоения, сетования на семейные неурядицы. Эрнестина резко негативно относилась к сплетням и критическим замечаниям в адрес мужа, но сама иронично-снисходительно воспринимала его недостатки, высказывалась и писала о нём только с чувством восхищения: „*Но*

---

[1] Александра Фёдоровна, жена Николая I, скончалась 21 октября 1860 года.

если даже ему и присущ дар политика и литератора, то нет на свете человека, который был бы менее, чем он, пригоден к тому, чтобы воспользоваться этим даром... Это светский человек, оригинальный и обаятельный, но надо признаться, рожденный быть миллионером, чтобы иметь возможность, заниматься политикой и литературой так, как это делает он, т. е. как дилетант. К несчастью, мы не миллионеры...".

С большим уважением о Тютчеве писал Карл Пфеффель: „*В нем жили две натуры, очень различные: мистическая, с юности питаемая чтением Жозефа де Местра, которым он чрезвычайно восхищался, во всяком случае в молодости, и натура скептическая, развивавшаяся путем изучения немецкой философии. Под воздействием первой он поднимался до вдохновения, и его естественная прозорливость становилась почти пророческой. Под влиянием второй он возвращался на землю, обескураженный и обескураживающий, подавляемый страхом небытия и страстно цепляющейся за жизнь как за высшее благо...*". Театральный деятель, художественный критик и педагог Сергей Михайлович Волконский (1860-1937), сохранивший яркие детские воспоминания о встречах в гостиных с Фёдором Ивановичем, восклицал: „*Тютчев был представителем истинной и изысканной культуры: тип, и в то время редкий по ценности своей, а в наши дни не существующий <...> В нем, в его культурности, жила глубокая наследственность - рядом с славянской - наследственность латинская, германская <...> Тютчев, конечно, самый культурный из всех наших поэтов. Даже в Пушкине чувствую это меньше, чем в Тютчеве*". [ЛН2, 166-168 (Тимосов)]

Молодой Николай Гумилев преклонялся перед поэзией Тютчева, хорошо знал её, всегда носил при себе томик его стихов. На вопрос, почему они всегда при нем, „*милый друг, - растягивая слова, ответил он, растягивая слова, - ответил он, - а если я вдруг забуду и, не дай Бог, исказку его слова, это же будет святотатство*". [Тютчев 1952] Великие произведения побуждают к переосмыслению жизни, к новому её пониманию. Они становятся настольными, их перечитывают.

Друг Пушкина, Пётр Александрович Плетнев, характеризовал Тютчева в «Записке» для Академии Наук: „*В литературе нашей смотрят на Ф. И. Тютчева только как на одного из лучших Русских поэтов. Но молодое поколение писателей успело убедиться, какой тонкий и высокий критический ум соединяется в нем с поэтическим талантом*“. [Чагин 1999]

Лев Николаевич Толстой в молодости писал стихи, но как поэт не состоялся и всю жизнь поэзию более не жаловал. Но вот 28 декабря 1855 года Толстой записал в дневнике: „*Когда-то Тургенев, Некрасов и К° едва могли уговорить меня прочесть Тютчева. Но зато, когда я прочёл, то просто обмер от величины его творческого таланта*“. Позже, на склоне лет, в письме к М. М. Ледерле от 25 октября 1891 г., Лев Николаевич приводит список книг, которые произвели на него наибольшее впечатление в возрасте от 20 до 35 лет. В русской поэзии он отметил только трёх поэтов: Тютчева, Кольцова и Фета. [Гусев, 25 октября 1891]

Стыдливость тематики тютчевских стихотворений подчеркивает Иван Аксаков в биографическом очерке «Федор Иванович Тютчев»: „*...бросается в глаза в поэзии Тютчева и резко отличает ее от поэзии современников в России - это совершенное отсутствие грубого эротического содержания. Она не знает их «разымчивого хмеля», не воспевает ни «цыганок» или «наложниц», ни чувственных восторгов, ни даже нагих женских прелестей. ...Мы уже знаем, какое важное значение в его судьбе, параллельно с жизнью ума и высшими призывами души, должно быть отведено внутренней жизни сердца. Но она отразилась в них только стороной чувства. ...Ни тени циничного ликования, нескромного торжеств, ветреной радости. ...На всем печать изящного вкуса, многосторонней образованности. В истории русской словесности Тютчев останется всегда одним из самых блестящих проявлений русского поэтического гения, его значение не померкнет*". Аксаков лично знал Фёдора Ивановича, восторгался его юношеской душой, незамутненная чистота которой была пронесена через всю жизнь. В дон-кихотстве Тютчева был секрет притягательности романтичной личности поэта для всех, кто был рядом с ним.

Выражая в изящной поэзии, *стихии между двумя безднами*, глубокие философские раздумья, проникновенные созерцания или бунтующие чувства, усмиренные стройной ритмикой, Тютчев не жаждал известности и славы. Многие годы, однажды почти десятилетие, он не публиковал ни одной строчки. Некоторые стихотворения Тютчева подписаны малопонятными криптонимами. Фёдора Ивановича не заботило создание литературного памятника себе. Кредо Тютчева было неизмеримо скромнее: поиск родственных душ, сочувствующих его поэтическому слову. Поэт ощущал недостаточность слова, как средства изложения мыслей, но понимал, что нет иного способа самовыражения, как только с помощью слова, он чувствовал и непредсказуемую значимость его силы, которая зависит лишь от таланта поэта. Но о таланте судить уже потомкам:

Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется, -

И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать

Желания Фёдора Ивановича были не тщеславны, но человечны: не кануть в полную безвестность, незримо присутствовать среди живых: vivos voco – зову живых!

Хотел бы я, чтобы в своей могиле,
Как нынче на своей кушетке, я лежал,
Века бы за веками проходили,
И я бы вас всю вечность слушал и молчал.

Тютчев услышан и воспринят XXI веком. Диалог Поэта с Жизнью продолжается...

„Мюнхен и Овстуг...“

Радуюсь встрече.
Поэзии воздух
Веет над нами - не им ли хмельны?
Как это славно, что Мюнхен и Овстуг
Словно бы заново породнены.

.В. Гамолин,
10-11 июня 2000 года, село Овстуг,
40-й Всероссийский праздник Тютчевской поэзии.

Небольшое старинное брянское село Овстуг, родина Фёдора Ивановича Тютчева, - российская глубинка, до областного центра 35 километров.

Дом, в котором родился Фёдор Иванович, за обветшалостью был снесен еще во времена службы Тютчева в Мюнхене и тогда же была выстроена новая усадьба. Её он увидел уже после возвращения на родину, в 1846 году. [Алексеев, 75]

31 августа 1846 гола Тютчев из Овстуга написал два письма: матери в Москву и жене в Петербург. Письмо к „*любезнейшей маменьке*“: „*Нечего говорить Вам, как я был взволнован, очутившись здесь после двадцатишестилетнего отсутствия. Но из всего моего овстугского прошлого я нашел лишь два обломка, которые еще кое-как держатся: старый дом и Матвея Ивановича. Но человек более крепок и лучше сохранился, чем строение. Что до нового дома, то он, право, весьма хорош, и вид со стороны сада очень красив. ...Я буду чрезвычайно счастлив, уверяю Вас, видеть здесь всех моих будущим летом*“. [Тютчев 1984, 118] После длительного отсутствия на родине Фёдор Иванович не узнаёт Овстуга, здесь многое изменилось, появились незнакомые люди, ему *невыносимо скучно* и он стремится к отъезду.

В длинном письме Эрнестине - незнакомые чувства оторванности от цивилизации: „*Милая моя кисонька, мне кажется, словно я пишу тебе с противоположного конца земли, и наивной представляется мысль, будто клочок бумаги, лежащий у меня под рукою, когда-нибудь до тебя дойдёт - до такой степени я чувствую себя как бы на самом дне бездны...*“. [Тютчев 1984, 119]

Та же грустная тональность встречи с давно ушедшим временем сохранилась и через три года в следующее посещение Тютчевым Овстуга:

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые
И где теперь туманными очами,

При свете вечереющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня. <...>
Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный
Был для души моей родимым краем -
Не здесь расцвёл, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
Все, чем я жил и чем я дорожил!

В Овстуге поэт страдал от вида обнаженной бескрайней бедности родины, не столь заметной в больших городах:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа -
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа! <...>

Тема *скудной природы*, рабской бездуховности крепостных людей, будет скорбно звучать ещё не единожды.

Но появится со временем и тема об Овстуге „*прелестном, благоуханном, цветущем, безмятежном и лучезарном*" (в письме от 23 июля 1854 года).

За все послемюнхенские годы Тютчевым в Овстуге были написаны 16 стихотворений, половина из них посвящены овстугской природе. Только однажды Тютчев посетил Овстуг зимой. Это было на Новый 1853 год. В Европе таких ослепительно красивых зим не бывает:

Чародейкою зимою
Околдован лес стоит -
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.
И стоит он, околдован, -
Не мертвец и не живой -
Сном волшебным очарован,
Весь окутан, весь окован
Легкой цепью пуховой... <...>

Но чаще всего Фёдор Иванович наведывался в Овстуг в конце лета - начале осени. В августе 1857 года Тютчев пленен „*шепотом дерев*", „*криком орлиным*":

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какою негой веет
От каждой ветки и листа! <...>

Осень всегда вызывала у Тютчева обострённое грустное чувство торопящегося бега времени, увядания собственной жизни. В тот же приезд

1857 года, возвращаясь из Овстуга в Москву, Фёдор Иванович написал любимое Л. Толстым - „*Есть в осени первоначальной...*“. Тютчеву - 54 года, желания не кипят, в сердце кровь легко и радостно не играет... Элегическая мелодия стиха - смирение перед неизбежностью угасания:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора -
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё - простор везде,
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь -
И льётся чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

Последний раз Фёдор Иванович был в Овстуге в августе 1871 года. Он гостил тогда в соседнем селе Вщиж у небогатой помещицы подполковницы Веры Михайловны Фоминой. [Алексеев, 115] Вщиж - древнерусское поселение на Десне, бывшая столица когда-то сильного удельного Вщижского княжества. Княжество было разгромлено татарским нашествием в 1238 году и более уже с тех пор не восстановилось. Картина запустения потрясла Фёдора Ивановича:

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь... <...>
Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаём
Себя самих - лишь грезою природы.

Ныне Вщиж - малоизвестный населённый пункт, в котором находится всего 8 дворов, гораздо менее, чем в тютчевские времена. В память о пребывании здесь Фёдора Ивановича недалеко от въезда во Вщиж установлен валун с высеченными на нём стихами Тютчева.

В отличие от Фёдора Ивановича Эрнестина приняла Овстуг сразу. Её утончённую душу покорили живописные просторы России: „*Я люблю русскую деревню; эти обширные равнины, вздувающиеся точно широкие морские волны, это беспредельное пространство, которое невозможно охватить взглядом, - всё это исполнено величия и бесконечной печали*“. [ЛН2, 249 (Пигарев, Динесман)] В июне 1857 года падчерица Дарья, влюблённая в Эрнестину, сделала запись в дневнике: „*Все в Овстуге полно маменькой, её прошлым, поэтичным, как сама её натура*“. Эрнестина приезжала часто и жила здесь подолгу. Ей нравилась сельская жизнь, при-

влекала хозяйственная деятельность в Овстуге. С ней рядом всегда были дети. Дарья в пожилом возрасте трогательно вспоминала: „*Овстуг, лето с его чарующим покоем и прохладой и милая моя маменька слились воедино в моем воспоминании, и когда я буду в глубинах моей души искать образ маменьки, - он напомнит мне о моей молодости в Овстуге, где я так много жила духовной жизнью, страдая и испытывая восторг*". [ЛН2, 100 (Пигарев)]

...Поэта уносил ураган страсти к Денисьевой, сил к сопротивлению не было: „*...нужно было бы не быть таким разбитым и лишенным воли, каким являюсь я, немощным и жалким выше всякого выражения... Я мог бы разжалобиться над самим собой, если бы отвращение, которое я сам себе внушаю, не превышало чувства жалости*". [ЛН2, 217 (Пигарев, Динесман)] И Эрнестина, беззаветно по-матерински преданная мужу, страдая и любя, ждала Фёдора. „*Задержки папá погружали ее в беспросветную тоску*", - из переписки Дарьи и Анны 19 августа 1855 года. Каждый приезд Фёдора в Овстуг был для Эрнестины и детей большим праздником: „*Если не считать грусти от разлуки с Любимым, я с благодарностью думаю об этих пяти месяцах, проведенных в мирном уединении... Если бы не надежда на свидании со всеми вами и на то, что мы опять окажемся вместе с Любимым, я могла сказать, что покину деревню с большим сожалением. Будь у меня муж, который мог бы жить вдали от света и интересовался бы управлением своих земель, я была бы безмерно счастлива*". [ЛН2, 321 (Пигарев, Динесман)] Это было риторическое пожелание. Эрнестина прекрасно знала, что Фёдор, светский человек, в помещики не годится. Он даже как-то пытался, но...

Шли годы. Дети подрастали, и младшая Мария была уже на выданье.

Летом 1863 года в Овстуге гостил друг и коллега Фёдора Ивановича поэт Яков Петрович Полонский. Он много здесь работал. Полонский был не только замечательным поэтом, но и неплохим художником и даже стажировался в Швейцарии. Сохранились рисунки и акварели тютчевского имения, выполненные Яковом Петровичем.

Полонский был вдов: в 1860 году после полутора лет яркой счастливой любви неожиданно скончалась его совсем юная жена Елена Васильевна. И хотя постепенно жизнь восстанавливалась, его душевное состояние ещё не обрело покоя.

Яков Петрович в Овстуге часто общался с 23-летней Марией и увлёкся умной и красивой дочерью Тютчева.

Кому адресовал 44-летний поэт столь необычную лирику того времени?

И рассудок, и сердце, и память губя,
Я не даром так жарко целую тебя -
Я целую тебя и за ту, перед кем
Я таил мои страсти - был робок и нем,
И за ту, что меня обожгла без огня,

И смеялась и долго терзала меня,
И за ту, чья любовь мне была бы щитом,
Да убитая спит под могильным крестом.
Всё, что в сердце моём загоралось для них,
Догорая, пусть гаснет в объятьях твоих.

Можно предполагать, что в 4-й строке имелась ввиду именно Мария, но стихи предназначались явно не ей. Она, возможно, и не знала об этом стихотворении, в её дневниках оно не упомянуто. Душевный настрой поэта, его незатихающая тоска по недавно усопшей любимой жене были, несомненно, Марии Фёдоровне ведомы. И вот через полгода Яков Петрович делает Марии официальное предложение.

Мемориальный музей-усадьба Ф. И. Тютчева в селе Овстуг Брянской области. Усадьба восстановлена в 1986 году по проекту заслуженного архитектора России В. Н. Городкова.

Однако молодой жизнерадостной девушке связывать свою жизнь с пожилым тоскующим *дядькой*[1] не очень-то хотелось. Она безоглядно, как это бывает только в молодости, влюбилась в красавца-моряка, мужественного героя Севастопольской обороны, капитана 1-го ранга Николая Бирилева. Полонскому Мария отказала. А зря...

Бирилев тоже не был юношей, всего на 4 года младше Якова Петровича. Его культурные запросы не шли ни в какое сравнение со вторым претендентом на руку и сердце дочери Тютчева. Но сердцу не прикажешь. Родители Марии были против этого брака. Эрнестина страшно негодовала. Тютчев в разговоре недоумевал: „*Что она нашла в нем? Он просто идиот - особливо к вечеру, - мозг его заметно потрясён контузией*“. [ЛН2, 373 (Пигарев, Динесман)]

---

[1] Полонский был высоким бородатым крупным мужчиной. *Дядькой* его прозвала хозяйка петербургского литературного салона Елена Андреевна Штакеншнейдер, с которой многие годы были дружны Яков Петрович и Фёдор Иванович.

До свадьбы Марии и Бирилёва Яков Петрович перестал бывать у Тютчевых. Сильная контузия Бирилёва давала себя знать. Предполагалось, что семейная жизнь контр-адмирала будет содействовать его излечению. Поначалу казалось, что оно так и есть. Но надежды не оправдались, припадки падучей болезни учащались. Менее года проживёт родившийся ребёнок. Из-за полученной в бою травмы Бирилев начнет утрачивать умственные способности. Мария стоически переносила болезнь мужа. „*...на бедную Мари больно смотреть. Она исхудала, измождена, кашляет, все ее существо исполнено мрачным унынием, хотя ни в словах, ни в каких-либо поступках оно не выражается*“, - из переписки Екатерины и Дарьи 26 мая /6 июня 1868 года. Тютчев через год писал Антонине Блудовой (17 июля 1869 года): „*Вот уже две недели, как этот бедный Бирилев собирается и не может умереть. Недавно на протяжении пятидесяти пяти часов у него было двадцать пять припадков, а он все еще жив...*“.

На восьмом году супружеской жизни, в 1872 году, несчастная Мария скончалась от чахотки. Флигель-адъютант пережил жену на 10 лет, но в госпитале.

По какому сценарию прошла бы жизнь Марии, не откажи она Полонскому?..

За два года до смерти Марии умер старший сын Фёдора Ивановича и Эрнестины, Дмитрий. Бытие Тютчевых было крепко настояно на страданиях...

3-го августа 1865 года после 8-летнего перерыва Фёдор Иванович направляется в Овстуг. 4-го августа предыдущего года скончалась *последняя любовь,* Елена Денисьева. Тютчев едет к жене, но его сердце не успокоено после страшной травмы потери Елены Александровны:

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?
Все темней, темнее над землею -
Улетел последний отблеск...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души не витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Душевная трагедия Фёдора Ивановича усугублена кончиной в мае 1865 года 14-летней Елены и годовалого Николая, детей Денисьевой и Тютчева.

Медленно продолжался период трудного примирения Фёдора с Эрнестиной. В унисон с подавленным тютчевским настроением невесело воспринималась овстугская погода. Живая душа природы переживает за поэта, *ночное небо угрюмо*, оно в *вялом безотрадном сне*. По дороге в

Овстуг из села Дятьково, где Тютчев 17 августа был по хозяйственным делам [Алексеев, 114], погода явно в гармонии с состоянием поэта:

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Короткая жизнь Марии Фёдоровны Бирилевой не прошла бесследно для Овстуга. В 1871 году на её средства при активном содействии Фёдора Ивановича в селе была открыто училище для крестьянских детей. Здание выполняло свои просветительские функции до 1954 года!

Еще в 1776 году дедом поэта, Николаем Андреевичем Тютчевым, в Овстуге строится каменная Успенская церковь с теплым приделом во имя св. Варвары. [Алексеев, 40] Летом 1871 года овстугские прихожане избрали Фёдора Ивановича почетным председателем попечительского совета при Успенской церкви. Почетными членами этого же совета были избраны Эрнестина, Мария и младший сын Иван.

С уходом их жизни Фёдора Ивановича осиротела усадьба Тютчевых. Члены семьи перестали посещать некогда любимое место отдыха. Жизнь покинула усадьбу, наступило полное запустенье и в 1914 году внуком, Николаем Ивановичем Тютчевым, дом был разобран на кирпич.

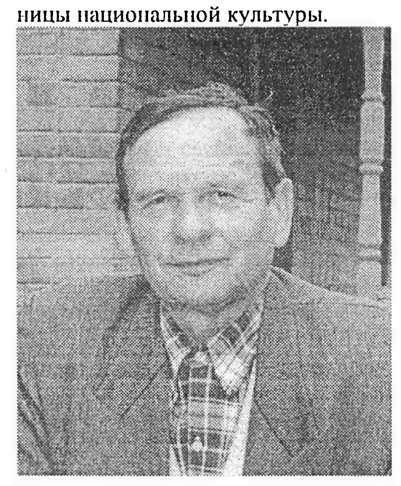
В 1942 году та же участь постигла Успенскую церковь, которая была взорвана оккупантами и обращена в щебенку для покрытия дороги Смоленск-Москва.

Память о великом русском поэте для овстужан священна. Инициатором создания тютчевского мемориала в Овстуге стал в 50-е гг. молодой местный учитель Владимир Данилович Гамолин. Ему довелось еще учиться и учительствовать в школе, созданной Марией и Фёдором Ивановичем. В 1954 году в Овстуге было выстроено новое большое школьное здание, а старое здание преобразовали в общежитие для учителей. Одну из комнат этого здания по инициативе Владимира Даниловича в 1957 году сделали музейной. С этой комнаты началась поступь мемориала Ф. И. Тютчева в Овстуге.

Пишет краевед Е. И. Прокофьев: „*В 1961 году Областной краеведческий музей передал овстужанам бюст Ф. И. Тютчева работы скульптора Г. Коваленко. Открытие бюста было решено провести в торжественной обстановке. А какое торжество, посвящённое памяти поэта, без стихов? ...Праздник поэзии, собравший до трёх тысяч зрителей, удался на славу. И ни у кого не возникло сомнений, когда поступило предложение сделать День поэзии ежегодным*“. [Прокофьев, 15]

День тютчевской поэзии в Овстуге явился началом традиции проведения в стране литературных праздников в честь других знаменитых

литераторов России. Благодаря энергичности Гамолина последовало восстановление парка. Сотни людей, потомки поэта (К. В. Пигарев), художники, работники музеев («Мураново» и др.), администраторы всех уровней, строители и просто поклонники тютчевской поэзии, активно поддержали энтузиазм главного инициатора и приняли участие в созидании сокровищницы национальной культуры.

Владимир Данилович ГАМОЛИН, директор-основатель музея усадьбы Федора Ивановича Тютчева в селе Овстуг.

В 1970 году экспозиция заняла всё мемориальное помещение бывшего училища для крестьянских детей. Через год, к столетию училища, Овстугская средняя школа имени Ф. И. Тютчева правительственным Указом была награждена орденом «Знак Почета».

В Дни поэзии 1981 года был заложен первый камень в фундамент копии усадьбы Ф. И. Тютчева, и через 5 лет пришла главная победа: торжественное открытие здания.

Бывшее училище для крестьянских детей перешло в ведение Брянского краеведческого музея.

Жизнь Фёдора Ивановича Тютчева соткана из случайностей, которые в своей совокупности оказывались вполне целенаправленными. Промысл Провидения направлен был не только на судьбу поэта, но и на деяния всех людей, способствующих увековечению его памяти. Неторопящееся течение истории ждало прихода Гамолина.

Понять личность Гамолина лучше всего через его стихотворное творчество. Удивительные поэтические строки рождаются у Владимира Даниловича. Сказать о Гамолине, что он поэт, почти ничего не сказать. Душа Владимира Даниловича - незамутнённое зеркало векового русского народного самосознания. Гамолин искренен в каждой строке своих стихотворных сборников. Процитируем «В сердце - Россия»:

Дожди ли цветы оросили,
Что вспыхнули в сумрачной мгле?
Стихи мои все - о России,
О милом мне с детства селе,
Об Овстуге, тютчевском крае,
О жизни, природе, любви.
Здесь славно в сиреневом мае
Поют на заре соловьи.

Неугомонный Владимир Данилович поставил перед собой новую цель: восстановление Успенской церкви (свидетелем разрушения которой он был). Нужны деньги. Размах фантазии и инициативы у Гамолина непредсказуемы. Поиск средств был и в России, и за её пределами.

В. Д. Гамолин увлёк своей идеей другого овстужанина, своего соседа, Б. М. Копырнова, вице-губернатора Брянской области, и оба они в октябре 1998 года отправились... в Мюнхен. Серьёзного плана не существовало. Надежда была на везение. Провидение не подвело...

Овстужане *случайно* познакомились с одним мюнхенским исследователем биографии и творчества Тютчева. Мюнхенец три дня показывал гостям баварскую столицу, но не современную, а Мюнхен первой половины XIX столетия, тютчевский Мюнхен.

По совету того же мюнхенца Гамолин и Копырнов нанесли визит Генеральному консулу Российской федерации М. А. Логвинову. Это было удачное решение со счастливыми последствиями.

Не поддаться обаянию россиян из брянской земли было невозможно, да и сам Михаил Аркадьевич был поклонником тютчевского творчества и неплохим знатоком мюнхенской биографии поэта. Генконсул ещё не знал, как он поможет овстужанам, но помочь хотел искренне. Гамолин взволнован и его впечатления о Мюнхене укладываются в строки:

<...> И всем живущим здесь привет
И низкий мой поклон.
Сбылась мечта давнишних лет
И в Мюнхен я влюблён.
<...> Мы верим, сбыться тем мечтам:
Красив, полувоздушен,
Как феникс, возродится Храм,
Что был в войну разрушен.

Через некоторое время на Брянщину приезжает некий господин Хаммер, представитель немецкой фирмы «Knauf». Д-р Г. Кнауф проживает в маленьком городке Ипгофен, недалеко от Вюрцбурга. Он - баварский финансовый магнат, владелец многих отраслей в Германии, в т. ч. строительной индустрии, прессы, музеев и один из крупнейших инвесторов в строительную промышленность России. За свои заслуги перед экономикой России д-р Кнауф был удостоен почетного звания «Общественный Консул России в Баварии». 11-12 июня 2000 года, во время 40-го праздника тютчевской поэзии, названный представитель фирмы «Knauf» г-н Хаммер был участником торжественного события: закладки и освящения первого камня в фундамент возрождающейся овстугской церкви.

21-го января того же 2000 года директор-основатель мемориальной усадьбы Ф. И. Тютчева Владимир Данилович Гамолин за заслуги перед Россией к 70-летию со дня рождения был награждён «Орденом Знак Почёта».

Об истории возникновения в селе Овстуг литературно-мемориального музея-усадьбы Ф. И. Тютчева с любовью пишет Е. И. Про-

кофьев: „*Не было и нет бесталанных мест на Руси. Проедешь ли, пройдёшь ли по её бескрайним просторам - в любом краю назовут тебе наперечёт своих именитых земляков, назовут литературные памятники и литераторов, прославивших историю края*". [Прокофьев, 3]

Эта мысль бесспорна, её можно подтверждать и развивать, но всё-таки много ли в России сёл, где на 800 душ населения приходится три художественных музея! В Овстуге: усадьба Ф. И. Тютчева, филиал областного краеведческого музея и картинная галерея братьев-овстужан академиков Алексея Петровича и Сергея Петровича Ткачевых, совершенно уникальных людей и живописцев. Престижные музеи страны почитают за честь экспонировать их творчество. Вся Брянщина знает: высокая одарённость жителей Овстуга - норма, а не отклонение! В связи с уникальным археологическим, историческим, культурным и природным значением окрестностей Овстуга, было принято решение о создании в „*овстугской округе*" мемориального заповедника.

Сборник Владимира Даниловича «В сердце - Россия» [Гамолин 1996] был прочитан в английском городе Уэрхеме славистом Джоном Дьюи. Реакция англичанина: „*...прекрасные стихи, которые читаю с удовольствием. Особенно нравятся, конечно, стихи об Овстуге, о деревенской жизни и природе, о самом Тютчеве - но и остроумные акростихи, сатирические стихи и т. д., в которых слышится крик души поэта, обречённого жить в тяжёлые для России времена. Каждый любитель поэзии Тютчева глубоко благодарен В. Д. Гамолину за то, что он восстановил усадьбу поэта. Но и помимо того отрадно знать, что земля, когда-то породившая великого Тютчева, породила и в наше время поэта, причём весьма достойного*". [Dewey, 11.11.1998.] Общаясь с жителями Брянщины, ощущаете глубокие российские корни таланта и духовности гениального овстужанина Фёдора Ивановича Тютчева.

5 декабря 2000 года Владимир Данилович написал стихотворное посвящение к 197-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева:

Мгновенья эти в сердце сохраните, -
Отныне Брянск с Поэтом породнён:
И встанет Тютчев в бронзе и граните,
Пропишется вот здесь навечно он.
Лицом на Запад, где, как праздник жизни,
В духовном взлёте молодость прошла;
Любовью пламенел к родной Отчизне,
Как мог, боролся против лжи и зла.
Плыть облакам над ним в небесной шири
И звёздам рдеть в ночи. Что за краса!
И тучи набегут - изменчиво всё в мире! -
И прогрохочет майская гроза.
Да сбудется мечта-задумка эта,
Ведь впереди - великий юбилей.
Да станет двухсотлетие Поэта
Прекрасным праздником для всех людей.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Азадовский, Тимчин	*Азадовский, К. М., Тимчин, Р. Д.* К биографии Н. С. Гумилева / «Русская литература» 1988, № 2. С. 171-173.
Аксаков 1884	*Аксаков, И. С.* Биография Ф. И. Тютчева / СПб. 1884.
Аксаков 1997	*Аксаков, И. С.* Биография Ф. И. Тютчева / Комментарии Г. В. Чагина. Репринтное издание. М. 1997.
Алданов	*Алданов, Марк.* Рашель / «Повесть о смерти». М. 1991. С. 293.
Алексеев	*Алексеев, В. П.* Тютчевский Овстуг. Очерк-путеводитель / Брянск. 2000.
Альтман	*Альтман, М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / Петербург. 1995..
Аринштейн	*Аринштейн, Л. М.* Пушкин. Видел я трех царей / М. 1999. С. 54.
Белинский	*Белинский, В. Г.* «Сочинения А. С. Пушкина». Статья 5-я.
Белинский ПСС	*Белинский, В. Г.* Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова / ПСС. М. 1954. Т. IV. С. 342.
Бенн	*Бенн, Готфрид.* Двойная жизнь / «Иностранная литература». 2000, №2.
Бёрд	*Бёрд, Роберт.* Вяч. Иванов и советская власть (1919-1929). Неизвестные материалы / «Новое литературное обозрение». № 40 (1999). С. 311
Богословский	*Богословский, Н. В.* Тургенев // ЖЗЛ, М. 1964. С. 45.
Бобринский	*Бобринский, Александр, граф.* Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи / С.-Петербург, 1890.
Бутурлин	Записки графа М. Д. Бутурлина / «Русский архив». Москва. 1897. Книга третья. Сс. 554-557.
Васильева	*Васильева, Л. Н.* Жена и муза / М. 1999. Письмо № 342. С. 197.
Вознесенская	*Вознесенская А.* Особый дар - читать чужие мысли / НЛО. 52, 2001.
Волошин	*Волошин, М. А.* Путник по вселенным / М. 1990. С. 19-29.
Галковский	*Галковский, Д. Е.* «Бесконечный тупик» / «Континент» 1995, № 81. Примеч. к с. 14.
Гамалея	*Гамалея, С. И.* Письма / Москва. 1832
Гамолин 1996	*Гамолин В. Д.* В сердце - Россия / Брянск. 1996. С. 131.
Гамолин 1998	*Гамолин В. Д.* Частное письмо автору от 11. 11. 1998.
Гейне	*Гейне, Генрих.* Собр. соч. в 10 томах. Л., 1959. Т. 10, с. 625.
Гиппиус	*Гиппиус, В. В.* Ф. И. Тютчев / «От Пушкина до Блока». М.-Л. 1966. С. 201-224
Гладкова / Лебедев	*Гладкова, Л. В., Лебедев, Е. Н.* Письма Ф. И. Тютчева к графу К. В. Нессельроде / Сб. «Тютчев сегодня. Материалы IV Тютчевских чтений» М. 1995. С. 155.
Гоголь	*Гоголь, Н. В.* В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность / ПСС. Т. VIII. С. 342.

Гречаная — *Гречаная, Е. П.* Баронесса Крюденер. Неизданные автобиографические тексты / М. 1998.

Гусев — *Гусев, Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого (1828-1890) / М. 1958

Дарский — *Дарский, Д. С.* Чудесные вымыслы. О космическом сознании в лирике Тютчева / М. 1914.

Деханов — Современники о Ф. И. Тютчеве: Сб. лит.-крит., мемуарных и эпист. материалов / Сост., подготовка текста и примеч. В. Г. Деханова. Тула. 1984.

Динесман — *Динесман, Т. Г.* Тютчев в Мюнхене. (К истории дипломатической карьеры) / «Тютчевский сборник II». Тарту. 1999. С. 121-201.

Дмитриева — Гейне в воспоминаниях современников / Сост. А. Дмитриева. М. 1988. С. 196.

Долгополова 1995 — *Долгополова, С. А.* Тютчевский миф о святой Руси / «Тютчев сегодня. Материалы IV Тютчевских чтений». М. 1995. С. 29-37.

Долгополова 1999 — *Долгополова, С. А.*. Русский поэт Фёдор Тютчев. Русско-немецкие культурные и семейные связи / Музей «Мураново». 1999. С. 25.

Долгополова / Юнггрен. — *Долгополова, С., Юнггрен, А.* Альбом-гербарий Э. Ф. Тютчевой как источник комментария / «Тютчевский сборник II». 1999. С.115-120.

Дубинский — *Дубинский, М.* Женщина в жизни великих и знаменитых людей / «Вестник иностранной литературы». Иллюстр. приложение. 1900. С. 140-142.

Жирмунская — *Жирмунская Т. А.* Библия и Тютчев / «Истина и жизнь» 1997, № 10. С. 46-51.

Жирмунская Т. А. «*Покров, накинутый над бездной*» / «Библия и русская поэзия». 1999. С. 87-101.

Законы — Полное собрание законов Российской империи / СПб. 1830. Т. X. 1737-1739. 7612.

Зеньковский — *Зеньковский, В. В.* Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей / Белград. 1-е изд. 1929. Париж. 2-е изд. 1955. С. 1-280.

Иванов 1910 — *Иванов, В. И.* Заветы символизма / «Аполлон», 1910, май-июнь.

Иванов 1971 — *Иванов, В. Н.* Александр Пушкин и его время / «Молодая гвардия», 1971, № 3. С. 465.

Иванов 1984 — *Иванов, В. И.* Славянская душа, обретшая Христа, - связующее звено между Востоком и Западом / «Логос». Bruxelles. 1984, № 41-44. С. 13.

Иванов 1985 — *Иванов, В. И.* Эссе, статьи, переводы / Bruxelles. 1985. С. 220.

Инсарский — Из записок В. А. Инсарского / «Русский архив». 1869. С. 1007

Книжник — *Книжник, Николай.* Словарь русских писательниц. 1759-1859 / «Русский архив». 1865. С. 1182.

Кожинов — *Тютчев, Ф. И.* Полное собрание сочинений в стихах и

	прозе /. Сост., предисл., статьи, примеч, В. Кожинова. 2000.
Колли	*Колли, Л. П.* Могила баронессы Крюденер в Крыму / «Известиях Таврической Ученой Архивной Комиссии». 1912, № 48.
Коньков	*Коньков, П. В.* Частные письма к автору
Коньков 2000	*Коньков, П. В.* Баронесса Варвара Юлия Крюденер (1764-1824) / Симферополь. 2000.
Котсовилис	*Котсовилис, К.* Греческая церковь в Мюнхене как храм Спасителю и эллинистская община / Докторская диссертация (на нем. языке). Мюнхен, 1999.
Лейбов	*Лейбов, Р.* «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст / Диссертация. Тарту. 2000. .
Летопись 1933	*Чулков, Г. И.* Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева / Под общ. Ред. Вал. Полянского. 1933.
Летопись 1999	Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. Книга первая. 1803-1844 / Научн. рук. Т. Г. Динесман. Составители: Т. Г. Динесман, С. А. Долгополова, И. А. Королева, Б. Н. Щедринский. «Мураново», 1999.
ЛН	Фёдор Иванович Тютчев. Литературное наследство / М. 1935. Т. 19-21
ЛН1 (автор публикации)	Фёдор Иванович Тютчев. Литературное наследство / М. 1988. Т. 97. Кн. 1.
ЛН2 (автор публикации)	Фёдор Иванович Тютчев. Литературное наследство / М. 1989. Т. 97. Кн. 2.
Лобанов-Ростовский	*Лобанов-Ростовский, А. Б.* Русская родословная книга / С.-Петербург. 1895. Т. 2. С. 154.
Лотман	Тютчевский сборник / Под общ. ред. Ю. М. Лотмана. Таллинн. 1990.
Микушевич 1995	*Микушевич, В. Б.* Как нам дается благодать? / «Тютчев сегодня. Материалы IV Тютчевских чтений». М. 1995. С. 55-68.
Микушевич 1995-1	*Микушевич, В. Б. „Я лютеран люблю богослуженье...“* / «Тютчев сегодня. Материалы IV Тютчевских чтений». М. 1995. С. 185.
Михайловский-Данилевский	*Михайловский-Данилевский, генерал-лейтенант.* Описание Отечественной войны 1812 года. Часть I, изд. третье. СПб. 1843. С. 383.
Мюллер	Мюллер, Людольф, д-р., проф. *Ежегодное послание к друзьям и коллегам* / Тюбинген. Февраль 2002 года. (Послание на русском языке.)
Некрасов	*Некрасов, Н. А.* Русские второстепенные поэты / «Поэт и гражданин». М. 1982. С. 96-112.
Николаев	*Николаев, А.* Загадка «К. Б.» / «Нева». 1988, № 2.
Носик	*Носик, Б.* Русские тайны Парижа / «Время и мы». М. - Нью-Йорк. № 149 (2000). С. 234.
Осповат 1994	*Осповат, А. Л.*. Тютчев и заграничная служба III Отделения / «Тыняновский сборник. Пятые тыняновские чтения». Рига-Москва. 1994. С. 130.
Отдел рукописей	*Отдел рукописей Российской Государственной библиоте-*

ки. Фонд № 308. Тютчев Ф. И. Ед. хр. 18. Л. 42 об.

Пигарев — *Пигарев, К. В.* Жизнь и творчество Тютчева / М. 1962.

Полонский 1998 — *Полонский, А.* Прогулки с Тютчевым по Мюнхену / Мюнхен-Киев. 1998. С. 188.

Полонский 1999 — *Полонский, А. Polonskiy, А.* Фёдор Тютчев. Мюнхенские годы. Fjodor Tjutschew. Die Münchner Jahre / Zentrum russischer Kultur «MIR». München. 1999. S. 156.

Прокофьев — *Прокофьев, Е. И.* Мемориальный музей-усадьба Ф. И. Тютчева в с. Овстуг Брянской области / М. 1988.

Пумпянский — *Пумпянский Л. В.* Поэзия Ф. И. Тютчева / Урания: Тютчевский альманах. Л., 1928. С. 9-57.

Пушкин — *Пушкин, А. С.* Отрывки из писем, мысли и замечания. 1828. ПСС в 10 томах / Л. 1978. Т. 7.

Пыпин — *Пыпин, А. Н.* Госпожа Крюденер / «Вестник Европы», 1869. VIII, IX.

РА 1869 — Воспоминания о П. Я. Чаадаеве / «Русский архив». 1869. С. 978.

РА 1897 — «Русский архив». Москва. 1897. Книга первая. С. 559.

Раевский — *Раевский, В. А.* Предки и потомки Пушкина и Толстого / Под ред. проф. К. М. Калли. Изд. 2-е. Published by the literary society. USA 1983. S. 57.

СБО РАН — Библиографическая справка СБО Петербургской библиотеки РАН от 28 июня 1999, заведующая СБО - Н. Сидоренко.

Смирнова-Россет — *Смирнова-Россет, А. О.* Воспоминания. Письма / М. 1990.

Соловьев — *Соловьев, В. С.* Поэзия Ф. И. Тютчева / «Вестник Европы». 1895, № 4. С. 735-752.

Соловьев, В. С. Поэзия Ф. И. Тютчева / «Исторический вестник». 1903, июль.

Старина и Новизна 1897 — «Старина и новизна». С.-Петербург. 1897. С. 209

Старина и Новизна 1914 — Письма Ф. И. Тютчева к его второй жене / «Старина и Новизна». С.-Петербург. 1914.

Степун 1914 — *Степун, Ф. А.* Граф А. Н. Толстой / «Северные записки». 1914, май. С. 95.

Степун 1949 — *Степун, Ф. А.* Памяти Вячеслава Иванова / «Возрождение». 1949, тетрадь 5. С. 163.

Степун 1956 — *Степун, Ф. А.* Бывшее и несбывшееся / Нью-Йорк. 1956. Т. 1. С. 144

Степун 1956/2 — *Степун, Ф. А.* Бывшее и несбывшееся / Нью-Йорк. 1956. Т. 2. С. 415.

Степун 1962 — *Степун, Ф. А.* Духовный облик Пушкина / «Вестник» 1962, № 65 (II). С. 1-7.

ТА — «Тютчевский альбом» / Авторы-составители: С. А. Долгополова и А. Е. Тархов. М. 1994.

Таркова-Вильямс — *Таркова-Вильямс, Ариадна.* Жизнь Пушкина. В двух томах / Париж. 1948. Том второй. С. 137.

Тарле — *Тарле, Е. В.* Наполеон / М. 1957.

Толстая — *Толстая, С. А.* Дневники в двух томах / М. 1978. Том пер-

вый, 1862-1900. С. 490.

Топоров — *Топоров, В. Н.* Заметки о поэзии Тютчева (Еще раз о связях с немецким романтизмом и шеллингианством) / «Тютчевский сборник: статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева» под ред. Ю. М. Лотмана. Таллинн. 1990. С. 32-107.

Тургенев — *Тургенев, И. С.* Несколько слов о стихотворениях Тютчева / В сб. «Статьи и воспоминания». М. «Современник». 1981

Тынянов — *Тынянов, Ю.* Вопрос о Тютчеве / «Архаисты и новаторы». 1923.

Тынянов 1977 — *Тынянов, Ю.* Тютчев и Гейне / «Поэтика. История литературы и кино». 1977. С. 350-403.

Тютчев — *Тютчев, Ф. И.* Стихотворения / Пред. П. И Бартенева. «Русский архив». СПб. 1883. 1886. 1899.

Тютчев, Ф. И. Сочинения: стихотворения и политические статьи / Подгот. вдовой поэта. СПб. 1886. Изд. 2-е. 1900.

Тютчев 1933-34 — *Тютчев, Ф. И.* Полное собрание стихотворений в двух томах / Редакция и коммент. Г. И. Чулкова. М. 1933-1934 гг

Тютчев 1952 — *Тютчев, Ф. И.* Стихотворения / Предисловие В. В Тютчева. Нью-Йорк. Изд-во им. Чехова, 1952.

Тютчев 1984 — *Тютчев, Ф. И.* Сочинения в двух томах. Т. 2. Письма / Составление, подготовка текста Л. Н. Кузьминой. Комментарии Л. Н. Кузьминой и К. В. Пигарева. М. 1984..

Тютчев 1987 — *Тютчев, Ф. И.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Н. Я. Берковского. Сост., подг. текста и прим. А. А. Николаева. Л. 1987.

Тютчев СН — Письма Ф. И. Тютчева к его второй жене / «Старина и Новизна». Книга XVIII. .

Тютчева — *Тютчева, А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник 1853-1855 гг. / Вступ. ст. и примеч. С. В. Бахрушина. Под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского. М. 1928.

Флоровский — *Флоровский Г. В.* Тютчев и Владимир Соловьев / «Путь». Париж. 1933. № 41. С. 3-24.

Франк 1913 — *Франк, С.* Космическое чувство в поэзии Тютчева / «Русская мысль». 1913. № 11. С. 1-31.

Франк 1923. — *Франк, С.* Космическое чувство в поэзии Тютчева / «Живое знание». Берлин. 1923.

Франк 1949 — *Франк, С. Л.* Светлая печаль / «Возрождение». Париж. 1949, май.

Чагин — *Чагин, Г. В.* Частные письма к автору.

Чагин 1996 — *Чагин, Г. В.* „*О ты последняя любовь...*“. Женщины в жизни и поэзии Ф. И. Тютчева / Санкт-Петербург. 1996. С. 173-179.

Чагин 1998 — *Чагин, Г. В.* Родовое гнездо Тютчевых в русской культуре и литературе XIX века / М. 1998.

Чагин 1999 — Ф. И. Тютчев в документах, статьях и воспоминаниях современников / Ред.-сост. Г. Чагин. М. 1999. С. 117.

Черейский — *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение / Л. 1988. С. 218.

Чижевский 1990	*Чижевский, Д. И.* С. Л. Франк, как историк философии и литературы / «Философская и социологическая мысль». 1990, № 11. С. 36-49.
Чулков	*Чулков, Георгий.* Императоры. Психологические портреты / ГИЗ. М.-Л., 1928. С. 213.
Чулков 1922	Тютчевиана. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф. И. Тютчева / Предисловие Георгия Чулкова. М. 1922.
Шик	*Шик, Александр.* Женатый Пушкин / Berlin. 1936. С. 68.
Щукинский сборник	«Щукинский сборник», 8, М. 1909. С. 425.
Эккерман	*Эккерман, Иоганн Петер.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / М. 1981. С. 308.
Элиасберг	Русский Парнас. Антологии русских поэтов / Составили Александр и Давид Элиасберг. Insel-Verlag. Leipzig. 1920.
ЭС	Энциклопедический словарь / Изд-во «Брокгауз и Ефрон». Санкт-Петербург. Том II. 1890.
Янцен	***Янцен, В.*** Спасти, сохранить и освоить О судьбе книжных собраний и архивов Д. И. Чижевского в Германии / Заметки для «Немецкой волны». С. 1-22. Галле. 2001
Alekseev	*Alekseev, M. P.* Nochmal über Tjutschev und Goethe / Zur Geschichte russisch-europäischer Literaturtraditionen. Aufsätze aus vier Jahrzehnten» Berlin (Ost) 1974. S. 132-137.
AT	Handels- und Gewerbs-Adress-Taschenbuch den Königlich-bayerischen Haupt- und Residenz-Stadt München
Archives	«Archives des Affaires étrangères, Suisse», janvier-avril, 1858. Перев. с фр. М. Жердиновской.
Bayern	Bayern und seine Armee/ Eine Ausstellung des Bayerischen Hauptstaatsarchivs aus den Beständen des Kriegsarchiv. München. 9. Juli - 30 August 1987.
BayHSA	Bayerische Hauptstaatsarchiv. Adelsmatrikel.
BayPA	«Königlich Bayerischer Polizei-Anzeiger von München»
Bem	*Bem, A.* F. I. Tjutschev und die deutsche Literatur / «Germanoslavica» Nr. 3 (1935). S. 382-387.
Birkenmaier	*Birkenmaier, Willy.* Biographisches Lexikon des Russischen Heidelberg / Heidelberg. 1998. S. 137.
Böhme	Jakob Böhmes sämtliche Werke. Sieben Bände. Leipzig. 1831-1847.
Bothmer	Nachrichten aus dem Leben des Grafen Karl von Bothmer, von ihm für seine Kinder geschrieben in Karlsruhe 1827 (Сведения из жизни Карла Ботмера для его детей, написаны в Карлсруэ в 1827 году)./ Manuskript. Копия документа хранится у потомка Карла Ботмера, Генриетты Ботмер (Нимбург/Везер, Нижняя Саксония).
Bothmer 2002	Письма Генриетты Ботмер к автору от 24.01.2002 и 03.02.2002.
BSB	Bayer. Staatsbibliothek, Abteilung für Handschriften und seltene Drucke, Ludwig I. Archiv, 4. Taschen Notizbücher mit gepressten Blumen.
Cazzola	Частное письмо проф. Пьетро Каццола автору от 9.06.2001.

Профессор П. Каццола, доцент кафедры русского языка и литературы Болонского университета, проживает в Турине.

Chevalley — *Chevalley, Sylvie.* Rachel / Paris. 1983. 410 P. Перев. с фр. М. Жердиновской.

Dewey — *Dewey, John.* Частные письма к автору.

Dewey 2001 — *Dewey, John.* Tiutchev and Amalie von Lerchenfeld: Some / Unpublished Documents «Slavonic and East European Review». London. 2001, No. 1. P. 15-39.

Dimitriadis — *Dimitriadis, Dicta.* Mademoiselle Lenormand / Paris. 1998. P. 255. Перев. с фр. М. Жердиновской.

Dornberg — *Dornberg, John.* Hitlers Marsch zur Feldherrnhalle / München-Wien, 1983. S. 51. *Hitzer, Friedrich.* Anton Graf Arco / München, 1988.

Dudek — *Dudek, G.* Der philisophische und künstlerische Gehalt der Gleichnisformen in F. I. Tjutschews Poesie» / «Zeitschrft für Slawistik». Berlin. 1958. Band III. S. 494-519.

Eliasberg 1922 — *Eliasberg, Alexader.* Russische Literaturgeschichte in Einzelporträts / Mit einem Geleitwort von D. Mereshkowskij. C. H. Beck. Muenchen. 1922.

Eliasberg 1923 — *Eliasberg, Alexader.* Bildgalerie zur russischen Literatur / Eingeleitet von Thomas Mann. Orchis-Verlag. München. 1923.

Etkind — Russische Lyrik. Gedichte aus drei Jahrhunderten / München-Zürich. 1981.

Eynard — *Eynard, Ch.* Vie de M-me de Krüdener, Paris. 1849, tome 1, p. 90. Перев. с фр. М. Жердиновской.

Frank — *Frank, S.* Das kosmische Gefühl in Tjutschevs Dichtung / «Zeitschrift für slavische Phililogie», 1926, Nr. 3. S. 20-58.

Ferber — *Fedor I. Tjutschev.* Die letzte Liebe. Последняя любовь. Gedichte auf Leben und Tod von Elena A. Denis'eva. Übersetzt von Christoph Ferber mit einem Nachwort von Ulrich Schmid / Zürich. 1993.

Fiedler — *Fiedler, F.* Aus der Literaturenwelt: Charakterzüge und Urteile; Tagebuch (Из литературного мира: вереница характеров и мнений. Дневник) / Herausgegeben von Konstantin Asadovski. Göttingen. 1996.

Frey — Russisches Biographisches Archiv / Editor A. Frey. 10. Lieferung. K. G. Saur Verlag München. 1997.

Genealogie 1977 — Genealogisches Handbuch des Adels. Freiherrliche Häuser A. Band IX / Starke Verlag. 1977.

Genealogie 1979 — Deutsches Familienarchiv. Ein genealogisches Sammelwerk. Neustadt an der Aisch. 1979. Band 72. S. 322.

Gerhardt — *Gerhardt, Dietrich.* Tjutschew als Duellant / «Wiener slawischer Almanach», Band 10, 1982. S. 79.

Goetz — *Goetz, Bruno.* St. Petersburg im Spiegel der russischen Dichtung / «Atlantis»- 1947, Nr. 6.

Görlitz — Standes-Erhebungen und Gnaden-Acte verliehen von den Landgrafen und Grossherzögen zu Hessen-Darmstadt seit 10. Juli 1816 von Hessen und bei Rhein / Görlitz. C. A. Starke. 1881. S. 519.

Görlitz/Quint	*Görlitz, W., Quint, H. A.*. Adolf Hitler. Eine Biographie / Stuttgart, 1952. S. 201, 203.
Grüning	Tjutschew, Fjodor. Gedichte / Poesiealbum 249. Übertragen von Uwe Grüning. Berlin. 1988. S. 32.
Guggenbichler	*Guggenbichler, Otto.* Fürstlicher Dachbodenfund / «Tegernseer Tal» Nr. 127, S. 40.
Habel	*Habel, Heinrich.* Denkmäler in Bayern / R. Oldenburg Verlag, München, 1991.
Hagenauer	*Hagenauer, Paul.* Rachel, princesse de théâtre et coeur passionne / Paris. 1957. 187 P. Перев. с фр. М. Жердиновской.
Harms	*Fjodor Tjutschew.* Russland und der Westen. Politische Aufsätze / Herausgegeben, aus dem Russischen übersetzt und mit einem Vorwotr versehen von Michael Harms. Berlin.1992
Hefner	*Hefner von, Otto Titan & Seyler, Gustav Adelbert.* Die Wappen des bayerischen Adels / Neustadt an der Aisch, 1971. Edelleute. Taf. 104.
Heine 1897	Buch der Lieder von Heinrich Heine / Leipzig. Verlag der Literaturwerke «Minerva». 1897. S. 68-69. Издание к 100-летию со дня рождения Г. Гейне.
Heine 1983	*Heine, Heinrich.* Neue Gedichte / Düsseldorf. 1983. Band 2.
Hentze	*Hentze, Jochim.* Frühe Glasnot-Ideen im Haus Karolinenplatz 1; Träume im Schatten des Obelisken. Von 150 Jahren schrieb Fjodor Tjutschew den berühmten Essay «Russland und Deutschland» / «Münchner Stadtanzeiger», No. 48. 2. Dezember 1993. S. 14).
Hermann, Ospovat	Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht 19. Jahrhundert: von der Jahrhundertwende bis zu den Reformen Alexander II. / Verlag «Wilhelm Fink». München. 1998.
Hitzer	*Hitzer, Friedrich.* Anton Graf Arco / München, 1988.
Jakobsohn	*Jakobsohn, S.* Tjutschev-Beiträge. 1. Der erste Brief Tjutschevs an Dr. Kolb, den Redakteur der Augsburger «Allgemeinen Zeitung» / «Zeitschrift für slavische Phililogie» Nr. 6 (1929). S. 410-416.
Jesse	*Jesse, Horst.* Die Geschichte der Evangelisch-Lutheranischen Kirchengemeinden in München und Umgebung 1510-1990 / Neuendettelsau. 1994.
Kampf 1814	Der heilige Kampf Deutschen. Mit chronologischer Angabe aller Schlachten vom 27. August 18122 bis zur Schlacht bei Hanau den 30. Oktober 1813. / 1814.
Katalog 1991	Russland in Würtemberg. Russisches Kirchengerät aus der Grabkapelle auf dem Rotenberg / Stuttgart, 1991
Kerndl	*Kerndl, A.* Studien über H. Heine in Russland. Die Bedeutung Heines für M. Lermontov und F. Tjutschev.
Klezok	*Klezok, Karl.* Heinrich Heine in München. Eine Ausstellung des. Stadt. Henrich-Heine-Gymnasiums anlässlich des 200. Geburtstages seines Namenspatrons am 13. Dezember 1997 / München. 1997. S. 71, 74.
Kopelev, Wiegand	Russen und Russland aus deutscher Sicht 19. Jahrhundert: von

der Jahrhndertwende bis zur Reichsgründung (1800-1871) / «Westöstliche Spiegelungen». Verlag «Wilhelm Fink». München. 1992

Krautz — Geschichte der bayerischen Heerabtheilung im Feldzuge gegen Russland 1812. Freunden der Geschichte erzählt von Th. Krautz / Augsburg. 1857-

Lane 1987 — *Lane, R.. C.* F. I. Tyutchev's service absenteeism and second marriage in the light of unpublished documents (1839) / «Irish Slavonic studies», 1987, No. 8. P. 6-13. Перев. с англ. Д. Дьюи.

Lenau — *Lenau, Nikolaus.* Werke und Briefe / Stuttgart und Tübingen. J. G. Cotta'scher Verlag. 1840.

Lenormand — *Lenormand, M.-A.* Les Souvenirs prophétiques d'une sibylle / Paris. 1814.

Lenormand, M.-A. L'Ange protecteur de la France au tombeau de Louis XVIII / Paris. 1824.

Lenormand, M.-A. L'ombre de Catherine II au tombeau d'Alexandre Ier / Paris. 1826.

Lettenbauer — *Lettenbauer, Wilhelm.* Der russischer Dichter Fjodor Tjutschew und München. / In «Monachium. Beiträge zur Kirchen- und Kulturgeschichte Münchens und Südbayerns» München. 1958. S. 199-211. Сборник посвящён 800-летию Мюнхена.

Ley 1959 — *Ley, Francis.* Le maréchal de Münnich et la Russie au XVIIIe siècle / Préface de Victor-L. Tapié. Paris, 1959. Перев. с фр. М. Жердиновской.

Ley 1971 — *Ley, Francis.* La Russie Paul de Krüdener et les soulèvements nationaux 1814-1858 / Paris. Hachette 1971. Перев. с фр. М. Жердиновской.

Liberman — On the Heights of Creation. The Lyrics of Fedor Tyutchev / Translated from the Russian with Introduction and Commentary by Anatoly Liberman. Greenwich-Connecticut-London. 1993.

Ley 1983 — *Krüdener de, Alexis, Baron.* Voyage en Italie en 1786. Notes sur l'Italie, la Savoie, la ville de Lyon et la Suisse / Traduction, présentation et notes de Francis Ley. Paris, 1983. Перев. с фр. М. Жердиновской.

Ley 1989 — *Maréchal de Münnich.* «Ebauche» du Gouvernement de l'empire de Russe / Commentaires et notes de Francis Ley. Préface du prince Michel Shakhovskoy. Genéve. 1989. Перев. с фр. М. Жердиновской.

Lux — *Lux, H.-P.* Das Tegernseer Tal. Haus Adlerberg / «Russische Spuren in Bayern». Mü. 1997, S. 33.

MCB — «Münchener Conversation Blatt». Nr. 342. 1832. 7. Dezember.

MM — «Münchner Merkur», Montag, den 22. Februar 1954, Nr. 45. Seite 3.

MIR 1997 — Russische Spuren in Bayern / Zentrum russische Kultur «MIR». München. 1997. S. 270. («Российские следы в Баварии»)

MPZ — «Münchener Politische Zeitung» 1832. 6. Dezember. Nr. 135.

S. 1096.

MSM — Münchner Stadtmuseum, Inventar-Nr.: MIV.899.

Müller 1979 — *Müller, Ludolf.* Russische Gedichte über Gott und Welt, Leben und Tod, Liebe und Dichtertum / Wilhelm Fink. München. 1979.

Müller 1999 — *Müller, Ludolf.* Частное письмо автору от 13. 12. 1999 г. с воспоминаниями о Д. И. Чижевском (на нем. языке).

Müller 2000 — *Puschkin, A. S.* Gedichte über Gott und Welt, Leben und Tod, Liebe und Dichtertum. / Ins Deutsche übertragen von L. Müller. Vorträge am Slavischen Seminar der Universität Tübingen, Nr. 31. Tübingen. 2000.

Müller 2001 — *Müller, Ludolf. „Im Meersrauschen klingt ein Lied...“* / Dresden. 2001. 150 S.

Müller-Schmitt — *Müller-Schmitt, Richard.* Fjodor Tjutschew. 125. Todestag / «Reclams Literatur Kalender 1998» Stuttgart. 1997. S. 42-46.

Müller-Schmitt, 2001 — *Müller-Schmitt, R.* Частное письмо к автору от 6. 04. 2001 (на русс. языке). К письму приложены 27 переводов стихотворений Тютчева, дополненные переводами из Набокова, Некрасова, Пушкина.

Münnich 1774 — Ebauche pour donner une Idée de la Forme du Gouvernement de l'empire de Russie. A Copenhague. 1774. Перев. с фр. М. Жердиновской.

Murken — König-Otto-von-Griechenland-Museum / NE: Murken Jan; GT // München. Bayerische Museen. Bd. 22. 1995. S. 30.

Nesselrode — Lettres et papiers du Chancelier Comte de Nesselrode / Paris, Lahure, 1908-1912 (11 voll.), tome II, pp. 29 et 148. Перев. с фр. М. Жердиновской.

Netscheporuk. — *Netscheporuk, Jewgeni.* Das russische Entdeckung der Schweiz: Ein Land in dem nur gute und ehrbare Leuten Leben / Zürich. 1989

Noe 1861 — Feodor Iwanowitsch Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Versmaassen des Originals dem Russischen nachgebildet von Heinrich Noé / München. 1861. Stadtbibliothek München.

Noe 1867 — *Noé, Heinrich.* Das Österreichische Seebuch / München. 1867.

Nostitz — *Tjutschew, F. I.* Ach, wie so tödlich wir doch lieben / Gedichte Deutsch & Russisch. Aus dem Russisch übertragen von Siegfried von Nostitz. Nachwort von Gerhard Dudek. München & Moskau. 1992.

Plank — *Plank, Rudolf.* Russische Dichtung. Ein Querschnitt und Übertragungen / Verlag C. F. Müller. Karlsruhe. 1946

Polonskiy — *Polonskiy, A.* Der Dichter Tjutschew - die Münchner Jahre / «Russische Spuren in Bayern». Zentrum russische Kultur «MIR». München. 1997. S. 35-58.

Polonskiy 1999 — *Polonskiy, A.* Fjodor Tjutschew - ein russischer Diplomat und Dichter in München» Archenoah / 1999, Nr. 1 (18).

Polonskiy DRK — *Polonskiy, A.* Der Dichter Fedor Tjutschew / «Deutsch-Russischer Kurier», Ludwigshafen, 1997, Nr. 1-12.

Polonskiy DRZ — *Полонский, А.* Дом на Герцогшпитальштрассе / «Deutsch-Russische Zeitung», Nr. 9. 1997.

Pustejovsky	*Pustejovsky, Maria.* Drei Scheiteln Holz / Tegernsee. 1987. S. 68.
Rothe	*Rothe, Hans. „Nicht was ihr meint, ist die Natur...“*: Tjutschev und das «Junge Deutschland ./ «Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa» («Исследование литературы и просвещения в восточной Европе»). S. 319-335. Gissen. 1978.
Röttgen	*Röttgen, Steffi.* Erinnerungsmale an König Ottos Abschied in Bayern / «Athen - München. Bayerisches Nationalmuseum, Bildführer 8». München 1980. S. 95-98.
SA	Archiv der Salvatorkirche. Hauptbuch für die griechische Kirche in München. Taufregister.
Schulze	*Schulze, Almut.* Tjutschevs Kurzlyrik / «Forum Slavicum». Herausgegeben von Dmitrij Tschyzewskij. Verlag «Wilhelm Fink»- München. Band 25. 1968.
Seemann	*Seemann, Klaus-Dieter* Russische Lyrik. Eine Einführung in die literaturwissenschaftliche Textanalyse / Verlag Wilhelm Fink. München. 1982.
Seidl	*Seidl, Wolf.* Bayern in Griechenland / München. 1981. S. 337.
Selden	*Selden, Camilla.* Heinrich Heine's letzte Tage / Jena. 1884.
Sommer	*Sommer, Erich-Franz.* Das Memorandum / Mü. 1981.
StA	Stadtarchiv München
Thies	*Thies, Hans Arthur.* König Ludwig I. und die Schönheiten seiner Galerie // München, 1977. S. 111.
Tschulkevitsch 1813	*Tschulkevitsch, P. A.* Betrachtungen über den Krieg von 1812. Nebst zwei Tabellen über die in Russland eingedrungene Macht unden von ihr in jeder Schlacht und Affaire erlittenen Verlust vom Anfange des Feldzuges bis den 1. Januar 1813 / St. Petersburg. 1813.
Tschyzevskij 1927	*Tschyzevskij, D.* Tjutschev und die deutsche Romantik / «Zeitschrift für slavische Philologie» Nr. 4 (1927). S. 299-323.
Tschyzevskij 1933	*Tschyzevskij, D.* Literarische Lesefrüchte. Teil 2.7. Tjutschev und Justinus Kerner. Teil 2.8. Tjutschev und Lenau / «Zeitschrift für slavische Philologie» Nr. 10 (1933). S. 380-387.
Tschyzevskij 1937	*Tschyzevskij, D.* Zu einem Gedicht Tjutschews / In: «Zeitschrift für slawische Phililogie», Nr. 14 (1937). S. 325 -331.
Toussain du Wast	*Toussain du Wast, Nicole.* Rachel. Amour et tragédie / Paris. 1980. 316 P. Перев. с фр. М. Жердиновской.
TP	«Theater-Publikum» / München. 1833. S. 23.
Vitale	*Vitale, Serena.* Il bottone di Puskin / Milano. 1995. Перевод с итал. М. Жердиновской.
Walthard	*Walthard, S. R.* Note sur le baron de Krudener / «Neujahrsblatt der literarischen Gesellschaft Bern auf das Jahr 1913». Bern. 1912. Op. 35-37.
Windisch	*Windisch, Sophie.* Zu Tjutschews „Rotenberg“ / «Zeitschrift für slavische Phililogie» Nr. 16 (1939). S. 121-122.

В книзі розповідається про самі активні роки життя Ф. І. Тютчева за кордоном, 20 років з яких він провів в Мюнхені.

Літературно-художнє видання

Аркадій Полонський

"ТУТ ТЮТЧЕВ ЖИВ..."
РОСІЙСЬКИЙ ПОЕТ В МЮНХЕНІ

Редактори: *А. Полонський, В. Шлапак*
Технічний редактор *Шлапак К.*
Коректура автора

Видавництво Київського
молодіжного центру "Поезія"
01033, Київ, а/с 71, тел. 220-58-60
свідоцтво Серія ДК № 119 від 12.07.2000

Підп. до друку 20.01.2003. Формат 84×108 1/32.
Папір офс. Гарнітура шрифту Таймс
Спосіб друку офсетний. Умовн. друк. арк. 18,48
Умовн. фарбо-відб.18,48. Обл.-вид. арк. 17,59.
Тираж 1000. Зам. № 3-145.

ЗАТ "ВІПОЛ", ДК № 15
03151, м. Київ, вул. Волинська, 60